

ТАЙНЫ

Бек V

Т. Б. Костейн
ГУННЫ

ИСТОРИИ

в романах, повестях и документах

ТАЙНЫ ИСТОРИИ

Век V

Т. Б. Костейн
ГУННЫ

МОСКВА
«ТЕРРА» — «TERRA»
1997

УДК 82/89
ББК 84 (7 Кан)
К72

Перевод В. ВЕБЕРА

Художник И. МАРЕВ

Костейн Т. Б.

К72 Гунны / Пер. с англ. В. Вебера. — М.: ТЕРРА, 1997. — 304 с. — (Тайны истории в романах, повестях и документах).

ISBN 5-300-00878-8

Книга Т. Б. Костейна посвящена эпохе наивысшего могущества гуннского союза, достигнутого в правление Аттилы, вождя гуннов в 434–453 гг. Кроважадный и величественный Аттила, прекрасная принцесса Гонория, дальновидный и смелый диктатор Рима Аэций... — судьба и жизнь этих исторических личностей и одновременно героев книги с первых же страниц захватывает читателя.

УДК 82/89
ББК 84 (7 Кан)

ISBN 5-300-00878-8

© Издательский центр «ТЕРРА», 1997

КНИГА ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

1

Из всех мириад зорь, что вставали над темным Вальдом, эта была наипрекраснейшей, ибо никогда ранее природа не являла себя в такой красе. Три всадника наблюдали за восходом солнца с вершины холма. Мацио из рода Роймарков, в свое время едва ли не самый симпатичный мужчина на плоскогорье, и две его дочери, обе ослепительные красавицы. В рассеивающемся утреннем тумане трава отливала синевой. А в заросших лесом холмах пытливый глаз уловил бы самые разные цвета и оттенки: серый, муаровый, лиловый и даже красный. И тишина, тишина, от которой звенело в ушах.

Трое всадников, однако, словно и не замечали окружающей их красоты. Застыв на лошадях, они всматривались в уходящую к востоку степь.

— Я их слышу, — воскликнула Лаудио, старшая из дочерей, с изящной фигуркой, черноволосая, очень подвижная, глазами так похожая на отца.

Издалека донесся топот копыт. Мацио кивнул, нервно пробежался пальцами по начавшей сесть бороде.

— Как только Рорик минует ту рошу, он пустит Хартагера во весь опор. Вот тогда мы и увидим, на что он способен.

— Я их вижу! — Ильдико, младшая дочь, вскинула руку. На плоскогорье жило темноволосое племя, но иной раз у них рождались дети с золотистыми, как солнце, волосами и синими, словно вода в озере Балатон, глазами. Такой была и Ильдико. Лаудио сияла в любой компании, но только не рядом с младшей сестрой. Золотоволосая Ильдико разом затмевала ее.

Мацио пристально вгляделся в даль, удовлетворенно вздохнул.

— Мы можем отбросить все сомнения. Посмотрите, как он скачет! Какая мощь, какая стать. Я готов заявить, что этим утром род Роймарка будет праздновать победу.

— Ах, Харти, мой милый Харти! — восторженно выдохнула Ильдико.

Вот тут-то им и помешали. Мацио не сводил глаз с двухлетнего Хартагера, но шестое чувство заставило его обернуться. К ним легким галопом направлялся еще один всадник. Глава семьи недовольно глянул на дочерей.

— Кто это шпионит за нами? — спросил он. — Я решил проверить Хартагера на заре, чтобы нас никто не увидел. Иначе нам не уберечь его от посторонних глаз. Я не хочу, чтобы кто-то еще знал, сколь быстр наш вороной.

— Может, дать сигнал Рорику остановиться? — предложила Ильдико.

— Теперь уже поздно что-либо делать.

Рорик уже мчался по степи со все возрастающей скоростью. Хартагер, черный жеребец, буквально летел над травой. Мацио смотрел на странный прибор, который он держал на ладони, прообраз песочных часов. Он присвистнул.

— В такое невозможно поверить.

— Это Ранно Финнинальдер, — заметила Лаудио, продолжавшая наблюдать за приближающимся к ним всадником. — Я уже подумала, что это он, а теперь узнала перо на его шапочке.

— Молодой Ранно! — воскликнул Мацио. — Я бы разделил наш секрет с кем угодно, но только не с молодым Ранно. Что принесло его сюда в такую рань? Как он узнал, что этим утром мы решили посмотреть, на что способен наш жеребец? — щеки Мацио полыхнули сердитым румянцем. — Кто-то сболтнул лишнее.

— Если ты думаешь, что это я, то ты неправ, — вскинулась Лаудио. — Но я не понимаю, почему его появление так расстроило тебя. Он не причинит нам вреда.

— Ты в этом уверена? Под удар поставлена не только наша победа на скачках. Разве ты не понимаешь, что мы живем под пятой человека, который забирает себе все лучшее? Стоит Аттиле пронюхать, сколь быстр наш Хартагер, не видать нам вороного, как своих ушей.

— Ранно парень честный! — негодуяше воскликнула Лаудио.

— Когда дело касается лошадей, о чести лучше не упоминать. Я это знаю по собственному горькому опыту, — Мацио подозрительно посмотрел на свою черноволосую дочь. — Ты и впрямь не приглашала его?

— Почему у тебя всегда виновата я? — возмутилась Лаудио. — Я тут совершенно ни при чем. Но я рада, что он пришел. По-соседски заглянул в гости. Ничего более.

Синим сапожком она ткнула своего жеребца в бок и двинулась навстречу гостю. Без седла, Лаудио держалась на лошади легко и свободно. Гордые жители плоскогорья почитали использование упряжи за дурной тон, и все пятеро, Мацио и две его очаровательные дочери, его сын на Хартагере и их гость с юга, обходились без оной.

Топот копыт уже отражался от холмов гулким эхом. Мацио вновь посмотрел на прибор, что держал на ладони.

— В это невозможно поверить. Чудо какое-то, — через плечо он покосился на незваного гостя. — Как же он некстати. Уж он-то своего не упустит. Финнинальдеры, они все такие. Ты полагаешь, Ильдико, он заглянул к нам просто так, по-соседски? В столь ран-

ний час? Попомнишь мои слова, молодой Ранно где-то что-то прослышал.

— Следовало ли тебе высказывать свои подозрения в присутствии Лаудио? — младшую дочь огорчило появление Ранно. — Боюсь, ты ее обидел.

— Я сам так расстроился.

Хартагер заканчивал дистанцию, так что Мацио уже не отрывал глаз от прибора. — Еще сотня ярдов¹ и все станет ясно! — прохрипел он.

— Думаешь, будет новый рекорд? — заволновалась младшая дочь.

— Пока не знаю. Но думаю, что да. Да, да! Теперь я в этом уверен. Он побьет рекорд.

Ильдико захлопала в ладоши.

— Хартагер Третий!

— Да, — кивнул ее отец. — Хартагер Третий.

Пользуясь только коленями, Рорик заставил жеребца сбросить скорость, поднялся на холм и застыл перед ними. Кивнул младшей сестре, широко улыбнулся.

— Как вам это понравилось? — лицом, черными волосами, фигурой Рорик был в отца, а вот роста природа ему отпустила побольше. — Разве я не предсказывал, что этой весной мы выиграем все скачки? — на лице его отразилась озабоченность. — Так что? Какое он показал время, отец? Хорошее?

Мацио перегнулся через холку лошади и похлопал сына по плечу.

— Да, мой мальчик. Не просто хорошее. Выдающееся.

Рорик радостно улыбнулся.

— Я так и думал. Но полной уверенности у меня не было.

— Я начал отсчет, когда ты появился из-за той рощи. Сомнений быть не может. Он превзошел старый рекорд. Я считал очень тщательно, дабы не обмануться самому.

— Я знал, что ему это по силам. Несмотря на то, что говорит Бринно. Управлять им совсем не трудно, отец.

— Разумеется, нет! — воскликнула Ильдико. — Он ласков, как барашек.

Мацио коротко глянул на свою золотоволосую дочь.

— Ты посмела послушаться меня?

Ильдико покачала головой.

— Нет, отец. Но искушение было велико. Ты несправедлив ко мне. Не разрешаешь мне ездить на нем только потому, что я девушка. А он меня любит. Я знаю, что он любит меня больше других. Стоит ему увидеть меня, как он вырывается из табуна и скачет ко мне. Потому-то я и знаю, какой он смирный.

¹ Естественно, во времена гуннов были иные меры измерения длины. Но читателям предложен роман, а не историческая хроника. Поэтому автор счел возможным использовать английские единицы измерений.

Ее отец сердито фыркнул.

— Ты никогда не узнаешь, каково скакать на нем, потому что такой возможности тебе не представится. А если ты посмеешь ослушаться меня, я посажу тебя под замок, — голос его смягчился. — Ильдико, любимая дочь моя, разве ты не понимаешь, сколь это опасно?

Лаудио и их гость вместе поднялись на вершину холма. Ранно Финнинальдер перебросил длинную мускулистую ногу через холку лошади и спрыгнул на землю. К такому раннему визиту он подготовился более чем серьезно: высокое перо в шапочке, густо-зеленая туника, желтые штаны, пояс из тяжелых золотых монет, сапоги из прямоугольников зеленой кожи, с вытесненным на каждом деревом и вороном, родовым гербом Финнинальдеров. Рорик, недолюбливавший молодого соседа, подумал про себя: «Уж больно он похож на жениха. За какой же из моих сестер он решил приударить?»

— Прими мое глубочайшее почтение, Мацио из Роймарков, — Ранно поклонился главе семьи. Затем повернулся к младшей дочери. — И ты тоже, Ильдико. С каждым днем ты становишься все прекраснее.

— Мы рады твоему приезду, — ответил Мацио. — Но что привело тебя в столь ранний час?

— Не хотелось спать. Прошлым вечером к нам прибыли гости. Издалека, с востока. Мы проговорили полночи. Насчет того, чего нам теперь ждать, ибо некий могущественный правитель вновь вонзил свой меч в землю. Я вскочил на лошадь и поехал к вам, предчувствуя, что вам будет небезынтересно узнать услышанное мною, — Ранно улыбнулся. — Я выбрал очень удачное время для приезда. Того, что я увидел сегодня, мне, возможно, более не удастся лицезреть до конца своих дней.

Черный жеребец начал выказывать нетерпение. Он не понимал, почему его заставляют стоять на месте. Мацио наклонился вперед и положил руку на еще влажную холку жеребца. Посмотрел на гостя.

— Он тебе понравился?

— Я думал, мне есть на что надеяться этой весной, — ответил Ранно. — Но увидев, как бежит ваш жеребец, понял, что моему рядом с ним делать нечего. Вы засекли его время?

Мацио кивнул. Легким движением колена развернул своего коня так, чтобы он встал мордой к востоку. Вскинул руку.

— Слушайте меня, все вы, — глаза Мацио ярко блеснули. — Ты, Рорик, мой сын. И вы, обе мои дочери. И ты, Ранно из Финнинальдеров, сын моего давнего друга, который оказался свидетелем этого великого события. Вы можете подумать, что я преувеличиваю происшедшее этим утром у вас на глазах. Но я хочу поделиться с вами своими мыслями. Известно, что история нашего народа сохраняется в сказаниях, что передаются из поколения в поколение. Вот почему у нас так мало точных сведений о нашем далеком прошлом. Мы знаем, что пришли с востока, что одно время жили у Снежных гор, что двигались по степи все даль-

ше и дальше на запад. Мы всегда славилась прекрасными лошадьми. Даже в те годы, когда Снежные горы находились на расстоянии вытянутой руки. Мы всегда стремились улучшать породу наших лошадей. Когда нас заставили покинуть земли наших предков, причина тому давно забыта, мы по-прежнему занимались нашими лошадьми. На всем долгом пути с востока на запад. Выращивание лошадей пошло особенно хорошо, когда мы пришли в Сарматию, а затем осели в Иллирикуме. И живем многие сотни лет на этом плодородном плоскогорье. Нас мало, и мы не могли противостоять могуществу Рима. Сегодня мы часть империи Аттилы. Но, несмотря на наши политические неудачи, мы не сдаем наших позиций в выращивании лошадей.

Мацио оглядел своих слушателей.

— Этим утром мы наконец-то достигли того, к чему стремились с незапамятных времен. Покорена цель наших предков, которую они ставили перед собой, только двинувшись на запад. Хартагер — самая быстрая лошадь, какую доводилось видеть миру.

Выдержав паузу, Мацио повернулся к Ранно.

— Нам выпала честь вырастить его, и мы этим гордимся. Но принадлежит он не нам, а всему нашему народу. И это означает, юный Ранно, что увиденное следует сохранить в тайне. Мы же не хотим, чтобы его забрали у нас. А этого не миновать, если пойдут разговоры о сегодняшнем результате Хартагера.

Ранно Финнинальдер поклонился.

— Можете положиться на меня. Я никому ничего не скажу.

2

Последующее происходило в полном соответствии с обычаями рода Роймарков, которые сформировались за долгие годы, а то и столетия. Ильдико, младшая по возрасту, возглавила процессию. Ее волосы победно сверкали на утреннем солнце. Ее отец спешил и гордо шел рядом с черным жеребцом

— Не подходите! — крикнула Ильдико слугам и полевым рабочим, сбежавшимся к ним на подходе к конюшне. — Никто не должен войти в конюшню, кроме Джасто, который согреть воду.

— Означает ли это, что у нас новый король? — с дрожью в голосе спросил седовласый надсмотрщик.

Ильдико, сияя, кивнула.

— Да, Бринно, — голос ее звенел от волнения. — Действительно, новый король! Великий король, император! Такого быстрого, как он, у нас еще не было. Мой отец говорит, что быстрее его никогда не бегала ни одна лошадь на свете. Пусть Джасто поторопится.

Когда они прибыли к конюшне, Джасто уже бросил раскаленные докрасна камни в корыто с водой, и они громко шипели, посылая к потолку клубы дыма. Не зная семейных традиций, Ранно

вошел в конюшню вместе с Роймарками, но Ильдико бесцеремонно вытолкала его обратно.

— Извини, но внутри могут быть только Роймарки. Финнинальдеры остаются за воротами. Никому более не дозволено прикасаться к лошади или наблюдать, что с ней делают.

Рорик и обе его сестры опустили куски мягкой ткани (ничего грубого не могло касаться тела нового короля) в теплую воду и начали обтирать жеребца. Работая, они напевали, а глава семьи декламировал в такт с мелодией. Он вел рассказ не о великих деяниях рода Роймарков, но вспоминал знаменитых лошадей, которых они взрастили. Он говорил о могучем вороном, на котором ездил император Китая (пока, испугавшись, не свалился с него), о скакуне, который пронес своего всадника через всю Сарматия в три дня, о Хартагере Первом и его безумной скачке в Виндобану (потом на этом месте возник знаменитый город Вена) с сообщением о появлении римских легионов, после которой он упал замертво. Когда же Мацио произносил заключительную фразу, у него повлажнели глаза: «Кости тех королей превратились в прах, но сегодня им на смену пришел новый король».

Блестящую шерсть нового короля вытерли насухо, тайком Ильдико сунула жеребцу кусочек сахара, потом ему дали самую малость воды. И поставили перед ним кормушку с овсом. Хартагер начал есть, чуть подрагивая ноздрями.

Глава семьи тем временем полез в сундук, такой древний, будто сработали его во времена проживания племени у Снежных гор. Достал из сундука украшенную драгоценностями «корону» и два старинных гребня. Пока он занимался головой жеребца, дочери расчесывали гриву и вплетали в нее шелковые ленточки.

Закончив подготовку к коронованию, Мацио подошел к воротам и широко распахнул их.

— Вы можете войти, — объявил он толпящимся у ворот слугам.

Ранно последовал за ними. Подмигнул Ильдико, спросив: «Дозволено ли войти и бедному Финнинальдеру?»

Мацио тем временем ушел в дальний, темный конец конюшни. Снял со стены, на которой хранились трофеи давних времен, серебряную цепь, переливавшуюся опалами, бирюзой, сердоликами, агатами, с подвешенной на ней серебряной же фигуркой роймаркской лошади с рубиновыми глазами.

Хартагер, похоже, чувствовал, что должно произойти. Он перестал есть и высоко поднял голову. Мацио подошел к нему и надел цепь на шею.

— Хартагер Третий, — торжественно возвестил он, словно епископ, представляющий подданным нового короля в кафедральном соборе. — Будь достоин цепи Роймарков, которую с честью носили многие твои предшественники. Мы верим, что ты останешься в памяти людей, возможно, навечно.

Затем он отступил на шаг, прислушался. Члены семьи последовали его примеру, повернувшись к воротам, через которые видне-

лась часть огороженного луга, где пасся табун. Пауза не затянулась. На лугу торжествующе заржала лошадь. К ней присоединилась вторая, третья, весь табун.

Сомнение, появившееся было на лице Мацио, исчезло без следа. Он взмахнул рукой.

— Они знают! — воскликнул он. — Они знают, что мы тут делаем. И одобряют нас.

Лаудио всего лишь улыбалась, а вот Ильдико дала волю чувствам. Она несколько не стыдилась слез, покотившихся по ее щекам, когда черный монарх топнул копытом к заржал, отвечая табуну на лугу. Она взяла брата под руку, прислонилась золотистой головкой к его плечу.

— Посмотри на него, Рорик! — прошептала она. — Как высоко он держит голову. Какой гордый у него взгляд. Он знает, что он король!

Когда восторги поутихли, Ранно подошел к Ильдико, всмотрелся в ее лицо.

— Так это правда? Ты действительно плакала. Похоже, ты воспринимаешь все это на полном серьезе.

— Естественно, — сердито ответила девушка. — Для нас это самое важное событие в мире. И позволь мне сказать тебе, Ранно, что это утро навсегда останется со мной, как один из величайших моментов моей жизни.

Гость покачал головой.

— Ты можешь видеть во мне друга? Верного друга, который будет честен с тобой? Боюсь, что это наигранно, моя очаровательная Ильдико. Взять хотя бы ржание табуна. Неужели ты действительно веришь, что лошади таким образом чествовали своего короля? Латобий и Лабурас, будьте благосклонны ко мне, как и все остальные боги!

Ильдико ответила яростным взглядом, и Ранно даже испугался, а не набросится ли она на него с кулаками. Непроизвольно отступил на шаг.

— Разумеется, верю! — воскликнула Ильдико. — Теперь я буду честна с тобой. Знаешь, почему вам не удастся выращивать таких хороших лошадей, как наши? Вы не любите и не понимаете их. Вы не верите, что у них есть души, что они могут общаться друг с другом без помощи слов, на расстоянии. А это так. Мы в это верим, все мы, мы знаем, что это правда.

Однако страстность ее монолога не убедила Ранно. На его губах продолжала играть скептическая улыбка.

— Пусть будет по-твоему. Ваши лошади действительно лучше моих. Но я видел, как ваш надсмотрщик выскользнул из конюшни до начала этой трогательной церемонии. Разумеется, я не буду утверждать, что он прямым ходом направился на пастбище, чтобы поспеть туда в нужный момент. Я хочу сказать, проследить за тем, чтобы лошади заржали аккуратно после коронации.

— Это неправда! — воскликнула Ильдико. — Я ненавижу тебя, Ранно Финнинальдер, за эти слова!

Тут он сразу стал серьезным.

— Нет, нет, вот этого не надо, Ильдико. Я готов встать на колени и просить у тебя прощения. Я соглашусь со всем, что ты скажешь. Но ненавидеть меня ни к чему. Этого я не перенесу.

Мацио, его сын, дочери, слуги потянулись к воротам. Ильдико все время чувствовала на себе пристальный взгляд черных глаз Ранно. «Почему он не смотрит на Лаудио, — спрашивала она себя. — Он не должен так себя вести. Это ни к чему не приведет, разве что сделает нас всех несчастными».

3

На кухне, занимавшей вместе с обеденным залом большую часть низкого, с черепичной крышей дома Роймарков, наступил кризис. В кладовой остался один копченый окорок, бочки с соленой рыбой опустели, подошли к концу овощи, заложенные в ямы на зимнее хранение. Становилось все труднее кормить столько ртов блюдами из молотого зерна и яиц, да и последних от старых несущек собирали все меньше и меньше.

Ильдико как раз решала, что можно сделать со свежей рыбой, выловленной из протекающей рядом реки, когда ее позвали к отцу. После смерти жены Мацио на хозяйство вроде бы должна была встать их старшая дочь. Но мечтательной Лаудио недоставало практической, так что все хлопоты по дому легли на хрупкие плечи очаровательной Ильдико.

— Где твой господин, Натиль? — спросила она, отбросила волосы назад и перевязала их красной лентой.

— В своей комнате, госпожа Ильдико.

Оставшуюся от кухни и обеденного зала часть дома занимали комнаты-клетушки, где проводили ночь члены семьи, слуги, гости. Маленькие, темные, душные, всю обстановку которых составляли набитый соломой матрац да пуховая (только у женщин) подушка. Исключение составляла лишь комната главы семьи, где нашлось место стулу, кровати и маленькому гобелену на стене. Мацио лежал на кровати, когда Ильдико явилась по его зову.

— Присядь, Ильдико, — он указал на стул. — Нам есть о чем поговорить. Я только что проводил этого молодого человека. Он попросил меня извиниться перед тобой и Лаудио за то, что лично не попрощался с вами, но у него впереди очень напряженный день.

— Он, похоже, практичен до мозга костей, — прокомментировала Ильдико.

— Несомненно. К этому я еще вернусь, — Мацио насупился. — Я переговорил с ним после завтрака. Новости очень серьезные. Аттила велел начать войну. Судя по всему, против Рима. Он собирает величайшую армию, какую когда-либо видели в мире, и потребует от нас, жителей плоскогорья, людей и деньги.

У Ильдико защемило сердце.

— Рорику придется идти?

Мацио печально кивнул.

— Боюсь, что ему предстоит командовать людьми, которых мы пошлем. Скорее всего, двумя десятками всадников. Рано или поздно он должен принять боевое крещение, но мое сердце обливается кровью при мысли о том, что воевать ему придется за Аттилу. Некоторые люди говорят, что Рим обречен и на этот раз падет наверняка. Возможно, они правы. Но почему величие мира должно погибнуть от руки Гунна?

Пауза затягивалась, и Ильдико тяжело вздохнула.

— От нас потребуют и лошадей? — а после кивка отца быстро добавила: — Но они не возьмут Хартагера!

Потеря нового короля, похоже, печалила Мацио не меньше, чем уход сына на войну. Мацио пожал плечами.

— Откуда нам знать? Они потребуют от нас все, что бегают на четырех ногах. Да, они могут взять и Хартагера.

— Разве они не понимают, что за этим жеребцом стоят столетия тщательного отбора и улучшения породы?

— Я сомневаюсь, что эти слова что-то да значат для Аттилы. Скорее всего он скажет: «Для хорошей лошади нет лучшей судьбы, чем мчать в бой одного из моих воинов». Боюсь, дочь моя, мы должны смириться с потерей нашего нового короля. Его правление окажется очень коротким.

— Мой бедный Рорик! — из глаз Ильдико потекли слезы. — Мой бедный Хартагер!

На этом неожиданности для Ильдико не кончились.

— Я не уверен, что для тебя это будет полным сюрпризом, маленькая моя, — продолжал Мацио. — Ты очень наблюдательна и, полагаю, умна. Мой разговор с Ранно не ограничился обсуждением планов Аттилы. Он попросил у меня твоей руки.

— Нет, нет! — воскликнула Ильдико. Отец не ошибся, она ожидала нечто подобного, но это известие не обрадовало, а огорчило ее. — Он должен жениться на Лаудио, а не на мне. Все же ждали, что он попросит руки Лаудио.

— Это правда, — согласился Мацио. — Я несколько раз говорил на эту тему со старым Ранно до его смерти, и речь всегда шла о Лаудио. Она — наша первая дочь, а тебя, совсем маленькую, не брали в расчет. Но, похоже, молодой Ранно думает иначе. Он хочет взять в жены тебя. И сегодня утром ясно дал мне это понять.

— Я не выйду за него замуж, отец! — отрезала Ильдико. — Его надо привести в чувство. Сказать раз и навсегда, что жениться он может только на Лаудио, как ты и договаривался с его отцом.

Мацио удивила столь бурная реакция.

— Но, дитя мое, я не могу указывать этому молодому человеку, кого он должен брать в жены. Парень он решительный, и знает, чего хочет. А почему тебе не по душе такой муж?

— Мне он не нравится! — глаза Ильдико, обычно такие нежные, женственные, светились решительностью, которая сделала бы честь ее жениху. — Мне он никогда не нравился. Я думаю... отец, я его ненавижу!

Мацио не знал, что и сказать. Он поглаживал бороду, вглядываясь в лицо дочери.

— Но с чего такая нелюбовь? Внешностью его природа не обидела. И своими землями он управляет не хуже отца. Он честлюбив, способен.

— И что еще может требовать девушка? — Ильдико горько рассмеялась. Ее глаза превратились в две голубые льдинки. — Разве ты не знаешь, отец, что его никто не любит? Рорик рос вместе с ним и всегда ненавидел его. Сын Ильдербурфов, мальчик, которого увезли и продали, как раба...

— И который сбежал и теперь служит Аттиле, — добавил Мацио.

— Он был добрым, Николан из рода Ильдербурфов. Мне он очень нравился. Говорят, он стал отличным воином. Он ровесник Рорику и Ранно. С Ровиком он дружил, а вот с Ранно они оба не ладили. Слуги Ранно его боятся. Остерегайся Ранно, отец. Если наступит время, когда мы вновь станем свободными, Ранно Финни-нальдер попытается занять твоё место и стать во главе нашего народа.

— Но уж это чистейшая выдумка. Откуда ты знаешь, какие идеи вынашивает этот юноша?

— Посмотри на него. Понаблюдай за ним. Замыслы Ранно легко читаются по его расчетливым глазам, — Ильдико глубоко вдохнула, переводя дух. — Когда этот ужасный губернатор, поставленный над нами Гунном... — она вновь запнулась, и ее отец назвал фамилию.

— Ванний?

— Да, Ванний. Когда он захватил земли Ильдербурфов и убил их владельца, старый Ранно заключил с ним договор и эти земли отошли к нему. Я знаю, ты никогда об этом не говорил, но об этой сделке известно всем и каждому. Все полагают, что это был нечестный поступок, и старого Ранно презирали за то, что он воспользовался чужой бедой. Молодой Ранно не ударил пальцем о палец, чтобы восстановить справедливость. Он оставил за собой земли Ильдербурфов, — Ильдико встала, в какой уж раз сверкнули ее глаза. — Ты думаешь, что я выйду замуж за человека, который не отдает чужие земли?

Поднялся и Мацио.

— Не забывай подобными мыслями свою очаровательную головку, Ильдико, — он все еще воспринимал свою младшую дочь ребенком, а не полноправным членом семьи. — Я не знал, что ты настроена столь агрессивно. Признаюсь, ты меня удивила. И Лаудио испытывает те же чувства?

Лицо Ильдико затуманилось. Она качнула головой.

— Нет, отец. К моему сожалению, Лаудио его любит.

Мацио разбудил громкий стук в ворота палисада, окружавшего поместье. Он сел и прислушался. В доме стояла тишина, но это не означало, что все спят. Он не сомневался, что многие слуги услышали стук и в ужасе забились под одеяла.

Глава семьи, который был бы королем маленького народа, населявшего плато, будь предыдущие поколения достаточно сильными, чтобы сохранить независимость, боялся темноты ничуть не меньше своих домохозяев. Убежденный христианин, он верил, как, собственно, и многие священники, включая великого епископа Рима, которого звали Папой, что ночь принадлежит дьяволу. Когда Бастато, домоправитель, закрывал вечером двери и окна и запирали их на засов, Мацио, точно так же как последний слуга или конюх, чувствовал, что оставшиеся снаружи двор, луга, поля переходят под власть сил зла. И когда дребезжали ставни, он говорил себе, что причиной тому не ветер, а желание Хвостатого, Рогатого, Огнедышащего проникнуть в дом.

Но настойчивый стук продолжался, и Мацио догадался, что это не дьявол, случайно ткнувшийся к ним, прежде чем унести с ветром на поиски более беспечной жертвы, а человек, застигнутый темнотой вне дома.

Мацио поднялся с кровати.

— Надо раздобыться, что там такое, — пробормотал он.

Нашупал в темноте толстый халат, отороченный мехом медведя, накинул его на плечи. Выйдя из комнаты, взял лук и забарабанил им по металлическому щиту, висящему на стене. Удары гулко разнеслись по затихшему дому.

— Поднимайтесь! — сердито крикнул Мацио. — У ворот путник, который хочет войти.

Первым на его зов появился дрожащий от страха Бастато.

— Я уверен, господин, что человеческая рука не может так громко стучать. Это дьявол, требующий впустить его.

— Ворота я открою сам, — Мацио оглядел сбившихся в кучку слуг. Лица их блестели от пота, волосы стояли дыбом. — Но вы все пойдете со мной.

— Кто там? — спросил Мацио, подойдя к воротам.

— Это не дьявол, Мацио Роймарк, — в голосе, донесшемся снаружи, не слышалось нетерпения, вызванного долгим ожиданием.

— А, это ты, отец Симон, — Мацио взялся за поперечный брус, поджигающий ворота. — Что привело тебя к нашей двери в такой поздний час? Что-нибудь случилось?

— Всегда что-то да случается, сын мой. Но в данном случае меня привели сюда чисто эгоистические мотивы.

Ворота распахнулись, и полуночный гость быстро прошмыгнул во двор, свидетельствуя тем самым, что мечтает, поужинав, провести остаток ночи в более комфортабельных условиях. Факел, который Мацио взял, проходя через обеденный зал, не мог разо-

гнать крошечную тьму (небо заволокли тяжелые облака). Лицо гостя пряталось в темноте, из которой свет выхватывал лишь очертания его широкой сутаны. Росточка он был небольшого, опирался на посох, на плече висела бутылка с водой.

— Я добирался до вас пешком, — пояснил священник. — Подумал, что так будет безопаснее.

Мацио провел его в дом. Слуги уже рассыпались по своим клетушкам, дабы не урывать от сна лишнюю минуту. Бастато споро закрыл ворота и заложил их брусом. Его торопил страх перед дьяволом, владыкой ночи.

— Ты здесь из-за Стеклия, — предположил Мацио, когда он и его гость уселись в уголке обеденного зала, где их не могли подслушать.

Священник кивнул.

— Да, из-за него. Он полагает, что сможет вновь завоевать расположение Аттилы, искоренив христианство в здешних краях.

— До нас доходили такие слухи. Он хоть представляет себе, сколько христиан живет на плоскогорье? Ты славно потрудился, отец Симон, неся людям слово Христово.

— Едва ли у него есть полный список. Но полной уверенности у нас нет. Вот я и пришел, чтобы предупредить вас. Возможно, первый удар обрушится на тебя и твоих домочадцев, — священник тяжело вздохнул. — Стеклий просил передать, что я должен убраться отсюда или пенять мне придется только на себя. Так вот, дорогой мой друг, я не собираюсь покидать плоскогорье, народ которого полюбил всей душой. Я получал такие приказы и раньше, но не подчинялся им. На этот раз я должен на какое-то время уйти от мира.

— Я рад, что ты счел возможным прийти в мой дом, отец Симон, — заверил его Мацио. — Оставайся здесь, и мы вместе посмеемся над Стеклием, этим уродливейшим из карликов, тупоголовым гунном.

— В своем послании достопочтенный Стеклий намекал на то, что мне следовало бы отправиться в родные края и перестать будоражить подданных великого Аттилы. Но я покинул остров Британия двадцать лет тому назад, так что все мои друзья и родственники умерли или разбредлись по свету. Пусть это и покажется странным, но на благословенном острове, откуда я родом, мы не можем спать по ночам, не думая о тех несправедливостях, что вершатся здесь, на земле Аламанни, и на севере, где живут норвежцы. Как легко видеть зло в других людях, и как сложно обнаружить его в себе. Вернись я домой, я бы не смог лишь помогать спасать души своим единоплеменникам, хотя заблудших, уверяю вас, предостаточно и в моем отечестве, и скоро меня обуяло бы желание нести слово Божье в далекие страны. Я бы все равно вернулся, а потому нет мне никакого резона уезжать. Нет, я прожил здесь очень долго и должен остаться, даже если Стеклий терпеть меня не может.

Появилась Ильдиико, со спутанными волосами, с лампой в руке.

— Мне сказали, что пришел отец Симон. Я хочу поздороваться с ним, не дожидаясь утра.

Священник поднялся.

— Рад видеть тебя, дочь моя. Давненько я не заглядывал сюда, и в мое отсутствие маленькая желтая птичка успела вырасти.

Мацио повернулся к дочери.

— Наш добрый друг приехал, чтобы пожить у нас. Мы рады предложить ему крышу и стол, но должны предупредить, что о благополучии наших лошадей мы заботимся больше, чем об удобствах для гостей.

— Я проведу у вас лишь несколько дней, — твердо заявил священник. — А потом удалюсь в убежище, где в давние годы провел много времени.

— В ту пещеру на холме Бельдена?

В свете лампы они видели, сколь усталым выглядит священник. Он кивнул. Голова его, как того требовали церковные каноны, была выбрита спереди.

— Да. Она сокрыта от посторонних глаз, и там я буду в безопасности. Неужели вы думаете, что я могу навлечь гнев аттил и стеклиев на моих верных друзей? Нет, благодарю за предложение, но остаться у вас надолго я не смогу. А пока буду счастлив провести какое-то время в той маленькой комнатке за очагом, о которой не знает никто, кроме вас.

— И домашних слуг, — уточнила Ильдико.

— Уж их-то бояться нечего, отец Симон, — заверил священника Мацио. — В нашем тайнике ты будешь в полной безопасности. Совсем как в пещере Бельдена.

— И здесь всегда будет еда, — добавила Ильдико. — Я распоряжусь, чтобы тебя накормили прямо сейчас.

Мацио провел отца Симона в свою комнату. Нашупал на панели нужное место, нажал. Со скрипом и скрежетом часть стены отошла в сторону, открыв крохотный чулан, в котором едва хватало места для соломенного матраца и узкого стола, где стоял кувшин и нехитрая столовая утварь. Располагался чулан между комнатой Мацио и очагом обеденного зала, так что в нем всегда было тепло.

Священник поставил свечу, которую дал ему Мацио, на стол и умиротворенно огляделся.

— В четвертый раз я гощу в этом тайнике. Я думаю, что, кроме меня, здесь никто никогда не прятался.

— Дети, когда были маленькими, забирались сюда, — заметил Мацио.

Ильдико принесла тарелку с едой. Священник благодарно улыбнулся.

— Когда я начинаю думать, что могу перебороть слабость плоти, мой желудок берет меня в оборот и быстро доказывает, какой я глупец. Признаюсь, дочь моя, я очень голоден. За весь день я съел только кусочек сыра да выпил глоток козьего молока, — он оглядел Ильдико с ног до головы, вздохнул. — Ох уж это время. Превращает девочек в ослепительных женщин и уносит от тех, кто их любит. Мой верный друг, недолго пробудет с тобой эта дочь солнца.

— Очень недолго, святой отец, — ответил Мацио. — Сегодня утром мне напомнили об этом, и я еще не отошел от такого удара, — он повернулся к дочери. — Отец Симон пришел издалека и очень устал. Мы пойдем, а он пусть ужинает и отдыхает.

Следующим вечером, когда солнце скатилось за горизонт, Бастато с двумя помощниками начал запирать все окна и двери. Закончив с этим, зажег факелы в железных кронштейнах на стенах и поставил на стол в обеденном зале горящие свечи. Отодвинул скамью и сел. Помощники заняли места по обе стороны от него.

И тут же в обеденный зал потянулись слуги. Человека, незнакомого с обычаями плоскогорья, удивило бы их число. Тут были повара и поварята, горничные, виночерпии и разносчики вина, дровосеки и трубочисты, объездчики, конюхи, полевые рабочие и даже золотари, которые, правда, сидели в некотором отдалении от остальных. Их принадлежность к дому Роймарков определялась синим кантом шейного выреза туники и вышитой на правом рукаве лошадьё Роймарков. Их было так много, что никто на работе не перетруждался: трое выполняли посильное одному. Чувствовалось, что пышущие здоровьем мужчины и грудастые женщины едят от пуза и всем довольны.

К приходу Мацио и его детей все слуги уже сидели за столом. Они не поднялись, никоим образом не поприветствовали своего господина. Пустовала лишь скамья посередине стола, на которую и сел Мацио, с Рориком по одну руку и Лаудио по другую. Ильдико сменила розовый костюм для верховой езды на белое платье до пола, из-под которого виднелись лишь ее белые сандалии. Она примостилась рядом с седоволосым Бринно, и они тут же начали о чем-то шептаться. Продолжалось это до тех пор, пока глава семьи не наградил ее суровым взглядом.

В наступившей тишине Мацио оглядел стол.

— Все здесь?

Скоро выяснилось, что отсутствует лишь старик Бларки. Калека с детства, очень вспыльчивый, грубый, не лезущий за словом в карман, он исполнял роль шута да выполнял различные поручения по хозяйству. Готовил приманку для рыбаков, поддерживал огонь в очаге, а если за ужином ему ни разу не удавалось рассмешить народ, оставался мыть и вытирать все миски и кружки. Если такое случалось, он костерил на весь свет безмозглых дундуков, не понимающих хорошей шутки.

— Я оставил его снаружи. Часовым, — пояснил Бастато. И, обосновывая свой выбор, добавил: — Его голос всегда выпадает из общего хора.

— Тогда подайте сигнал, — распорядился Мацио.

Мужчина, сидевший ближе всех к очагу, постучал по стене. Заскрежетал механизм, открывающий потайную дверцу, и мгновением позже в обеденном зале появился отец Симон в развевающей-

ся сутане. Сидящие за столом встали и запели один из первых христианских гимнов, со временем забытый и замененный другими, пришедшими ему на смену.

Низенький священник, певший громче остальных, оглядел обеденный зал, и сердце его наполнилось счастьем.

«Как тверды они в вере! — подумал он. — Я поступил правильно, приехав сюда, хотя поначалу меня мучили сомнения. Мои усилия не пропали даром. Более они не поклоняются Вотану, отцу всего живого, и Тору, громовержцу. Они потеряли веру в Асгард, крепость, где живут боги Аламанни, и не боятся прихода Рагнарека, дня последней битвы богов и чудовищ. Они христиане и осчастливлены учением Господина нашего Иисуса Христа. Стеклый может изгнать меня с плоскогорья, но ему ничего не поделать с той верой и умиротворением души, что я вижу в каждой паре глаз».

ГЛАВА 2

1

Человек, Который Хотел Покорить Мир, был хмур и раздражен. Развалившись на скамье в комнате под обеденным залом дворца, где он обычно работал, Аттила сверлил взглядом Онегезия, своего первого министра и помощника.

— Так ты говоришь, последний из них, немецкий король, уже прибыл. Почему ты уверен, что он последний?

У него вошло в привычку неоднократно задавать один и тот же вопрос. Малейшая же разница в ответе неизменно вызывала приступ ярости. «Даже ты, — обычно вопил Аттила, — даже ты, единственный, кому я доверял, теперь пытаешься обмануть меня!» Помня об этом, Онегезий тщательно подбирал слова для ответа.

— Господин мой, все десять у меня в руках. Этого немца привезли утром в цепях. Наши люди обшарили всю империю в поисках признаков неповиновения. И ничего не нашли. Остальные правители готовы выполнить все выставленные тобой требования. По солдатам, лошадям, деньгам. Но будь уверен, король королей, наши люди не теряют бдительности. Они на чеку. Все слышат, все замечают. Если возникнет что-то непредвиденное, мы узнаем об этом первыми.

Они говорили о правителях государств, покоренных гуннами, сначала под предводительством Ругиласа, а затем великого, всемогущего Аттилы. Десять из них, вожди тевтонских племен, бароны сарматов, короли скифов, отказались содействовать Аттиле. Наказание последовало незамедлительно.

Большую часть года Божественной ярости (название, сразу понравившееся Аттиле) он провел за разработкой планов создания величайшей армии мира. Напряжение безостановочной работы ни-

как не сказалоcь на его могучем теле, но нервы стали сдавать. Вот и теперь его глаза яростно сверкнули из-под кустистых бровей.

— Они должны умереть! — взревел Атила. — Немедленно. В назидание другим.

— Но их не судили, о Великий.

— Мне ясно, что они виновны. Остальное не имеет значения.

Обычно Онегезий отличался благоразумием и ни в чем не перещил своему господину. Но на этот раз он не выдержал.

— О Владыка земли и небес, к чему столь поспешное и не слишком мудрое решение. Некоторые из них, как ты знаешь, правят могущественными государствами. Если их вину можно установить до того, как ты заберешь их жизни...

— Нет! — кулак Аттилы обрушился на столик, у которого он сидел. — некогда. Через шесть недель, максимум через два месяца, я должен выступить в поход. Полностью подготовив армию. А устраивать суд, думать о том, какое влияние окажет он на моральный дух людей... На это и уйдет все время. Моим подданным надо преподать урок, быстрый и ужасный. Правители государств, отказавшиеся выполнить мой приказ, должны заплатить за свою измену. Незамедлительно. Тогда другие будут повиноваться мне без долгих раздумий.

Атила поднялся, начал вышагивать взад-вперед. Его мощный торс визуально укорачивал и без того непропорционально короткие ноги. Круглая голова напоминала арбуз. Маленькие, глубоко посаженные глазки соседствовали с коротким, забавно вздернутым носом. Однако, едва ли кто посмел бы улыбнуться, взглянув на Аттилу. В нем не было ничего комичного, наоборот, он источал силу, жестокую и неуправляемую. При виде Аттилы люди охватывали ужас, так что им было не до смеха.

— Вот что я сделаю... — он говорил так, словно выступал перед толпой своих вассалов, а не одним-единственным чиновником. — Я превращу их казнь в зрелище. Слушай внимательно, Онегезий, чтобы потом в точности исполнить все мои приказы. Сегодня вечером все должны собраться на площади. Пусть там будет большой помост, для правителей, повинующихся мне, армейских командиров, придворных. Часть площади держи свободной. Установи там десять сидений и плаху перед каждым из них. Меня не будет. Я перестану быть одним из вас. Я стану высшей силой, карающей виноватых, — внезапно он вскинул руки вверх. — У меня слишком много проблем, вызванных их неповиновением. Я не могу терять время на лицемерие их смерти!

Он помолчал, продолжая прохаживаться по зале, переваливаясь с ноги на ногу, словно моряк, только ступивший на берег.

— В первый вечер, сегодня, умрут только двое. Пусть бросят жребий. Тем двоим предателям, на кого он выпадет, тут же должны отрубить головы. Завтра все в точности повторится, и умрут еще двое. Так будет продолжаться до тех пор, пока наказание не поне-

сут все. Онегезий, позаботься о том, чтобы это зрелище надолго осталось в памяти людей. Может, всех десятерых надо нарядить в рубища. Детали оставляю на тебя.

Более Онегезий спорить не решился.

— Твоя воля будет исполнена, о Великий.

2

Каждый полдень Аттила посещал двор королевских жен. Гунны не придерживались жестких правил Востока и не держали своих жен в гареме, недоступными для чужих глаз. Жены кривоногих воинов Аттилы могли выходить из дома, сплетничать, стоять в дверях и переругиваться с прохожими. Но эти нормы не касались королевских жен. У владыки гуннов было слишком много жен. Поскольку он не мог уделить свое внимание каждой, в их прелестных головках, дай им свободу, могли возникнуть мысли об измене. А потому их держали взаперти, в маленьких домиках, окруженных бревенчатой стеной высотой двенадцать футов, в городе посреди города. И те вольности, что могли позволить себе жены командиров, советников или лучников, были им абсолютно недоступны.

Обычно, отправляясь к дамам, Аттила надевал расшитую золотом синюю тунику, длиной до колен, и треугольную шляпу, украшенную рубином и орлиным пером. Но этот день выдался очень жаркий, и все утро великий завоеватель работал, обнаженный по пояс. Встав, Аттила, прищурившись, глянул на солнце.

— Времени у меня мало, да и зачем одеваться в такую жару, — пробормотал он. — Мои маленькие бутоны лотоса примут меня и таким, — он огляделся и крикнул. — Гизо!

Его личный слуга мгновенно возник рядом с ним. Толстый, даже жирный, с плоским лунообразным лицом. Ходил он, не сгибая ног, что удивляло лишь тех, кто не знал, что Гизо родился рабом. Гунны перерезали своим рабам сухожилия, чтобы те не могли удирать.

Слуга вопросительно оглядел своего господина.

— Синяя туника совсем износилась?

— Синяя туника в полном порядке, — Аттила отличался патологической жадностью во всем, что не касалось армии. На ее содержание уходили все свободные деньги. Другой нарядной одежды у него просто не было. Синюю тунику он уже много лет надевал по всем торжественным случаям.

Во всей империи гуннов Гизо был, пожалуй, единственным, кто позволял себе противоречить бушующему в ярости Аттиле.

— Ну и праздник же будет у них, — говорил он тихо, но так, чтобы слова долетели до сиятельного уха. — Роскошное блюдо получит сегодня все эти кошки, чьи сердца столь гулко бьются за высокой стеной.

Аттила сердито зыркнул на него.

— Меня тошнит от твоих плоских шуток. Придет день, возможно, он уже наступил, когда душа поднимется в небеса. А голова, которую она понесет под мышкой, будет твоя.

Гизо так же знал, до какого предела можно гневить Аттилу. А потому тут же загладил свою грубость.

— Мне без разницы, когда это случится, лишь бы она поднялась с одного из семи холмов Рима. Но до своей смерти я должен увидеть тебя стоящим там, с распластанным у твоих ног миром.

С тем они и направились в центральную часть громадного скопища бревенчатых домов, столицы империи Аттилы. Охранники, стоящие у ворот Двора королевских жен, отсалютовали мечами и прокричали: «Владыка Земли, Великий Танджо!» — едва завидя полуобнаженного Аттилу. Крики эти гулко отдавались во всех уголках обиталища жен до тех пор, пока удары по медному гонгу не заглушили все остальные звуки.

Поначалу обычай требовал, чтобы при появлении Аттилы все жены в лучших нарядах выбегали из домиков, приветствуя его громкими криками. Аттиле это нравилось. Он не упускал случая потискать или ущипнуть ту, что попадала под руку, обменивался с ними грубоватыми шутками. Но затем суета и толкотня наскучили ему, и он решил, что куда проще выбирать женщину на ночь без общения со всеми остальными. Так уж получилось, что двумя годами ранее, воюя с Константинополем, он захватил греческий город, и среди пленников оказался римский чиновник Генизарий. Аттила, пропускавший через себя все донесения многочисленных шпионов, узнал, что в Риме Генизарий заведовал дворцом императора, где, благодаря ему, каждый знал свое место. Ему-то и вверил Аттила руководство Двором королевских жен, с тем, чтобы царящий там хаос уступил место образцовому порядку.

Аттила чувствовал, что десятки горящих глаз наблюдают за ним в щелочки между занавеской и краем окна. Ему это льстило, и он инстинктивно расправил и без того широкие плечи и выгнул грудь колесом. А вот огорчило его другое: он увидел, что одна из жен посмела открыто нарушить заведенный ритуал. Стоя у дальней ограды примыкающего к домику маленького двора, одетая в красное платье, она пристально смотрела на своего повелителя.

Красивые глаза и пухлое тело женщины не смягчили неудовольствия Аттилы. Он порывлся в память и не без труда вспомнил ее имя.

— Это Аттамина, не так ли?

Гизо кивнул.

— Она самая, Аттамина, и, если позволишь высказать мое мнение, одна из лучших твоих жен.

— Кого интересует твое мнение, особенно в этом вопросе?

Нисколько не смутившись, Гизо продолжил.

— Ты взял ее в одном из городов Моизии, который мы сожгли дотла. Мы думали, что живых там не осталось, но посланный тобой патруль наткнулся на эту женщину, роющуюся в головешках в поисках еды. Лицо ее почернело от сажи, одежда превратилась в

дохмотья, но она кусалась и царапалась, как волчонок, когда ее притащили к тебе, — тут Гизо восхищенно глянул на Аттилу. — О, великий Танджо, как тебе удастся видеть их насквозь. Ты сказал: «Будет на что посмотреть, если ее умыть. Приведите женщину ко мне после того, как она поест и помоеется».

— Действительно, там было на что посмотреть, — Аттила подмигнул Гизо.

— Но потом ты не посылал за ней... — Гизо на мгновение запнулся, — больше трех лет.

К Аттиле начало возвращаться хорошее настроение.

— Жалкий раб! Да какое тебе дело до того, что я делаю со своими женами? Я не желаю, чтобы ты шпионил за мной! — он посмотрел на непокорную жену. К его удивлению, она приветственно помахала ему рукой. — Она так и не научилась повиноваться, — пробурчал Аттила. — И все-таки надо вновь послать за ней. Я уже стал забывать, какая она была забавная. Ну чистый волчонок, — нахмурившись, он повернулся к Гизо, дабы показать, что его дерзость не забыта. — Пойди и предупреди ее, что не след нарушать установленный порядок.

В большинстве своем домики были крошечные, с комнату, но один выделялся как размерами, так и колоннами по углам. В нем жила Церка, многие годы бывшая любимой женой Аттилы, мать его старшего сына, Эллага. В доме Церкви хватало роскошно обставленных комнат. Она стояла выше законов, предписанных к неукоснительному исполнению другими женами. Она вышла на крыльцо, чтобы поздороваться с проходящим мимо ее дома мужем.

Молодость Церкви осталась позади. В ее волосы густо вплелась седина (краску, которой пользовались другие женщины, она отвергала), но фигура сохранила прежнюю стройность. И расшитое золотом алое платье только подчеркивало ее достоинства. Церка обворожительно улыбнулась.

— В последнее время я так редко вижу тебя, о великий Танджо, — проворковала она.

Аттила остановился.

— Разве ты не слышала, что я собираю армию, какой еще не видел мир? Что я на пороге величайший из войн истории?

Любимая жена улыбнулась.

— Я слушаю все, что говорится о твоих планах. Но, о могущественный владыка, ты так редко заглядываешь ко мне, когда навещаешь нас. Иногда ты замечаешь меня и улыбаешься. В другой раз проходишь мимо, словно я и не существую.

— Голова моя занята другим, — пробормотал Аттила. Чувствовалось, что ему не по себе. Все знали, что этот суровый и не прощающий ошибок человек терялся, когда жены начинали о чем-то просить его. А потому всячески старался избегать подобных разговоров.

Прекрасные серые глаза Церкви поймали его взгляд.

— Я должна поговорить с тобой, — в голосе ее слышалась мольба. — Ты же не забыл наши долгие беседы? Тогда ты интере-

совался моим мнением и любил рассказывать о себе. Ты даже признавался, сколь ненавистен тебе этот римский юноша Аэций и как стесняет тебя его присутствие. Иногда мне кажется, о великий наш господин, что только со мной ты был так откровенен.

Аттила нетерпеливо повел плечами.

— Ты остановила меня лишь для того, чтобы все это сказать?

— Нет, о великий Танджо. Я хотела поговорить с тобой об Эллаке. Нашем сыне. Твоем первенце, Аттила. Он тебя боится. Когда он со мной или со своими сверстниками, он весел и полон жизни. У него такие же задатки повелителя, как и у его отца. Но, когда он сидит рядом с тобой, он молчит. Боюсь, тебе он кажется забытым, лишенным мужского характера. На самом деле это не так. Эллак унаследовал от своего отца самое лучшее.

— Я не нахожу подхода к мальчику, — признал Аттила.

— Может, потому, что ты решил предпочесть ему других сыновей, — лицо жены, которую Аттила все еще полагал любимой, хотя уже не приглашал в свой дворец, полыхнуло гневом. — Я слышала такие разговоры.

Тут рассердился и Аттила.

— Кто это говорил? Кто? Ты слушала двух своих братьев? — он тряхнул головой. — Они вечно всем недовольны. Они думали, что я назначу их губернаторами провинций. Или отдам под их начало большие отряды. Они только мутят воду!

— Аттила, мой господин! — вскричала Церка. — Моя семья тут ни при чем. Мои братья ничего мне не говорили. Это касается только тебя и меня, — она схватила его за руку. — У меня есть к тебе просьба, о Аттила. Возьми с собой своего старшего сына, Эллага, когда выступишь на врага. Он уже не так мал. И быть рядом с тобой — его право.

Аттила обдумал предложение Церкви.

— Я старею, — вздохнул он. — И солдатам пора увидеть моего сына, скачущего со мной, — он кивнул. — Да, это его право. Он мой первенец. И единственный по возрасту, кто может пойти со мной на эту войну, — он мрачно посмотрел на Церку. — Пусть так и будет. Ты довольна?

Его любимая жена просияла.

— Это все, о чем я хотела попросить тебя, о властелин. — И вновь коснулась его руки. — Если только... о мой господин, ты не сочтешь возможным вернуть мне свое расположение. Я знаю, что прошу слишком многого, у тебя столько жен. Но я люблю только тебя.

— Угу! — буркнул Аттила и вырвал руку. Он принял решение, более говорить было не о чем.

Он направился к центральному зданию, внушительных размеров и с претензиями на красоту: его построил китайский архитектор. Демонстрируя свое презрение к культуре, главный гунн неоднократно заявлял, что ни в Константинополе, ни в Риме он не увидит строения, сравнимого с этим дворцом. Крышу покрывала

черепица, стены и пол — мрамор, отчего внутри всегда царила прохлада.

Генизарий сидел за столом, нервно перебирая листы пергамента. Роста он был небольшого, а его мертвенно-бледная кожа резко контрастировала с курчавыми черными волосами и бородой. Компанию ему составляла полная, привлекательная женщина со светло-серыми глазами и сединой в волосах. То была Айя, когда-то, давным-давно, любимая жена, а теперь дузня, присматривающая за молодыми. В комнате находилась еще и девушка. Тоненькая, как былинка, она сидела в углу, наклонив голову, и не подняла ее при появлении Аттилы.

Генизарий же и Айя распростерлись на полу, повторяя раз за разом: «О, великий Танджо, мы твои недостойные слуги».

Наверное, впервые столь откровенная покорность вызвала у него раздражение.

— Встаньте! — приказал он. — Или вы думаете, что мне нравится созерцать затылки и торчащие кверху задницы моих подданных? Зрелище малоприятное.

Женщина поднялась первой.

— Было время, великий и непобедимый, когда ты не мог нагледеться на меня.

Аттила улыбнулся. Вот такой разговор с женами ему нравился.

— Тогда твой зад был не шире двух моих ладоней. А теперь посмотри, что ты с собой сделала, не зная меры в восточных сладостях и медовых тортах римлян. Но я все равно рад тебя видеть, Айя. Рад, что ты стоишь передо мной и смотришь на меня своими зазывными глазами. Нет, я не хочу менять заведенного порядка, — торопливо добавил он. — Ни слова из сказанного мною не должно выйти за пределы этой комнаты. Но признаюсь, с тобой я всегда расслабляюсь, Айя. Ты же знаешь, что ты мне всегда нравилась?

— О, да, господин. Хотя ты выказывал это не слишком часто.

— Ты удерживала меня дольше других. Сияющими глазами и острым язычком. Ты знала, как рассмешить меня. И мы с тобой одного племени, дочь храброго солдата. Если б ты только подарила мне сына!

— Сына я тебе уже не подарю, господин мой, но рассмешить по-прежнему могу.

Последнюю фразу говорить, пожалуй, не следовало. У Аттилы вновь испортилось настроение.

— Твое время уже прошло, — тут он обратил внимание на девушку в углу. — А это еще кто?

— Девушка, которую прислали тебе из Тифлиса. Два года тому назад. Ее отец — богатый армянский купец и христианин. Она тоже христианка.

Аттила кивнул.

— Теперь я вспоминаю. Симпатичная девушка, но ветер унесет ее, если мои воины начнут перебрасывать ее с пики на пику. И она не может говорить на нашем языке. Я видел ее только раз, — он

помолчал и добавил уже более раздраженно. — Да и что можно делать с женой, которая ничего не говорит и лишь упрекающе смотрит на тебя большущими глазами.

Айя шепотом объяснила ситуацию, хотя предосторожность явно была излишней: девушка не понимала, о чем шла речь.

— С тех пор она ни выучила ни слова. Живет сама по себе, ни с кем не разговаривает. Она очень несчастна, потому что другие начали издеваться над ней. Прошлым вечером... — Айя замаялась, не зная, как отреагирует Аттила на ее слова, — прошлым вечером она попыталась покончить с собой. Взяла со стола нож и вонзила себе в бок. Нож вошел неглубоко, потому что наткнулся на ребро.

Аттила взгляделся в приткнувшуюся в углу девушку. Чувствовалось, что он не знает, как вести себя в такой ситуации.

— И в чем проявляются эти издевательства?

— Иногда другие женщины притворяются, что они тоже христианки, и начинают петь вместе с ней гимны.

Хозяину гарема это не понравилось.

— Одна больная курица может заразить весь курятник, — заметил он. — Но должен признаться тебе, Айя, мне ее жаль. Я помню ее огромные черные глаза, — тут Аттила кивнул, приняв решение. — Впервые я намерен выгнать жену. Но за это ее богатенькому папаше придется хорошо мне заплатить. Как только я получу деньги, она уедет домой. Думаю, их должно хватить на вооружение сотни всадников. Немедленно начни переговоры, Генизарий.

Последний словно только и ждал, когда же Аттила вспомнит о его присутствии. Он встал из-за стола, дрожа как осиновый лист. Взгляд Аттилы задержался на высоких стопках листов пергамента.

— Жалкий недоносок — взревел Аттила. — Опять ты со своими бумагами. Имена, имена, имена! Сплетни насчет моих жен и грязные намеки! Ты-таки сведешь меня с ума.

Генизарий от страха потерял дар речи, но Айя пришла ему на помощь.

— У тебя шестьдесят жен! — воскликнула она. — И ты хочешь быть в курсе всего, что происходит. Поэтому, о владыка всех миров, и появляются бесконечные листы с именами, намеками и обвинениями, — она шагнула к нему, уперлась руками в необъятные бедра. — Я говорила это раньше и повторю теперь. У тебя слишком много жен. Избавься от большинства из них. Оставь, скажем, двадцать. Ни одному мужчине не нужно столько жен.

— Из-за того, что я отсылаю одну, ты сделала вывод, что мне хватит нескольких, как какому-то кузнецу или писарю? — Аттила не на шутку рассердился. И сверлил взглядом когда-то любимую жену. — Думай, о чем говоришь, а не то я избавлюсь от тебя. Похоже, ты не помнишь добра. Быть добрым с женами — себе дороже, — лицо его почернело. — Разве ты до сих пор не уяснила, Айя, что я никогда не расстаюсь с тем, что принадлежит мне? Будь то пядь земли или золотая монета, — он повернулся к Генизарию и крикнул. — Мне сегодня не до тебя. Убирай свои бумажки, жал-

кий уродец. Я хочу одного: жену, которая тихо посидит рядом и разделит со мной чашу вина. Кого ты можешь мне предложить?

Ответила ему Айя.

— У нас для тебя сюрприз.

Она подошла к двери, ведущей в одну из комнат, и тихонько стукнула по гонгу, взятому во дворце китайского принца. Быстро проинструктировала появившегося слугу и повернулась к Аттиле.

— Девушка прибыла этим утром, о владыка земли и небес. С пленниками с севера.

Аттила подозрительно посмотрел на Айю.

— Она молода? Она развлечет меня? У нее золотистые волосы или такие же, что у этого черного паука, — пренебрежительный кивок в сторону Генизария.

— Ты все увидишь сам.

Девушка в углу так и сидела согнувшись.

— Выведите ее до прихода другой, — тихонько попросил Аттила. — И постарайтесь объяснить, если сможете, что я отсылаю ее домой.

Девушка, которую привели несколько минут спустя, оправдала все его ожидания. Молодая, голубоглазая, она, несомненно, любила посмеяться, хотя в последнее время поводов для веселья не было. А волосы ее цветом напоминали нарциссы, согретые весенним солнцем. Одета она была в зеленое платье, отделанное желтым, под цвет ее волос. Сшитое из превосходного восточного шелка, при ходьбе оно приятно шуршало.

— Платье она привезла с собой, — поспешно пояснила Айя, неправильно истолковав выражение лица Аттилы. Но тот думал не о цене платья. Его поразила красота незнакомки.

— Она говорит на нашем языке? — шепотом осведомился он.

— Немного. Понимает, если четко выговаривать каждый звук. Отвечает с трудом. Словарный запас у нее невелик.

Не теряя времени, Аттила взял пленницу за руку и отвел в уголок. Понизил голос.

— Как тебя зовут?

— Сванхильда, о король.

— Красивое имя. Достойное тебя. Ты без труда понимаешь меня?

— О, да, король.

— Хорошо, что ты говоришь на нашем языке, дитя мое. Мы поладим. Кому нужна жена, которая не понимает твоих слов, ничего не отвечает и только сидит да смотрит на тебя.

Сванхильда замялась.

— Но я знаю лишь несколько слов. Этого мало.

Ему понравился и акцент, с которым она говорила на языке гуннов. Очень хотелось погладить ее по розовой щечке.

— Чувствую, ты с каждым днем все больше будешь мне нравиться, — он попытался улыбнуться. Во всяком случае, глазки его блеснули, а губы изогнулись серпом под маленьким носом. — Ты меня боишься?

— Да, — ответила девушка. — Очень боюсь.

— Это хорошо. Жена, если она хочет стать хорошей женой, должна бояться мужа, — какая же она очаровательная, какая стройная, хрупкая! Аттила коснулся ладонями ее щек. Повернулся к Айе и Генизарию. — Я женюсь на ней тотчас же. Займись подготовкой свадебной церемонии, Генизарий, — Аттила отступил на шаг и обозрел новую жемчужину своего гарема. Да, этот день порадовал его приятным сюрпризом. — Я очень доволен. Я так доволен, что хочу подумать о свадебном подарке для моей новой жены.

Но сюрпризы на том не кончились. И следующая фраза невесты, произнесенная тихим голосом, то есть предназначавшаяся только для ушей Аттилы, пренеприятно удивила его.

— Разве тебе не сказали, что я дочь Аталариха, короля Южной Тюрингии?

Аталарих из Тюрингии! Один из десяти, кого он приговорил к смерти час тому назад?

— О властелин мира! — взмолилась девушка. — Если ты хочешь, чтобы я стала твоей женой, я согласна. Я буду хорошей женой. Но, если я поняла правильно, ты что-то сказал о подарке для меня. Пожалуйста, о Аттила, подари мне свободу моего отца! Он хороший король, храбрый король, а мне он добрейший и заботливейший отец. Подданные его в печали из-за того, что он в тюрьме. А у меня просто разрывается сердце.

Аттила грубо схватил ее за руку и вывел в соседнюю комнату.

— Оставайся здесь, — бросил он, а сам вернулся к Айе и Генизарию.

— Почему вы не сказали мне, что она дочь одного из пленников?

— Я думала, тебе это известно, — ответила Айя.

— Я понятия не имел, что вместе с Аталарихом доставили членов его семьи.

— Командир отряда, посланного тобой за Аталарихом, решил, что она тебе понравится. Потому ее и прихватили.

На лице Аттилы отразилось раздражение.

— Девушка знает, что ее отца ждет смерть?

Айя покачала головой.

— Она, конечно, опасается самого худшего, но ей ничего не известно о готовящейся казни.

Аттила заговорил размеренно, словно размышляя вслух.

— Девушка прекрасна. В ней есть все, что должно быть в жене. Я уверен, что полюбил бы ее больше других жен. Но не след менять принятое решение из-за... семейных соображений. Я не могу пощадить Аталариха и казнить остальных.

— Я могу поговорить с ней, — предложила Айя.

— Нет. Толку в этом не будет. Я поговорю с ней сам, — Аттила посмотрел на женщину, которая была первой из его любимых жен. В его взгляде читалось недоумение. — Ну почему самая желанная женщина должна оказаться дочерью предателя!

— На свете есть и другие красавицы, — напомнила ему Айя. Аттила аж взвился.

— Я возжелал эту как никакую другую.

Он прошел в маленькую комнату. Сидевшая Сванхильда тут же вскочила, побледнев как полотно.

— Мой маленький золотой цветочек! Я хочу, чтобы ты знала, что я уже тебя люблю. Но должен сказать тебе и другое. Твой отец и еще девять правителей не выполнили мой приказ поставить требуемое число людей и припасов. Что мне оставалось делать? Я не могу допустить неповиновения в моих владениях. Дитя мое, все десять должны умереть.

— Нет, нет! — глаза девушки наполнил ужас. — Это невозможно. Великий Аттила, ты пугаешь меня. Ты сам сказал, что жены должны тебя бояться.

— Будь это в моей власти, я бы облегчил твою боль, пощадив твоего отца, хотя он и предатель. Но решение уже принято. Я не могу позволить личным чувствам вмешиваться в дела государства, — он взял ее за руки. — Послушай меня. Ты еще ребенок. Ты переживешь то, что сейчас кажется тебе трагедией. Возможно, со временем даже о ней забудешь. Все люди должны умереть, раньше или позже, даже короли, даже Аттила, величайших из них. Ты меня слушаешь? — он тряхнул Сванхильду. — Слушай внимательно. Я с первого взгляда понял, что ты станешь мне настоящей женой, которая будет стоять рядом со мной и сидеть около моего трона, готовая разделить славу моих грядущих побед. Ни одна женщина не получала такого шанса, какой предлагаю тебе я. Ты станешь у меня, моя славная Сванхильда, королевой всего мира!

Девушка упала на колени.

— Я готова стать твоей рабыней, если ты помилуешь моего отца. Моего доброго, великодушного, любимого отца! Если ты убьешь его, я умру от горя. Если ты должен кого-то убить, убей меня. Пусть это будет уроком тем правителям, у которых есть дочери.

Аттила покачал головой.

— Я не могу изменить принятого решения.

— Тогда позволь мне умереть вместе с ним! — девушка забилась в истерику, вырываясь из рук Аттилы. — Если мой отец должен умереть, я тоже не хочу жить. О, великий Аттила, поверь, он всегда был верен тебе, но не мог не думать о благосостоянии своих подданных. Пообещай мне, что еще раз подумаешь, стоит ли столь сурово наказывать моего отца.

Аттила не привык к тому, чтобы кто-либо обсуждал его решения.

— Подумать придется тебе, — бросил он. — Я знаком с тобой лишь несколько минут, но уже предложил тебе земное королевство. Я привык отдавать приказы, а не объяснять, ради чего они отданы. Больше говорить не о чем. Если излишняя сентиментальность не позволяет тебе принять мое предложение, значит, ты не та женщина, которую я хочу видеть рядом с собой.

Сложности личной жизни не отвлекли Аттилу от повседневной работы. Покинув Двор королевских жен, он, как обычно, отправился к городским воротам, вершить суд, выслушивая жалобы и решая споры. В решениях своих он руководствовался справедливостью и здравым смыслом. Собственная полураздетость нисколько не смущала его. Отпустив последнего просителя, Аттила вернулся в обеденный зал, где в уединении откушал холодного мяса и фиников. После чего спустился вниз, на военный совет.

Его высшие командиры сидели за длинным столом. Как и он, обнаженные выше пояса, но все в высоких кожаных сапогах, обильно смазанных маслом, отчего от них ужасно воняло. Они привыкли сидеть в седле или на корточках, поэтому пребывание за столом доставляло им массу неудобств. У некоторых ноги не доставали до пола, и они болтали ими в воздухе, словно малые дети.

Послушав несколько минут жаркую дискуссию о перемещении армий с востока через горную страну, именуемую Дакия, что лежала на севере Восточной Римской империи, Аттила пришел к выводу, что вонь сапог — лишь одна, и не самая главная из неприятных черт его военачальников. Он резко встал.

— Сколько можно слушать эти глупости? — разом оборвал он разгоревшийся спор. — То, о чем вы говорите, вызовет хаос в моих владениях. Вы хотите, чтобы все армии прошли через Дакию, наступая друг другу на пятки. Они сожрут все вокруг, как стая голодной саранчи. Они начнут останавливаться и сражаться друг с другом. Я собираю армии не для того, чтобы они сталкивались на дорожных перекрестках. Им предстоит борьба с общим врагом, — глаза Аттилы пробежались по лицам сидящих за столом. Он просто кипел от гнева. — Войну выигрывает армия, наиболее подготовленная ко дню решающего сражения. Вы же согласны потерять сотни и тысячи солдат на горных дорогах. На сегодня достаточно. Я надеялся, что эти вопросы удастся решить без помощи Всегда-одетого, который занят сейчас другими делами. Но я вижу, что только он сможет распутать завязанные вами узлы.

Выражения лиц военачальников ясно показывали, что едва ли кто из них испытывал добрые чувства к любимому помощнику Аттилы, прозванному Всегда-одетый. Да и взгляды, которыми обменялись многие, были куда красноречивее слов.

Аттила же плевать хотел на чувства своих командиров. Взмахом руки он распустил совет, и один за другим они покинули залу. Аттила остался за столом в глубокой задумчивости. И прошло немало времени, прежде чем он почувствовал чье-то присутствие. Повернулся и увидел стоящего в дверях Гизо. Нахмурился.

— Когда ты пришел?

— Полчаса тому назад. Я не решался нарушить ход мыслей великого гунна.

Мужчина, мановением руки которого стирало с лица земли целые государства, пренебрежительно хмыкнул.

— Почему ты думаешь, что мне надо лгать? Ты здесь не больше двух минут. Совещание только что окончилось.

Гизо всплеснул руками.

— Ты владыка жизни и смерти и не можешь ошибаться. Из этого следует, что я не мог сказать правду, а потому посмел солгать тебе.

— Что привело тебя?

Гизо не замедлил с ответом, хотя и чувствовал, что его господин не в духе.

— Я знал, что нужен тебе. Эти доблестные воины ушли полчасу тому назад, прости меня, о великий Танджо, с их ухода прошло лишь две минуты, с красными от унижения лицами. Из этого следует, что слышали они, пусть и не лицеприятную, но правду. Вот я и заключил, что труды их не принесли результата, и ты хотел бы вызвать молодого иллирийца, Николана Ильдербурфа, которого все зовут Тоголатий или Всегда-одетый. Я пришел доложить, что Всегда-одетый должен вернуться этим вечером. Он никогда не опаздывает, и можно не сомневаться, что он будет здесь через несколько часов.

— Ему придется работать всю ночь, чтобы разрешить этот ребус и подготовить соответствующие приказы.

На мгновение создалось ощущение, что Аттила вновь впадет в глубокое раздумье, но он тряхнул головой, встал и раз, другой прошелся вдоль стола на кривых ногах, прежде чем остановиться перед своим слугой.

— Я принял решение, — глаза его торжествующе сверкнули.

— Я это чувствовал, — Гизо удовлетворенно кивнул. — Относительно десяти пленников.

Обычно Аттила обходился минимумом слов. Но обладал даром красноречия, нисходившим на него, когда возникала необходимость. В такие моменты, пусть и очень нечастые, лицо его вспыхивало, жесты становились величественными, слова — убедительными. Так произошло и на совете вождей гуннов, когда Аттила появился с найденным мечом Марса и потребовал от вождей клятву верности.

— Я принял решение, — повторил Аттила, подняв руку. — Умрут только двое из пленников. Кто это будет, решит жребий. Без моего участия. Казнь пройдет, как я и говорил. С одним дополнением. Когда головы тех, кому не повезло, упадут в корзину, людям будет зачитано послание от... божества, которое правит большей частью мира (Аттила имел в виду самого себя). Противоречивого человека, который подвергает мечу и огню целые города, разоряет страны, но делает это из государственной необходимости, а не личной жестокости. И вот теперь люди увидят новую черту его характера, о существовании которой даже не подозревали. Великодушные. Послание известит о помиловании оставшихся. Столь неожиданное милосердие потрясет всех. Эти восемь будут испытывать чувство

безмерной благодарности. Собравшаяся толпа заревет от восторга. Они даже забудут, что им не дали посмотреть еще на восемь казней.

Энтузиазм Аттилы захватил и Гизо.

— Великий Танджо! — воскликнул он. — Это потрясающе. Такими деяниями великий правитель укрепляет верность своих подданных. Вся империя будет превозносить тебя.

Аттила кивнул.

— Но они поймут, что мое великодушие не есть поощрение дальнейшего неповиновения.

— Урок будет столь же поучительным, что и десять отрубленных голов, — Гизо помолчал, прежде чем продолжить. — Разумеется, в коробку, из которой будут тянуть жребий, положат девять листов с именами.

Аттила, вновь возобновивший хождение вдоль стола, резко остановился, посмотрел на слугу.

— Что ты хочешь этим сказать?

Резкость тона заставила Гизо помедлить с ответом.

— О, король, я подумал, что нет нужды идти на риск. Вдруг слепой жребий назовет среди двух несчастных и отца прекрасной Сванхильды?

— Ты думаешь, я способен на обман?

— Какой же это обман, великий король. Эта очаровательная женщина обожает своего отца. Благодаря тебе ей не придется оплакивать его, ничего больше.

Странное изменение произошло с правителем гуннов. Мистический огонь зажегся в его глазах.

— Гизо, ты был со мной, когда я принес на курултай моих вождей меч, дарованный мне богами, меч Марса. Он мог быть найден лишь в степях, где паслись табуны гуннов. Теперь он принадлежал мне, что означало лишь одно: бог войны коснулся моего плеча. Я и только я должен был с этого момента править гуннами и более не делить власть с моим братом Бледой. Ты, как и я, знаешь, что в тот миг моя судьба висела на волоске. Вдруг они бы не поверили в божественное происхождение меча? Тогда умер бы я, а не Бледа, и мир не дождался бы появления великой империи. В тот день я пошел на риск. И сейчас готов положить на волю жребия.

Гизо, конечно, знал, откуда в действительности взялся меч Марса. Но не счел возможным противоречить своему господину.

— Да, великий владыка! Ты всегда прислушивался к голосам, которые шепчут лишь в твоё ухо и никому более.

— Так как ты мог тогда подумать, что сегодня я решусь на обман? — спросил Аттила. — Слишком многое поставлено на карту. Это ослепительное дитя, страсть к которому удивляет меня самого, станет моей женой, если её отец останется жив. Если же жребий укажет на него, — вновь глаза Аттилы полыхнули мистическим огнем, — тогда я пойму, что ей не суждено стоять рядом со мной и править миром, который покорят мои армии, — он встре-

тился взглядом с Гизо. — В государственных делах я могу лгать и обманывать, дабы достичь поставленной цели. Тут дело другое. Я должен помнить о движущих мною высших силах. Не разгневаются ли они, если я возьму это решение на себя? Нет уж, пусть оно остается за ними.

— Но ведь так легко, господин мой, достигнуть нужного результата, — не унимался Гизо. — Ты жаждешь принцессу. Так позаботимся о том, чтобы она стала твоей.

Аттила покачал головой.

— Я тебе все сказал. Более не докучай мне, Гизо. Да и мои шансы велики. Пять к одному, — он указал на лежащие на столе бумаги. — Возможно, я буду занят, когда прибудет Всегда-одетый. От новобрачной не так-то легко оторваться. Встретить его и препроводить сюда. Скажи ему, что мои военачальники не смогли найти способ перебросить армии с востока. Он поймет, чего я от него жду. А сейчас пошли ко мне Онегезия.

Когда Аттила поделился с Онегезием новым планом, тот также предложил опустить в ящик листки с девятью именами. Вновь императору пришлось объяснять, что он не волен вмешиваться в действия высших сил. Но Онегезий подумал, что он лучше знает, чего хочет Аттила. «В ящике будут листки с девятью именами, — сказал он себе. — Я не хочу, чтобы вина пала на меня, если Аттиле не повезет со жребием».

ГЛАВА 3

1

Лагерь Аттилы, как он называл свою столицу, лежал на равнине между Дунаем и Тисой, вдали и от воды, и от гор. На то были две главные причины. Гунны лучше всего сражались конными, а потому открытые пространства позволяли с наибольшим эффектом использовать ударную мощь их конницы. Этот довод с лихвой перекрывал все остальные, так что летом раскаленные лучи солнца немилосердно жгли торопливо построенный город, в котором не было ни единого деревца, а зимой холодные ветры тоскливо завывали у его деревянных стен.

Вторая состояла в том, что эта земля называлась Великим маршем и населяли ее маркоманни, смелый народ, так и не покоренный римлянами. И вождь, готовивший атаку на город на Тибре, не мог выбрать лучшего места для своей штаб-квартиры, чем равнина, не знавшая тяжелой поступи римских легионов.

Хотя армии, собираемые Аттилой, находились в палаточных городках к западу и вдоль реки, неизбежность войны превратила лагерь в бурлящий город. Жены императора, выглядывающие из-за стен, видели тысячи наводняющих улицы солдат. Тут были золотоволосые богатыри с севера, один вид которых заставлял ушаченно

биться сердца черноглазых женщин, делящих одного мужа на всех, конные гунны, маленькие темнокожие мужчины с востока в белых бурнусах, бьющихся о голые ноги, с правой рукой, всегда лежащей на рукояти изогнутого клинка. Тысячеголовые табуны лошадей паслись вокруг города. И его жителям часто казалось, что Аттила и его военачальники больше думают о кормах для лошадей, чем о припасах для них. Но никто не жаловался. Все понимали, что скоро каждому из них достанется жирный кусок от брошенного на разграбление мира. «Женщина, — говорили многим мужья, — скоро ты будешь спать со мной в кровати, на которой возлежал пьяный римский император». Они говорили о драгоценностях и дорогих тканях, которые достанутся им, о золотых чашах, из которых они будут пить выдержанные вина, о рабах, которые будут повиноваться мановению их пальца. «Скоро, — похвалился как-то Онегезий, — прислуживать мне будет римский сенатор. И я не пожалею кнута для его жирной, белокожей задницы».

Во второй половине того самого дня, когда Аттила приговорил к смерти десять непокорных правителей и влюбился в дочь одного из них, у въездных ворот трижды пропела труба. Мужчины и женщины, позабыв обо всем, с радостными криками бросились к воротам. Они знали, что их там ждет: в город прибыл караван Микки Мидеского.

Микка был загадкой для всех, даже для Аттилы и Онегезия, которые давно пытались вызнать правду о его происхождении. Старый, высокий, с серебряной бородой, гордым взглядом, Микка обладал энциклопедическими познаниями. Он всегда улыбался и щедро раздавал подарки. Во всем известном мире люди хорошо отзывались о Микке и с распростертыми объятьями встречали его караваны. А по окончании торгового дня усаживались вокруг него и слушали длинные истории, которые он так любил рассказывать. Как рассказчику Микке не было равных. С первого до последнего слова люди слушали его, затаив дыхание.

Торговля шла у него более чем успешно, и многие полагали, что он безмерно богат. Караван состоял из двух десятков навьюченных лошадей и полдюжины четырехколесных фургонов, расписанных яркими цветами. Микка продавал драгоценности, ткани, шелка с Востока, разнообразное оружие, лекарства и волшебные снадобья, сладости и сушеные фрукты. Он объездил весь мир. Его видели в Константинополе и Риме, в Антиохии, Алеппо, Иерусалиме, в Галлии и Испании. Трижды в год он наведывался в столицу Аттилы, точно в назначенный срок, не раньше и не позже. Ходили слухи, что ему принадлежат караваны, курсирующие на Дальний Восток и обратно, а также торговые лавки во всех крупных городах.

Караван не вошел в ворота, за которыми находились владения Генизария, но расположился неподалеку от них. Фургоны выстроились полукругом. Из щитов и стоек тут же соорудили длинные столы. На них вывалили привезенный товар. Вновь пропела труба, и народ хлынул сквозь ворота.

Гунны уже не пасли свои стада и табуны. Они обрели власть и могущество. Но сердцем остались кочевниками. Они были несведущи в ремеслах и ничего не умели делать руками. Кое-как пошитая одежда из шкур животных более не устраивала их, им хотелось одеваться в парчу, шелк, бархат. Все это они могли только купить, а потому приход каравана Микки играл важную роль в их жизни. Они осаждали столы, яростно торгуясь с помощниками Микки.

Сам же Микка устроил представление для детей. Когда они собрались вокруг него, он поднял руки, показывая, что они пусты. Затем в одной из них внезапно появился кусок эластичной кожи. Микка надувал его до тех пор, пока он не превратился в голову Билбила, бога Зла, с длинным носом и раздвоенным хвостом. Завязав шарик, Микка подбросил его над головами детей. За первым шариком последовал второй, третий, четвертый... И дети разбежались за ними с криками: «Билбил, спускайся! Дай мне подержаться за твой длинный нос!»

Горожане с интересом наблюдали за фокусами Микки. Появились головы и над забором Двора королевских жен. Милашки Аттилы знали, что Микка придет к ним лишь после того, как облегчит кошельки остальных горожан. Двор королевских жен никогда не приносил прибыли. Аттила держал их в строгости, так что купить они могли какие-то мелочи, да и то за собственные деньги.

2

Дворец Аттилы, отгороженный от города высокой деревянной стеной, не поражал размерами. Над воротами развевались знамена покоренных гуннами государств, а над ними гордо реял королевский штандарт Аттилы, с изображением Серого Турула. Все материалы для строительства дворца были поставлены издалека. Большую его часть занимал обеденный зал, в котором великий Танджо трапезничал со своими приближенными. В конце зала находилось возвышение, отделенное от зала тяжелыми занавесками. Там Аттила спал на огромной квадратной кровати, захваченной его дядей Ругиласом в каком-то византийском городе и привезенной сюда на повозке, запряженной шестью лошадьми. Под возвышением размещалось несколько небольших комнат, в одной из которых великий правитель занимался делами своей необъятной империи.

В ней он и сидел, погруженный в раздумья, за мраморным столиком, в свое время украшавшим какой-нибудь греческий дворец. Увидев вошедшего Гизо, Аттила недовольно нахмурился.

— Он пришел, — объявил слуга. — Стоит и смотрит на кровать. Наверное, гадает, спят ли в ней все жены одновременно.

— О ком ты?

— О ком я? Естественно, об этом сладкоголосом старикашке. Ястребе, рядящемся в тогу голубя. О Микке Медеском.

— Пригласи его сюда, — пробурчал Аттила, не поднимая глаз.

— С ним еще один человек. Я вижу его впервые. Он хочет увидеть тебя первым.

— Пусть будет так.

Но Гизо и не думал уходить.

— Женщину в шлеме не примешь за солдата. Этот носит цвета слуги Микки, но сразу видно, что к каравану он не имеет ни малейшего отношения. Так кто он? Чего он хочет?

— Приведи его, и я все выясню сам, — резко бросил Аттила.

Гизо привел невысокого мужчину в тунике из грубой ткани с широкими красными лентами по шее и подолу. Действительно, он ничем не напоминал широкоплечих здоровяков с могучими руками, работавших на Микку. Скорее он напоминал чиновника государственного управления, не поднимающего ничего тяжелее стилоса. Да и держался он с достоинством.

— Меня зовут Гиацинтий, о великий и всемогущий Аттила. Я — слуга, и доверенный слуга, иначе меня не послали бы с этой миссией, принцессы Гонории.

Аттила вскинул голову и пристально посмотрел на визитера.

— Принцессы Гонории? Сестры моего царственного брата императора Рима?

— Да, о Великий. Я привез от нее письмо, — Гиацинтий извлек письмо из потайного кармана в поясе. Положил его и золотое кольцо на стол перед владыкой гуннов. — Это кольцо моей госпожи, принцессы. Свидетельство ее уважения к вашему величеству и доказательство того, что письмо от нее.

Аттила взял со стола тоненькое колечко с императорским гербом, пристально оглядел его. Кивнул, показывая, что не сомневается в подлинности письма. Почему принцесса Гонория пишет ему, подумал он. Хочет убедить отказаться от намеченного похода на Римскую империю? Он попытался вспомнить историю, которую рассказывали о принцессе Гонории несколько лет тому назад, но без особого успеха.

— Если Великий не читает по-латыни... — начал посыльный.

— Не читаю! — резкость тона показывала, что Аттила полагал ниже своего достоинства изучать язык Рима.

— Тогда, о король королей, позволь мне прочесть письмо. Оно строго конфиденциально. Как, несомненно, известно владыке, принцессу, мою госпожу, последние годы держат в заточении из-за ее деяний, которые мать и брат, августейший император, сочли за оскорбление.

И тут Аттила вспомнил, что это было за деяние. Принцесса допустила серьезный просчет. Взяла в любовники домашнего слугу. Звали его Евгений и он, разумеется, не годился в любовники сестре божественного императора. Бедолагу без лишних слов обезглавили, и более никто ничего не слышал о принцессе. Разве что говорили, что ее держат под строгим надзором. Так что интерес Аттилы к письму разом возрос.

Гиацинтий начал читать. Гонория соглашалась выйти замуж за Аттилу при условии, что он вызволит ее из заточения и вернет ей

все поместья и почести, которых ее лишили. Закончив короткое письмо, посыльный добавил, что за его госпожой постоянно следят и ей не без труда удалось вынести письмо из дворца. А затем он, Гиацинтий, скрылся под личиной торговца в караване Микки, чтобы доставить письмо великому правителю, которому оно предназначалось. И он будет очень признателен владыке, если более никто не увидит письма.

— Меня ждет смерть, о король королей, если станет известно о моей роли в передаче письма, — Гиацинтий поник головой. — Но ради моей госпожи я готов на все.

Аттила тем временем вспомнил и другие подробности. По его мнению, Гонория была шлюхой, пусть и королевской крови. Молодая, прекрасная, она не сдерживала своих страстей... Когда его армии захватят Рим, сказал он себе, ему уже не потребуется ее согласия. Он возьмет ее в жены, если будет на то его желание. А скорее всего, отдаст Гонорию одному из своих военачальников, поскольку женщины ее возраста его уже не волновали. И в то же время он не мог не гордиться тем, что римская принцесса сама предлагала ему брачный союз.

Дабы не выдать охвативших его эмоций, Аттила ответил коротко, ледяным тоном. Предложение принцессы будет рассмотрено, он найдет способ довести до нее свой ответ.

Произнося эти слова, Аттила не отрывал взора от лежащих на столе редких и дорогих предметов. То были трофеи прошлых набегов. Их можно было найти в самом захудалом доме столицы. Выбрав перстень с прекрасным опалом, все его существо восстало против подобной расточительности, Аттила протянул его Гиацинтию. То была награда за риск. А затем взмахом руки отпустил посыльного.

3

Как только за Гиацинтием закрылась дверь, Аттила забарабанил по китайскому гонгу, вызывая Гизо. Слуга вошел, замер у порога.

— У тебя лисий слух. Что ты слышал о принцессе Гонории? — спросил Аттила.

Гизо затворил за собой дверь.

— Сладострастной Гонории. Она ни в чем не знала меры, — он помолчал, усмехнулся. — Ее не могли не посадить под замок. Теперь о ней ничего не слышно. Считанным людям известно, где она находится.

Аттила нахмурился. Он надеялся услышать более подробный ответ.

— Я знаю, где она находится!

— Ясно! Значит, этот малахольный явился к тебе по ее просьбе, — Гизо махнул рукой. — Только зря он превозносил ее добродетельность. Принцесса — открытая дверь, куда может постучать и войти каждый.

— Болван! — взорвался император гуннов. — Пошли сюда Микку. И не попадайся мне на глаза, чтобы у меня не возникло искушения укоротить тебя на голову.

— Я и есть болван, — весело согласился Гизо.

Микка вошел в залу и остановился перед правителем гуннов, склонив голову и не отрывая глаз от пола.

— О великий Аттила, рожденный на небесах и на земле, признанный солнцем и луной, я твой покорный слуга.

— Рассказывай, — приказал Аттила.

И Микка заговорил, показывая, что караван и торговля не более чем прикрытие его истинного занятия. Микка был шпионом, несомненно, хорошо оплачиваемым шпионом человека, вознамерившегося в скором времени опустить свой тяжелый сапог на шею цивилизации.

— Мир дрожит, о великий Танджо. В Константинополе, Равенне, Риме знают, что скоро ты нанесешь удар. Но на кого он падет? Вот о чем гадают весь мир. Разговоры только об этом. Большинство сходится в том, что ты навалишься на Рим. Город замер в страхе. Римский епископ, которому я продал много странных товаров, странных в том, что они могли потребоваться священнослужителю, ничего не купил у меня, когда мы виделись с ним две недели тому назад. Его лицо посерело, руки тряслись. Он сказал: «Мне ничего не нужно, потому что скоро я погибну в пламени, что уничтожит Рим».

Аттиле понравились эти слова. Ему льстило, что в далеком Риме его боятся далеко не последние там люди. Но сейчас мысли Аттилы занимало другое.

— Что ты можешь сказать мне о принцессе Гонории?

Глаза Микки сузились. Он понял, что его приглашают пройтись по тонкому льду. Что хотел услышать от него этот гунн?

— Гиацинтий оказался достаточно хитер, чтобы не выдать мне своих секретов, о владыка Земли, — осторожно ответил он. — Мне лишь известно, что он хотел поговорить с тобой о принцессе. Возможно, я мог бы что-нибудь добавить к его словам, если б знал суть его миссии, — он замолчал, но Аттила не промолвил ни слова. — Я могу сказать лишь одно: она сейчас где-то в горах между Римом и Равенной. При ней много челяди, так что она ни в чем не знает недостатка. Но ей запрещено покидать мраморные стены ее дворца.

— Что ты о ней думаешь?

Микка ответил без малейшей запинки.

— Она мудра и благоразумна. Если ей удастся взять верх над императором, что вполне вероятно, она подчинит Рим своей воле.

— А как она выглядит?

Микка задумался.

— Дело в том, что я не видел принцессу уже четыре года. Трудно сказать, как изменится женщина за такой срок. Когда же мы виделись последний раз, она была... как бы это сказать, обворожительно. Настоящая королева, и в то же время очень женственная и соблазнительная. Мужчины не могли оторвать от нее глаз.

— Все это пустые слова, — бросил Аттила. — Королев и принцесс всегда превозносят до небес. Тебе говорят, что она прекрасна, а при встрече выясняется, что у нее мутные глаза и прыщавая кожа. Тебе говорят, что у нее потрясающая фигура, а ты видишь слоновьи бедра. Царственное величие ослепляет мужчин, так что говори мне правду.

Микка кивнул.

— Когда я последний раз видел ее, она была красавицей, о божественный. Какова она сейчас? Я не знаю.

— Она темная или светлая?

— Темная, о великий король. Глаза ее что два озера под луной. Роскошные черные волосы. Да, о могучий, о такой женщине можно только мечтать.

— А что за скандальные истории рассказывали о ней?

Микке вспомнилось, о чем шептались мужчины, лежа на скамьях в римских банях. Но он уже понял, что именно хотел услышать от него Аттила. А потому не стал упоминать о них.

— Если кто и говорил нечто подобное, то не в моем присутствии.

— А что говорили о ней?

— Да много всего. Но, великий Танджо, женщина, раз споткнувшись, всегда становится жертвой сплетен. Люди утверждают, что, во что хотят верить.

— Это правда, — кивнул Аттила. — Нельзя слушать дураков.

Гунн задумался. Он не верил этому высокому старику, что, согнувшись, стоял перед ним. Микка ничего не говорил просто так. Однако Аттила услышал от него то, что и хотел.

— Перейдем к более важным делам. Как поживает Аэций?

Аттила спрашивал о диктаторе Рима. Мальчиком Аэций был послан заложником ко двору Ругиласа. С Аттилой они были одногодками. Вместе скакали верхом, боролись друг с другом, участвовали во всех состязаниях. Легконогий, гибкий Аэций во всем брал верх над ширококостным, тяжеловесным гунном, за исключением силовых единоборств. Аэций прекрасно декламировал стихи, пел, играл на лютне.

Последний вопрос Аттила задал бесстрастным тоном. Он не хотел, чтобы кто-либо знал о тех чувствах, что вызывал у него человек, правящий Римом. Во всем мире верили, что он и Аэций — близкие друзья. Но Микка, доверявший только собственному мнению, придерживался иной точки зрения. Он знал, что Аттила ненавидит Аэция, ненавидит с той первой встречи при дворе Ругиласа.

Но, отвечая, Микка ничем не показал, что ему известно истинное отношение Аттилы к римлянину.

— Император Валентиниан с каждым днем все более тяготеет к тому, что должен подчиняться воле генерала. Мать императора ненавидит его за то, что в борьбе за власть он убил ее фаворита. Однако положение Аэция крепко, и причина тому — ты, о рожденный небом.

Аттила кивнул.

— Естественно. У них нет лучшего полководца, а потому он им необходим в том случае, если я пойду на Рим. Но вот что я тебе скажу, Микка Медеский. Не стоит им так полагаться на военный гений Аэция. Он не Сципион Африканский и не Цезарь. Он даже не Помпей.

— Скоро тебе представится возможность самому оценить, каков он теперь. Он собирается приехать к тебе.

Это известие застало Аттилу врасплох. Он наклонился вперед, взгляделся в купца.

— Приехать сюда?

— Да, о король королей.

Аттила помолчал.

— Это странно. Разве он не понимает, что здесь я волен делать с ним все, что пожелаю.

— Аэций — незаурядная личность, — ответил Микка. — Боги щедро одарили его. Но и у него есть одна слабость. Самовлюбленность. Скажи ему, что он не второй Цезарь, и тебя будут ненавидеть до конца твоих дней. О, непобедимый владыка земли и небес, позволишь ли ты бедному торговцу говорить откровенно?

Аттила кивнул.

— Я тебя слушаю.

— Аэций приедет к тебе, не ведая страха. Он абсолютно уверен, что сможет подчинить тебя своей воле, встретившись с тобой лицом к лицу. Он убежден, что сможет уговорить тебя отказаться от вторжения в Италию. Разумеется, он не сомневается, что таковы твои планы.

Повисла напряженная тишина. Аттила напоминал статую. Его глаза заволокла дымка. «Наверное, ему очень хочется узнать, каковы в действительности мои планы», — подумал гунн.

— Продолжай, — вымолвил он.

— Он приедет не с пустыми руками.

— И что же он привезет?

— Предложит тебе изменить направление удара. К примеру, захватить Северную Африку. Или оказать тебе помощь в борьбе с вандалами под предводительством Гейзериха. Он готов заключить с тобой союз. И признать, что Карфаген должен войти в твою империю.

— Он готов заплатить немалую цену.

— Да, могучий король. Карфаген вновь становится одним из крупнейших городов мира.

После долгой паузы Аттила начал задавать вопросы. Два часа он выспрашивал купца о подготовке римлян к отражению атаки. Велика ли армия Рима? Какую поддержку окажет им Константинополь? Где сосредоточены легионы? Когда будет закончена их перегруппировка? Микка отвечал на все вопросы подробно и обстоятельно. Аттила, наблюдая за ним, пришел к выводу, что купец говорит правду. Он ничего не записывал, полагаясь на память. Число легионов, имена их командиров, места расквартирования, Аттила ничего не упускал.

Сторонний наблюдатель заметил бы перемену в отношениях двух мужчин. Исчезли господин и слуга, правитель огромной империи и шпион. Поглощенные беседой, они забыли об условностях. Аттила задавал вопросы и комментировал ответы, его напрягшееся лицо выдавало острый интерес к получаемым от Микки сведениям. Иногда в голосе его слышалась злость, иногда — радость. Да и Микка не только отвечал на вопросы, но и изредка задавал их сам. Короче, разговор шел на равных.

Микка, однако, стоял все в той же согбенной позе и облегченно вздохнул, когда Аттила объявил, что вопросов у него больше нет.

— Я очень устал, о могущественный король, — признался Микка. — С рассвета я в седле и за весь день не съел ни крошки.

Аттила поднялся. Вновь правитель, повелевающий жизнью и смертью миллионов. Он перебрал в уме услышанное от Микки. «Этот человек становится все более мне полезным, — подумал он. — Я должен использовать его, хотя у меня уже нет сомнений в том, что он работает и на Аэция. Возможно, он предает нас этим сибаритам из Константинополя, что ездят на золоченых колесницах, запряженных белыми мулами. Решился же он задавать мне вопросы, дабы потом подороже продать полученную информацию. Он срабатывает нас друг с другом, получая деньги от каждого. Я бы с радостью обмазал его медом и посадил в муравейник».

Аттила пристально вглядывался в купца, лицо его закаменело.

«Эта смышленная крыса еще не раз появится у меня, — сказал он себе. — Причем последний приход будет лишним. Я и так буду знать все, что мне нужно. Вот тогда я выжгу ему глаза и отрежу уши. И пошлю к моему доброму другу Аэцию, доброму другу с детских лет, чтобы он рассказал римлянам обо всем, что он теперь видит и слышит».

Аттила улыбнулся. К тому времени Аэций умрет, и тело его будет гнить на поле брани среди убитых легионеров.

— Тебе отведут почетное место за моим столом, — порадовал он купца.

ГЛАВА 4

1

Лишь когда разговор с Миккой подходил к концу, Аттила осознал стремительный бег времени. И первые звезды уже засверкали на небе, когда за высоким купцом закрылась дверь. Аттила выглянул в окно.

— Все кончилось, — сказал он себе. — Имена названы и двое из них лишились голов.

Ни тени сомнения не возникло в его душе. Он верил в свою удачу, верил, что боги, которым он поклонялся, позаботятся о том, чтобы все закончилось как надо. Жребий не мог указать на Атала-

риха. Его шансы расценивались как пять к одному. Мог ли он желать лучшего?

— И моя маленькая Сванхильда выкажет мне свою благодарность, поскольку я сберег жизнь ее отцу, — промурлыкал Аттила. — Как радостно блеснут ее глаза! Сегодня она будет сидеть рядом со мной за столом, чтобы мои доблестные воины могли насладиться ее видом.

В прекрасном настроении, он обратил свой взор к Луне, поднявшейся над деревянной стеной, простер к ней руки.

— О, Луна, — заговорил он, — это Аттила, сын Тарды, который был сыном Мандзака... — далее он перечислил своих предков до двадцатого колена. — О, Луна, направляющая мой народ, когда он жил в холодных степях, наблюдающая за нами, идущими покорять мир, продолжай и впредь поддерживать нас, особенно теперь, когда перед нами стоит великая задача. О, Луна, холодная и ясная, древняя и мудрая, дай мне совет, укажи мне правильный путь. Проследи, чтобы я не споткнулся. Не дай мне проявить слабость. Сегодня это случилось. Я отступил от принятого решения. Так пусть же такое не повторится. Я должен стоять как скала.

Сделай это для меня, о Луна, и клянусь, что я не сожгу ни один город моих врагов до наступления темноты. И тогда ты, о Луна, успеешь подняться в небо, чтобы яркие языки пламени приветствовали тебя. Они докажут, что твой слуга из всех сил старается прославить тебя.

Аттила говорил и говорил, голос его то гремел раскатами грома, то снижался до шепота. Наконец, руки его опустились и он вернулся к земным делам, обнаружив, что ужасно голоден.

Онегезий ждал его за дверью с факелом в руке, дабы осветить лестницу в обведенный зал. Аттила слышал доносящийся сверху гомон. Его военачальники, возбужденные казнью, похоже, тоже проголодались.

— Все кончено, — констатировал Аттила, кивнул Онегезию.

— Да, о король королей, — последовал ответ. — Я строго следовал твоим указаниям. Собралась большая толпа. Люди приветствовали твоё решение пощадить остальных.

— Кому не повезло?

В свете факела Аттила заметил, что Онегезий бледен и очень нервничает. Он шумно проглотил слюну, прежде чем ответить.

— Первым был Галата из Восточной Сарматии, — последовала пауза. — Он завершал, когда было названо его имя. Стражникам пришлось тащить его к плахе.

— Он всегда доставлял мне много хлопот. Я рад, что ему отрубили голову. Кто второй?

— Аталарих из Тюрингии.

Глаза Аттилы грозно блеснули, но, прежде чем он успел произнести хоть слово, Онегезий продолжал.

— Тут что-то нечисто, о Великий. Я... я не подчинился тебе, потому что знал, что ты не хочешь смерти Аталариха. Я не опустил

листок с его именем в ящик, из которого тянули жребий. Я оставил его при себе. Смотри, — он вытащил из-под пояса полоску пергамента с именем короля Тюрингии. — Но в числе двух, приговоренных к смерти, был назван Аталарих. Что я мог поделать? Я не мог заявить, что произошла ошибка, что он не должен умереть. Я не мог сказать, что кто-то подменил листок с именем. Оставалось лишь стоять и смотреть, как умирает Аталарих.

— Как такое могло случиться? — голос Аттилы звенел от ярости. — Кто мог это сделать? — он повертел в руках полоску пергамента. — Кто желал смерти Аталариху? А может, это проявление воли богов? Свидетельство того, что мне нельзя брать в жены эту девушку? Неужели боги отвернулись от меня? Твой обман мог разозлить их.

— Нет, нет! — вскричал Онегезий. — Это сделали те, кто имел непосредственное отношение к жеребьевке. Несколько человек могли подменить пергамент с именем. Я все устроил так, чтобы никто не узнал, что листов было девять. Как только из ящика вытянули два листка, остальные тут же сожгли. А уж потом были зачитаны имена тех, на кого указал жребий. В процедуре жеребьевки принимали участие четверо. О великий Танджо, нет сомнения, что это дело рук человеческих. И не составит труда узнать правду.

В наступившем молчании Аттила опустил голову, и Онегезий мог лишь гадать, о чем думает его господин. Поверил ли он ему? Он склоняется к мысли, что наказать надобно его, Онегезия, своими проделками разгневавшего богов?

— Кто мог сыграть со мной такую шутку? — спросил наконец Аттила.

Онегезий облегченно вздохнул. Козлом отпущения будет кто-то другой.

— Есть люди, которые не хотят, чтобы ты взял себе еще одну жену, да еще такую прекрасную. Она может родить тебе сыновей, которых ты предпочтешь своим детям от других жен.

Аттила вскинул голову.

— Это возможно.

Пальцы его правой руки напряглись, словно сжимаясь на нежной шее той, которая порушила его планы.

— Он умер достойно?

— Как настоящий мужчина, о великий Танджо. Не то что этот Галата.

— Не называй мне имена тех, кто принимал участие в жеребьевке. Я должен подумать. А что девушка? Где она?

— Она горюет. Айя говорит, что девушка беспрестанно повторяет, что жизнь теперь для нее ничто, и она хочет умереть.

Аттила насутился.

— Мне не нужна плачущая и скулящая жена. Может, завтра она придет в себя. Подождем.

Поднимаясь по ступенькам, Аттила споткнулся. Оперся о стену рукой.

— А может, это предупреждение богов? Может, я недостаточно хорошо служу им? Мудрый человек знает, что его обязанность — постоянно ублажать богов. Если он не будет выказывать им знаков внимания, они отвернутся от него.

Шум в обеденном зале разом стих. Когда Аттила поднялся на последнюю ступеньку, его встретила полная тишина. Ему, однако, не пришлось гадать, почему его воины разом онемели: Микка начал рассказывать одну из своих историй.

— Много сотен лет тому назад, когда Саргон был королем Вавилона и весь мир лежал у его ног, жил там бедный портной, маленькая мастерская которого находилась у городских ворот. У бедняги было трое сыновей, и все они голодали, потому что отец по бедности не мог купить им достаточно еды. Когда пришел его смертный час, этот бедный человек, проработавший всю жизнь, получив так мало взамен, понял, что принадлежат ему только три вещи, которые он мог оставить сыновьям: игла, нитка и кусок воска. Вызвал он старшего сына и предложил ему выбрать...

Это надо прекратить, подумал Аттила. Незачем моим воинам слушать эти байки для женщин.

2

Когда занавески отдернулись и Аттила появился на возвышении, у лестницы, ведущей в обеденный зал, Микка оборвал свой рассказ на полуслове. Аттила вскинул в приветствии руку, и воины тут же вскочили на ноги с криками: «О великий вождь, пусть боги направят твои стопы в Рим! О, Аттила, вечной тебе жизни!»

Аттила спустился на три ступеньки, вновь поднял руку, на этот раз призывая к тишине.

— Вы видели, как умерли сегодня два человека, отказавшихся выполнить мой приказ. Я помиловал остальных. И теперь, полагаю, в наших рядах не осталось ослушников. И когда мои армии двинутся на врага, я жду от вас абсолютного повиновения.

Сидящие за столиками возбужденно загудели. Светловолосые немцы с севера, ширококостные воины с востока соединили свои голоса, славящие вождя, объединившего всех варваров. Мечи взлетели в воздух, когда он спустился вниз и прошествовал к своему столу.

— Веди нас на Рим! — кричали воины. — На Рим! На Рим! На Рим! Наши мечи жаждут крови сынов Цезаря! Наши стрелы плачут по тиранам! Веди нас на тех, кто смеет звать нас варварами!

Аттила сел. Поднял обе руки, призывая воинов последовать его примеру. Они с готовностью повиновались, поскольку хотели и есть, и пить. Аттила удовлетворенно оглядел зал. Кровавый урок принес требуемый результат. В глазах воинов он видел лишь желание поскорее вступить в бой, готовность исполнить любой его приказ. Именно этого он и добивался. «Мои люди, — думал он, —

лучшие воины мира. Они сокрушат легионы и пройдут маршем по площадям Рима».

Многое в тот вечер ласкало его взгляд. Столы ломились от награбленных сокровищ и яств: драгоценные чаши, золотые и серебряные блюда, пряности Востока, деликатесы с севера. Круглые колонны были забраны богатыми шелками. Деревянные стены обеденного зала украшали боевые трофеи: гобелены, полированные серебряные зеркала, короны и скипетры поверженных королей, мечи полководцев, посмеавших вывести войска против гуннов. Аттилу всегда охватывала гордость, когда он смотрел на плоды своих побед.

Стол и стул Аттилы не отличались от остальных, но стояли на небольшом возвышении. Садясь, он заметил, что рядом со столом поставлен второй стул. Настроение его разом упало: он сам приказал поставить стул для Сванхильды. Теперь он пустовал.

— Я должен помириться с ней, — твердо сказал себе Аттила. — Это будет нелегко, но мужества ей не занимать и у нее твердый характер. Утром я поговорю с ней.

Вкушению пищи в тот день должна была предшествовать особая церемония. Аттила кивнул Онегезию, делившему столик у возвышения с Миккой, почетным гостем. Онегезий встал.

— Линисентий! — громко крикнул он.

Один из восьми помилованных монархов поднялся из-за своего столика и подошел к ступенькам возвышения, на котором сидел Аттила. Владыка гуннов взял со стола простую деревянную чашу: он не признавал ни золота, ни серебра. Виночерпий наполнил ее добрым вином, доставленным из местности, называемой Токай. Аттила пригубил вино, и виночерпий передал чашу коленопреклоненному Линисентию. Тот выпил вино и вскинул глаза на Аттилу.

— О могучий император, который вскоре будет править землей, водой и небом над нами! О любимец богов, тебя я благодарю за дарованную мне сегодня жизнь. Тебе я присягаю в верности, и готов по первому твоему слову вести моих людей в бой с общим врагом.

Все восемь помилованных по очереди вызывались к столику Аттилы и приносили клятву верности. То были гордые люди, многие годы правящие своими странами, но все они склонили голову перед варваром с Востока, заставившим их признать его право повелевать. Слишком наглядный получили они урок.

С окончанием церемонии настал тот миг, которого так ждали воины. Длинной чередой вошли в обеденный зал слуги с огромными блюдами жареного мяса. Говядина, баранина, утки и куры, дымящееся жаркое. Сидящие за столами, за исключением одного человека, не отрывали взгляда от мяса. Лишь Аттилу передергивало при мысли о том, сколько еды поглощается ежедневно за такими обедами. Сам он ел мало. Вот и теперь ограничился парой кусочков тушеной баранины. Деревянная чаша осталась пустой. Все чувствовали необычное настроение вождя, но это не помешало им набро-

ситься на еду. Громко переговариваясь, они отправляли в рот огромные куски мяса, руками разрывали куриц и уток, не забывая, однако, поглядывать на одинокую фигуру за столиком на возвышении. И когда Аттила поднял руку, в зале мгновенно воцарилась тишина.

Он отодвинул деревянную чашу, показывая тем самым, что время для еды и питья истекло. Стул, на котором сидел Микка, уже опустел, что вызвало у Аттилы волну негодования. Он презирает нас, подумал вождь. Потому и ушел столь быстро.

Взгляды присутствующих скрестились на нем. Аттила заставил себя забыть о неблагоприятном поступке Микки. Медленно огляделся.

— Где еще вершить суд, как не в окружении моих славных воинов, — изрек он. — Все вы знаете, что Улдин Булгарский, сбежавший несколько месяцев тому назад к нашим врагам, схвачен и брошен в темницу. Я склонен разобраться с ним немедленно, — он глянул на Онегезия. — Пусть его приведут.

Из владений гуннов, захвативших огромную территорию между Черным морем и Рейном, бежали часто. Людям не нравилось правление варваров, и они искали свободы за пределами их империи. Аттилу это задевало, и он включал пункт о принудительном возвращении беглецов во все договоры с южными соседями. Тех, кто-таки возвращали, ждала мучительная казнь. Их распинали на площадях в лагерях гуннов или на перекрестках людных дорог. Наибольшую ненависть испытывал Аттила к Улдину Булгарскому, а потому его поимка расценивалась им как личный триумф.

Ожидая, пока приведут пленника, Аттила нетерпеливо ерзал на стуле. Наконец-то, думал он. Сейчас он предстанет передо мной, Улдин Гордый, Улдин Несравненный, Улдин Смутьян. Теперь мы посмотрим, как он поведет себя перед лицом смерти, принц беспорядка, доставивший нам столько хлопот.

Два охранника ввели мужчину со связанными за спиной руками, в длинной расшитой тунике и шароварах. Молодого, высокого, недюжинной силы. Его взгляд пренебрежительно обошел лбящихся воинов и остановился на человеке, сидящем на возвышении.

— Улдин Булгарский, — Аттила выдержал паузу. — Ты нас презираешь. Называешь варварами.

Пленник ответил четко и громко.

— Да, о Аттила. Я о вас невысокого мнения. Я называл вас варварами во весь голос, чтобы мои слова услышали все.

— У тебя хватило наглости написать мне об этом. Правда, писал ты из Константинополя, в полной уверенности, что Византия будет тебе надежной защитой. Ты, похоже, не знал, какие у меня длинные руки. Теперь, наверное, ты сожалешь, что отправил мне это письмо.

— Не сожалею, о Аттила.

— Ты хочешь сказать, что написал бы то же самое даже зная, что тебя поймают и привезут сюда?

— Совершенно верно.

— Похоже, — Аттила оглядел своих воинов, — этот гордый молодой человек ни во что не ставит свою жизнь, — он наклонился вперед, сверля взглядом непокорного пленника. — Ты умрешь утром, о Улдин Булгарский. Римляне, которых ты так превозносишь в сравнении с моим народом, придумали отличный способ избавляться от своих врагов и преступников. На рассвете тебя распнут на площади, той самой, где сегодня вечером два человека лишились голов. Я распоряжусь провести мои войска мимо креста. Пусть все увидят, какой конец ожидает предателей.

Пленник молчал. Вероятно, осознание того, что его ждет, на какое-то мгновение лишило его мужества. Когда же он заговорил, в голосе его не чувствовалось страха.

— Смерть на кресте — наказание для преступников. Я — король.

— В моих глазах ты преступник. Худший из преступников. Ты отказался повиноваться моим законам.

— Если на меня распространяются законы гуннов, — воскликнул Улдин, — тогда я требую, чтобы ты позволил мне сразиться за свою жизнь. Закон дает мне такое право. Я говорю про закон Сангари.

— Это справедливо, — раздался из зала чей-то голос. — Пусть он борется за свою жизнь.

— Но он должен бороться с тем, кого мы выставим против него, — добавил второй голос, — вооруженным любым оружием, имея при себе лишь кинжал.

Идею встретили с восторгом. В воздух взлетели обглоданные кости, послышались требования тотчас же устроить поединок. Кто-то выкрикнул имя соперника молодому королю, разом поддержанное остальными.

— Ивар! Вот кто нам нужен. Ивар Бритон! Пошлите за ним. Пусть он займется этим македонцем, что требует своего права умереть по закону Сангари.

Такой поворот событий не понравился Аттиле. Он бы предпочел, чтобы Улдин умер медленной смертью, и марширующие мимо солдаты увидели бы, как он корчится на кресте. Но он понимал, что не след идти против воли своих людей, особенно когда речь шла о законе, пережившем столетия.

— Ивара Бритона здесь нет, — объявил Аттила. — Он сопровождает Всегда-одетого и, возможно, не вернется до завтрашнего дня. У него не будет времени для поединка с этим выскочкой, вспомнившим наш древний закон, — воины уже сгруппировались вокруг Улдина, некоторые еще жевали, другие выкрикивали имена возможных кандидатов. — Кто готов сразиться с этим человеком по закону Сангари?

Добровольцев не нашлось. Собравшиеся всматривались в короля булгар, отдавая себе отчет, что справиться с таким могучим и опытным воином, пусть и вооруженным одним кинжалом, будет непросто.

Улдин, испугавшись, что его лишат права умереть в бою, по закону Сангари, оглядел толпу. Никто не решался выступить вперед.

— Так вы все меня боитесь? — голос Улдина сочился презрением. — Вы не решаетесь вступить со мной в бой, хотя вооружен я буду лишь детским ножичком? Где же ваша храбрость? Или гунны предпочитают нападать скопом, и им не хватает духа схватиться с противником один на один, как принято в цивилизованном мире?

Смуглые лица гуннов перекосило от негодования, но каждый, тем не менее, ждал, пока вперед выступит кто-то другой. Улдин был на голову выше любого, и его рука, сжимающая кинжал, могла нанести смертельный удар.

— Причина в том, что я высок и строен, а вы низкорослы и кривоноги? — Улдин намеренно оскорблял толпу, желая смерти в бою, а не на кресте. — Вы боитесь, несмотря на все преимущества, что дает вам закон? Тогда предлагаю вам следующее. Я готов сразиться с двумя сразу, на тех же условиях. Двое из вас, вооруженные до зубов, и я один, с кинжалом. Смелее, о храбрые воины Востока! Или мое предложение недостаточно справедливо? Я прошу для себя слишком многого? Выберите двоих, развяжите мне руки, и сразимся на глазах у великого Аттилы.

Из двери, ведущей на кухню, появился чернокожий здоровяк, с белым колпаком на голове, с длинным металлическим прутом, служившим при приготовлении обеда вертелом, в руках. То был Черный Сайлес, главный повар. Остановился он позади пленника и выразительно помахал прутом, показывая, с какой радостью он опустил бы его на голову гордого короля булгар.

Аттиле же хотелось как можно скорее покончить с этой неприятной историей. Что станут говорить о храбрости гуннов, если поединок не состоится? Лучше дать Улдину умереть незамедлительно, до того как выяснится, что желающих сразиться с ним нет.

Аттила встретился взглядом с Черным Сайлесом, поднял указательный палец лежащей на столе руки. Черный Сайлес воспринял этот жест как команду. Взмахнул прут к потолку и с размаху опустил его на голову молодого короля.

На мгновение высокий пленник так и остался стоять, хотя звук удара ясно указывал на то, что череп треснул. А затем бездыханное тело рухнуло на пол.

Вот тут воины пришли в движение, выхватив кинжалы, бросились к лежащему Улдину Булгарскому, у головы которого растекалась лужа крови. Каждый считал своим долгом воткнуть кинжал в несопротивляющуюся плоть. Как стая диких собак, терзали они тело. И вскоре то, что осталось на полу, уже мало напоминало человека.

Аттила дал знак слугам, торопливо выскочившим из кухни, где они раздували угли и поворачивали вертела.

— Убрать эту падаль, — приказал он. — Палачу будет поменьше работы. Не придется убивать этого непокорного пса.

Как уже говорилось, Микка Мидеский покинул обеденный зал в самом начале пиршества. И направился к одному из самых больших шатров, разбитых на равнине за воротами. С такими размерами, высотой в пятнадцать футов и шириной в тридцать, он мог принадлежать только очень важной особе. Стены шатра были обиты толстым войлоком, отчего летом внутри сохранялась прохлада, а зимой — тепло. Купец откинул полог.

— Может смиренный торговец войти в дом достопочтенного и влиятельного Беренда, сына Шама?

Ширококостный мужчина, сидящий за горой золы, накапливавшейся всю зиму, кивнул, но не встал: гунны предпочитали не пользоваться ногами.

— Входи, о почтенный Микка, — воскликнул он.

В шатре уже собрались гости, с полдюжины мужчин в круглых войлочных шапочках с красными кистями, спадающими на бровь. Женщины сидели у самой стены. Под потолком висели припасы: лук, сушеная рыба, мешки с мукой, копченое мясо. Увидев, кто пришел, женщины радостно заулыбались, предвкушая приятный вечер в компании прекрасного рассказчика. На их круглых, бронзовых лицах засверкали черные глаза.

Мужчина, сидевший справа от Беренда, поднялся, уступая почетное место последнему гостю. Микка уселся, скрестив ноги, и стал похож да большого журавля-альбиноса, по ошибке залетевшего в воронью стаю.

По тогдашним обычаям разговор начинался с того самого места, где он прервался появлением нового гостя, а тот какое-то время скромно молчал, вникая в суть беседы. Точно так же поступил Микка и в немалой степени изумился, поскольку обсуждали гости отнюдь не двойную казнь этого вечера. Их занимала другая, куда более важная проблема: какие меры необходимо предпринять, дабы сохранить Рим как центр мировой торговли после того, как город будет предан огню, а жители — мечу. Лишь один из гостей был, как и Беренд, гунном, низкорослый, с круглым, желтокожим лицом и глубоко посаженными глазами. Остальные принадлежали к разным народам, и у всех имелись веские причины покинуть родные края и присоединиться к Аттиле. Воинов среди них не было. Рядом с Берендом сидели ростовщики, купцы, торговцы, превыше всего ставящие собственную прибыль.

Они пытались найти способ сохранить те золотые потоки, что стекались в Рим со всех концов империи, и после того, как власть перешла бы в руки Аттилы.

От таких разговоров Микке стало не по себе, хотя внешне он ничем не выдал своих чувств. «Новых доказательств не требуется, — сказал он себе. — У них нет и тени сомнения, что армии Аттилы двинутся на Рим. Они так уверены в себе, что ничего не скрывают от меня, римского гражданина». Вспомнив гигантские военные лагеря,

что он видел на равнинах, Микка подумал, а сможет ли Аэций собрать войско, которое выдержит чудовищный напор гуннов. По мнению подавляющего большинства римлян, Микка и себя относил к их числу, Аэций был энергичным лидером, опытным военачальником, но ему не доставало таланта великих полководцев прошлого. Пожалуй, он уступал и прежнему командующему, Стилико.

А затем Беренд изменил тему разговора.

— Мы должны помнить, что перестали быть кочевниками. Никогда более мы не будем гнать стада и табуны вслед за уходящим летом. Настало время для нас глубоко пустить корни в плодородную почву юга.

— Скажи еще, что нам надобно пахать землю! — воскликнул Барик, второй гунн. — Плуг — символ рабства. Пусть остальные народы роются в земле. Наш удел — править миром с седел!

— У победы, о Барик, есть свои недостатки, — заметил Беренд. — Править миром мы будем из Рима, а не отсюда. Аттила будет сидеть во дворце Валентиниана. А мы, его верные слуги, в последний раз сложим наши войлочные шатры и сменим их на мраморные стены. Плуг будет символом образа жизни, который станет неизбежным после нашей победы.

— Ты хочешь сказать, что нам придется жить как римлянам? — вскричал его соплеменник. — Что мы каждый день будем париться в банях? Есть петушинные язычки и рыбы яйца?

— Говорят, сходить в баню — немалое удовольствие, — широко улыбнулся Беренд. — Но ты, похоже, все-таки не понял, о чем я веду речь, Барик. Давайте поговорим о чем-нибудь еще. Может, наш уважаемый гость расскажет нам занимательную историю?

И Микка взял на себя бразды правления. Мужчины, сидевшие вокруг очага, забыли свою озабоченность проблемами мировой торговли. Женщины не отрывали от его лица прекрасных черных глаз. Из реального мира Микка увел их в мир грез и сказок. Однако, он тщательно подбирал истории, которые рассказывал, с тем, чтобы после каждой задать несколько ненавязчивых вопросов. Разумеется, ни у кого из сидящих в шатре не возникло и мысли, что Микка не развлекает веселую компанию, но черпает из их ответов бесценную информацию.

Наконец, высокий старик пришел к выводу, что не стоит более испытывать судьбу. Поклонился хозяину и испросил разрешения удалиться.

— Если Рим падет, как вы предполагаете, — сказал он на прощание, — я увижу вас там. Печальный, обедневший, я все равно предложу вам что-нибудь купить, ибо я торговец, а не солдат, и, наверное, расскажу вам новые истории. Если же Рим не падет, вы не станете винить меня, гражданина римской империи, в том, что у меня есть на этот счет определенные сомнения, я буду по-прежнему появляться здесь и, надеюсь, меня будут встречать как давнего друга. Как бы то ни было, всем вам я хочу пожелать и в дальнейшем пребывать в добром здравии.

Когда он вышел из шатра, по небу плыла полная луна. Совсем в недалеком прошлом в такие ночи кочевники в степях востока во весь опор мчались на своих лошадях, а их толстые жены, взявшись за руки, водили хороводы и пели песни. Лунный свет оказывал на них и иное влияние, так что когда мужчина говорил об апрельском сыне или августовской дочери, он имел в виду не тот месяц, когда ребенок появлялся на свет. Сейчас же под луной во всех направлениях тянулись бесконечные ряды шатров. А Микка, в белом, длинном до щиколоток одеянии, с седой бородой, падающими на плечи волосами, напоминал пророка. Он зашагал к воротам. Жизнь в городе была ключом. С лотков продавали горячительные напитки, тела девушек извивались в бесстыдных танцах. Он медленно переходил от одной группы людей к другой, пока не заметил, что за ним следует какой-то мужчина. Микка остановился и, не оборачиваясь, спросил:

— Это ты?

— Да, господин мой Микка.

— Обойдемся без имен! Тебе надо изживать эту привычку, иначе в какой-то момент произнесенное тобой имя доставит тебе серьезные неприятности. У тебя есть для меня новости?

— Да, мой господин.

— Тогда приходи к моему шатру, первому за красными фургонами.

Полчаса спустя Микка в полной темноте сидел рядом с женщиной, что следовал за ним, и недовольно хмурился, слушая его.

— Получается, что ты ничего не сделал.

— Господин мой Микка! — запротестовал гость. — Я сделал все, что в моих силах. Клянусь бородой моих предков, меня не останавливал страх или нежелание выполнить твоё поручение. Просто ты не понимаешь, с какими мне пришлось столкнуться трудностями. Я должен дождаться благоприятного момента.

— Ждать больше нельзя, — отрезал Микка. — Ты видишь, какие армии собирает этот человек. Ты знаешь, что он собирается напасть на Рим. Есть только один способ отвести этот удар. Аттила должен умереть.

Он поднялся, выглянул из шатра, чтобы убедиться, что никто не подслушивает их разговор, опустил полог, нашел в темноте лампу, зажег ее. Поднял над головой, пристально вгляделся в гостя.

Он увидел худое, с крючковатым носом лицо, с черной курчавой бородой и волосами, забранными под белый тюрбан. Чувствовалось, что гостю, сидевшему скрестив ноги, как-то не по себе.

— Ала Сартак, — процедил Микка, — ты согласился выполнить задание, которое я предложил тебе. Ты взял золото. Тебе известно, чье это золото? Ты получил его от могущественного человека, Ала Сартак, и он сможет найти тебя на краю света.

— Я согласился выполнить твоё задание, — признал мужчина. — Я взял золото. Но я не знал, сколь бдительно охраняют

Аттилу. Если б я и смог приблизиться к нему, меня разрезали бы на куски, прежде чем я успел бы достать нож.

— Нужно найти способ разделаться с ним, — твердо заявил Микка. — Но прежде чем познакомить тебя со своим планом, я хочу показать тебе, что пути назад для тебя нет, и дальнейшей задержки мы тоже не потерпим. У нас есть более действенные рычаги, чем золото. Ты знаешь, что твой отец и два брата бежали из Моизии и теперь находятся на территории Римской империи? Достаточно одного моего слова, чтобы их вернули Аттиле. Что будет дальше, ты знаешь. Если это случится, их смерть будет на твоей совести, — Микка сурово глянул на гостя. — Это еще не все. Есть еще симпатичная вдова некоего ростовщика, богатого человека, которого вернули Аттиле и обезглавили. Если нам придется прибегать к крайним мерам, она тоже окажется у Аттилы. Полагаю, благополучие прекрасной вдовы заботит тебя больше, чем собственная шкура, не так ли, Ала Сартак? Ты же не хочешь, чтобы ее постигла судьба других пленниц Аттилы? — Ала Сартак испуганно вскинул глаза на купца, а тот продолжил все тем же ледяным тоном. — И ты ничего не добьешься, если пойдешь к людям Аттилы и скажешь, что Микка готовит покушение на жизнь вождя. Я, разумеется, умру, но умрешь и ты, а обоих твоих братьев передадут Аттиле. Да и прекрасная вдова станет рабыней какого-нибудь грязного гунна.

Затянувшееся молчание прервал вопрос гостя.

— Может, ты подскажешь мне способ подобраться к великому хану?

— Я понимаю, сколь велики стоящие перед тобой трудности, — тон Микки изменился, из него исчезли угрожающие нотки. — Но сегодня я получил важные сведения. Танджо планирует небольшую прогулку. По территории, где население невелико, а дороги проложены в густом лесу. Поездка держится в секрете, а потому сопровождать его будет небольшой отряд. В такой ситуации бдительность охраны наверняка притупится. Ты уедешь туда сегодня. Тебя примет богатый и влиятельный человек. Он поможет тебе изыскать возможность нанести точный удар. Если он достигнет цели, ты сможешь уехать оттуда целым и невредимым.

Вновь в шатре повисла тишина. Ала Сартак теребил бороду, глаза его беспокойно бегали.

— Я это сделаю, — наконец, выдал он.

Микка удовлетворенно кивнул.

— В случае успеха ты получишь еще больше золота. А когда империя гуннов развалится, что неизбежно произойдет после смерти Аттилы, тебя сочтут благодетелем человечества. Перед тобой откроются все двери, ты получишь все, что захочешь, — помолчав, Микка добавил. — Ты бросаешь нож с той же меткостью?

Ала Сартак кивнул, согнул и разогнул правую руку.

— Отнеси лампу в другой конец шатра, — попросил он. — Поставь на полку. Теперь отступи на пару шагов.

Микка повиновался. Ала Сартак вытащил из-за пояса нож, провел пальцем по острию, взмахнул правой рукой. В шатре стало темно: нож перерубил фитиль надвое.

— Это пустяк, — улыбнулся Ала Сартак. — Попасть в шею Аттилы будет куда сложнее.

ГЛАВА 5

1

Аттила проснулся на заре. Он боялся темноты, и рядом с его кроватью постоянно горел факел. По ночам в спальню через регулярные интервалы входил слуга, дабы убедиться, что факел горит. На этот раз случилось так, что факел потух. Аттила несколько секунд лежал в полной темноте, гадая, как такое могло случиться.

Черный Сайлес услышал, что Аттила заворочался в постели, и поспешил подняться по ступеням с чашей горячего молока. Аттила выпил его жадными глотками.

Эбонитовое лицо Черного Сайлеса расплылось в широкой улыбке.

— Я разбил его голову одним ударом. Он умер до того, как упал на пол.

— Ты поступил правильно, — кивнул правитель гуннов. — За это получишь награду.

Королевскому повару обещали награду и прежде, но дальше слов дело не шло. Едва ли что-то могло измениться и на этот раз. Но Черного Сайлеса радовала даже похвала его господина.

Гизо услышал голоса в спальне и поспешил к Аттиле.

— Онегезий, — рыкнул тот. — Мне он нужен.

— Твой верный Онегезий любит поспать. В отличие от тебя, великий Танджо, он не просыпается вместе с солнцем, с головой, полной новых планов, — Гизо махнул рукой в сторону обеденного зала. — Может, он там. Многие слишком напились и уснули прямо на полу.

Гизо подошел к занавесям, чуть отодвинул их, обозрел обеденный зал. Начал считать спящих.

— Двадцать три, — объявил он. — Фу! Как же они храпят! — он взглянул в лежащие тела. — Онегезий тут. В хорошей компании. Головой лежит на толстом животе Ноннаса из Бургундии, а ноги положил на костлявого гота Меналиппа. Я спущусь вниз и разбужу его.

Он затопал по ступенькам. Снизу донесся плеск льющейся воды, и несколько минут спустя Онегезий вошел в спальню. Мокрый с головы до ног, но со все еще сонными глазами. Аттила хлопнул в ладоши, и Гизо с Черным Сайлесом ретировались.

— У меня есть для тебя работа, — Аттила опустил ноги на пол, начал неторопливо одеваться. — В Рим надо отправить послов. Немедленно. Выбери трех человек, самых лучших, которых хорошо

знают римляне. Они должны испросить аудиенцию у императора и потребовать отправки сюда обещанной мне в жены принцессы Гонории. Вместе с ней я должен получить право на владение половиной провинций Рима. Император, разумеется, им откажет, а я получу отличный предлог для объявления войны.

Глаза Онегезия изумленно раскрылись.

— Я не понимаю, великий Танджо. Разве принцесса Гонория твоя невеста? Я об этом ничего не слышал.

— Меня самого поставили в известность несколько часов тому назад, — объяснил Аттила. Он показал кольцо. — Вот оно — ее согласие. Она направила ко мне посыльного, этого Гиацинтia, что прибыл с караваном Микки, переодетый торговцем тканями. Она готова выйти за меня замуж, если я возвращу ей свободу и отнятые у нее привилегии.

Онегезий по-прежнему пребывал в недоумении.

— Но, насколько я слышал, принцессу собирались выдать замуж за какого-то старого рогоносца. Что же касается ее наследства, то его у нее практически нет. По закону Двенадцати Таблиц она не может требовать никаких земель.

Аттила встал с кровати.

— Это твой самый большой недостаток. Тебя слишком заботят факты. Принцессе не положены в приданое принадлежащие Риму земли. Но даже зная об этом, почему я не могу потребовать половину Римской империи? Ты пробыл со мной достаточно долго, чтобы знать, что моя политика основана на использовании человеческих слабостей. Чем большую ты говоришь ложь, тем больше вероятность убедить людей, что это правда. Чем абсурдней требование, тем больше конечная выгода. Таковы мои правила, и тебе пора это осознать, Онегезий. Во-первых, никогда не говори правду, если ложь лучше послужит намеченной цели. И никогда не ограничивайся маленькой ложью, поскольку люди скорее поверят в большую. Во-вторых, не требуй малого. Проси все, даже если на то нет оснований. И очень медленно отступай с первоначально занятой позиции. Ясно тебе?

Онегезий кивнул, хотя, несомненно, доводы Аттилы не показались ему абсолютной истиной.

— Значит, ты собираешься взять принцессу в жены?

— Вот в этом полной уверенности у меня нет, — ответил Аттила. — Может, я лишь ограничусь требованием ее руки, которое император Валентиниан с презрением отвергнет. Если же женитьба на Гонории укрепит мою империю, я, безусловно, возьму ее в жены. Почему нет? — он вопросительно взглянул на Онегезия. — Или ты полагаешь, что я ничего не выгадаю, женившись на принцессе римского императорского дома?

— Я вижу один недостаток, — честно ответил Онегезий. — Ты всегда требовал девственности от своих жен. А теперь намерен жениться на женщине с ворохом любовников? Ты не боишься, что мир будет смеяться над тобой, если ты женишься на шлюхе?

Аттила вскинул руки в притворном отчаянии.

— Ты ничего не понимаешь, ничему не хочешь учиться. Если я сочту необходимым жениться на этой даме, я сочиню историю, которая убедит мир в ее целомудренности, — он опустил одну руку и уперся пальцем в грудь помощника. — Я ее уже сочинил. Я объявлю во всеуслышание, что Гонория стала жертвой жадности брата. Ради того, чтобы захватить сокровища и земли Гонории, он распустил слух о ее романе с кем-то из челяди. А для того, чтобы подкрепить первую ложь, стал говорить о ее мнимых похождениях. Если повторять это достаточно громко и часто, со временем даже сам император Валентиниан задумается, а гулящая ли у него сестра.

Онегезий не мог не восхититься предложенным решением.

— Может, твоя история и есть истина, — признал он.

— Может и так. Откуда нам знать?

— Когда, о великий Танджо, должны уехать послы?

— Этим вечером. Кстати, сообщи в Константинополь, да и другим монархам, о тех требованиях, что мы предъявляем императору Рима.

2

Появился Гизо, чтобы сообщить о прибытии раннего визитера.

— Твоя лучшая, любимая жена.

В спальню влетела Айя. С посеревшим лицом, в обвисшем платье.

— О великий владыка всей земли, мы сожалеем о том случившемся несчастье. Не знаю, есть ли тут чья-то вина...

— Выкладывай, да побыстрее, — оборвал ее Аттила.

Но Айя молчала, и он сам догадался, что произошло.

— Ты пришла сказать, что девушка мертва.

Потерявшая на мгновение дар речи, Айя кивнула.

Аттила так долго и пристально смотрел на нее, что женщина едва не закричала от ужаса. Он, однако, не обрушился на нее с угрозами.

— Я этого ожидал, — Аттила помолчал, прежде чем добавить. — Мои приказы соблюдались?

Айя, чуть успокоившись, обрела способность говорить.

— Да, великий Танджо. Горе сломило ее, и она плакала много часов подряд. Я присматривала за ней, как ты и приказал. Две женщины находились рядом с девушкой, пока она не заснула.

— Как это произошло?

— Должно быть, она проснулась ночью и попыталась убежать. Четверть часа тому назад ее нашли под стеной. Со стрелой в груди. Охранник тут ни при чем. Он клянется, что ничего не слышал, и все стрелы у него в колчане. Стрелял не он, о великий Танджо.

Онегезий отвел своего господина в сторону. Известие потрясло Аттилу. Лицо его разом осунулось, глаза затуманились.

— Это работа тех, кто подменил листок с именем. Они нашли способ убить не только отца, но и дочь.

— Скорее всего, ты прав, — пробормотал вождь гуннов.

— Тогда пора признать правду. Это дело рук одной из твоих жен, что родили тебе по сыну, и их родственников, которые рассчитывают на его благоволение в будущем. Они позаботились о том, чтобы заранее избавиться от потенциально опасного соперника, — он изучающе глянул в лицо Аттилы, опасаясь, что зашел слишком далеко. — Сыновей родили тебе четверо. Возможно, любая из них способна и на такое.

Аттила кивнул.

— Да, ты прав. Способна каждая. Всех их распирает гордость и честолюбие, как львицы они готовы на все ради своего детеныша. Даже Серка... скорее всего, именно моя милая, уравновешенная Серка стоит за всем этим... Онегезий, добудь доказательства и приведи ко мне виновных. Но ударить мы должны наверняка. Я хочу точно знать, кто виноват. А получив доказательства, мы не станем поднимать шума. Я не хочу громкого скандала. Я не хочу, чтобы мир знал о том, что одна из моих жен интригует против меня. Виновная и ее братья, если они тоже окажутся замешанными, исчезнут, и более о них никто никогда не услышит. Это останется тайной, разгадать которую никому не удастся. Охранника казнить немедленно.

— Хорошо, — кивнул Онегезий. — Я займусь этим в первую очередь.

— Казнив охранника, мы покажем, что считаем его убийцей Сванхильды, — Аттила помолчал, перед его мысленным взором возникла золотоволосая красавица. — Пусть он умрет быстро и легко. Скорее всего, он был хорошим солдатом. Его смерть усыпит бдительность настоящих виновников, и нам будет легче вызнать правду.

Аттила держал в руке синюю тунику. Но, вместо того, чтобы надеть ее, швырнул на кровать.

— Я не могу одевать лучший наряд, когда эта крошка лежит со стрелой в груди, — он шагнул к Айе. — Они думают, что я откажусь от привычки выбирать новых жен? — вскричал он. — Передай мои слова этим интриганкам и предательницам, что окружают тебя во Дворе. Пусть убийца невинной девушки тоже это услышит. Я намерен вновь жениться. Знаешь, кто моя новая избранница? Сестра императора Рима! Скажи им, что с этого часа я ввожу новый порядок. У меня будет одна жена, принцесса Гонория. Она будет жить в собственном дворце, ей будут прислуживать благородные дамы, у нее будет своя охрана. А остальные станут наложницами. Скажи им это, моя Айя, и понаблюдай, как побелеют их лица и наполнятся страхом глаза. Тотчас же ступай к ним.

Айю как ветром сдуло. Настроение же Аттилы изменилось. Он грустно вздохнул.

— Я говорил серьезно, Онегезий. Я хочу, чтобы у меня была одна жена, которая будет сидеть на троне рядом со мной. Императрица всего мира. Если Микка сказал о принцессе правду, этой

женой будет она. Но я думаю, что, скорее всего, этой новой женой станет другая девушка, которую ты мне найдешь, — он положил руку на плечо Онегезия. — Да, ты мне ее найдешь.

— Я? — вскричал Онегезий. — Кого я найду? Где?

— Вот что я поручаю тебе. Ты должен найти мне жену, которая заставит меня забыть крошку, что убили этой ночью. Если понадобится, обыщи весь мир. Пусть твои люди побывают везде и всюду. Дай знать, что мы наградим того, кто укажет, где найти красавицу, которая нам нужна. Трудную задачу возлагаю я на тебя, Онегезий, поскольку не так-то просто стереть Сванхильду из моей памяти.

— Она должна быть еще прекраснее, — продолжал Аттила после короткой паузы. — С золотыми, как солнечные лучи, волосами. Мне не нужны восточные девушки с их черными глазами. Таких у меня полно. Глаза у нее должны быть синими как небо. Талия — осиной. Я устал от полногрудых гусынь. Ты знаешь, где можно найти мне такую жену, Онегезий?

Тот поник головой.

— Нет, о король королей. Но я найду ее для тебя.

— И найди ее побыстрее, — в голосе Аттилы послышалась угроза. — Задержки я не потерплю. Мне нужно забыть Сванхильду.

ГЛАВА 6

1

С облегчением Аттила переключился на военные дела. Ковыляя на коротеньких ножках, спустился в залу под спальней. Нашел Всегда-одетого за столом, где днем раньше сидели его военачальники. Николан Ильдербурф работал всю ночь, но выполнил поручение Аттилы. На длинном столе лежали четыре стопки листов пергамента, по одной для каждой из армий, идущих с Востока.

Еще юный, высокий, стройный (в компании ширококостных гуннов он казался просто хрупким), темноволосый и черноглазый, Николан чем-то напоминал грека, умными глазами, высоким лбом, может, изящными руками. По первому взгляду складывалось впечатление, что ему самое место за глыбой мрамора или перед чистым холстом, но хватало нескольких секунд, чтобы понять обманчивость артистической внешности. За столом сидел человек действия, активный, энергичный, схватывающий все на лету и с ходу использующий полученные сведения. И сравнивать его стоило не с греком, а с закаленным клинком, с острейшим из лезвий и с великолепной рукоятью.

— Я закончил, великий хан, — доложил Николан, указывая на стопки пергаментов. — Вот твои приказы.

Аттила не считал нужным задавать какие-либо вопросы. Он знал, что в документах содержится исчерпывающая информация. Армии, движущиеся с Востока, узнают из них, когда сниматься с места, по каким дорогам, сколько проходить в день, где найти съестные при-

пасы и воду, где и когда форсировать реки. Все было расписано ясно и понятно. Четыре армии друг за другом пересекут Дакию и пройдут вдоль Дуная, нигде не столкнувшись с другими частями. Следовать приказам не составляло труда. Более того, они не требовали невозможного, а потому помешать их выполнению могла лишь полная некомпетентность командующих. И в этом случае поиск виноватого не занял бы много времени.

— Их нужно отправить немедленно, — распорядился Аттила. Пристально посмотрел на своего помощника. — Ты устал?

— Немного, о король.

Солнце уже ярко светило в окна, в зале было душно и тепло. Николан, однако, оставался в плотной тунике, застегнутой у ворота. Он потер глаза, отгоняя сон.

Аттила присел к столу.

— Я награжу тебя еще одним важным поручением. Тебе придется выехать после полудня.

Николан согласно кивнул.

— Несколько часов сна и я смогу ехать, — и добавил, показывая, что, в отличие от многих, не испытывает к правителю никакого страха. — Давным-давно ты обещал мне другую награду, и мне пора ее получить. Я говорю о возвращении моих земель, о король королев. Их надобно отобрать у Финнинальдеров. Они незаконно купили их у Ванния после убийства моего отца. Ты должен восстановить справедливость, о могущественный король. Ванний не имел законного права захватывать эти земли. Из денег, заплаченных Финнинальдерами, казна не получила ни единой сестерции. Ванний все оставил себе. Он ограбил и тебя, главу государства. Разве не пришло время воздать виновным по заслугам?

Аттила нахмурился. И ответил после долгой паузы.

— Я недостаточно хорошо знаком с этим делом. Могу лишь пообещать тебе, что во всем разберусь.

Но Николана такой ответ не устроил.

— Это обещание я уже слышал несколько раз, — его лицо полыхнуло злым румянцем. — Разве я плохо служу тебе? Я не прошу награды, о великий Танджо, я лишь пекусь о восстановлении справедливости.

— Нечего давить на меня! — возвысил голос и Аттила. — Мы готовимся к войне. Когда мы победим, у нас будет много земель и золота, так что ты получишь свою, и, уверяю тебя, немалую долю. Не предпочтешь ли ты поместья в теплой Италии тому клочку земли, из-за которого ты не даешь мне покоя?

Николан покачал головой.

— Мне ничего не нужно в этом мире, кроме земель моего отца.

— Туда я и посылаю тебя. Отправляйся. Отложим этот разговор. Выполни мое поручение, а потом мы поговорим о твоих землях, — и взмахом руки остановил возражения Николана, показывая, что тема закрыта. — Странно, что я никогда не бывал в стране, откуда ты родом, хотя находится она совсем рядом. И из-

вестно мне о ней лишь одно: тамошний народ выращивает хороших лошадей. Говорят, правда, что у вас много красивых женщин.

Николан гордо вскинул голову.

— Наши лошади — лучшие в мире, о могущественный Танджо.

— Лучшие? Голословное утверждение. Ты пробыл у нас достаточно долго, чтобы увидеть, что лошади гуннов лучше всех.

— Приезжай на плоскогорье, о великий король, и ты все увидишь своими глазами. Наши лошади не уступают в скорости арабским, но более выносливые. Они большие и красивые. Сравнимых с ними не найдешь нигде.

— Ты еще скажешь, что твои соотечественники лучшие всадники, чем гунны.

Николан вновь кивнул.

— Думаю, что так. Они обходятся без седел.

Аттила рассмеялся.

— Пока я вижу, что на плоскогорье выращивают отличных болтунов. Ладно, скоро я побываю там и оценю достоинства как людей, так и лошадей. Жди меня там через полмесяца. Но влекут меня на плоскогорье не лошади. Я также хочу найти себе новую жену, с золотистыми волосами и белоснежной кожей, со стройной, как тростинка, фигурой. Мне сказали, что вы черноволосый народ, но иногда ваши женщины рождаются с волосами, как солнце. Мне хочется повидать все самому, и великолепных лошадей, быстрых, как ветер, и золотоволосых женщин.

Николан помрачнел. Теперь визит Аттилы на плоскогорье, мягко говоря, не радовал его.

— Ты хочешь, чтобы я поехал с тобой, великий Танджо?

Аттила покачал головой.

— Я хочу, чтобы ты поехал первым. Мой отъезд не скроешь. Народ у нас ушлый, так что они спрячут все то, что не захотят мне показать. Лучшие лошади исчезнут до того, как я пересеку границу. Прекрасные дочери растворятся в воздухе, как дым. Я знаю все трюки моих подданных. Так что ты поедешь раньше меня, а потом доложишь обо всем, что увидел.

— Ты хочешь, чтобы я шпионил для тебя, — в тоне Николана послышались возмущенные нотки.

Глаза Аттилы сузились.

— Ты что, не хочешь мне служить? Ставишь интересы своего народа выше моих?

Николан взглянул вождю прямо в глаза, зная, что правитель половины мира может взорваться после его ответа словно вулкан.

— Ты прав, о король, к такому поручению у меня не лежит душа. Но я поеду перед тобой и предоставлю тебе полный отчет об увиденном. Позволишь сказать почему?

Аттила кивнул. Николан поднялся, снял тунику, повернулся, чтобы император гуннов мог увидеть его спину. Она представляла собой месиво ужасных шрамов, переkreщивающихся, глубоких, отвратительных на вид, хотя раны, вызвавшие их, давно зажили.

— Люди содрогаются, когда видят мою спину, поэтому я никогда не выставляю ее напоказ. Отсюда и прозвище Тогалатий, или Всегда-одетый. Это сделали римляне, о король королей, — он вновь надел тунику. — Они убили моего отца, отвезли меня и мою мать в Рим и продали там как рабов. Моя любимая мама умерла, к счастью для нее. Она не смогла вынести такой жизни. Я же стал рабом во дворце Аэция...

Глаза Аттилы блеснули.

— Во дворце Аэция? Моего давнего, доброго друга Аэция. Скажи мне, Тогалатий, каким он показался тебе хозяином?

— Ты видел мою спину, — ответил Николан. — Нужно ли что добавлять? Кроме разве одного: поскольку Аэций командует армиями Рима, я сделаю все, чтобы твои войска не испытывали недостатка в лошадях.

Тут заговорил Аттила.

— Он был таким красивым и одаренным мальчиком, этот мой давний друг. Со своими длинными ногами он легко обгонял меня. Он мог читать и говорить на нескольких языках, играть на лютне, петь. Как он смеялся, если побеждал меня в чем-либо, — он повернулся к Николану. — Ненависть к нему вдохновляла тебя, когда ты принялся за работу вчера вечером, и позволила избежать малейших ошибок в этих приказах?

Николан коротко кивнул, на его щеках затеплился гневный румянец.

— Я все перепроверял дважды, о король. Потому-то и успел закончить работу только к утру. Я хотел, чтобы твои армии прибыли с Востока вовремя и в полной боевой готовности.

Аттила уже позабыл о трагической смерти Сванхильды. Он довольно хохотнул.

— Похоже, мне повезло, мой юный Тогалатий, что в Риме ты попал именно к Аэцию.

2

После того как правитель гуннов отбыл, кто-то зашевелился в гряде тряпья под столом, за которым он сидел. Тряпье отлетело в сторону, и из-под стола вылез мужчина с рыжими волосами и широким, добродушным лицом. Когда он поднялся, стало ясно, что он выше большинства на многие дюймы. Мужчина потянулся, зевнул.

— Я голоден, — объявил он.

— Ты всегда голоден, Ивар, — отметил Николан.

Бритонец, которого предлагали выставить против Улдина Булгарского, рассмеялся.

— У меня большое тело, мой деловой, быстро пишущий друг. Как ты думаешь, добудем мы здесь еды?

Николан подошел к двери.

— Сайлес, ленивый бездельник! — крикнул он. — Принеси еды. Самой лучшей да побольше. Если у тебя есть сомнения, вправе ли я требовать чего-то от тебя, спроси человека, чьи шаги сейчас слышатся над нами. Он скажет тебе, что ты должен как следует накормить нас, — он вернулся к Ивару, возвышающемуся над ним на добрые полголовы. — Это будет единственная награда за мою ночную работу. Ты слышал, о чем мы говорили, великий вождь и я?

Ивар кивнул.

— Я проснулся, когда гроза всех народов вошел в залу. И решил, что лучше всего не высовываться и не привлекать к себе внимания. Но я все слышал. Ник, друг мой, ты сделаешь все, что он приказал? Станешь его шпионом на родной земле?

Молодой человек с плоскогорья, которому Аттила доверил организовывать движение армий, посмотрел Ивару в глаза.

— Ты слышал мой ответ. Полагаешь, мне не следовало соглашаться?

По выражению лица британца чувствовалось, что он сильно сомневается в правильности принятого решения.

— Даже не знаю. Трудно, знаешь ли, идти против своего народа.

— Да, трудно, — согласился Николян. — Но мой народ находится в сложном положении. Мы живем на плоскогорье, и нас очень мало в сравнении с теми, кто нас окружает. У нас не было возможности сохранить независимость. Сначала нас поглотили и развратили римляне, навязавшие нам свои законы и обычаи. Потом пришли гунны. Многие поколения прожили в подчинении у других народов. Большинство моих соотечественников предпочитают римлян гуннам. Я — нет. Они, в отличие от меня, не знают, сколь ленивы, жестоки и продажны нынешние римляне. За гуннами, по крайней мере, сила. Если уж служить, то сильному человеку, а не изнеженному завсегдатаю бань.

— Но, друг мой, вопрос не в том, кому служить, а сколь далеко может зайти твоя служба, — заметил британец. — Я почти не рассказывал о себе. Мой отец был рабом у богатого латифундиста. Он ходил с железным ярмом на шее, и когда я научился ходить, мне подвесили точно такое же. Достаточно большое, чтобы я проносил его всю жизнь. Но они не ожидали, что я вырасту такой большой. Когда мне исполнилось пятнадцать, старое ярмо заменили на более увесистое. Когда стало ясно, что я очень силен, меня продали римскому торговцу, который полагал, что из меня получится хороший гладиатор. Но Рим принял христианство, и гладиаторские бои запретили до того, как я закончил школу гладиаторов, — его глаза затуманились. — Ты можешь подумать, что я ничем не обязан стране, в которой родился. Она лишь награждала меня побоями да отняла право стоять во весь рост и зваться человеком. И все же, друг мой, меня тянет туда. Я все время вспоминаю сладкий воздух и плодородные поля, дававшие столько еды, что и мне, рабу, хватало ее вволю, — он потрянул головой. — Я не могу причинить моей стране вреда. Придет день, когда я туда вернусь.

— Я люблю свою страну не меньше твоего, — воскликнул Николан. — Воздух там столь же сладок, а поля плодородны. Более всего на свете я хотел бы вновь побывать на празднике скачек, Трампингоф-Бау. Там осталась девушка, с которой я мечтаю встретиться, хотя, возможно, ее уже выдали замуж. Девушка с золотистыми волосами и искоркой в глазах, — он положил руку на массивное плечо друга. — Вот чем я могу утешить тебя, мой могучий Ивар. Я решил, что, вернувшись в мою страну, первым делом загляну к христианскому священнику. Он живет там с дней моего детства, главным образом, в тайных убежищах, поскольку Аттила не жалует миссионеров-священников с того острова, откуда родом твой отец.

Ивар удивленно изогнул бровь.

— Каким образом британский священник проповедует христианство в твоём краю? Почему он не остался со своим народом?

— Я задам ему этот вопрос, — улыбнулся Николан. — Он очень мудр и сразу видит суть проблемы. Я расскажу, что от меня требуют, и спрошу, что же мне делать. Он наверняка найдет правильный ответ, этот улыбающийся старый священник. А я последую его совету. Тебя это устраивает?

В залу вошел Черный Сайлес. Он принес блюдо с мясом и чашу с кумысом. Поставил и то, и другое на стол. Проголодавшийся Ивар, не теряя ни секунды, набросился на еду.

— Не удивительно, что ты такой большой, — усмехнулся повар. — У тебя отменный аппетит. С этим булгарином ты бы расправился в два счета, не так?

По их возвращении в столицу, Николану и Ивару рассказали о том, что произошло в обеденном зале. Бритонец кивнул, не отрываясь от еды.

— Полагаю, ты прав, Сайлес. Но я рад, что ты прикончил его за меня.

Николану есть не хотелось. После ухода повара он подошел к окну у потолка, в которое вливался яркий солнечный свет, второй раз снял тунику, сел к солнцу исполосованной спиной.

Ночное бдение и солнечное тепло навели его на воспоминания. Перед его мысленным взором пронеслось все, что случилось с ним после того ужасного дня, когда римский работородец с изуродованным шрамом лицом вошел в дом Ильдербурфов. Он помнил охватившую его панику, крики испуганных слуг, нейстовое ржание лошадей и старуху Маффу, выкрикивающую проклятия.

ГЛАВА 7

1

Старая Маффа кричала и кричала, пока один из солдат не положил этому конец. По взмаху толстой, в веснушках, руки римлянина, изменившего своей стране, он подошел к сердитой старой

женщине. Короткий удар меча, разверзшаяся рана на шее служанки и тишина.

В то утро Николан проснулся рано. Ночью он спал плохо, взволнованный жарким спором, разгоревшимся предыдущим вечером между отцом и матерью. Его мать, мудрая, красивая женщина, умоляла Саладара, главу семейства Ильдербурфов, изменить свое отношение к Ваннию, римлянину-оборванцу, как его все звали, опуская настоящее имя, Понтий Ориенс, бежавшему из Рима, когда выяснилось, что он слишком глубоко запустил свою руку в императорскую казну. Аттила вверил ему в управление целую страну, с условием, что будут получены высокие налоги. С этим Ванний справился, нещадно обвиняя целые семьи в несуществующих правонарушениях и конфискуя земли и лошадей. Служа Аттиле, он не забывал и себя, так что все ненавидели этого злобного тирана, поселившегося на плоскогорье с целым гаремом желтокожих жен.

— Саладар, Саладар! — темные глаза матери Николана переполнял ужас. — Ты должен хоть немного склониться перед ним. Его власть над нами безгранична. Если ты будешь так же резко отвечать ему, он отнимет у нас все. С этим я готова смириться. Но мне не дает спать по ночам страх за твою жизнь.

— Аманина, — в голосе Саладара чувствовалась любовь к жене, — мне очень жаль, что ты так тревожишься. Но скажу тебе раз и навсегда, я не намерен подчиняться этому слуге богов зла. Не могу я гнуть спину перед изменником и вором. Его требования повергают меня в ярость. Я не смирюсь, хотя ты и просишь меня об этом, Аманина.

— Но мой муж и господин, меня заботит лишь твоя безопасность. Неужели ты думаешь, что я волнуюсь из-за земли, лошадей, тех маленьких кусочков золота, что мы сберегли? Нет, нет, Саладар, по мне лучше жить в нищете, чем видеть тебя склонившимся перед этим чудовищем. Но твоя жизнь, о мой Саладар, дороже, чем наша гордость. Ею надо поступиться. Хотя бы немного, о любимый мой. Ублажи его тщеславие. О, Саладар, Саладар! Умоляю тебя, будь с ним помягче.

Еще до рассвета Николан понял, что более не может ворочаться в постели. Встал, оделся в темноте, выругался, ударившись ногой о кровать с ножками из слоновой кости. Семья Ильдербурфов уже много поколений славилась своим богатством, и в их доме хватало дорогих и красивых вещей. В темноте же он направился к западным лугам, на которых паслись лошади. Он думал о том, каких отличных скакунов подготовили они к ежегодным весенним скачкам. Впрочем, лошади практически всегда занимали его мысли. В свои пятнадцать лет он, как было принято в его народе, полагал, что только лошади достойны внимания мужчины. До скачек оставалась неделя, и Николан проводил в табуне все свободное время, ухаживая за скакунами и обсуждая с Сидо, надсмотрщиком, их шансы. Длинный хлыст Сидо, часто гуляющий по ногам и плечам его помощников, никогда не касался спины или бока лошади.

Еще не рассвело, когда Николан добрался до лугов. Заложив два пальца в рот, громко свистнул. Мгновенно ему ответило ржание и со всех сторон к нему помчались лошади. Николан гордо улыбнулся. «Мои маленькие друзья, — сказал он себе. — Они меня знают».

Скоро они окружили его. Солнце краешком диска выглянуло из-за хребта на востоке, и в полусумраке он видел стоящие торчком уши и грациозные длинные ноги лошадей.

— Мои любимчики! — он потрепал двух ближайших по гривам. — Я буду гордиться вами после скачек, не так ли? Вы выигрываете все призы, мои маленькие друзья.

— Кто здесь? — спросили из темноты. Тон не оставлял сомнений, что Сидо рассержен.

— Это я, Николан. Я пришел посмотреть, как себя чувствуют наши друзья.

Он услышал над головой посвист хлыста.

— Чего тебя принесло в такую рань? Ты только поднял меня с постели. Я уж подумал, что кто-то хочет украсть лошадей. В темноте я тебя не разглядел, так что едва не прошелся кнутом по твоей спине. А следовало бы задать тебе трепку, — пробурчал Сидо. — Если еще раз увижу тебя здесь ночью, господин Ник, получишь по заслугам.

Николай знал, что у Сидо слово не расходится с делом. Прделки юноши частенько оканчивались общением хлыста надсмотрщика с его ногами.

— Но они откликаются на мой свист, — торжествующе воскликнул он. — Ты слышал, как они скакали через луг. Не скакали, а просто летели. Я думаю, в этом году они выиграют скачки.

Сидо покивал.

— В этом году у нас отличные лошади. Глаза нужного цвета, ни намек на синеву. Точеные шеи, сильные спины. Когда они вырастут, они будут котироваться выше арабских скакунов. Но говорить, выиграют они скачки или нет, пока рано. Все решится там.

— Я уверен в нашей победе, — уверенно заявил Николан.

Солнце поднялось уже достаточно высоко, чтобы он мог разглядеть на шее каждой лошади амулет против яда и злых чар.

И в этот самый момент до них донесся поднявшийся у дома шум: крики мужчин, вопли женщин, удары мечей о щиты. Вспомнив вечерний разговор, Николан понял, что это все значит: ненавистный Ванний явился, чтобы завладеть собственностью Ильдербурфов, а его отец взялся за меч, дабы изгнать незваного гостя. Юноша тут же повернулся и бросился к дому.

Сидо также догадался, что сие означает. Появления Ванния ждали давно. Он понял, что помочь ничем не сможет: схватка закончится до того, как он успеет добежать до дома. А потому решил сделать то, что в его силах: спрятать лучших лошадей в Черной ложине. Сложив руки рупором, он прокричал помощникам несколько коротких команд, и через пару-тройку минут лошади, сбитые в плотный табун, покинули луг.

Борьба уже завершилась трагическим концом, когда Николай взбежал на зеленый холм, на котором стоял дом Ильдербурфов. Соппротивление длилось недолго, поскольку часовой, оставленный следить за дорогой, задремал, и удар римского меча лишил его чувств до того, как он успел поднять тревогу. Саладар, спавший очень чутко, схватился за меч, лишь когда по каменным плитам двора зацокали железные подковы. Но нападающих было куда больше, поэтому он и трое его верных слуг упали, пронзенные мечами.

И Николай, вбежав во двор, увидел мать, стоящую перед Ваннием со связанными за спиной руками, с посеревшим от горя лицом. Тело его отца лежало на плитах. Привычный мальчику мир разом рухнул, и он не оказал никакого сопротивления двум прислужникам Ванния, которые грубо схватили его и подтащили к матери.

Ванний развалился в прекрасном кресле, сработанном мастерами Греции, которое вытащили из дома. Жирный, обрюзгший, с лицом, покрытым паутиной фиолетовых вен.

— Это сын? — пренебрежительно спросил он.

Получив подтверждение, что Николай — законный наследник земель и собственности Ильдербурфов, Ванний вяло махнул рукой в сторону тела Саладара.

— Все, что принадлежало этому предателю, конфисковано, — взгляд его налитых кровью глаз остановился на Николае. — Парня вместе с матерью вышвырнуть отсюда. Если, конечно, Тригетий, думающий лишь о собственной выгоде, даст за них разумную цену.

— Нас продадут в рабство, — прошептала ему Аманина. Николай едва узнал голос матери, в котором не осталось ничего человеческого.

Тут он обратил внимание на мужчину, стоящего у кресла, в котором развалился Ванний, римлянина с цепким взглядом и шрамом на щеке, придававшим лицу злодейское выражение. Он понял, что смотрит на Тригетия. На плато каждый слышал о нем, беспринципном работаровце.

Подумав, Тригетий назвал свою цену.

— Этого мало, мой прижимистый Тригетий, — заявил губернатор. — Столько стоит одна вдова, а ты получаешь в придачу и мальчишку.

Тригетий более не смотрел на Аманину, уже решив для себя, что продаст ее с немалой выгодой пожилому римлянину, обожающему красивых рабынь. Теперь он пристально разглядывал Николая.

— Он такой тощий. На его теле можно пересчитать все ребра. Едва ли кто польстится на него.

— Я обращусь к Аттиле! — вскричал Николай. — Мой отец не нарушал законов. Ты убил его, чтобы он не мог сказать и слова в свою защиту.

Глаза Ванния повернулись к юноше.

— Я представляю здесь Аттилу и действую от его имени. Обращаясь к Аттиле, ты обращаешься ко мне. Вбей это себе в голову, несмысленный.

— Аттила не знает, что ты творишь от его имени, — не унился Николан. — Все говорят, что он милостив к тем, кто признает его власть.

— Этому петушку надо укоротить гребешок, — в голосе Ванния послышались сердитые нотки. — Пожалуй, мне не найти ему большего наказания, чем передать в руки любезнейшего Тригетия, который знает, как заставить человека придержать язык и смирить гордыню. После того, что он мне наговорил, я более не желаю торговаться. Бери их обоих, о добрый Тригетий. Добавь этот опал, что ты носишь на шее, и я соглашусь на твою цену.

Работорговец снял драгоценный камень с тяжелой золотой цепочки.

— Я дам тебе только опал. Цепь стоит куда больше, чем этот юный наглец, — он опустил камень в подставленную ладонь губернатора. — По рукам, о Ванний. Я заплачу тебе римским золотом, да ты и не согласишься на другую плату. Позволь сказать тебе, что я с радостью расстанусь с этим камнем. Подозреваю, он приносил мне только неприятности...

— Николан, ни слова больше, — прошептала Аманина на ухо сыну. — Нам будет только хуже, если ты их разозлишь.

А Тригетий повернулся к своему слуге.

— Свяжи парню руки. Мы отбываем немедленно, и я не хочу, чтобы он сбежал. Если начнет выкабениваться, познакомь его со своим кнутом.

2

К концу дня к каравану римского торговца добавилась еще дюжина рабов, мужчин и женщин, запуганных настолько, что они не решались даже шептаться между собой. Были среди них и те, кого Тригетий купил не у Ванния, а у жителей плоскогорья, продавших в рабство своих соотечественников. Из соображений безопасности Тригетий разбил лагерь вдалеке от дороги. Двоих своих слуг отправил в дозор, а остальные занялись приготовлением пищи. Николану и его матери есть совсем не хотелось, и работорговец, от глаз которого ничего не ускользало, не замедлил предостеречь их.

— Если завтра вы упадете на дороге без чувств или будете отставать, пеняйте на себя. Для рабов у меня припасено сильнодействующее снадобье.

— Сегодня утром у меня убили мужа, — напомнила ему Аманина.

Торговец покачал головой.

— Тебе бы лучше думать о завтрашнем дне, когда голод заставит забыть о горе, — он оглядел ее с головы до ног. — Ты же

порядочная женщина. Присядь, и я кое-что расскажу тебе, для твоей же пользы, — и сел сам. — Я занимаюсь торговлей рабами и стремлюсь к тому, чтобы получить максимальную прибыль. Я человек не жестокий, но не могу смешивать чувства и работу. Сфера моей деятельности — пограничные провинции, из которых недавно ушли римляне. Чем неопределеннее там обстановка, тем мне легче покупать рабов по низким ценам. Чаще всего я покупаю детей. Их продают родители. Если голодных ртов становится слишком много, с какими-то расстанутся, чтобы прокормить остальных. С детьми у меня никаких хлопот. Один щелчок кнута, и они уже все понимают. Но наибольший навар дают мне такие женщины, как ты, благородного происхождения, приятной наружности, в теле. Возможно, ты мне не поверишь, но в данной ситуации наши интересы совпадают. Тебе нужны хороший хозяин и легкая жизнь, и именно он даст мне за тебя самую высокую цену, — Тригетий покивал, как бы подчеркивая последнюю фразу. — В знатных римских семьях всегда есть работа для рабыни. Я могу найти такую, что ищет *augo graepositia*. Эта работа вполне подойдет тебе, поскольку всех-то делов — держать золотое блюдо и следить, чтобы оно всегда блестело. Семьям постоянно требуются *lectors*. Часто нужна *corinthiaria*, присматривающая за бронзовыми вазами. Несколько ниже, но тоже вполне достойное место *structia*, которая присматривает за приготовлением кондитерских изделий, или *rapiscostaria*, на которую возложена выпечка тортов, — в глазах его блеснул огонек. — Есть еще более легкие занятия, о которых мне нет нужды упоминать, поскольку ты высоконравственная женщина. На тебя в Риме найдется много покупателей, готовых заплатить высокую цену. И чем старше покупатель, тем выше цена.

Аманина не ответила. Изнемогая от стыда, она сидела, склонив голову, сцепив руки.

— Но, если ты не будешь следить за собой, женщина, я продам тебя не в столь высокородную семью. И станешь ты *auditia*, которая прибирается по дому, или *cubicularia*, что перестилает постели. Именно это ждет тебя, если ты будешь плакать и похудеешь. Никому не нужны женщины с дряблой кожей и тощими бедрами.

— Моей маме очень плохо, — вмешался Николан, стоявший рядом. — Я требую, чтобы ее оставили в покое.

Тригетий медленно поднялся.

— Я пытался помочь, хотя мне следовало отдать вас обоих моим людям, дабы вас как следует выпороли. Именно такие петушки, как ты, доставляют мне хлопоты. Пусть это будет для тебя уроком, — и хлыст торговца опустился на плечи Николана. Острая боль пронзила его тело, инстинктивно он подался назад. — Хочешь получить двадцать таких же ударов? Будь уверен, получишь, если еще раз скажешь хоть слово.

Весь следующий день у Николана так саднили плечо и шея, что он шел рядом с матерью, не раскрывая рта. Думал он об отце, и душу его переполняли ярость и отчаяние. Когда караван остановил-

ся на ночь и большинство пленников набросились на грубую, пересоленную еду, Николан придвинулся вплотную к матери, наклонился к ее уху.

— Мы этого не вынесем, — прошептал он. — И должны подумать о победе. Я еще не знаю, как это сделать, но что-нибудь да придумаю. Надо не только убежать, но и найти дорогу домой. Я намерен нарисовать карту.

Его мать в отчаянии покачала головой.

— Николан, не тешь себя беспочвенными надеждами, — шепнула она в ответ. — Для тебя рабство не будет в тягость, любимый мой сын. Ты вырастешь высоким и сильным и со временем сможешь купить себе свободу. Говорят, в Риме полно свободных людей, когда-то бывших рабами, и они богаты и влиятельны. Если же ты попытаешься убежать, сын мой, и тебя поймают, все будет кончено. Тебя распнут на кресте. Они поступают так со всеми беглыми рабами, — по ее телу пробежала дрожь. — Обещай мне сохранять благоразумие. Да и зачем, — и тут он увидел, как по ее щеке покатилась первая слеза, — ...зачем нам возвращаться домой? Нас вновь схватят и продадут другому работоторговцу.

— Мама, но что будет с тобой?

— Сын мой, это неважно. Я потеряла желание жить, увидев, как твой отец рухнул, пронзенный мечами.

Николан долго молчал, прежде чем заговорить вновь.

— Я не хочу причинять тебе горя. Возможно, ты права и убежать невозможно. Но карту я вычерчу. Чтобы хоть чем-то занять себя.

Следующей ночью, когда все уснули, Николан пробрался к костру и нашел в золе обуглившийся корешок. Его мать оторвала от подола полоску материи. На ней-то, разделенной на квадраты, Николан и начал рисовать карту.

И сразу открыл в себе способности, о существовании которых даже не подозревал. Выяснилось, что он легко определяет расстояния и высоты, а его рука без труда переносит увиденное на материю. Закончив первый рисунок, он уже не сомневался, что, следуя своим записям, доберется домой.

С той поры каждый день он внимательно следил за дорогой, отмечая все особенности, измеряя расстояния. А каждый вечер вычерчивал пройденный путь на очередном квадратике белой материи. Квадратики он складывал в потайной карман на поясе.

Среди рабов был высокий мужчина средних лет, которого звали Сарий. Обычно Николан шел рядом с матерью, но так получилось, что в один из дней оказался в замыкающем ряду колонны, куда всегда ставили прихрамывающего Сария. Они разговорились, и мужчина рассказал Николану свою историю. Он родился и вырос в Иллирикуме свободным человеком, но женился на рабыне. Амага

родила ему двух сыновей, а ее хозяин объявил их своей собственностью. Когда они выросли, он продал их работорговцу.

— Моя Амага умерла, — вздохнул несчастный отец. — Потом я узнал, что мои сыновья куплены римским сенатором. Я решил, что обязательно должен повидаться с ними. И хоть как-то помочь им. А со временем, может, и выкупить. Но ничего этого я не мог сделать, находясь в Иллирикуме, — Сарий грустно покачал головой. — Оставалось только одно. Я продал себя Тригетию. На деньги, которые он заплатил мне, а заплатить он постарался как можно меньше, я, возможно, смогу купить свободу моим бедным сыновьям. Если мне удастся их разыскать.

— А что случится с тобой? — спросил Николан.

Сарий повернулся к нему.

— Мне все равно, — воскликнул он, — если только они обретут свободу.

И, наконец, наступил день, когда на горизонте показались стены великого города, который охочие до перемен римляне построили на берегу Адриатики. Над стенами виднелись крыши беломраморных дворцов и купола великолепных соборов. Сарий, как обычно, хромающий позади, вскинул палку, предлагая Николану подойти к нему.

— Ты слышал новость? — прошептал он, когда они оказались рядом.

— Я ничего не слышал, — признался Николан.

— Нас продадут здесь, в Равенне.

Николан повернулся к своему спутнику и увидел, что его лицо почернело от горя.

— Но Тригетий не может продать тебя. Он же пообещал привезти тебя в Рим.

— Обещание, данное рабу, — ничто, — с горечью ответил Сарий. — Его можно тут же нарушить, — он застонал от отчаяния.

— Тригетий выбрал Равенну, потому что здесь живут теперь многие богатые римляне, переехавшие сюда вслед за старухой (он имел в виду мать императора Галлу Плачиду). Поговаривают, что и император намерен перебраться в Равенну. Так что цены идут вверх. И рабов тут можно продать дороже, чем в Риме, — и не обращая внимания на надсмотрщика, выразительно помахивающего кнутом, несчастный отец воскликнул. — Прощайте, бедные мои сыновья! Я вас никогда не увижу!

Николан попытался утешить его, заметив, что у богатых римлян, которые покупают рабов в Равенне, наверняка есть дома и в Риме. Так что ему не стоит терять надежду: он еще мог попасть в столицу империи.

— Я уже подумал об этом, — вздохнул Сарий. — Но это слабое утешение.

На следующий день рабам-мужчинам, спавшим во дворе харчевни за городскими стенами, приказали раздеться догола. Затем по очереди они опускали обе ноги в ведро с белой краской. После чего

сидели на влажных от росы булыжниках мостовой, положив ноги на деревяшки, давая краске подсохнуть.

Николан спросил своего соседа, что означает сия процедура.

— Белые ноги, — пояснил он, — свидетельство того, что мы — варвары, впервые ступающие на территорию их империи. И покупатели, которые будут оглядывать нас со всех сторон, совать пальцы в рот и тыкать в живот, поймут это безо всяких вопросов.

— Нас будут продавать голыми?

Его собеседник кивнул.

— Они хотят видеть, что покупают.

— А женщин?

— И они будут в чем мать родила. Потому-то на невольничьем рынке полно народу. Многие приходят сюда каждый день. У большинства за душой нет и ломаного гроша, но зато есть возможность вдоволь наглядеться на обнаженных девушек.

Николана охватила злость. Он спрашивал себя, неужели и его матери придется пройти через это унижение. Он не сомневался, что она умрет от стыда, если ее заставят выйти на люди голой. Он посмотрел на свои закованные в цепи руки. Неужели он ничего не мог с этим поделать? Николан обратился к охраннику и попросил того позвать Тригетия.

Охранник рассмеялся и взмахнул хлыстом.

— Позвать хозяина? Глупый раб, я исполосую тебя хлыстом, если ты раскроешь вот.

Невольничий рынок представлял собой круглую площадку со скамьями высотой в два фута, тянущимися по периметру. Тригетий арендовал половину скамей. Николан стоял в секторе, отведенном мужчинам, и не решался взглянуть в сторону женщин. Табличка с ценой была прилеплена к его животу, но, в отличие от остальных, он не пожелал наклониться и посмотреть, в какую сумму оценил его торговец. Он же высоко поднял голову, не отрывая глаз от синего неба.

Покупатели и зеваки ходили вдоль скамей. Больше всего народу толпилось у рабов Тригетия, и разговоры только и шли о том, каких он привез здоровых мужчин и грудастых женщин. Иногда кто-то из покупателей подходил вплотную и щупал бицепс Николана.

— Тебя никогда не продадут, — прошептал мужчина, стоящий рядом с ним. — Ты не стоишь тех денег, что просят за тебя. Ты кто, сын немецкого короля или сарматийского барона?

— А какую цену назначили за Сария? — спросил в свою очередь Николан.

Этот несчастный стоял с краю, и по бледности его щек чувствовалось, что он не ждет от грядущего ничего хорошего.

— Низкую, — ответил мужчина. — Его купят одним из первых.

Мужчина не ошибся. Старик-римлянин с крючковатым носом остановился перед Сарием и щелкнул пальцами, показывая, что берет этого раба. Бледного, как полотно, Сария, еще не верящего в случившееся, столкнули со скамьи, и он рухнул у ног своего нового хозяина.

Несколько минут спустя к Николану подошел охранник.

— Слезай, — скомандовал он.

— Меня купили? — спросил Николан.

— Ты слышал, что я сказал? — гаркнул охранник. — Слезай со скамьи. Да, тебя купили. Не знаю почему. Мне представляется, что ты издохнешь, не проработав и дня.

Николан набрался храбрости и посмотрел на женщин. Их ряд заметно поредел. Его матери среди оставшихся не было.

Он облегченно вздохнул. Наверное, Тригетий, из уважения к матери, не стал выставлять ее на невольничий рынок, а решил отвезти в Рим. Но мысль эта тут же уступила место другой, более реальной. Скорее всего, покупатель на его мать нашелся сразу и уже увел ее с собой.

«Может, оно и к лучшему», — подумал Николан. Все равно он ничего не мог для нее сделать, как бы страстно этого ни хотел. Не было рядом человека, к которому он мог обратиться за помощью. Его ввергли в мир, где цари побежденных становились рабами победителей, а герои гибли под ударами кнута надсмотрщиков. Если они были бессильны, что же ожидали от него? Да, он мог выхватить меч у высокого негра-распорядителя, что стоял посреди невольничьего рынка, и отбиваться, пока его не убьют. Но самоубийство сына ничем не облегчило бы участь матери.

— Следуй за мной, — скомандовал охранник.

Николана отвели в подземную комнату, где купленные рабы ожидали, пока за ними придет хозяева. Несколько минут спустя к нему подошел Тригетий, присел рядом.

— Я получил за тебя хорошие деньги, — он удовлетворенно кивнул. — Тебя продали Аэцию.

Николан изумленно вскинул глаза на работорговца. Аэций правил Римом. Смерть Бонифаче, единственного его соперника, восемь лет тому назад открыла путь наверх честолюбивому римлянину, который провел молодость при дворе правителя гуннов, а затем стал одним из лучших полководцев империи. Несмотря на враждебность Плакиды, матери слабовольного императора, Аэций полностью контролировал Рим и провинции.

Работорговец вновь кивнул.

— Для тебя это великий шанс. Поскольку ты умеешь читать и писать, ты сможешь выдвинуться на его службе. Аэций — величайший человек этого мира, не считая, разумеется, того монстра, чьи владения мы недавно покинули. Я продал ему много рабов, так что хорошо его знаю. Он полагается на мое суждение, и моей рекомендации вполне хватило для того, чтобы его представитель отсчитал за тебя требуемую сумму.

— Что он со мной сделает?

Тригетий вскинул руки.

— Кто я такой, чтобы судить о деяниях Аэция? Ему нужны образованные рабы, поскольку он ведаёт всеми делами Римской империи. Молодой император — обжора и болван, и Аэций более

не советуется с ним. Старуха... — Николан знал, что речь идет о Плачиде, — ненавидит его, но ничего не может поделать. Ей остается лишь кусать локти в своем дворце в Равенне и клясться, что придет день, когда по ее приказу ему отрубят голову. Но пока империей правит Аэций.

— Что ты сделал с моей матерью?

— Продал ее, — с довольной улыбкой ответил Тригетий. — Вчера вечером. Ее хозяин — богатый мужчина преклонных лет, у которого есть дома и в Равенне, и в Риме. Ей будет у него хорошо, если она проявит благоразумие.

— Боюсь, моей матери все равно, что ждет ее в будущем.

— Я заметил, что здоровье у нее пошатнулось. Потому-то и постарался продать ее как можно быстрее. Есть особые снадобья, которые дают рабам перед тем, как выставить их на продажу. От них розовеют щеки и блестят глаза. Молоденькие девушки становятся такими очаровательными, что покупатели буквально дерутся из-за них. Я редко прибегаю к таким методам, мне надо заботиться о собственной репутации. Твою мать я продал и без этого. Старичок, что купил ее, остался очень доволен.

— Смогу я увидеть ее до того, как нас разделят? — спросил Николан.

— Время еще есть. Я пойду в этом тебе навстречу, потому что неплохо заработал на вас. А ты скажешь представителю Аэция, как хорошо забочусь я о своих рабах, — Тригетий поднялся. — Пойдем со мной.

Его мать сидела в углу, отведенном для женщин. С ее рук и ног сняли цепи. Николан присел рядом с ней.

— Ты знаешь, что нас обоих продали? — спросил он.

— Да, сын мой. Тебя увезут в Рим. При дворе столь влиятельного человека тебе, несомненно, не грозит жестокое обращение.

— Я и представить себе не могу, каково мне будет.

— Будь осторожным и осмотрительным, мой бедный сын. Ты молод и должен думать о будущем.

— Я думаю только о тебе. Мама, мама, что будет с тобой? Ты видела мужчину, который стал твоим хозяином?

— Еще нет, — она наклонилась и погладила его по руке. — Сын мой, мне все равно, какой он, потому что конец мой близок. Я присоединюсь к отцу в той земле, куда улетела его душа, — она заглянула в глаза Николану. — Сын мой, боюсь, я была больше женой, чем матерью. Мои мысли всегда занимал твой отец, умерший у меня на глазах, а не сын, которому суждено жить в этом жестоком мире.

— Я выживу, мама, — заверил ее Николан. — Мужчина должен крепко стоять на ногах, даже если они выкрашены белой краской. Не бойся за меня. Придет час, и я убегу, чтобы отомстить и за тебя, и за отца. И еще обещаю тебе, что буду любить и почитать тебя до последнего часа моей жизни.

Хотя Рим покорно лежал у его ног, а провинции дрожали от одного его взгляда, Аэций считался выскочкой. Родился он в Силистрии, далекой, варварской провинции в нижнем течении Дуная. Отцом его был некий Гаудентий, получивший за боевые успехи титул Покорителя Африки, однако в его жилах не текло и капли благородной римской крови. И в семьях патрициев, гордившихся древностью рода, на заданный шепотом вопрос: «Где был Аэций вчера?» отвечали также шепотом: «Там, где он будет завтра».

Когда же этот решительный и честолюбивый человек захотел построить подобающий своему статусу дом в столице империи, которой управлял, он узнал, что самым престижным районом Рима является Палантинский холм. Здесь высились дворцы ушедших императоров, здесь жили самые знатные семьи. Естественно, ни клочка земли не продавалось, не мог он и конфисковать приглянувшийся ему участок. И все же, где он мог жить, как не на Палантинском холме? Но при всей его власти Аэций смог добыть себе лишь крошечный пятючок на склоне, рядом с тем местом, где когда-то находилась роскошная вилла Цицерона. Когда же на склоне поднялись стены дворца, выяснилось, что невозможно организовать съезд с дороги. И гостям, прибывающим в зашторенных паланкинах, приходилось преодолевать последние метры пешком, по вымощенной плитами дорожке, держась за железный поручень. И если кто приезжал в воинственном настроении, пешая прогулка в гору в немалой степени успокаивала его.

Так что дворец Аэция не обладал теми роскошью и комфортом, каких мог требовать для себя повелитель Римской империи. В вестибюле, где всегда толпился народ, просто не было мебели, за исключением длинных каменных скамей у стены, на которых всегда кто-то сидел, причем не какие-то мелкие сошки, а сенаторы и военачальники.

Помня о своем низком происхождении, Аэций не последовал тогдашней моде и не стал увешивать стены восковыми масками своих знаменитых предков, как настоящих, так и вымышленных. Не украсил он залы дворца и произведениями искусства и реликвиями древности, которые так любили патриции. Если Аэций провожал какого-либо высокородного гостя до дверей, он никогда не останавливался рядом с ничем не примечательным ковриком для молитв, чтобы сказать: «Наверное, вы не поверите, но прекрасные колени Елены, да, да, той самой Елены¹, сотни раз касались его». И не указывал на меч на другой стене со словами: «Этот меч

¹ Речь идет о матери римского императора Константина, узаконившего христианство

обошелся мне в целое состояние, но его выхватывал из ножен великий Цезарь».

Единственной достопримечательностью дворца являлась каменная башня, окруженная рвом, попасть в которую можно было лишь через подъемный мост. Там Аэций спал, и, когда он удалялся на покой, мост поднимался и оставался в таком положении, пока Аэций не приказывал опустить его. Как и все диктаторы, Аэций предпочитал отдыхать под надежной охраной.

Несмотря на все недостатки, дворец в полной мере отвечал нуждам его хозяина. Большинство гостей прибывало туда по делам. Их препровождали в маленький зал, где восседал диктатор. Решение вопроса не занимало много времени. Аэций пытался принять всех, кто приходил к нему, чем завоевал любовь простого люда, который терпеть не мог заносчивости патрициев.

И гость, посетивший Аэция в этом спартанском дворце, увидевший многочисленные шкафы, заполненные бумагами, спящих во все стороны секретарей, склонившихся над пергаменами писцов, не мог не отметить, что Аэций здесь не просто живет, но работает. А те, кто узнавали его поближе, приходили к выводу, что действует он не по наитию, а на основе кропотливо собираемых сведений. И верил он в торжество здравого смысла, а не в божественные учения того времени. Перед тем как выйти на битву, он, разумеется, консультировался с авгурами, но решения принимал на основе информации, полученной от многочисленных разведчиков, вместо того чтобы следовать заключениям, сделанным по пульсирующим внутренностям только что забитых животных.

И наступил день, памятный лишь для раба, впервые прибывшего в Рим и увидевшего великолепные мраморные дворцы и роскошные публичные здания. Во второй половине того же дня Аэций провожал гостя до самой тропинки. Высокого роста, средних лет, гость немного сутулился, а глаза его подмечали все, что происходило вокруг.

— Микка, — говорил диктатор Рима шепотом, ибо слова его предназначались только гостю, — ты привез мне много нужных сведений, за что я тебе очень благодарен. Возвращайся вновь, после того как побываешь в Константинополе и... у этого хвастуна и громилы, который еще доставит нам немало хлопот. Твоя информация очень важна для меня. А по пути загляни в Равенну, и выясни, что на уме у этой старухи, которая постоянна только в одном — своей ненависти ко мне.

— Ту, о ком ты говоришь, нетрудно понять, о великий Аэций, — ответил торговец. — Если ты по-прежнему будешь называть ее так, она никогда не изменит своего отношения к тебе, — и добавил уже громко, для всех. — Позволь поблагодарить за то, что ты счел возможным купить мои товары. Надеюсь и в дальнейшем услужить тебе.

Vocator, в обязанности которого входило собирать сведения о всех визитерах и заранее сообщать Аэцию их имена и занятия, чтобы диктатор Рима мог приветствовать их как старых знакомых, поджидал Аэция у дверей, когда тот вернулся, проводив Микку.

— Привезли нового раба. Купленного у Тригетия. Сын богатого землевладельца из Альфельда. Отец недавно умер.

— А, тот самый, — Аэций любил, чтобы ему докладывали все, до малейших подробностей, и лично беседовал с каждым новым рабом. — Кто еще хочет встретиться со мной?

Vocator сверился со своим списком. Аудиенции ожидало около двадцати человек. Важных персон не было, и Аэций решил, что они могут подождать, пока он взглянет на раба.

Встреча с Аэцием поразила Николана. Он увидел перед собой красавца, с высоким лбом, прямым носом, пронизательным взглядом. А несколько секунд спустя он отметил печать суровости, лежащую на лице диктатора Рима. Тот никогда не улыбался, а если говорил, то ледяным тоном.

Аэций прочитал записку, которую подал ему vocator.

— Тут указано, — говорил Аэций, не поднимая глаз, — что ты умеешь читать и писать.

— Умею, господин мой Аэций, — ответил Николан.

— Ты что-нибудь знаешь о новой форме записи?

— Я обучен стенографии.

— Кто учил тебя?

Николан помялся.

— Священник. Очень ученый человек, который приехал с одного острова на западе и прочитал о стенографии в книге.

— Как я понимаю, миссионер. Первый из тех, о которых я слышал, принесший хоть какую-то пользу. Хорошо, что ты умеешь стенографировать. У меня есть несколько человек, обученных этому, но не столь много, как мне хотелось бы. Тебя привезли с плоскогорья у Дуная. Ты когда-нибудь видел императора гуннов?

— Нет, господин мой Аэций.

— А предателя, который правит теперь твоей страной? Нынче он называет себя Ванний.

— Лишь однажды, господин мой. В то утро, когда он убил моего отца и продал мою мать и меня работорговцу.

— И какого ты о нем мнения?

— Он жестокий и невежественный тиран. Если он не умрет раньше, придет день, когда я его задушю.

Аэций вернул записку своему слуге и обратился к Николану, не поворачиваясь к нему.

— Я задал тебе вопрос, чтобы понять, хватит ли тебе глупости ответить на него. Ты должен с самого начала понять, что у раба мнения быть не может, — и добавил будничным тоном, посмотрев на слугу. — На первый раз он легко отделался. Пять ударов кнута. Уведи его.

— На какую его определить работу? — спросил vocator.

- Когда он оправится, к писцам.
- В какой класс?
- В самый низший, — распорядился Аэций. — Этому рабу надобно научиться смиренню.

2

Нежась в лучах солнца, греющих его иссеченную спину, Николан с удивлением обнаружил, что практически все его воспоминания о жизни в низшем классе рабской иерархии при дворе Аэция связаны, за исключением нескольких жутких эпизодов, с едой. Его постоянно мучил голод. Кормили рабов дважды в день. Утром давали какое-то подобие каши из разваренной пшеницы, которая насыщала, но не отличалась изысканным вкусом. Во второй половине дня трапеза состояла из толстого ломтя хлеба с мясными обрезками или кусочком козьего сыра и кружки кислого вина.

И уж совсем становилось Николану невмоготу, когда его вместе с другими рабами отправляли на кухню: такое случалось, когда Аэций принимал гостей. Тут уж вид и запах блюд просто сводили Николана с ума. Много раз помогал он в приготовлении блюд для этих гаргантюанских пиров, на которые диктатор приглашал знатных римлян. Однажды Николану поручили набивать внутренности медведя, целиком насаженного на вертел, копчеными сосисками. В другой раз послали к кондитерам, работающим вдали от пышущих пламенем печей, в которых жарилось мясо. Он провел несколько часов в окружении засахаренных фруктов, миндаля, свежиспеченных тортов и пирожных. Как же хотелось схватить что-нибудь из этой вкуснятины и засунуть в рот. К счастью для Николана, он никогда не поддавался искушению. Не одна пара острых глаз присматривала за рабами, и часто даже попытка покушения на еду Аэция сопровождалась криками «Вор» или «Птицы на вишне». Наказание не отличалось разнообразием. Первое нарушение каралось пятью ударами кнута, второе — десятью.

Приговор приводился в исполнение незамедлительно. Сначала трижды звенел Колокол наказаний, и все рабы, не занятые в тот момент на каких-то работах, собирались в кухонном дворе. Виновный раздевался до пояса и опускался на колени. Высокий евнух из Нумибии брал кнут. Владел негр кнутом блестяще, так что при желании мог обвить его вокруг тела, не вызывая никакой боли. Но гораздо чаще, если он недолюбливал провинившегося или тот был ему безразличен, кнут из буйволиной кожи обжигал согнутую спину, словно раскаленный прут.

Первое наказание Николан перенес достаточно легко. Во всяком случае, ему удалось сдержать крик. Второй раз ему повезло меньше. Ему сообщили, что его мать умерла. Ее жизнь оборвалась через полмесяца после того, как ее продали богатому старику. Она не вняла предупреждениям Тригетия, а потому ее подвергли порке,

после которой она и отдала Богу душу. Опечаленный сын не смог сдерживать эмоций, и когда бейлифу¹ доложили о выкрикиваемых юношей угрозах, тот прибегнул к испытанному методу, назначив Николану десять ударов. В этот раз свнух бил со всей силы и после того, как кнут в десятый раз опустился на плечи и спину Николана, он потерял сознание. Его отправили в дворовую больничку, где он несколько недель приходил в себя.

Со временем он поднялся на более высокую ступень рабской иерархии, во многом благодаря сноровке, проявленной в порученной ему работе. Теперь он уже не спал в подвале на всегда влажном соломенном матрасе. У него была своя кровать в длинной комнате, где жили еще семьдесят рабов. Рядом находилась ванная, где могли одновременно мыться полдюжины взрослых. Женщины пользовались ею до двух часов дня, мужчины — после двух. Ел он теперь в той же компании привилегированных рабов, в каменном зале, примыкающем к кухне. Кормили лучше, но еда была столь же однообразной.

К удивлению Николана, его заинтересовали разговоры за столом. Предпочтение отдавалось двум темам: дворцовые дела и возможности заработать побольше денег. В последнем случае речь шла о наиболее эффективном использовании *rescūtum*, вознаграждении, которое им разрешали получать и оставлять у себя. Иногда говорили о мировой политике, искусстве, религии, философии. Николана поражала эрудированность некоторых рабов. Сравнивая их разговор с тем, что он слышал наверху, в большом обеденном зале, где пировали господа, он не мог не отметить, что рабы куда более умны и остроумны, чем купающиеся в роскоши хозяева мира.

Поначалу Николана определили к переписчикам. Порученную ему работу он выполнял столь быстро, что его перевели в секретари. И наконец, ему стал диктовать сам Аэций. Высокий, никогда не улыбающийся римлянин, несомненно, узнал его (он не забывал увиденных лиц), но не подал и виду, что знаком с Николаном, когда тот в первый раз вошел в его кабинет. Скоро, однако, стало ясно, что работой Николана он доволен. Еще через неделю Аэций диктовал только ему.

Диктовал Аэций быстро, начиная со слов «Письмо» или «Записка», после чего следовала череда связанных предложений. Иногда он замолкал, потирая кончик носа, но обычно доходил до последней точки, не останавливаясь. Чтобы угнаться за ним, пальцам молодого раба приходилось двигаться с той же скоростью, что и ногам солдата атакующего легиона.

Благодаря частому пребыванию в кабинете Аэция, из окна которого открывался прекрасный вид на Вечный город, Николану стал известен один из секретов диктатора Рима. Зная о презрении, которое испытывали к нему патриции, Аэций намеревался возвыситься—

¹ Домоправитель.

ся над ними, разведясь с женой и женившись вновь на сестре императора, юной к жизнерадостной принцессе Гонории.

Аэций обсуждал свой замысел с несколькими ближайшими помощниками, сенаторами, военачальниками, чиновниками. Говорили, разумеется, шепотом, но никто не таился от сидевшего в углу, за маленьким столиком, секретаря. Он был рабом, а потому под угрозой жесточайшего наказания не имел права говорить о том, что касалось его господина. Так что, обсуждая дальнейшие действия, они не обращали на него ни малейшего внимания.

Николан также не вникал в их разговоры. Да и какое, собственно, было ему дело до планов его господина породниться с императорской семьей? Все, что происходило в этом гордом и богатом городе, центре коррупции и лицемерия, все, что он слышал и видел, лишь усиливало его ненависть к Риму и римлянам. Однажды он сказал себе, что Рим похож на умирающего прокаженного, в сверкающих шелках и с короной на голове. Фраза эта запала ему в память, и он часто повторял ее про себя, гордясь, что сам придумал ее.

Люди, с которыми советовался Аэций, вроде бы одобрили его идею. Этот союз, говорили они, значительно упрочит его положение. Лишь один выразил сомнения.

— А как же старуха? — спросил он. — Ты никогда не получишь ее согласия.

На это Аэций лишь улыбнулся.

— Не будет для меня большего удовольствия, чем перепрыгнуть через ее голову. Я все улажу с императором до того, как она прослышит об этом.

Вскорости было объявлено, что принцесса Гонория, жившая вместе с высланной в Равенну матерью (произошло это после возвышения Аэция, к которому перешла вся полнота власти), приедет в Рим. Аэций тут же начал искать подходящий подарок для высокой гостьи. Он вызвал лучших ювелиров, но их предложения ему не понравились. Их воображение не шло дальше колец, ожерелий, браслетов, которые стоили бы баснословные деньги, но не принесли бы желанного эффекта. Так получилось, что в это время в Риме находился Микка Медеский, прослышавший о затруднениях Аэция. Николан сидел за своим столиком в кабинете диктатора, когда туда ввели Микку. Купец держал под мышкой какой-то сверток.

— О великий Аэций! — воскликнул Микка, поклонившийся, едва переступив порог. — Мне сказали, что ты ищешь подарок, и я подумал, что могу помочь. У меня есть то, что тебе нужно.

Суровое лицо Аэция чуть смягчилось.

— Мне действительно нужен очень необычный подарок. И я в отчаянии от того, что не могу его найти.

— Если господин мой Аэций позволит показать то, что я принес... — Микка приблизился к мраморному столу, за которым Аэций каждый день проводил много часов. Положил сверток и начал разматывать шелк. Внутри оказался высокий сосуд удиви-

тельной красоты, не с одним, а с четырьмя носиками. Из белого камня, украшенный великолепными рубинами, на серебряной подставке. Красота его поразила даже Аэция. По всему чувствовалось, что сосуд очень древний и имеет богатую историю.

— Для чего он предназначен? — спросил, наконец, Аэций.

— Смотри, господин мой, — Микка коснулся одного из носиков, и из сосуда брызнула ароматная жидкость. — Это бальзам. Внутри сосуд разделен на четыре отделения, с разными духами в каждом. Это... — Микка запнулся, любуясь принесенной диковиной, — господин мой Аэций, старинный сосуд. Доставили его с Востока, и я слышал, что он принадлежал императору Китая. Признаюсь, доказательств тому у меня нет. Сделан он из белого нефрита, украшен, как ты видишь сам, великолепными рубинами, — он помолчал. — По-моему, лучшего подарка не найти.

Аэций, похоже, согласился с Миккой. Он поднялся и обошел стол, дабы осмотреть сосуд со всех сторон. Он даже улыбнулся, что случалось с ним чрезвычайно редко.

— Какова цена? — спросил он.

— Цена, господин мой, очень высока, — вкрадчиво проворковал Микка. — Скажем так. Ценой будет твое неизменное ко мне доверие. Твое согласие взять этот сосуд — большая честь для меня. Если он тебе нравится, он твой. Я с радостью отдаю его. Ни о какой другой форме оплаты не может быть и речи.

После ухода Микки Аэций долго не мог оторвать глаз от сосуда, а затем принялся за сопроводительное письмо. Слова он подбирал с особой тщательностью, так что времени на это ушло немало. Чувствовалось, что этот человек, перехвативший бразды правления империей у безвольного императора и его честолюбивой мамыши, настроен более чем решительно в своем стремлении породниться с августейшей семьей. Разве сама Плачида второй раз не вышла замуж за Константия, генерала-иллирийца, военные заслуги которого не шли ни в какое сравнение с победами, одержанными им, Аэцием? И, тем не менее, Константин делил императорский престол с братом Плакиды, которой был пожалован титул Высочайшей правительницы. Так почему история не может повториться вновь?

Взгляд, брошенный на уминающего завтрак Ивара, напомнил Николану о том дне, когда он впервые увидел высокого британца. Он улыбнулся, и его друг, на мгновение оторвавшись от еды, ответил ему тем же.

В дополнение к нефритовому сосуду Аэций решил послать множество мелких подарков: драгоценные безделушки, восточные ткани, а также фрукты и цветы. Каждый подарок укладывался на зеленую бархатную подушечку. Николан попал в число рабов, которым поручили нести подарки. По этому случаю их обрядили в

белые туники с зелеными полосами, поперечной на груди и круговой по подолу, и в новые сандалии с зелеными завязками. Всем подробно объяснили, что от них требуется.

Их ввели в зал в императорском дворце, в котором через несколько минут появилась и принцесса, сопровождаемая служанками и придворными. Она перемолвилась несколькими словами с молодым офицером, передавшим ей письмо Аэция. Николан был выше большинства рабов, а потому его поставили в самый конец. На его подушечке лежал флакон с натуральным нардом, редким и дорогим ароматическим веществом. К его удивлению, его разбирало любопытство. Очень хотелось посмотреть, какая из себя принцесса Гонория.

Он увидел стройную девушку с огромными глазами. Она часто улыбалась, и, судя по всему, ей очень понравился нефритовый сосуд. Произвел на принцессу впечатление и офицер, с курчавыми черными волосами и мужественным загорелым лицом. Когда он преклонил перед ней колени, ее веер коснулся его плеча. На одно мгновение, как бы случайно. Наконец, пришла очередь Николана подняться на три ступени и встать на колени перед принцессой, низко наклонив голову. От красоты девушки у него перехватило дыхание. То ли разыгралось его воображение, то ли он увидел, как дрогнули ее ресницы, когда он протянул ей подушечку с нардом. Едва ли такое произошло, но так хотелось в это верить. Однако то, что произошло далее, он уже не мог списать на воображение.

Прежде чем одна из дам взяла флакон и положила рядом с остальными подарками, принцесса с возгласом: «Какая прелесть», — наклонилась вперед, чтобы понюхать нард. У нее были чудные волосы, темные, как глаза, и шелковистые. От нее шел волнующий аромат, по сравнению с которым нард казался дешевой. Какие-то мгновения ее голова находилась рядом с его, но этого времени хватило, чтобы до ушей Николана донеслись едва слышные слова: «Как жаль, что ты раб, и не мой раб!»

Все поплыло у него перед глазами, и он испугался, что не сможет подняться и сойти с мраморных ступеней. Но тут принцесса, повернувшись к своим дамам, бросила: «Это нард, а я его не люблю». Эти слова привели Николана в чувство, он встал и ретировался на свое место в шеренге рабов.

Несколько минут спустя церемония закончилась. Очаровательная принцесса улыбнулась всем, кто находился в зале, и исчезла. Николан вновь обрел способность дышать. «Интересно, — спросил он себя, — говорила она такие слова кому-то еще?» Ответ был однозначным: нет, только ему.

Рабов отвели в мрачную комнату в дальней части дворца и дали один кувшин фалернского вина. Свободные люди, прибывшие вместе с ними, наслаждались едой и питьем в другом зале. Когда подошла очередь Николана, он отрицательно покачал головой. По цвету он догадался, что это не настоящее фалернское вино, при приготовлении которого виноградный сок смешивали с медовой водой.

В этот самый момент в комнату вошел молодой человек, огляделся. Николан заметил его во время церемонии. Он выделялся не только ростом и могучими мышцами рук, но и решительным взглядом темно-серых глаз. Одет он был в тунику с цветами принцессы. Бляха на плече указывала на то, что он раб.

Едва он увидел Николана, лицо его осветилось улыбкой, и молодой человек направился к Николану.

— Ты отказался от вина. Правильно сделал. Оно разбавленное и слишком сладкое, — по-латыни он говорил с акцентом.

— Я вообще не люблю вино, независимо от его качества.

— В рабах, я чувствую, ты недавно. Тебе выкрасили ноги белой краской при приезде в Рим?

Николан кивнул.

— Это сделали в Равенне. Я с севера, из страны в верховьях Дуная.

— А я из еще более северной страны. Из Британии. Может, ты и знаешь, остров к северу от Галлии. Большой и красивый остров, — он указал на уже опустевший кувшин. — Я раб с рождения, так что такое отношение мне не в диковинку.

— Я обратил на тебя внимание в зале приемов. Подумал, что ты был гладиатором до того, как запретили бои.

— Я тоже заметил тебя. И сказал себе: «Он мне нравится, и я должен поговорить с ним до его ухода».

От этих дружеских слов на глазах Николана навернулись слезы. Никто не обращался к нему с такой теплотой с того самого дня, когда в их доме внезапно появился Ванний и круто изменил его жизнь. Теперь его окружали люди, имевшие над ним абсолютную власть, да рабы, завидовавшие его быстрому возвышению в дворцовой иерархии. Он уже начал склоняться к мысли, что доброта исчезла из этого мира, оставшись в далеком прошлом.

— Если бы мы могли быть вместе! — вырвалось у Николана. — Уже три года я один как перст. У меня нет ни друзей, ни даже доброжелателей. Я так несчастен.

— Меня зовут Ивар, — представился бритонец. — А тебя, мой новый друг?

— Николан. Моему отцу принадлежали обширные земли. У нас были отличные лошади.

Ивар не стал говорить о своих родителях. Ранее он сказал, что родился рабом, и, возможно, решил, что более распространяться об этом не стоит.

— Ты прав, мне хотелось бы быть рядом с тобой. Но, к сожалению, этому не бывать. Я боюсь Рима, и маловероятно, чтобы меня продали сюда. А не предпочтешь ли ты Равенну? — Ивар покачал головой и сам ответил на свой же вопрос. — Нет, это ни к чему. Здесь ты в большей безопасности.

Короткая команда бейлифа прервала этот разговор. Николан встал в строй рабов. Обернулся, и молодой бритонец на прощание улыбнулся, кивнул и взмахнул рукой.

Во дворец Аэция рабы возвращались, построившись в колонну по двое. Николан попал в пару с очень разговорчивым мужчиной.

— И как она тебе? — спросил он. А потом, не дожидаясь ответа, высказал собственное мнение о принцессе Гонории. — Худовата, знаешь ли. Одни глаза и никаких бедер, — он повернулся к Николану. — Что она тебе сказала?

— Мне? — такого вопроса Николан не ожидал. — Ты имеешь в виду принцессу? Она мне ничего не говорила.

— Странно, — нахмурился мужчина. — Я же видел, как двигались ее губы. И другим так показалось, — он покивал. — Знаешь, она хочет, чтобы ее боготворили все мужчины, которые видят ее, хотя все знают, что она влюблена в того высокого раба. Который разговаривал с тобой.

На лице Николана отразилось изумление.

— Не может быть. Я уверен, что он не посмел бы и взглянуть на нее. Какая там любовь. Он же знает, какое ему за это грозит наказание.

— Не хотел бы я оказаться на его месте, — гнул свое собеседник Николана. — Он принадлежит ей и должен повиноваться ее приказам. Но спасет ли его это? Нет, если старуха пронюхает о происхождении. Но принцесса хитра, как лиса. Она знает, как обтяпывать свои делишки. И будет лучше, если ты больше не встретишься с ней. Она положила на тебя глаз, в этом можно не сомневаться, — мужчина улыбнулся. — Хотел бы я знать, что она тебе сказала.

Секреты недолго оставались таковыми во дворце, где проживало больше сотни рабов. Любопытные глаза и уши не упускали ничего. А уж сплетничать рабы обожали. И к зернышку правды обычно подвешивался добрый мешок лжи. И скоро все уже знали, что их господин намерен развестись с прежней женой и жениться на молодой очаровательной принцессе. Воспринималось это известие без энтузиазма, поскольку императорские рабы никогда не получали свободу.

Аэций намеревался держать свой замысел в секрете до завершения необходимых приготовлений, но новость эта облетела Рим, после чего одновременно произошли два события. Визит принцессы был прерван, и ее спешно отправили в Равенну, а Аэция вызвали во дворец императора. Покинул он дворец с красным от гнева лицом, вне себя от ярости. И хотя говорили они один на один, вскорости весь Рим знал, что карикатурный правитель взял верх над диктатором. Император прямо заявил Аэцию, чтобы тот и думать забыл о женитьбе на принцессе.

Николан переписывал письма за своим маленьким столиком, когда в кабинет вошел Аэций. Он не поднял головы, поскольку по заведенному порядку рабы никогда не заговаривали первыми, а лишь отвечали, если к ним обращались. Его уши, однако, подсказали ему: что-то случилось. В шагах Аэция слышалась буря.

— Создается впечатление, — начал диктатор Рима, которому только что дали понять, что его власть не распространяется на

членов императорской семьи, — что о моих планах стало известно за пределами этих стен. О том, что сегодня высказывалось мне лично, завтра будут кричать на всех перекрестках. Так кто в этом виноват?

Николан продолжал писать, но рука его завибрировала. Он почувствовал грозящую ему опасность. Хозяин сам решал, виновен раб или нет, и сам же определял наказание.

Аэций долго разглядывал свой стол. Как хорошо все получалось. Он дважды виделся с принцессой и достаточно долго говорил с ней. Гонория им заинтересовалась. Была весела и радушна. Потом призналась одной из своих дам, что находит его симпатичным. И вот такой удар! Император отказался даже говорить на эту тему!

— Это твоя работа? — спросил он у Николана.

— Нет, господин мой Аэций! — воскликнул юноша. — Нет! Нет! Я никому не рассказываю то, что слышу. Клянусь, это правда. Палец Аэция уперся ему в грудь.

— Ты пишешь мои письма. Ты слышишь, что я говорю моим гостям. Все документы проходят через твои руки. Кого еще я могу подозревать, как не тебя?

Николай с ужасом осознал, какая его ждет кара. Но он понятия не имел, в чем могла заключаться его ошибка, так что ему не оставалось ничего другого, как продолжать стоять на том, что он невиновен.

— Я храню тебе абсолютную верность, господин мой. Никогда не сплетничаю с другими рабами. Держу в тайне все, что узнаю здесь.

— Мне сказали, что принцесса шепталась с тобой, когда получала мои подарки, — тут Аэций еще больше разъярился. Подумать только, женщина, которая могла разделить с ним императорский трон, проявила интерес к рабу. — Все сходится! Да, я думаю, вина лежит на тебе, скромнике и тихоне. Хорошо, что я выяснил это достаточно быстро.

Аэций заходил по кабинету. Принцесса действительно приглянулась ему. Да, люди говорили, что она любит пококетничать. Но он бы смог приручить ее. Если бы все пошло по намеченному плану. Каждый раз, проходя мимо сжавшегося в комок молчаливого секретаря, Аэций кидал на него злобный взгляд. Он окончательно утвердился в мысли, что виноват именно этот раб. Резко остановившись, Аэций хлопнул в ладоши. В кабинет вошел его помощник.

— Отведи его к бейлифу! — распорядился Аэций. — Пусть его накажут.

— Сколько ударов, мой господин?

Аэций было уселся за мраморный стол, но вопрос слуги вновь поднял его на ноги. Похоже, он просто не мог усидеть на одном месте. После встречи с императором («Этот жалкий болван!» — повторял про себя Аэций) он более всего напоминал быка, в холку которого вонзилась пика. Копившаяся ярость требовала выхода. И он нашел жертву, особо не задумываясь, виноват раб или нет.

— Сколько ударов? — он простер руки к небу. — Только боги знают, какой он причинил мне урон. Сколько ударов полагается за предательство? Скажи бейлифу, пусть ему вкаты пятьдесят.

Глаза помощника вылезли из орбит, и от изумления он не сдержался от комментария.

— Мой господин Аэций, после пятидесяти ударов кнутом человек не выживает.

— Ты оспариваешь мой приказ? — взвился Аэций. — Этот раб продал меня моим врагам, так что наплевать, выживет он или нет.

4

Николан то лишался чувств, то на несколько минут приходил в себя, чтобы осознать, что он-таки выжил. Невыносимо болела иссеченная спина, хотелось вновь забыться, а еще больше, уйти из этого мира, расставшись с жизнью.

Потом он пытался вспомнить, какие мысли проносились в его воспаленном мозгу, когда он пребывал между жизнью и смертью. И понял, что думал он только о римлянах: их жестокости, наглости, распутстве, отсутствии тех качеств характера, что позволили их предкам завоевать мировое господство. Одни и те же образы повторялись и повторялись: пиры, которые задавал Аэций своим гостям (как, собственно, поступали и остальные богатые и влиятельные римляне) с бесконечной чередой дорогих блюд, приносимых рабами горстке сибаритов, трущобы Вечного города, где бедняки жили, словно животные, вырывая друг у друга еду, величественные беломраморные дворцы Палантинского холма и сточные канавы Субуры, римские легионы, состоящие в большинстве своем из наемников-варваров, готовых продать свои могучие тела и мастерское владение оружием за римское золото, и изнеженные римляне, которые любят бани, играют на лютне в рощах или спорят о философских проблемах. Дни забытья и боли привели Николана к одному важному вопросу: почему мир никак не поймет, что он более не должен платить дань ставшему столь беспомощным народу-господину?

Какой-то период времени, довольно-таки продолжительный, думы его занимал разговор, который он слышал, сидя в кабинете Аэция за своим маленьким столом. Собеседником Аэция был священник. Николан так и не узнал, как того зовут, откуда он приехал в Рим. Николан переписывал очередное письмо, а подняв голову, увидел стоящего в дверях высокого старика с горящими глазами и поднятой к небу рукой.

— Я пришел, чтобы осудить тебя, о великий Аэций.

Потом все поплыло перед мысленным взором молодого раба. Он слышал голос старика, вещающего о том, что народ Рима пренебрег учением Христа, и циничный ответ Аэция, высказавшегося в том смысле, что учению этому надобно знать свое место и негоже со-

ваться с ним в государственные дела. «Власть и слава Рима превыше всего», — вновь и вновь повторял Аэций на все доводы старика, который твердил о справедливости, честности и христианских ценностях. Слушая этот разговор в кабинете Аэция, Николан вспомнил отца Симона, проповедовавшего те же принципы народу плоскогорья. Теперь же в голове его все перепуталось и он не мог понять, кто говорит с Аэцием, отец Симон или незнакомый старик-священник. Но, кто бы ни говорил с правителем Рима, тот оставался при своем мнении. Николану хотелось крикнуть Аэцию, что он неправ, что в долговременной перспективе идеи более важны, более эффективны, чем легионы наемников. Но так как он ничего не сказал, будучи свидетелем настоящего разговора, то не произнес и слова, лежа на смертном одре.

А мог бы сказать следующее: «Потому-то Аларих взял Рим, а Аттила вскорости побьет римлян. Они не думают ни о чем, кроме власти золота. Они горды своим эгоизмом, они выставляют его напоказ, а потому поражение их неизбежно».

Все дольше оставался он в сознании и наконец перестал впадать в забытие. Целыми днями лежал он неподвижно, не имея ни воли, ни желания вернуться к жизни. И хотя боль в спине притупилась, он знал, что малейшее движение вызовет ее вновь. Поначалу он не осознавал, где находится, хотя и чувствовал, что рядом есть люди. Долежавшие до ушей голоса не вызывали стремления понять услышанное. Но в душе, несмотря на охватившую его апатию, он чувствовал, что уже не умрет. Поначалу ему не хотелось возвращаться к тому жалкому существованию, на которое его обрекла судьба. Но молодость взяла свое, и он вновь обрел способность радоваться жизни.

А уж смирившись с тем, что жизнь продолжается, Николан начал проявлять интерес к происходящему вокруг. Держали его в больничке дворца, крохотной комнатке с низким потолком и двумя окнами. Одно выходило во двор кухни, второе — на крутой склон. В больничке едва хватало места для двух больших кроватей, на каждой из которых лежали по два или три человека. Компанию Николану составлял кухонный раб, родом с Востока, страдающий каким-то странным заболеванием. В конце концов до Николана дошло, что человек этот безумен, и держаться от него надо подальше. Кухонный раб извивался и стонал, иной раз произносил длинные, бессвязные монологи. Бывало, что он садился, с дико сверкающими глазами, начинал качаться взад-вперед и петь какую-то песню.

Случалось, что он приходил в неистовство и бегал меж кроватей, с тяжелой деревянной дубинкой (он так крепко сжимал дубинку во сне, что вырвать ее не представлялось возможным). Он кричал и колотил дубинкой по стенам, а охранники наблюдали за ним от двери, не решаясь войти в больничку, пока он пребывал в таком состоянии.

На другой кровати лежали два тяжелобольных раба, которые, похоже, умирали. Во всяком случае, они не разговаривали и не

открывали глаз. Один из них часто заходилась кашлем, и губка, которой он вытирал пот, становилась все краснее от крови.

И вот наступил день, когда Николан сам вышел из больнички. Вторая кровать опустела, он не знал наверняка, но предполагал, что те двое рабов умерли. Днем раньше безумец с Востока, зажав в руке дубинку, выпрыгнул из окна и скатился вниз по склону. Никто не счел нужным сказать Николану, что с ним стало.

Дворцовый врач заглянул в больничку во второй половине дня и удивился, застав там одного Николана. Долго смотрел на пустую кровать, но ничего не сказал. Он прошел много военных кампаний Аэция, и за глаза его звали Старый Костолом, потому что он не церемонился со своими пациентами. Прозвище, однако, произносилось не без уважения к ветерану, который прекрасно знал свое дело.

Врач сел на единственный стул.

— Ты знаешь, что после бичевания тебя так и бросили во дворе, решив, что ты умер? — спросил он. — Я был в отъезде и вернулся, когда все уже закончилось. Ты лежал посреди двора. Аэций принимал гостей, так что челяди было не до тебя. Кроме того, пошел сильный дождь, мокнуть под которым никому не хотелось. Я провел слишком много ночей на поле боя с факелом в руках, разыскивая оставшихся в живых, чтобы верить кому-то на слово. Подошел к тебе и обнаружил, что ты еще дышишь, — он покачал головой. — До сих пор не могу понять, как тебе удалось выжить. Будь ты старше и толще, ты наверняка бы отдал концы, — он помолчал, прежде чем задать следующий вопрос. — Ты видел свою спину?

Николаи покачал головой.

— Я боюсь посмотреть на нее. Остались следы от ударов?

— От плеч до талии спина у тебя в сплошных глубоких шрамах. Должен предупредить тебя, что зрелище не для слабонервных.

— Они останутся навсегда?

Старый Костолом кивнул.

— Будешь ходить с ними до своего последнего дня. Воспаление, конечно, пройдет, но шрамы останутся. И все-таки считай, что тебе повезло. Ты остался в живых.

— Я не считаю это везением, — ответил Николан. — Но очень тебе благодарен. Я хочу, чтобы ты это знал.

— Ты еще молод. Я слышал, умеешь читать и писать, так что в конце концов заработаешь свободу. Да, я спас твою жизнь, — он удовлетворенно кивнул. — Но не горжусь этим. Я спасал тысячи жизней, и в большинстве своем, к моему сожалению, совершенно никчемных. Твой случай не вызвал особых хлопот, потому что я специалист по поверхностным ранам. Мне даже приходилось вынимать куски железа из черепов, после чего их обладатели полностью выздоравливали. Разумеется, ума у них после таких ран не прибавлялось, да только они и раньше не годились в мыслители. Трагедия, молодой человек, в следующем: я могу спасти других, но не в

силах помочь самому себе. Видишь ли, мы, врачи, не знаем, что происходит внутри человеческого тела. Что вызывает все эти лихорадки и болезни? Мы можем лишь догадываться. Мы говорим, что, возможно, злая душа вселяется в больное тело. Или что человек наказывается за свои грехи. В этот самый момент у меня так болит правый бок, словно его проткнули раскаленным железом. Наверное, причина тому какое-то воспаление. Но что с этим можно поделать? Ничего. Так что через несколько дней я буду таким же мертвым, как и любой из тех угрей, которых сейчас готовят на ужин великому Аэцию.

Врач с трудом поднялся.

— Теперь тебе нужно одно: нарастить на костях побольше мяса. Тебя сегодня кормили?

— Нет, — ответил Николан. — За весь день сюда никто не заходил. Я сижу тут один.

— Так ты очень голоден?

Николан понял, что так оно и есть. С тех пор, как к нему вернулось сознание, он впервые испытал здоровое чувство голода.

Старый Костолом указал на кухню. Жизнь там была ключом: жарились, парились, варились вкусные и дорогие блюда.

— Аэций сегодня ждет гостей, — промолвил ветеран. — Много важных персон. В последнее время он часто устраивает приемы. Вроде бы испытывает потребность поскорее забыть жестокий удар, нанесенный по его престижу. Как же, император отказался отдать за него сестру, — он посмотрел на Николана. — Он наконец-то прознал, что ты жив. Ни разу не спросил про тебя, хотя обычно желает знать все, что происходит в его дворце. Такое ощущение, что он немного стыдится того приступа гнева, что стал причиной твоего наказания. Так ли это, не знаю. Но если да, то он впервые в жизни сожалеет о содеянном им.

Николан промолчал. Голод забылся, волна ненависти сотрясла его тело.

— Два дня тому назад я принес ему список рабов, чтобы поговорить о состоянии их здоровья. Я это делаю раз в месяц. Он начал быстро проглядывать его, а когда дошел до твоего имени, я это знаю, потому что наблюдал за ним, остановился и вскинул на меня глаза, в которых застыло изумление. Скрыть его он не мог. Но ничего не сказал. Вновь вернулся к списку и дочитал его до конца. Вопросов о тебе он не задал. Мне сказали, что он выяснил, кто его предал, и знает, что ты невиновен. Надеюсь, это известие согреет тебе душу.

Николан ответил не сразу.

— Сейчас я думаю не о душе, — вырвалось-таки у него.

Старый Костолом помассировал рукой бок.

— Как больно, — простонал он. — Мне сказали, что он вновь возьмет тебя в секретари, когда ты выйдешь отсюда. Думаю, это случится через день или два. Тебя это радует?

Лицо Николана закаменело.

— Нет. Нисколько. Но я раб и обязан повиноваться.

Старик направился к двери.

— Я поговорю со старшим поваром. У него есть сердце, и он пришлет тебе еды. Но, боюсь, тебе придется подождать, пока не отужинают хозяин дом и его гости. Это будет не скоро, поскольку им только что подали первое блюдо.

И действительно, Аэций и его гости ужинали долго. Давно опустилась ночь, и на склоне холма застрекотали цикады, когда кухонный раб, черный, как сажа, негр, широко улыбаясь, внес блюдо с едой и поставил ее на стол.

— Больной умирает с голода? — осведомился он.

Один взгляд на тарелку показал Николану, что ждал он не зря. Дразнящий запах шел от отбивной, политой вкуснейшим соусом, блестела коричневой корочкой поджаренная ножка каплуна, на пирожном-корзиночке краснела клубника.

— Я уверен, что благодаря такому ужину выздоровею окончательно. Спасибо старшему повару и тебе. Больше мне нечем вас отблагодарить.

Он продолжал смотреть на блюдо и после ухода негра. С того утра, как его схватили и продали в рабство, он не знал такой вкусной еды. Но, начав есть, при свете фитиля, плавающего в плошке с маслом, стоящей у его локтя, Николан понял, что особого аппетита у него нет. А потому вполне удовлетворился ножкой каплуна и кусочком отбивной.

Тут его внимание привлекли какие-то звуки на склоне. Он прислушался. Догадался, что кто-то карабкается вверх. Неужели возвращается сумасшедший, подумал Николан. Этого ему очень не хотелось: от психа можно было ждать чего угодно.

Николан поднялся. Оказалось, что тело слушается его, да и спина при движениях болит не так сильно. Взяв лампу, подошел к окну, выглянул из него.

Тот, кто карабкался по склону, похоже, следил за окном, потому что застыл, как только в нем возник Николан.

— Кто тут? — прошептал юноша.

Ответ пришел после долгой паузы.

— Николан?

— Да. Это я.

— Ты один?

— Да. Не знаю, надолго ли, но до утра ко мне наверняка никто не придет.

— Тогда я поднимаюсь.

То был Ивар. Николану показалось, что он сразу узнал голос, а уж когда лампа осветила рыжие волосы и широкие плечи бритонца, отпали последние сомнения. Для того, чтобы их не заметили из других окон дворца, Николан отнес лампу на стол.

Ивар перебросил мускулистую ногу через подоконник и одним плавным движением оказался на полу.

— Мой дорогой друг, как же нам повезло. Я постоянно получал известия о тебе через других рабов и давно хотел повидаться с

тобой. И надо же мне было прийти в такой день, когда в больничке кроме тебя никого нет.

— Ты сильно рискуешь, — озаботился Николан.

Ивар беззаботно махнул рукой.

— Уже три недели я живу под страхом смерти. И привык к этому, — взгляд его прошелся по больничке и остановился на блюде с едой. — Мой друг, — прошептал он, принимаясь, — за эти три недели мне редко удавалось поесть. Еще одна такая неделя, и я просто умру от голода. Ты не обидишься, если я попрошу тебя поделиться тем, что я вижу на столе?

— Можешь съесть все, — ответил Николан. — Я уже отужинал.

Высокий бритонец осторожно приблизился к столу, словно хищный зверь, выслеживающий добычу, сел и набросился на еду, как голодный волк. Несколько минут спустя блюдо опустело, а Ивар повернулся к Николану с подозрительно блестящими глазами.

— Неужели я умер и попал в Вальхаллу¹? Никогда в жизни не ел такой вкуснятины, — он доглодал косточку отбивной и принялся за пирожное с клубникой. Когда же последняя крошка исчезла у него во рту, он вновь посмотрел на Николана.

— Я сбежал.

Глаза Николана широко раскрылись. Редко кто решался на побег, и уж совсем единицам удавалось покинуть Италию. А пойманных ждало жесточайшее наказание: после бичевания их распинали на кресте. Поэтому, хотя рабы часто говорили о побеге, дальше разговоров дело не шло.

— Ты знаешь, что будет, если тебя поймают?

Бритонец кивнул.

— Ничего другого мне не оставалось. Слишком далеко все зашло, — от дальнейших объяснений Ивар воздержался, но Николан и раньше слышал сплетни о том, что принцесса Гонория явно благоволит к рыжеволосому бритонцу. — Я убежал до того, как принцесса выехала в Равенну. Три недели прятался на холмах к востоку от города. Бывший раб, тоже бритонец, женившийся на римлянке, держит там овец. Он показал мне пещеру, из которой я не высывал носа, и иногда приносил мне еду. К сожалению, жена его — женщина прижимистая, без капли жалости или симпатии к кому-либо, так что еды ему удавалось урывать самые крохи. Я медленно умирал от голода, — он помолчал, прежде чем продолжить. — Я ждал, потому что думал, что ты захочешь уйти со мной. После того, что ты перенес, ты, возможно, согласишься рискнуть. Согласен ли ты... хватит ли у тебя сил? Впрочем, при необходимости, если ты очень устанешь, я смогу нести тебя на спине.

Николан задумался. Так ли велик риск? Хозяин мог убить его, когда заблагорассудится, что едва не произошло. Вряд ли ему повезет вновь, если он еще раз попадет Аэцию под горячую руку.

¹ По скандинавской мифологии находящееся на небе и принадлежащее Одину жилище павших в бою храбрых воинов, которые там вечно пируют

«Это мой единственный шанс, — решил Николан. — Когда еще окажется рядом сильный и верный друг. Вопрос стоит ребром: сейчас или никогда. Если я откажусь, я до конца своих дней останусь рабом».

— Я не хочу принуждать тебя, — нарушил затянувшееся молчание Ивар. — Но вдвоем идти лучше, чем одному. Видишь ли, идти придется только по ночам, а днем надо прятаться. Один может спать, а второй стоять на страже. А еду придется выпрашивать или красть. У меня есть план. Мой друг, бритонец с холмов, сказал, что пытаться бежать по суше — чистое безумие. Мы не сможем пересечь холмы и ломбардскую равнину. Не один раз заблудимся, и тогда придется спрашивать дорогу. И уж кто-нибудь обязательно донесет на нас. Лучше всего удрать из Италии на корабле. Капитанам всегда не хватает людей, и они не задают лишних вопросов. Мой друг назвал мне имена двух капитанов, которые готовы взять нас. К сожалению, поплывут они на Восток, а не к Геркулесовым столбам.

Идея Николану не понравилась.

— Но говорят, что жизнь на корабле — то же рабство. А то и хуже. Ты спишь в трюме, еда кишит червями, а капитан при малейшем неповиновении хватается за хлыст. А в восточном порту ты не понимаешь языка. В кошельке у тебя будет лишь несколько монет, капитан заберет большую часть жалования, так что тебе ничего не останется, как болтаться в порту в ожидании очередного корабля. В надежде, что придет день, когда ты попадешь на корабль, который доставит тебя в родные края, — Николан покачал головой. — Я не вижу смысла менять одно ярмо на другое. Если уж мы готовы рискнуть своей жизнью, убежав от хозяина, мы должны твердо знать, что в случае успеха мы получим свободу, — он уже принял решение. — По мне, лучше умереть, чем остаться здесь. Прошло три года с той поры, как мою мать и меня продали в рабство. Но мысль о побеге никогда не покидала меня. И у меня тоже есть план, причем более надежный, чем бегство по морю.

Он подошел к своей одежде, висевшей на крючке у кровати, достал из кошелька, закрепленного под пряжкой пояса, две монетки и сложенную полоску пергамента. Развернул ее, и Ивар увидел, что это карта.

— Она поможет нам уйти из этой страны, — уверенно заявил Николан. И рассказал, как он рисовал оригинальную карту, углем на материи, после того как все засыпали, а затем, уже у Аэция, перенес все на полоску пергамента, которую держал сейчас в руках. — С ней нам не придется задавать вопросы. Мы будем идти ночью, а днем спать в укромном месте. При должной осторожности нас никто не увидит. Вся нужная информация у нас есть.

Ивар внимательно всмотрелся в карту. Затем взглянул на Николана, его глаза зажглись ярким огнем.

— Так ты идешь со мной?

Николан ответил без заминки.

— Да, мой друг, я готов. Я не согласился сразу лишь потому, что сомневался, а хватит ли у меня сил. Я не хочу быть тебе обузой. Ивар поднялся, лицо его сияло.

— Так чего мы ждем? Пора в путь.

5

Пять недель спустя двое мужчин, оборванных, босоногих, ослабевших, плелись по дороге. Все это время они следовали карте, нарисованной Николаном, и ни разу не заблудились, хотя шли только по ночам и ни у кого не спрашивали, куда ведет та или иная дорога. Лишь несколько раз обращались они к незнакомцам, когда голод становился нестерпимым. Обычно они стучались в хижины пастухов. И всегда получали и еду, и пожелание доброго пути. Еще в одном случае им оказали куда более существенную помощь, но об этом будет упомянуто ниже. В основном же они питались фруктами, украденными из садов, да лесной ягодой. Случалось им и ловить рыбу в реках.

И в конце концов они поняли, что ступили на землю, где не властвовали римские законы. Николан обратил внимание на показавшегося впереди всадника.

— Это гунн.

Ивар прикрыл глаза рукой, всмотрелся в приближающегося незнакомца. Увидел, что на гунне красная войлочная шапка и высокие сапоги, а вооружен он изогнутым мечом.

— Значит, он один из тех, кто хочет покорить мир. Похоже, он опытный наездник.

— Достаточно опытный. Подожди, пока мы доберемся до моей родины. Там ты увидишь настоящих наездников, скачущих на лучших в мире лошадях.

Высокий бритонец повернулся к своему спутнику.

— Я это подозревал. Но теперь убедился в том, что моя догадка верна. Ты специально выбирал дороги, идущие на восток. Сначала-то я думал, что мы идем на твою родину, к плоскогорью на западе, но ты всегда находил причину выбрать другую дорогу. Ты хотел прийти туда, где мы сейчас и находимся — в центр империи гуннов. Это так?

— Так, — кивнул Николан, не отрывая глаз от всадника, пустившего лошадь вскачь и быстро приближающегося к ним. — Сидя в кабинете Аэция, я все видел и слышал, а потому многое узнал. Конечно, я никому ничего не рассказывал, ведь за одно слово меня могли убить. Так едва не произошло, когда Аэций только заподозрил меня в том, что я проговорился. Так вот, Аэций пребывает в полной уверенности, что столкновение с гуннами неизбежно. Возможно, это произойдет через несколько лет, но он уже начал подготовку к решительному сражению. Он не сомневается, что сумеет победить Аттилу, когда тот двинется на Рим, но полагает, что малой кровью победы ему не добыть. Он презирает Аттилу, но и

начинает бояться его. Ивар, если будет война между гуннами и этим деградирующим народом, во главе которого станет Аэций, я хочу сражаться на стороне Аттилы.

Никола́н ранее Никола́н не высказывался столь откровенно. Бритонец нахмурился.

— Никола́н, друг мой, в таком вопросе нельзя руководствоваться личной обидой.

— Меня обидели, и обидели жестоко, — ответил Никола́н, — но дело не в этом. Все свободное время я проводил в Риме, наблюдая, как живут люди, и бедные, и богатые. Нигде нет такого вызывающего богатства и такой ужасающей бедности. Бедняки живут не лучше рабов. А богатство всего мира растрачивается несколькими сотнями семей. Но это еще не все. Я не приемлю римской морали. Эти гордые и жестокие люди озабочены одним: как бы побольше хапнуть. Все идеалы забыты, и этим они даже гордятся. Каждый стремится обогнать остальных в гонке за властью и богатством. Вот два их кумира. Ивар, мы оба знаем, что мир не может существовать без искренности и порядочности. Он рухнет, если люди, его населяющие, забудут об идеалах.

— Значит, ты хочешь увидеть Рим побежденным, — подвел итог Ивар. — А кто придет ему на смену?

— Я не пророк. Я не пытаюсь заглянуть так далеко. Я озабочен только одним — внести посильную лепту в победу над этим развращенным городом, который мы покинули. И кто бы ни пришел ему на смену, все будет лучше.

Когда гунн остановил лошадь перед ними, из-за поворота дороги показались другие всадники. Гунн быстро заговорил. Слов они не поняли, но интонации были явно враждебными.

— Мы говорим по-латыни, — пояснил Никола́н и, указав на запад, добавил. — Я из Бакони.

Всадник кивнул, поняв, о чем речь. Никола́н кивнул на Ивара.

— Британия. Остров. Британия.

Гунн покачал головой. Эти слова для него ничего не значили.

Подскакали другие всадники, окружив Никола́на и Ивара плотным кольцом. О чем-то жарко заспорили между собой. В конце концов все двинулось к повороту, из-за которого они появились. Всадники жестами требовали, чтобы Никола́н и Ивар шли быстрее. Некоторые даже вытаскивали мечи.

— Похоже, мы пленники, — заметил Ивар.

— Столица Аттилы где-то рядом. Туда они нас и ведут.

— Хотелось бы, чтобы они проявили больше заботы о моих уставших ногах, — пробурчал бритонец.

— Гунны рождаются в седле, так что к ногам не испытывают ничего, кроме презрения, — пояснил Никола́н. — Я вспоминаю те слова на гуннском языке, которые знал мальчиком. Если я не ошибаюсь, они думают, что мы шпионы. И очень довольны тем, что поймали нас.

— Наверное, полагают, что нас скоро казнят, — вздохнул Ивар. — И это радует их еще больше.

Столица гуннов только строилась. Она широко распласталась по равнине, но ей еще недоставало той бурной активности, что пришла с подготовкой большой войны. Однако штандарт Аттилы уже развивался над главными воротами, показывая миру, где живет его будущий повелитель. Из-за деревянных стен доносились людские голоса, ржание лошадей, лай собак.

Группа всадников, с копьями и кожаными мишенями, на всем скаку вырвалась из ворот. Не снижая скорости, они помчались на обоих путников и их конвоиров. Пролетели мимо, нахлестывая лошадей и что-то крича. Копыта их лошадей подняли пыль, которая затмила все, даже штандарт над воротами.

— Они сумасшедшие? — озабоченно спросил Ивар. Никогда в жизни он не видел ничего подобного.

— Да. Но они также хитры и расчетливы, — ответил Николан. — Никогда не знаешь, что они учудят в следующий момент. Так что нельзя их недооценивать.

Один из сумасшедших всадников мчался прямо на Ивара, с нацеленным ему в грудь копьем. И отвел его лишь за мгновение, по ходу вырвав клочок из рукава туники бритонца. Лошади, маленькие, верткие, похоже, с удовольствием участвовали в этом спектакле. Они брыкались и неистово ржали.

— Мы пришли сюда по своей воле, друг мой, — вздохнул Ивар. — И я вот думаю, а не ошибка ли это?

Двум путешественникам, выдавшим и мраморные дворцы Рима, и громаду Колизея, столица Аттилы показалась жалкой и убогой. А его дворец, вызывавший такие восторги у гуннов, — бревенчатой хижинной, пусть и увеличенной во много раз. Во всяком случае, деревянные колонны и заостренная крыша их не впечатлили. Пленников провели через большой обеденный зал. По лестнице они спустились в маленькие комнатки под ним, где Аттила проводил большую часть дня.

Одну из стен его кабинета занимала только что принесенная карта. Бич Божий, в синей тунике (той же самой синей тунике, тогда еще совсем новой, богато расшитой золотом), сидел за маленьким столиком. Тяжелым взглядом немигающих глаз он прошелся по пленникам. Толмач начал допрашивать их по-латыни, обращаясь к Ивару, габариты которого произвели впечатление не только на него. Пока Ивар объяснял, кто они такие и как попали к гуннам, Николан не отрывал глаз от карты.

Аттила молча сидел за своим столиком. Сначала он смотрел на Ивара, но затем его внимание привлек Николан, по-прежнему разглядывающий карту. На ней была изображена сеть дорог, ведущих от Рима к Альпам. Его, естественно, более всего интересовала та, по которой они пришли из Италии.

Оба пленника решили, что император гуннов может общаться с ними только через толмача, поэтому немало изумились, когда он заговорил на латыни.

— Мои рисовальщики карт лучшие в мире, — Аттила указал на карту на стене и обратился к Николану. — Ты, который так заинтересовался ею, что ты о ней думаешь?

К своему удивлению, Николан не испытывал ни малейшего страха перед великим завоевателем.

— Лучше этой мне видеть не доводилось. Она прекрасно вычерчена. Выдержан и масштаб. Но, о могущественный император, должен отметить, что она неточна.

Аттила громко рассмеялся, но в смехе его не было веселья.

— Этот молодой петушок не боится махать крылышками и кукарекать, — уголки его рта опустились. — Значит, моя карта неточна! Откуда сбежавший раб знает, как рисовать военные карты?

Николан почувствовал сгущающееся напряжение. Он посмел покрикивать то, что понравилось Аттиле. По сощурившимся глазам императора и суровым лицам гуннов он понял, что должен привести веские аргументы, подтверждающие его точку зрения, или готовиться к самому худшему.

— Возможно, я высказался слишком резко, о великий император. Но правда и то, что от Рима до границы мы шли только по ночам. И ни разу не сбились с пути. Мы всегда знали, куда сворачивать на развилке. Нам не пришлось спрашивать, по той ли дороге мы идем.

— Ты проходил этот путь много раз? — спросил Аттила.

— Нет, господин мой. Ранее лишь однажды. Мы шли по карте, которую я тогда нарисовал.

В глазах Аттилы мелькнуло удивление.

— И сколько тебе было лет, когда ты нарисовал ту карту?

— Пятнадцать.

— И твоя карта точнее той, что нарисовали мои мастера? — он оглядел кабинет и улыбнулся своим военачальникам. — Да в тебе больше нахальства, чем в римском ученом, утверждающем, что он знает все. И где же эта на удивление точная карта?

Николан достал из кошелька на поясе потрепанную полоску пергамента. По знаку Аттилы пересек кабинет и положил свою карту на стол. Император несколько мгновений пристально смотрел на нее.

— Онегезий, приведи сюда моих рисовальщиков, — распорядился он. — Нет, сделаем по-другому. Приведи моих разведчиков, что ходили по дорогам к Риму. Посмотрим, что они скажут.

Кабинет очистили от посторонних. Вывели даже офицера, который возглавлял отряд, приведший пленника. Наконец, появились разведчики. Долго водили пальцами по карте на стене и по полоске пергамента, затем еще дольше шептались, пока, с видимой неохотой, не пришли к решению.

— Это правда, о великий Танджо, что карта, которая висит перед тобой, кое в чем не точна. Дороги, изображенные на ней, отличаются от тех, по которым мы прошли. Мы говорим так лишь потому, что ты всегда требуешь от нас правдивой информации. У нас нет намерения выискивать недостатки в работе твоих рисовальщиков.

- Неточности серьезные? В ярды или в мили?
- В некоторых местах ошибка исчисляется во многих милях.
- Есть ли ошибки в этой карте? — не скрывая раздражения,

Аттила указал на полоску пергамента.

Разведчик замялся.

— Она такая миниатюрная, о великий Танджо, что нам трудно судить об этом. Но с первого взгляда мы не можем найти в ней каких-либо неточностей.

У Николана отлегло от сердца. Гроза миновала, гнев Аттилы не обрушился на него. Он посмотрел на императора. Слова разведчика не поразили Аттилу, наоборот, вызвали у него много вопросов.

— Похоже, мне придется серьезно разобраться с моими рисовальщиками, — наконец, молвил он и повернулся к Николану. — Твоя самоуверенность обусловлена, скорее всего, юным возрастом. Во всяком случае, я на это надеюсь. И мне представляется, что твое умение рисовать карты, подтвержденное моими специалистами, может оказаться полезным для меня.

— Мой друг и я прибыли в твою столицу, о великий император, в надежде поступить к тебе на службу.

Аттила глянул на Ивара.

— Думаю, я найду, как использовать этого здоровяка. И хотя сейчас он более всего напоминает мешок костей, я склонен думать, что он выходец с острова Черных Певцов.

Ивар лишь поклонился, подтверждая точность догадки Аттилы. А последний вновь обратился к Николану.

— И твой народ мне знаком. Он отличается завидным упрямством. Вы разводите лошадей, но по характеру больше похожи на мулов. Мне уже доводилось проявить по отношению к твоему народу надлежащую суровость. Ты будешь столь же упрямым или готов делать то, что я скажу?

Николан решил, что другая возможность для откровенного разговора если и представится, то нескоро.

— Я назову плату за свои услуги, о великий император, — Ивар бросил на него предостерегающий взгляд, но Николан продолжил. — Ванний, действовавший от твоего имени, убил моего отца и конфисковал наши земли. Он продал меня и мою мать в рабство. Я прошу восстановить справедливость и вернуть мне земли моего отца.

Аттила, надо отметить, не привык возвращать то, что попало к нему в руки.

— Обстоятельства этого дела мне незнакомы, — пробурчал он. — Ванний мертв. Он был лгуном и вором. Когда я узнал, что он отдает мне лишь малую толику денег, выкачиваемых из твоей страны, я велел отрубить ему голову. И до сих пор сожалею, что позволил этому предателю так легко расстаться с жизнью, — он всмотрелся в Николана. — Твое нахальство переходит все границы, но я чувствую, что требования твои не лишены основания. Порешим на следующем: когда ты докажешь, что действительно нужен мне, мы вернемся к вопросу о твоём вознаграждении. Но только не ду-

май, юный петушок, что я тебе что-то пообещал. Свои обещания я выполняю всегда. Пока же я свободен от каких-либо обязательств перед тобой, — Аттила повернулся к Онегезию. — А теперь можешь привести константинопольского посла. Но сначала пусть уберут эту карту. Я не хочу ее видеть, пока не будут исправлены все ошибки.

На том воспоминания оборвались. Солнечное тепло взяло верх. Николан заснул, и его ритмичное дыхание заставило Ивара подняться из-за стола. Он подложил овечью шкуру Николану под голову, другой укрыл его. И хотя стул не казался удобным ложем после ночной работы, во время долгого бегства из Рима им пришлось спать куда в худших условиях.

ГЛАВА 9

1

Несколько недель спустя, когда солнце только показалось из-за горизонта, Николан и его верный друг достигли излучины у легендарной реки, которую столетиями позже назовут Голубой Дунай, хотя, если исходить из цвета воды, Дунай следовало назвать темно-зеленым, коричневым или даже черным. В этом уголке страны Бакони, среди густых лесов, маленьких озер и пологих холмов, Николан просто ожил. Он то и дело пускал лошадь в галоп, дышал полной грудью, глаза его сияли. Внезапно он остановил жеребца и указал на прогалину, посреди которой стоял длинный деревянный дом. Из одной трубы поднимался дымок. Дом окружал частокол из заостренных бревен. Настроение Николана разом изменилось.

— Вот мой дом! — у него перехватило дыхание. — Мой отец умер у ворот, когда в них ворвался Ванний. Я был на том лугу, когда это случилось, — он помолчал. — Что мне их оскорбления, угрозы, злобные взгляды, отказы в ответах? Я готов на все, ради того, чтобы в конце концов прийти туда, где родился.

Недели, проведенные в стране Бакони, ушедшие на то, чтобы подсчитать число воинов и, более важное, лошадей, которые могли быть призваны под знамена Аттилы, дались им нелегко. Николана везде встречали с откровенной враждебностью. Его считали предателем своего народа. И ему самому приходилось прибегать к угрозам, чтобы получить нужные сведения от своих каменноликих соотечественников. Поскольку он-то намеревался выторговать для них самые выгодные условия, такое отношение казалось ему вдвойне несправедливым. Но о своих чувствах он предпочитал не говорить.

— Это наша последняя остановка? — спросил Ивар.

Бритонец, не приученный с детства к верховой езде, в отличие от Николана, пользовался седлом. Николан же, по обычаям

своего народа, обходился без всякой упряжи. Долгая поездка верхом утомила Ивара, и он мечтал о том, чтобы встать на твердую землю.

Николан покачал головой.

— Мы не будем здесь останавливаться. Вчера Ранно Финнинальдер предоставил мне всю необходимую информацию, — он помолчал. — Я не ступлю на земли Ильдербурфов, пока они вновь не станут моими! Да приблизят боги этот день!

Он огляделся и глубоко вздохнул. Рощи ольхи, ивы, акации, густая зеленая трава, ковер желтых и красных луговых цветов, голубизна неба, а вдалеке иззубренные пики гор.

— Нам осталось повидать только Мацио Роймарка. Я специально составил наш маршрут так, чтобы мы приехали к нему сегодня и смогли присутствовать на скачках. Я хочу увидеть знаменитого Хартагера в деле.

Николан вытащил меч и ковырнул им дерн.

— Посмотри! Самая плодородная земля в мире! И когда-нибудь она будет моей. Но я смогу получить ее лишь одним способом: служа Аттиле. Если он будет разбит римлянами, легионы двинутся на север, и эта страна будет поделена вновь. Землю здесь получит какой-нибудь солдат, или ее купит у него богатый купец. С другой стороны, если каким-то чудом моя страна обретет независимость, эти земли останутся у Финнинальдеров. Во-первых, эта семья становится все более влиятельной. А во-вторых, у меня не осталось родственников, которые могли бы поддержать меня в моих притязаниях на эти земли. Так что Аттила — моя единственная надежда, — он повернулся к Ивару. — Ты все спрашивал меня, друг мой, почему я взял сторону гуннов. Я называл тебе много причин, и все достаточно веские. Но эта — главная, пусть и замешанная на эгоизме. Я не вижу иной возможности вернуть мое наследство.

Бритонец кивнул.

— Это причина, понятная для любого человека. Даже я, носивший рабское ярмо с колыбели, сочувствую тебе.

Полчаса спустя они поднялись на вершину холма. Под ними, на огненном лугу, в окружении деревьев, стоял дом под красной черепичной крышей.

— Земли Роймарков, — пояснил Николан. — Мы соседствовали много поколений, и я думаю, что мои родственники всегда завидовали им. Они были богаты и влиятельны. Но для меня все изменилось с рождением младшей дочери Мацио.

И в это мгновение его внимание привлек всадник, появившийся из-за дома. Солнце поднялось уже высоко, и он, приложив ладонь к глазам, разглядел, что всадник — юная девушка с золотой короной волос.

Он пустил своего жеребца галопом наперерез наезднице на черном, как полночь, коне. На лице его играла улыбка: он вспом-

нил, как одно присутствие младшей дочери Мацио лишало его дара речи. Влюбленный по уши, он не мог высказать своих чувств.

Девушка не показывала виду, что знает о его присутствии, и лишь когда он оказался совсем рядом, одарила его взглядом прекрасных глаз, от которого у Николана перехватило дыхание. С главной дороги она свернула на узкую тропу к холмам на западе. Ему ничего не оставалось, как следовать сзади. Так они проехали с милю, пока на вершине холма тропа не расширилась и Николан не смог поравняться с девушкой. Все его внимание было сосредоточено на ней, но он не мог не отметить красоты и силы ее жеребца. «Само совершенство!» — подумал он.

Они поскакали дальше, черные глаза Николана не покидали лица девушки, она же смотрела прямо перед собой, словно не желая его видеть. Наконец, подчиняясь неувловимому движению ее колен, Хартагер сбавил ход, а она повернулась к Николану. Первые их взгляды встретились.

— Мы могли бы оторваться от тебя. Безо всякого труда. Я придерживаю Хартагера, потому что сегодня ему участвовать в скачках, и незачем утомлять его, — она продолжала смотреть на Николана. — Я тебя знаю.

— Ты Ильдико из рода Роймарков. Вот тебя-то узнать легко. А если ты знаешь, кто я, то у тебя отличная память.

— Я думаю, что ты Николан Ильдербурф. Мальчик, которого увезли в Рим, — и с вызовом добавила. — Тот самый, что потом попался гуннам.

Николан же продолжал вглядываться в ее лицо: высокий лоб, аккуратный носик, чуть раздвоенный подбородок, свидетельствующий о силе характера. Ее красота захватывала дух и в то же время пугала его. «Все ясно, как Божий день, — подумал он. — Именно такую жену ищет Аттила. Он это поймет с первого взгляда». И Николан тут же задумался о том, как скрыть Ильдико от глаз Аттилы. «Ее следует увезти отсюда», — решил он.

Тут Николан заметил ее высоко вскинутый подбородок и необдирительный взгляд.

— Я знаю, что обо мне здесь не слишком высокого мнения.

— Мой брат Рорик единственный, кто заступает за тебя.

Николан покраснел от удовольствия.

— В детстве он был моим лучшим другом. Как приятно узнать, что в наших отношениях ничего не изменилось.

— Не очень-то рассчитывай на это. Мой отец настроен против тебя.

Николан внимательно следил за ее мимикой, за тем, как она закрывала глаза, когда улыбалась, жестикулировала при разговоре. Одна из древнейших поговорок пришла ему на ум.

— Человек может подняться на самый высокий пик, но все равно ослепнет, если посмотрит на солнце.

— Так лучше и не смотреть, — резонно заметила Ильдико.

— Иной раз один взгляд стоит долгой жизни в слепоте. Я буду здесь очень мало времени, так что должен воспользоваться теми редкими возможностями, что представляются мне.

— Возможно, отец смягчится и позволит мне поговорить с тобой на скачках. Ты там будешь?

И тут он понял, что ее мнение для него куда важнее, чем то, что думали о нем все остальные. А потому он попытался обосновать свою позицию.

— Те, кто ненавидят меня, остаются дома и разводят лошадей, вместо того, чтобы мчаться на них в бой. Но я... я участвую в этой гигантской пьесе, сценой которой является весь мир. Ты меня понимаешь, Ильдико? Аттила покорит мир. Разве можно в такое время сидеть на лавке да разгребать навоз?

— Но разве можно сражаться на стороне угнетателя собственного народа? — укорила его Ильдико.

— До прихода гуннов нас угнетали римляне, — напомнил Николан. — У нас есть лишь один выбор — выбор хозяина. Я знаю, что многие мои соотечественники отдают предпочтение Риму. Я — нет. Я был там рабом и знаю, что это такое. И я буду рядом с Аттилой, когда он двинет свои армии на равнины Ломбардии. Я надеюсь увидеть падение Вечного города. И победа Аттилы позволит мне вернуть земли, отнятые у моего отца.

Ильдико взглядывалась в его лицо.

— Ты не прав и слеп. Но, даже если ты слеп, я думаю, что ты честен, — внезапно она заулыбалась. — Как ты изменился. Ты был таким тихоней.

Николан же обратил свой взор на черного жеребца.

— Так вот он какой, великий Хартагер, о котором я так много слышал. По-моему, не принято выгуливать лошадь в день скачек.

Ильдико покачала головой.

— Он хотел размяться. Отец и Рорик будут сердиться на меня, потому что думают, что ему это ни к чему. Старый Бринно придет в ярость. Но я лучше всех знаю, что ему нужно. Ты веришь, что лошади всегда знают, когда им предстоит участвовать в скачках?

— Конечно. Они понимают если не слова людей, то их мысли. И, полагаю, они разговаривают между собой.

— Это точно, — кивнула девушка, — я их слышала.

— И они знают, когда идти в бой. Более того, лошадь знает, что ей предстоит умереть. Она такая спокойная, не ест, а хвост висит, как сломанная виноградная плеть.

— О, бедняжки! — воскликнула Ильдико. — Я жалею их больше, чем гибнущих в сражении людей. Ведь люди затевают войны, не лошади!

— Так ты уверена, что Хартагер знает о сегодняшних скачках?

— Абсолютно уверена.

Хартагер мог бы сбросить миниатюрную наездницу одним движением задних ног. Он недовольно всхрапывал, словно жалуясь на то, что его заставляют стоять.

— В это утро он хотел, чтобы я вывела его на прогулку. Видишь ли, мы понимаем друг друга. Разговариваем. Он может многое рассказать мне. Когда он хочет поразмяться, он стучит в дверцу стойла копытом. Сегодня он стучал все утро: тап, тап, тап, тап! Он не мог дожидаться, пока его выведут из конюшни. Он сказал мне, что кипит от переполняющей его энергии и ему надо стравить пар. Он сказал мне: «Давай поскачем на холмы. Потом я отдохну, и на скачках понесусь как ветер». Так оно и будет. Я уверена, что его ждет легкая победа.

— Надеюсь это увидеть.

Девушка бросила на него тревожный взгляд.

— Если ты придешь, я встречу тебя так же, как и любого другого гостя. Потом отец будет зол на меня. Его глаза станут мрачными, как грозовая туча. Боюсь, мне крепко достанется. Но я не намерена обращать на это внимание, Николан. Я так рада, что ты здесь.

2

Николан приехал на условленное место встречи с Иваром, но, к своему удивлению, не застал там британца. Тот появился лишь через несколько минут. И указал за спину.

— Она приехала. Женщина с рыжими волосами.

У Николана широко раскрылись глаза.

— Ты говоришь про вдову Тергесте?

Ивар кивнул.

— Видишь шатры за той рощицей? Там она и расположилась. Я видел, как они приехали. Двенадцать всадников и полдюжины вьючных лошадей. Она путешествует с размахом. Я наблюдал за ними из укрытия. Она ехала на белой лошади и командовала ими, словно надсмотрщик.

— Она, должно быть, сошла с ума, если забралась так далеко от границы. Думаю, Ивар, нам нужно еще раз повидаться с очаровательной вдовой и дать ей дельный совет. Как по-твоему, она нас вспомнит?

Пять шатров из шелка разных оттенков красного и желтого уже стояли на траве. Слуги поили лошадей,нося воду из близкого ручья.

Меднокожий раб застыл у порога самого большого шатра. Он ничего не сказал незнакомцам, но дал понять знаками, что вход воспрещен.

— Мы хотим видеть госпожу Евгению, — объяснил Николан причину своего появления в маленьком лагере.

Раб поклонился и исчез внутри. Несколько секунд спустя из палатки появился другой раб, с бронзовой кожей.

— Кто вы такие?

— Мы служим великому Танджо, Аттиле, правителю земли и императору небес.

Исчез и этот мужчина. А появившись, пригласил войти слуг великого хана.

Внутри шатер напоминал римскую виллу. Роскошные ковры, мягкие кушетки, высокое зеркало из полированного металла. Хозяйка, в зеленом с золотом платье, сидела на одной из кушеток, и третий раб завивал ей волосы.

Едва ли кто взялся бы определять возраст вдовы Тергесте. Выглядела она лет на двадцать с небольшим, и лишь большие карие глаза показывали, что их обладательница прошла куда больший жизненный путь. И естественность рыжих волос вызывала подозрения. Однако и самый внимательный наблюдатель не мог не отметить высокого качества краски, которой пользовалась вдова.

Она оценивающе оглядела Николана, а затем взмахом руки удалила рабов.

— Я тебя знаю. Ты — тот маленький, голодный крысенок, что постучался в дверь моей виллы на холмах у Аквиллии. Вас было двое, беглых рабов. И вы так жалобно просили накормить вас.

— Да, моя госпожа. Мы бежали, чтобы обрести свободу. Ты нас приютила. И теперь мы живы лишь благодаря тебе.

Вдова поднялась с кушетки, направилась к ним, шурша юбками. Всмотрелась в Ивара, что застыл у порога.

— Этот здоровяк-молчун был с тобой и тогда?

— Да, это Ивар.

— Он превратился в Геркулеса, не так ли? — она предложила бретонцу подойти поближе. — Какой ты симпатичный. Просто красавец. При первой нашей встрече я и подумать такого не могла. Ты походил на мешок костей. О, Аполлон, как я люблю крупных мужчин! — она повернулась к Николану. — Что привело вас сюда? Судя по вашему виду, вы ни в чем не нуждаетесь. Как я понимаю, вы на службе у Бича Божьего. Стоило ли убегать от одного хозяина, чтобы попасть в лапы к другому?

— Нет, моя госпожа, мы свободные люди. Но ты права. Мы служим Аттиле. А здесь мы потому, что приехали на встречу с Мацио Роймарком. Но увидели твои шатры и решили, во-первых, засвидетельствовать свое почтение, а во-вторых, ознакомить со здешней ситуацией.

При упоминании Мацио вдова оживилась.

— Я тоже приехала к нему. Моих ушей достигли слухи о его великолепном черном жеребце. Ты уже видел Хартагера?

— Да, не более чем полчаса тому назад.

— Скажи мне, он действительно так быстр, как о нем говорят?

— Госпожа моя, он быстрее ветра. И силен, как те кони, на которых Аполлон каждое утро въезжает на небо.

Глаза вдовы сверкнули.

— Тогда он должен принадлежать мне. Я предложу этому человеку цену, от которой он не сможет отказаться. Где мне найти этого Мацио?

— Ты разбила шатры на его земле. Его дом в долине к востоку отсюда.

— Тогда я должна незамедлительно повидаться с ним. Но, сначала, что ты хотел мне сказать?

— Я советую тебе уехать немедленно. Сюда направляется Аттила. Он будет здесь через несколько часов.

Вдова беззаботно махнула рукой.

— Что мне Аттила. Я его не боюсь. Все, даже этот ужасный гунн, знают вдову Тергесте. Я путешествую, где мне заблагорассудится.

— Личности для него ничто, — настаивал Николан. — Возможно, ты этого не знаешь, но мы в состоянии войны с Римом. Он без малейшего колебания уничтожит тебя. Не посмотрит на то, что ты знаменитая женщина. Еще подумает, что ты шпионка, а то схватит тебя, чтобы получить выкуп. Мой совет — собраться и немедленно уехать.

— Никуда я не уеду, пока не повидаясь с Мацио и не куплю несравненного Хартагера. Я должна убедить этих твердолобых римлян, что людям мало цирковых развлечений, которыми их теперь потчуют. Они стали христианами, а потому отказались от гладиаторских забав. Так теперь им предлагают гонки колесниц, да клоунов, перепрыгивающих с лошади на лошадь. И они никак не поймут, что настоящие скачки, с наездником на каждой лошади, самое захватывающее зрелище в мире. Скачки проводятся везде, но не в Риме. Даже в Греции. Римляне ужасно консервативны. Сатпий в Эпире устраивает скачки каждый год, так туда стекаются лошадиники со всего света. В прошлом году я выставила там жеребца, на которого очень рассчитывала. И проиграла целое состояние. Сто тысяч сестерций! Это большая сумма, даже для вдовы Тергесте. Поэтому я должна купить черного жеребца Мацио, чтобы вернуться в Эпир и взять реванш. Я хочу увидеть физиономию Сатпия, когда Хартагер первым пересечет линию финиша. Поэтому я здесь и никто не убедит меня уехать до того, как жеребец будет мой.

— Аттила наверняка заберет Хартагера себе, — внезапно осекило Николана. Он задумался, а затем продолжил. — Госпожа моя, кажется, у меня есть план. Я уверен, что никакая сила на земле не заставит старика продать Хартагера, но, возможно, он одолжит жеребца. Полагаю, он сочтет за благо укрыть его от чужих глаз. Но тебе придется поклясться, что после войны ты вернешь коня. И договариваться об этом надо быстро. Дорога каждая минута.

Вдова оживилась.

— Ты думаешь, он согласится?

— Не знаю. Но склоняюсь к тому, что да. Он не хочет, чтобы этот великолепный жеребец сгинул на войне. Разумеется, он настояит на том, чтобы послать с тобой своего человека, чье слово будет решающим во всем, что касается благополучия Хартагера, — тут он хлопнул в ладоши. — Я знаю, что надо сделать. — Он сможет послать с тобой одну из своих дочерей или обоих. При условии, что

ты увезешь их в течение часа, и напрямиком отправишься на территории, контролируемые Римом.

Вдова понимающе кивнула.

— Здесь не место молоденьким девушкам.

— Все отцы незамужних дочерей в панике. Особенно, если дочери красивы.

— Как я понимаю, от обеих дочерей Мацио не оторвать глаз, — улыбнулась Евгения.

— Я видел только одну, младшую, Ильдику. Она прекрасна, как богиня солнца, — он задумался. — Я полагаю, она может справиться с жеребцом. Утром я видел, как она скакала на нем.

— Я согласна на любые условия! — воскликнула вдова. — Готова на все, лишь бы выставить Хартагера на скачки в Эпире. Скорее, юноша, отвези меня к этому Мацио Роймарку и изложи ему свой план.

— Вот это я поручу тебе, госпожа Евгения. И не стоит упоминать моего имени. Я, в конце концов, человек Аттилы. Боюсь, Мацио сразу заподозрит, что это ловушка, поскольку Аттила особенно равнодушен к девушкам с золотистыми волосами. Один взгляд на Ильдику, и его охватит страсть. Поезжай к старику и изложи ему свой план, — Николан огляделся. — И прикажи слугам свертывать лагерь. Если Мацио согласится, счет действительно пойдет на минуты. У Аттилы есть привычка приезжать раньше назначенного времени.

— Ну и умная же у тебя голова, юноша, — вдова повернулась к молчаливому Ивару. — А почему эта гора мышц не скажет ни слова? Он только смотрит на меня да молчит.

— Таким образом он показывает, что восхищен тобой.

— Что ж, — вдова поправила пышные волосы, — я могла бы научить его другим способам высказывать свое восхищение. Вот о чем я подумала. Если уж я беру с собой жеребца и девушку, почему бы мне не взять и его? Я найду, чем его занять. И буду платить ему лучше, чем Аттила.

— Для меня это большая честь, госпожа, — наконец, подал голос Ивар. — Но я служу Аттиле. На носу война. И сейчас я не могу уйти от него.

— Не думай, что на моей службе тебе будет легко. Сил у тебя уйдет не меньше, чем в жарком сражении. Но я хорошо плачу. Твои карманы будут набиты так же, как и желудок. Подумай об этом. Ты не пожалеешь о такой хозяйке, как я.

Укрывшись в тени деревьев, друзья наблюдали, как караван вдовы двинулся в путь. Ей не потребовалось много времени, чтобы убедить Мацио принять план, дающий возможность спасти золото-волосую дочь и черного жеребца от загребуших рук гуннов. Когда

же Николан появился у Мацио, последний ни словом не упомянул о визите вдовы, хотя чувствовалось, что с плеч его свалилась тяжелая ноша. Представителя Аттилы он удостоил лишь несколькими фразами.

— Вот список моих лошадей. А вот имена людей, которые могут носить оружие. Нужно ли тебе что-то еще? — голос его звучал враждебно, и Николан еще более утвердился в мысли о том, что старик не убежден, свой ли план предложила ему вдова. Уходя, Николан спросил, дозволено ли ему будет присутствовать на скачках.

— Дозволено, — выдавил из себя старик.

Из своего укрытия они видели, как Ильдико, упрятав золотистые волосы под бархатный капюшон, ехала на лошади рядом с Хартагером. Жеребца укрыли старым одеялом и сажей покрасили звездочку на его лбу.

— Странно, что он отсылает одну Ильдико и оставляет дома вторую дочь, — пробормотал Николан. — Или она ему не столь дорога? Лаудио может обеспечить ему благоволение Аттилы. У нее темные волосы и черные глаза, но белоснежная кожа и изящная фигура. Интересно, что думает по этому поводу Лаудио? Характер-то у нее горячий.

Последняя лошадь скрылась за поворотом дороги. Николан повернулся к своему спутнику.

— Возможно, я больше никогда не увижу Ильдико.

— Девушка она симпатичная, — признал Ивар, — но мир полон красивых женщин. Ты найдешь, с кем утешиться.

— Может, оно и к лучшему, — вздохнул Николан. — Роймарки никогда не простят меня. Как злобно говорил со мной старик этим утром. Он же смотрел сквозь меня, — он помолчал, затем гордо вскинул голову. — Одно я знаю наверняка. К ее возвращению я или умру, или стану владельцем земель Ильдербурфов!

ГЛАВА 10

1

Аттила не прибыл раньше назначенного срока. Одним глазом Николан следил за скачками, а другим косился на восточную дорогу, ожидая появления облака пыли. В отсутствие Хартагера скачки проходили скучно. Ранно Финниальдер выиграл больше забегов, чем Мацио, к явному удовольствию Лаудио, которая сопровождала победителя. Выглядела она великолепно, в розовом костюме для верховой езды и высоких черных сапогах.

Давно миновал полдень, а на восточной дороге так и не поднялась пыль, свидетельствующая о приближении Аттилы.

После последнего заезда Николан повернулся к Ивару.

— Что-то произошло, и его планы изменились. Нам не остается ничего иного, как возвращаться в столицу.

Они уже разворачивали лошадей, когда среди зрителей пробежал шумок.

— Что такое? — Николан сдержал коня. — По-моему, другой, нам предстоит увидеть дуэль кнутов. Давай чуть задержимся. Приготовься к волнующему и жестокому зрелищу.

Зрители сдвинулись, оставив посередине узкую полосу травы длиной в сто пятьдесят ярдов. На концах полосы появились всадники. Каждый с очень длинным кнутом, обмотанным вокруг талии, и кинжалом за поясом. Естественно, оба обходились без седел. Вперед выступил Мацио, назвал одного участника дуэли, затем второго. Зрители загудели.

— Дуэль кнутов, — объяснил Николан своему другу, — состоит в том, чтобы обвить кнутом шею противника и сбросить его на землю. Длина кнута двадцать футов, и ты удивись, сколь мастерски они ими пользуются. Мальчики обучаются этому искусству с пяти лет, потому что каждый может стать участником такой дуэли. Тот, кого сбросят на землю, не имеет права защищаться. Его противник может пощадить поверженного или зарезать кинжалом. Обычно в ход идет кинжал, — внезапно он замолчал. — Я знаю одного из них. Того высокого парня. Это Ратель Доттерспеарс. Тихий, спокойный мальчик. Мы дружили в детстве. Но он никогда не отличался силой, так что, боюсь, эта дуэль для него плохо кончится.

Они прыгнули с лошадей и протиснулись в первый ряд зрителей. Николан повернулся к соседу.

— Из-за чего ссора? — спросил он.

— Спаркан заявил, что девушка, на которой хочет жениться Ратель, с колыбели обещана ему ее отцом. Так как отцы и девушки и Спаркана умерли, Рателю ничего не остается, как сразиться со Спарканом. Поединок будет неравным. Спаркан несколько раз участвовал в дуэли кнутов и каждый раз убивал соперника, — тут он посмотрел на Николана и лицо его помрачнело. — А тебе какое до этого дело, Николан Ильдербурф?

— Ратель был моим другом, — спокойно ответил Николан.

— Больше он тебе не друг! Сегодня он умрет, но я уверен, он не согласился бы поменяться с тобой местами.

Дуэль началась. Спаркан не уступал ростом Рателю, но был куда массивнее. Конем он управлял легко и не сводил глаз с соперника. И кнут подчинялся ему как ручной. С полдюжины раз вылетал он к шее Рателя, и всякий раз от цепи отделяло его не более дюйма. Ратель также мастерски управлял лошастью, но чувствовалось, что думает он не столько о нападении, как о защите. Только один раз оказался позади соперника, в наилучшей позиции, но кончик кнута пролетел далеко от цели.

— Мой бедный Ратель, — выдохнул Николан. — Тебя ждет скорый конец.

И действительно, несколько мгновений спустя уже Спаркан оказался в выгодной позиции, и его кнут, как змея, обвился вокруг шеи Рателя. Короткий рывок, и последний полетел на землю. Ос-

тался лежать там, где упал, следуя обычаю. Кинжал он уже отбросил в сторону.

Победитель зверем кинулся на него, замахиваясь кинжалом. Николан отвернулся. Тут же по толпе прокатился глубокий вздох, заплакали женщины.

— Это же убийство! — возмутился Ивар. — Так гибли гладиаторы, когда сидящие на трибунах опускали палец книзу.

— Мой бедный друг! — воскликнул Николан. И, хотя и не был христианином, добавил: — Пусть Бог упокоит твою душу.

Зрители словно застыли, а на пустую полоску травы вырвалась маленькая фигурка священника в серой рясе. Он подбежал к умирающему, упал рядом с ним на колени.

— Это отец Симон, — пояснил Николан. — Священник, которого мы пытались найти в Белиз-Скауе. Он рискует жизнью, показываясь на людях.

Священник прочитал молитву над распростертым на земле телом, осенил его крестом.

— Я призываю всех вас в свидетели того, что он прожил достаточно долго, чтобы получить отпущение грехов, — изрек священник. — Он не приобщился к истинной вере, мой бедный Ратель Доттерспеарс, но он был хорошим и честным человеком, и душа его всегда указывала ему правильный путь. В последние мгновения жизни он признал себя грешником и глазами просил о прощении, прежде чем отойти в мир иной. Пусть Сын Небесный даст ему вечный покой.

Родственники Рателя окружили тело. Патриарх семьи отер его щеки и лоб, водрузил на голову белую шапку. На Рателя надели белую жилетку, сложили его руки на груди, в правую всунули кинжал. Кнут обмотали вокруг талии, чтобы он мог предъявить его в царстве мертвых в доказательство того, что погиб на дуэли. Наконец, усевшись на землю, они затянули положенную песнь. Девушка, которая собиралась выйти за него замуж, стояла в стороне, наклонив голову. Когда Спаркан, победно улыбаясь, направился к ней, засовывая за пояс окровавленный кинжал, она с криком бросилась прочь.

2

Кровавый исход дуэли взвинтил соседа Николана. Он повернулся к посланцу Аттилы, ткнул пальцем ему в грудь.

— Вот кого следовало убить вместо Рателя. Он заслуживает смерти, предатель, продающий свой народ гуннам.

Мужчины, уже начавшие расходиться, остановились. Слова попали цель. С глухим ворчанием руки потянулись к кинжалам.

— Смерть предателю! — выкрикнул кто-то из толпы.

Люди двинулись на него. Николай не испугался. «Вот, — решил он, — мой шанс». Его открыто обвинили в предательстве. Значит,

он мог столь же открыто защищать себя. Он мог объяснить свои мотивы, и, возможно, его поймут.

— Вы хотите вновь римских хозяев? — вскричал он. — Ванний был римлянином. Вы хотите ему подобного, чтобы он набросился на вас, как жадный стервятник? Хочет ли кто из вас, чтобы его, как меня, продали в рабство в Рим? Вы мечтаете почувствовать на своих спинах удары римского кнута?

— Кнут! — мужчина, затеявший всю бучу, выхватил из тирады Николана только одно слово. — Хватит ли у этого предателя смелости выйти на дуэль кнутов?

— Да, хватит! — не задумываясь ответил Николан. — Но вы все знаете, что навыки обращения с кнутом, приобретаемые в детстве, должны поддерживаться постоянной практикой. Я же не держал в руках кнута с того дня, как меня увезли в Рим.

— Мы знаем, что ты трус, Николан Ильдербурф, — выкрикнул чей-то голос. — У тебя сердце зайца и силен ты лишь молоть языком.

— Если мне дадут шанс вновь почувствовать кнут в руке, я готов сразиться с любым! — заявил Николан.

— Даже с Ранно Финнинальдером?

— Да, и с Ранно Финнинальдером, — тут переполняющий Николана гнев прорвался наружу. — С ним прежде всего. Я просто мечтаю сразиться с ним. С Ранно, отец которого вместе с Ваннием виновен в смерти моего отца. Он стоял рядом с этим жирным римлянином, когда меня и мою мать уводили в рабство. Многие из вас должны помнить моего храброго отца и мою красавицу-мать. Неужели кто-то из вас полагает справедливым, что земли Ильдербурфов остаются в руках Ранно? Покопайтесь в памяти и вспомните, что это семья предателей. Да, я сражусь с Ранно! И пусть он не ждет от меня пощады.

Толпа становилась все гуще. Слова Николана, похоже, не произвели ни малейшего эффекта. Он видел лишь пылающие злобой глаза да ходящие по щекам желваки. Некоторые уже вытащили кинжалы и махали ими в воздухе.

— Разрезать его на куски!

— Повесить на самом высоком дереве!

— Нечего слушать его болтовню о прошлом! Куда важнее то, что он делает теперь!

«Вот мне и конец, — подумал Николан. — Нечего было распускать язык». Но страх недолго властвовал над его душой. Радостное возбуждение охватило его. Именно так он и хотел умереть: защищаясь против своих хулителей, сказав всю правду о Финнинальдерах.

Он выхватил кинжал, понимая, что толку от него будет немного. Кольцо травы вокруг него сжалось до нескольких ярдов.

— Стоять! — перекрыл всех голос британца.

И прежде чем Николан понял, что происходит, Ивар вклинился в надвигающуюся толпу. Руки гиганта-островитянина сомкнулись

на шеях двоих. С необыкновенной легкостью он поднял их в воздух и стукнул головами, после чего швырнул в толпу, сбив многих с ног. Остальные невольно попятнулись.

— Я не говорю на вашем языке! — крикнул бритонец, скинул тунику и поиграл мускулами. — Но думаю, вы меня поймете. Слушайте. Силы мне не занимать. Те двое, что сейчас лежат на земле, легко отделались. Я обошелся с ними по-доброму. Но с вами я церемониться не стану. О, да, вы меня убьете. Вас много, и вы вооружены. Но за мою смерть вам придется дорого заплатить. Подумайте о том, что в другой мир я уйду в большой компании.

Толпа более не напирала, и Ивар прошелся взглядом по опущенным головам. Никто не решался поднять на него глаза.

— Позвольте дать вам совет. Оставайтесь там, где стоите. Стоит ли платить многими жизнями ради того, чтобы убить меня и моего друга?

С другой стороны в толпу на лошади врезался Мацио.

— Народ Бакони! С каких это пор вы стали трусами? Сотней нападать на двоих! Это не в наших традициях. Слушайте меня, друзья мои. Эти люди — гости. Им нельзя причинять никакого вреда, пока они на моей земле. Хватит! Все расходитесь, а не то их будет защищать мой меч.

Валявшиеся на земле медленно поднялись, что-то сердито бурча, стоящие на ногах в нерешительности подались назад. Некоторые, похоже, стыдились, что поддались стадному чувству.

— Кто смеет указывать, что нам делать? — крикнул все тот же мужчина, что на дуэли стоял рядом с Николаном.

Мацио круто повернулся к нему.

— Так ты, значит, здесь, Марклий Пенс? Готов спорить, что это твоих рук дело. Куда бы ты не сунул свой длинный нос, там обязательно начинается буза. Убирайся отсюда, паршивый вор, или я щедро воздам тебе за все то, что тебе простили в прошлом.

— Что я слышал? — послышался новый голос. К толпе подскочил Ранно. — Меня вызвали на дуэль?

Он спрыгнул с лошади. Шляпу Ранно украшали шесть перышек, по числу заездов, выигранных его лошадьми. Мацио выиграл четыре, но не вставил перышки в шляпу.

Ранно прошел сквозь толпу, остановился перед Николаном. На его губах играла презрительная улыбка.

— Приветствую давнего друга. Ты был когда-то Николаном Ильдербурфом, но теперь стал Николаном Гуннским, предателем, пришедшим шпионить за своим народом. Неужели ты готов померяться со мной силой?

— Тебе и так ясно, Ранно, что рано или поздно пути наши пересекутся, — ответил Николан. — Ты мне враг. Ты удерживаешь принадлежащие мне земли и отказываешься отдать их мне. За это я обязан тебя убить.

Ранно приблизился еще на шаг. Хлопнул ладонью по бедру, обтянутому синими рейтузами.

— Еще достаточно светло. Давай решим все прямо сейчас. Пусть этот день запомнится надолго. Второй дуэлью кнутов.

— Как ты спешишь, храбрый Ранно? Ты готов сразиться с человеком, который десять лет не держал в руке хлыста. Тебе не составит труда расправиться со мной, честный сын честного отца. У меня нет желания идти на самоубийство. Мне еще многое надо сделать. Я должен доказать, что твой отец в сговоре с Ваннием убили моего отца. Что передача вам наших земель незаконна. Что их законный владелец — я. А вот после этого я выйду с тобой на дуэль кнутов.

— Он прав, Ранно, — поддержал Николана Мацио, по голосу которого чувствовалось, что он не одобряет позиции человека, вознамерившегося жениться на его младшей дочери. — Разве ты забыл, что Рателю дали три месяца для подготовки к дуэли, после того, как Спаркан вызвал его. Таковы правила.

— Если тебе не терпится сразиться со мной, — добавил Николан, — предлагаю заменить кнут мечом и кинжалом. Решим прямо сейчас, на чьей стороне правда.

Но Ранно эти условия не устроили. Он заявил, что подождет, пока Николан попрактикуется с кнутом.

Когда двое друзей собрались тронуться в обратный путь, они увидели, что Мацио все еще стоит рядом с ними. Теперь к нему присоединилась и Лаудио.

— Хочу сказать тебе пару слов, — он посмотрел на Николана.

— Наверное, хочешь объяснить, почему ты отослал Ильдику, но оставил меня наедине с тем, что может принести нам война, — вмешалась Лаудио.

— Помолчи, дитя! — отрезал Мацио. — Причина тебе известна.

— Зато все люди будут гадать, что это за причина, — глаза Лаудио гневно сверкнули. — Или ты будешь объясняться с каждым? Они уже смеются, говоря за спиной старшей дочери, что она недостойна того, чтобы ее спасали от гуннов.

— Лаудио! Лаудио!

— Меня это не удивляет, — гнула свое Лаудио. — Ты всегда отдавал предпочтение ей. С того дня, как она родилась. И выказывал это самыми разными способами, дорогой отец. Тебе наплевать, если меня уведут и я буду жить в рабстве у гуннов. Но не Ильдику, твоя любимица, твоя золотоволосая красавица. Ильдику надо спасти, пусть даже ценой того, что на нас обрушится гнев Аттилы!

Мацио отвел Николана в сторону, там где их не могли услышать. Извинился за вспышку дочери и перешел к более важным делам.

— Сегодня и не могу пригласить тебя за свой стол. Сделай я это, ни один из моих гостей не разделит бы с нами трапезу. Мы бы остались втроем, ты, я и отец Симон. Наши люди долго помнят обиду. Ты это видел сам, — он помолчал. — Раз Аттила не приехал сюда, чего нам теперь ждать? Он заберет всех наших лошадей? И всех молодых мужчин?

— Я надеюсь, он согласится с моими предложениями, — ответил Николан. — Если так и будет, каждому из тех, кто разводит лошадей, оставят табун, достаточный для того, чтобы продолжить выведение породы. А вот мужчины уйдут практически все. Другого и быть не может. Это война, половина мира против второй половины. Все списки я передам Аттиле.

— Сколько нам оставят лошадей?

— Если Аттила примет мои предложения, около трети.

Несколько минут Мацио молчал. Он думал о тех великолепных жеребцах и кобылах, многообещающем молодняке, которых ему предстояло потерять, ибо с войны лошади не возвращались никогда. Наконец, он кивнул.

— Признаюсь тебе, я не решался и мечтать о таких условиях. Никто из нас не надеялся так легко отделаться. Если Аттила согласится, ты окажешь нам важную услугу, — он помялся. — Но не жди от них благодарности. Они видят только одно: ты служишь гуннам. И какие бы доводы ты ни приводил, они будут стыдить тебя, — он взмахнул рукой, как бы закрывая эту тему. — Скажи мне, Николан Ильдербурф, откуда ты знаешь вдову Тергесте?

— Ивар и я бежали из Рима. Мы не ели несколько дней и так ослабели, что едва передвигали ноги. Добравшись до стен Аквиллии, мы поняли, дальше идти не сможем. Какая-то старуха, к которой мы обратились за помощью, сказала, что у вдовы доброе сердце и она не оставит нас в беде. Ночью она отвела нас к вилле на холмах. Оставила нас ждать у ограды, а сама пошла к вдове. Поначалу госпожа Евгения не пожелала иметь с нами дела. Мы — беглые рабы, она — едва ли не самая богатая женщина империи. Если бы убежал кто-либо из ее рабов, она не похвалила бы того, кто стал бы им помогать. Но она согласилась выслушать нас. Когда мы рассказали нашу историю, она, увидев шрамы на моей спине, сменила гнев на милость. Какой же она оказалась щедрой! Она три дня держала нас в потайной комнате, о которой никто не знал, и сама приносила нам еду. А когда мы уходили, снабдила нас деньгами и провизией на несколько дней. Именно благодаря ее доброте нам удалось вырваться на свободу.

— После разговора с тобой у меня складывается впечатление, что ты виделся с ней этим утром, до того, как она заехала ко мне.

— Виделся, господин мой Мацио.

Помолчав, старик продолжил.

— Пусть Аттила и не приехал, я рад, что моя дочь и мой лучший жеребец окажутся там, где их не достанет рука гунна.

— Ты поступил мудро, отослав их. Но Аттиле скоро станет известно об этом. И я бы советовал тебе отобрать двух лучших скакунов и послать их ему в подарок. А также сообщить, что Хартагер будет участвовать в скачках на юге, а ты намерен подарить каждому из императорских сыновей по жеребенку от Хартагера.

— Превосходная идея. План, предложенный вдовой, сразу понравился мне. Я не стал спрашивать, обсуждала ли она его с тобой. Если он родился в твоей голове, я знал, что ты хочешь сохранить это в тайне. И вот что я тебе скажу. По всему выходит, что от твоего замысла я только в выигрыше. Так знай же, я за это тебе очень благодарен.

ГЛАВА 11

1

Николан недолго оставался в неведении относительно причин, заставивших Аттилу изменить свои планы. Едва он миновал ворота столицы, как начальник караула, высунувшись из окошка маленькой деревянной будки, остановил его.

— Слышал, что нас ждет?

— Нет.

— Завтра приезжает Аэций.

Николан вздрогнул.

— Диктатор Рима?

— Он самый. С ним лишь двенадцать человек охраны. Никого более.

— С чего ты это взял, Эппий?

— Об этом все говорят. Новость распространилась, как пожар в степи. Великий хан готовится к встрече, — начальник караула покивал. — Хотел бы я знать, что это будет за встреча. Скажи мне, какая смерть ждет смелого римлянина?

Николан отмел это предположение.

— У тебя короткий нос, Эппий, и ты не видишь дальше него. В честь римлянина закатят пир, а потом отпустят его домой.

Эппий громко расхохотался.

— Дурак ты, Тогалатий! — он скрылся в сторожке, но тут же высунулся вновь. — Из-за твоей глупости я чуть не забыл о главном. Я должен передать тебе приказ. По прибытии ты должен незамедлительно предстать перед великим ханом.

Когда Николана ввели в спальню, Аттила сидел на кровати в шерстяных шароварах. Он с трудом подавил зевок.

— Что ты мне скажешь?

Николан передал ему списки. Аттила первым делом посмотрел на число лошадей.

— Согласен, — наконец, изрек он. — Это большая контрибуция. Излишняя жадность ни к чему. Будут и другие войны.

— Черный жеребец Мацио отправлен на скачки в Эпир, — добавил Николан. — Невелика потеря. Скаковая лошадь очень своенравна и не годится для кавалерийского боя. Старик обещает тебе первых четырех жеребят от Хартагера. По одному для каждого из

твоих сыновей, великий Танджо. Я привез тебе двух его лучших коней, которых он просит тебя принять в подарок.

Император гуннов пристально всмотрелся в Николана.

— Мне доложили, что на юг на черном жеребце уехала женщина. Молодая женщина с золотыми, как солнце над пустыней, волосами. Мои разведчики видели ее лишь мельком. Караван, в котором она находилась, быстро свернул с дороги, словно они не хотели, чтобы их видели. Но разведчики в один голос утверждают, что она прекрасна. Там действительно была женщина? Она ли та жена, которую я ищу? Или это видение, посланное Ими? — Аттила полагал, что владыки потустороннего мира наблюдают за ним и всегда готовы вознаградить или наказать его за совершенные деяния. Он покачал головой. — Нет, нет. Если бы Они намеревались что-то пообещать мне, видение послали бы мне. Так кто она?

— Женщины часто выглядят прекрасными издали, но с уменьшением расстояния до них быстро теряют красоту.

— Тут другой случай. Мои люди клянутся, что никогда не видели такой женщины. Если она из плоти и крови, я должен ее найти. Я уверен, что она одна достойна разделить со мной трон, на который я усажусь в Риме.

Аттила потянулся, вновь зевнул. Нахмурился.

— А может, я все-таки человек? И мне не чужды человеческие слабости? Да, я провел с женщиной всю ночь. Но раньше меня это не утомляло. Почему же сейчас мне хочется спать, как жениху после свадебной ночи? — он поднял руку. — Я устрою Аэцию роскошный прием. Приму его, как императора. Закачу пир. Не такой, конечно, как устраивали в честь Дионосия. Без обильных возлияний... Видишь? Греки называют меня необразованным варваром, а я знаю все об их женоподобных божествах... От моего пира на языке моего друга детства останется иной привкус, — он вновь посмотрел на Николана. — Я хочу, чтобы ты при этом присутствовал. Тебе будет отведена особая роль.

Когда двое друзей расположились в отведенной им комнате, вопросы начал задавать Ивар.

— Неужели этот человек сошел с ума, отдавая себя в руки Аттилы?

— Возможно, он безумен, но скорее мудр. Точно сказать не могу. Аэций уверен, что у него сильная позиция и Аттила не посмеет разделаться с ним. Он полагает, что может многого добиться личной встречей с правителем гуннов. Возможно, надеется отговорить Аттилу от похода на Рим, предложив повести армии в другом направлении, на Константинополь, в Северную Африку или против вестготов в Галлию. В наихудшем варианте он хочет узнать, какие действия намерен предпринять Аттила. Видишь ли, вестготы ненавидят гуннов и, скорее всего, ударят по ним, если армии Аттилы двинутся на Италию. Так что великий хан стоит перед трудным выбором. Оставить открытым фланг или сначала ударить по Галлии. А уж потом, разделившись с ней, идти на Рим. Вот Аэций

и не может спать по ночам, гадая, каковы планы Аттилы. Он не может решить, где собирать войска, не зная направления основного удара гуннов. Думаю, он едет сюда, чтобы разобраться, что к чему.

Те же вопросы задавались по всему бурлящему городу. Мужчины, переваливающиеся на кривых ногах по узким улочкам, и полные темноглазые женщины, выглядывающие из окон, все хотели знать, какая участь ждет смелого римлянина, решившегося сунуть голову в львиную пасть. Все они пребывали в убеждении, что их вождь в полной мере воспользуется представленной возможностью. Более всего им хотелось увидеть отрубленную голову Аэция, поднятую на пике над городскими воротами.

2

Но голова диктатора Рима гордо сидела у него на плечах, когда он прибыл в столицу гуннов в окружении горстки всадников. Он обратился к начальнику караула на языке гуннов и не выразил ни малейшего неудовольствия, когда встретил его не Аттила, а Онегей. Не испортили ему настроения и долгие часы, проведенные в одиночестве в маленьком домике неподалеку от Двора императорских жен. Он заранее знал, на что идет.

Но на душе у него, несомненно, полегчало, когда вечером его ввели в большой обеденный зал дворца Аттилы. Император гуннов превзошел самого себя. Все захваченные ранее трофеи были выставлены напоказ. Стены украшали знамена, гобелены, молитвенные коврики. Столы сверкали золотом и серебром. Среди гостей восседали восемь королевских особ. Тут были военачальники и министры, богатые купцы и церковные иерархи. Нашлось место в зале и женщинам. Разумеется, не женам, до этого дело не дошло, но разодетым куртизанкам, доставленным чуть ли не из Константинополя. Аттилу они, впрочем, разочаровали, поскольку золотоволосых среди них не нашлось.

Вспоминая дни, проведенные в юности заложником при дворе дяди Аттилы, Аэций не мог не подивиться усилиям, затраченным ради того, чтобы прием произвел на него впечатление. А узнав одну из женщин, подумал: «Куда еще занесет мою маленькую Палшру?»

Ни одного из королей не пригласили занять пустующий стул у стоящего на возвышении столика Аттилы. Именно на него и усадили Аэция. Аттила поздоровался с ним, но не слишком приветливо. Оглядев зал, он узнал несколько лиц, помимо вышеуказанной дамочки. Настроение Аэция поднялось. Он понял, что шансы на благополучное возвращение возросли.

— Говори! — молвил Аттила. — Ты же за этим пришел.

— Да. Я пришел поговорить. Помнится, в прошлом я говорил очень много. А из тебя приходилось выжимать слова. Ты сидел и смотрел на меня, держа свои мысли при себе.

— Ты не испытывал ко мне ничего, кроме презрения.

Последовала долгая пауза.

— Это так, — признал Аэций. — Я злился. Негодовал. И никогда не простил отца за то, что он позволил выбрать меня в заложники.

— А я ненавидел тебя, — буднично заметил Аттила. — Ты был высок ростом, хорошо одевался. Женщины восхищались тобой. Ты многое знал, а я даже не научился читать. Ненависть моя с годами только усилилась.

Аэций кивнул.

— Если б не моя уверенность в том, что ты меня ненавидишь, я бы никогда не решился приехать к тебе.

Аттила возрился на своего гостя.

— Где же логика? Или вы, римляне, привыкли так изъясняться. Я тебя не понимаю.

В зале ели, пили, разговаривали, смеялись, но все взгляды сосредоточились на двух мужчинах, встретившихся при столь необычных обстоятельствах, ибо они могли решить судьбу мира.

— Все просто, — ответил римлянин. — Позволь объяснить. Через пять лет и Аттила, и Аэций скорее всего будут лежать в земле. Ты можешь пасть в битве или твой организм не выдержит таких нагрузок. Я же, наверное, как Цезарь, паду под ударами ножей заговорщиков. Угроза покушения постоянно висит надо мной. То, что случится с нами в ближайшие несколько лет, однако, не поставит на нас точку. В последующие столетия люди будут изучать историю этих драматических дней, и они обязательно зададутся вопросом, а что за человек был этот завоеватель Аттила, чем отличался от других этот выскочка Аэций. Я знаю, как ты горд, о Аттила. Ты не хочешь, чтобы будущие поколения полагали тебя варваром. Ты не позволишь, чтобы они говорили, что ты смертельно боялся меня, потому и убил. Нет, нет! Твоя гордость требует, чтобы ты доказал свое превосходство над ненавистным Аэцием на поле брани. Твоя ненависть ко мне столь велика, что я без боязни могу вверить себя в твои руки.

Сидящие в зале почувствовали нарастающее напряжение. О еде все забыли, захваченные разыгрывающимся перед ними спектаклем. Разговоры сошли на нет, тишину нарушали только шаги слуг.

Слова Аэция поразили Аттилу. Римлянин попал в точку. Выходило, что Аэций прекрасно знает своего смертельного врага. Да, он с удовольствием приказал бы убить Аэция. Но радость была бы недолгой. Разве могла сравниться его смерть с великим триумфом, который ждал его в случае победы над армией Рима? Уродливый тугодум должен одержать верх над утонченным красавцем. Убив Аэция, он лишал себя этого триумфа.

Аттила кивнул.

— Ты прав. Я слишком ненавижу тебя, чтобы убить прямо сейчас.

— Тогда я продолжаю говорить, как ты и хотел. Мне многое надо сказать тебе. Прежде всего, я приехал сюда в надежде, что нам удастся спасти мир от вселенской резни. Мы обязательно сойдемся в бою, ты и я, но надо ли с этим спешить? Не использовать

ли сначала имеющиеся в нашем распоряжении силы для захвата более легкой добычи?

Аттила пренебрежительно глянул на римлянина, сидящего рядом с ним в белоснежной тоге.

— Я, младший племянник в роду моего дяди, правлю теперь половиной мира. Земель у меня больше, чем у Великого Александра. Всего этого я достиг упомянутой тобой резней. Ты, мой Аэций, владыка Рима. Чем ты прокладывал путь наверх? Тем же мечом.

— Нет, нет, я не владыка Рима. Я служу императору Валентиниану.

Аттила, более честный из двоих, нетерпеливо повел плечами.

— Тогда зачем ты здесь, если считаешь себя слугой этого глупого отпрыска родителей-дегенератов? У меня нет времени беседовать с пешками. В твоей власти принимать решения? Если нет, ты напрасно отбираешь у меня драгоценные минуты, а этого я простить не смогу.

Аэций замылся. Он привык к более тонким дипломатическим переговорам, и прямога гунна смущала его.

— Я могу принимать решения, — наконец, ответил он.

Аттила откинулся на высокую спинку стула, вытянул ноги под стол.

— Тогда говори.

И Аэций высказал ему тщательно подготовленные предложения. Он не стал указывать, что Константинополь взять куда проще, чем Рим, но намекнул, что византийская слива уже совсем созрела. Более прямо он высказался в отношении Северной Африки. Там было где развернуться завоевателю, и римляне и гунны могли бы действовать сообща, как союзники. Он даже изложил Аттиле развернутый план кампании.

Гунн молча слушал. Когда аргументы римлянина иссякли, он встал.

— Во-первых, нам надо решить некоторые спорные вопросы, — он оглядел зал, пока не увидел обращенное к нему лицо Николана. Знаком приказал тому подойти.

Николан с неохотой повиновался, уверенный, что бывший хозяин узнает его, и предвидя малоприятные последствия.

Лицо Аэция закаменело, когда он взглянул на Николана.

— Я его знаю. Он мой раб. Несколько лет тому назад он сбежал из моего римского дворца. Я не верил, что раб может покинуть Италию живым, и не сомневался, что его убили.

— Ты требуешь вернуть его?

— Естественно. Он принадлежит мне.

— Тогда я отдам его тебе. Делай с ним, что захочешь. Распи на кресте в назидание другим рабам. Или заставь работать на себя. Пользы он может принести много.

Николан понял, что его ждет ужасная смерть. Аэций, решил он, его не пощадит. Но, взглянув на лицо Аттилы, он догадался, что вождь гуннов выложил на стол еще не все карты.

— Но обмен должен быть справедливым, — продолжил Аттила. — У меня есть длинный список тех, кто бежал из моих владений и нашел прибежище в Риме. Их надобно передать мне. Николана я называю первым среди тех, кого я готов вернуть тебе, поскольку наиболее дорожу им. Вот список людей, которых я хочу видеть у себя. Внимательно изучи его.

Аэций взял листок, и его лицо вспыхнуло, стоило ему лишь взглянуть на имена затребованных Аттилой.

— Это же невозможно! — вскричал он. — Первой здесь записана принцесса Гонория!

— Она выразила желание стать моей женой, но император держит ее в заточении, — невозмутимо заявил Аттила. — Я требую, чтобы ее послали ко мне. А уж потом мы будем обсуждать наши дальнейшие отношения.

На лице Аэция отразилось смятение. Такого он не ожидал.

— Ты просишь невозможного. Гонория — принцесса императорского дома. Император Валентиниан никогда не согласится на это.

Взгляды сидящих внизу, будь то тевтонский король, сарматийский землевладелец или простой солдат, не отрывались от двух мужчин. Они увидели, как Аттила взял листок, который только что был в руках его собеседника, и разорвал его. Затем повернулся к Аэцию и губы его зашевелились.

— Теперь говорить буду я, — он отогнал слугу, который хотел налить в его чашу вина. За весь вечер Аттила лишь несколько раз отпил из нее. — Тебе, полагаю, известно, что я готовлюсь к войне. Последние двадцать четыре часа ты скакал по земле, сплошь покрытой палатками моих воинов. Я собрал величайшую армию в мире, и ее ряды продолжают множиться. Где я собираюсь нанести удар? Поиски ответа именно на этот вопрос привели тебя ко мне. Ты надеялся разгадать мои планы или рассчитывал, что заставишь меня проговориться. Я не вижу в этом ничего дурного. В Риме тоже хватает моих разведчиков. Возможно, я должен гордиться тем, что Аэций, владыка Рима, счел необходимым на время перевоплотиться в шпиона, — он помолчал. — Так к каким выводам ты пришел?

— Ты готовишься напасть на Рим. Я в этом нисколько не сомневаюсь, потому и приехал, чтобы убедить тебя, что пользы от этого не будет ни тебе, ни Риму. Ты хоть задумывался над тем, какими преимуществами обладают защищающиеся? Отчаяние, патристический пыл, позволяющие людям прыгнуть выше головы, доскональное знание территории, относительная легкость в обеспечении армии продовольствием? Все эти преимущества были на стороне Рима, когда Ганнибал вторгся в Италию. И Ганнибал потерпел поражение.

— Я все это знаю. И тем не менее уверен, что смогу побить тебя, Аэций, и стереть с лица земли стены Вечного города.

— Я обращался к предсказателям. Они подтвердили, что ты собираешься напасть на нас. Они также сказали, что твоя армия потерпит поражение. А ты погибнешь в бою.

— Какими методами пользовались твои предсказатели?
— Они гадали по внутренностям убитых. Не животных. Не рабов. Они пользовались телами молодых девственниц.

Наблюдатели, вновь почувствовавшие нарастающее за столиком вождей напряжение, изумились, когда Аттила откинулся назад и расхохотался. Смеялся он редко. Многие в зале ни разу не видели даже его улыбки. Тут же он хохотал, словно Аэций рассказал ему презабавнейшую историю.

— Я — варвар, — отсмеявшись, напомнил Аттила. — Ты — культурный, образованный человек, обладающий глубокими знаниями в самых различных сферах человеческой деятельности. И все же ты веришь в предсказания, в слова жрецов, копающихся пальцами во внутренностях, дабы узнать будущее. Я смеялся над твоей глупостью. Я, варвар, в своих действиях опираюсь только на собственные суждения, которые, в свою очередь, формируются на основе фактических сведений: донесениях моих шпионов и разведчиков. О, я не мешаю моим жрецам делать то, что им положено. Еще очень многие верят им. Так скажи, Аэций, и пусть это останется между нами, кто же из нас варвар?

Аэций пропустил вопрос мимо ушей.

— Какой метод предсказаний используют твои жрецы?

— Полет стрелы. Естественно, богам приносится человеческая жертва. Умирая, жертва показывает, что она видела в потусторонней жизни. Суждение выносится не копанием во внутренностях, а по направлению полета стрелы. Метод этот в ходу у моего народа уже много столетий. Само жертвоприношение — зрелище, достойное внимания. Не хочешь ли попристутствовать, о мой друг из страны так называемых знаний и культуры?

Аэций с трудом скрыл загоревшийся в его глазах огонь.

— Да, о Аттила. Позови своих жрецов, и давай узнаем, что они могут нам сказать.

Зал быстро очистили от гостей. Остались только военачальники и советники Аттилы, двое из свиты Аэция, главы союзных государств, человек двадцать, не более. Занавеси, отделявшие от зала спальню Аттилы, раздвинули. Кровать отодвинули в сторону. Принесли металлический брус с парой сандалий, закрепленных посередине. Тут все заметили, что на дальней стене, в восьмидесяти футах, висит большая карта мира.

Аттила поднял руку.

— Приведите девственницу.

В зал ввели симпатичную девушку, с цветами в черных волосах и белой тунике. Она пыталась вырваться из цепких рук жрецов.

— Она не слишком молода? — спросил Аттила.

— Нет, о великий Танджо.

— Она красива, как того требуют боги? С такого расстояния я плохо вижу ее лицо.

— Да, о владыка земли и небес. Она писаная красавица.

— Она не рабыня?

— Нет. Ее отец — пастух. Он оказал сопротивление, и его пришлось убить. Двойная жертва только порадует богов. Даже Марха, богиня ужаса, останется довольна.

— Она знает, что ее ждет?

— Она охвачена страхом. Дрожит, как лист на ветру. Так и должно быть, о великий Танджо.

Ноги девушки вставили в сандалии, к одной прикрепили металлическое кольцо. Второе кольцо надели на шею жертвы, соединили кольца тетивой. Стрелу, длиной более четырех футов, вставили в отверстие особого пояса, охватывающего талию девушки.

— Пусть ее улетающая душа направит стрелу! — воскликнул один из жрецов. — Пусть боги укажут нам место, где одержит Аттила следующую победу! Тяните!

Двое могучих гунна начали натягивать тетиву. Девушка закричала от ужаса и боли. Они тянули и тянули, и уже казалось, что ее затылок вот-вот коснется пяток. Затем раздался резкий треск: сломался позвоночник.

Стрела с громадной скоростью полетела к карте. Вонзилась в стену с такой силой, что завибрировало оперение.

— Куда попала стрела? — спросил Аттила.

Жрец подошел к карте. Наконечник глубоко вонзился в красный круг, которым был отмечен Город на Семи холмах, лежащий на реке Тибр.

— В Рим! — воскликнул жрец.

Аттила повернулся к побледневшему Аэцию.

— Мы подстроили это специально? Или боги сказали свое слово?

— Стрела открыла истину.

— Ты приехал сюда убежденный, что знаешь мои намерения. Так что здесь ты не увидишь ничего нового для себя. Позволь мне дать тебе совет, о Аэций. Немедленно садись на лошадь. Я дам тебе охрану, которая проводит тебя по передовых частей моей армии. Ты должен скакать всю ночь. Твое присутствие не нравится моим людям. Да и мне, признаться, тоже, — Аттила перешел на крик, давая волю своим чувствам. — Некоторые, и я в том числе, помнят, как мальчишкой ты смеялся над нами. Они все еще кличут тебя, как и в детстве. «Поэт», «Длинноносый», «Зазнайка». Мои люди требуют твоей крови. Убирайся, если хочешь сохранить голову на плечах, — он надвинулся на римлянина. — Я не смогу совладать с желанием убить тебя, если ты будешь здесь, когда взойдет солнце.

После отъезда Аэция мобилизация армии пошла еще более быстрыми темпами. Войска подошли с севера. С Альфельда прибыли лошади. Николан с головой погрузился в работу. Он спал урывками и за едой читал донесения. А потому удивился, когда Аттила вы-

звал его, чтобы поговорить о неизвестной молодой женщине, которую заметил один из его разъездов.

— Я получил известие, что они достигли Аквиллии. А потом, вместо того чтобы направиться в Равенну, повернули в Тергесте.

— Они полагают ее красавицей?

— Она прятала волосы под шапочкой, отчего выглядела как мальчик. Но один из моих людей случайно увидел ее без шапочки. У нее золотистые волосы, и она ослепительно красива, — он пристально посмотрел на своего помощника. — Судя по их маршруту, я склонен думать, что прибыли они из твоей страны.

— В моей стране женщины черноволосы, — возразил Николан. — Скорее всего, они пересекли мою страну, держа путь из лесных земель, что лежат за великой рекой. Там живут женщины с золотистыми волосами, которые ниспадают им на плечи.

Аттила задумался.

— Действительно, несчастная Сванхильда, умершая такой юной, родом оттуда. Возможно, моя жена, которая разделит со мной римский трон, будет из тех краев. Но меня тянет к этой красавице, что так внезапно появляется и исчезает. Я думаю, что она снова попадется на глаза моим людям и станет мне той женой, которую я так давно ищу.

— Но, великий Аттила, она же опять исчезла.

— Она в Тергесте, — заявил Аттила. — Никто не сможет уехать оттуда без ведома моих разведчиков. Они на чеку. Скоро я услышу о ней.

Более он об этом не говорил, сосредоточившись на подготовке к наступлению. Первый удар Аттила решил нанести по враждебной стране за Рейном. Только сокрушив Галлию, он мог идти на Рим.

ГЛАВА 12

1

Полмиллиона мужчин в кожаных панцирях и красных войлочных шапках с луками за спиной стояли лицом к лицу с римскими легионами и вестготами. С холма, господствующего над Каталаунскими полями, Николан видел горящие в ночной тьме мириады костров вражеского лагеря. На следующее утро миллиону людей предстояло сойтись в жестоком бою, и скорее всего, четвертая их часть должна была умереть, не дождавшись захода солнца. Николан наблюдал за мерцающими огоньками костров не без чувства вины. Ранее он знал, что столкновение неизбежно и готовил его приближение, не испытывая укоров совести, поскольку только победоносная война могла вернуть ему земли предков. А вот теперь у него возникло ощущение, что ответственность за происходящее лежит только на нем, и его охватил страх. Впервые у него возникли сомнения в правильности сделанного выбора.

Аттила сидел на лошади в нескольких ярдах от Николана. В седле лучше думалось, а подумать было о чем. Военачальники и правители подвластных ему государств, войска которых влились в его армию, за прошедший час не услышали от него ни слова. Напрасно весь мир представлял вождя гуннов варваром, жаждущим сражаться, убивать, разрушать. Аттила был тонким стратегом и лучше других понимал, что и Аэций готовит сейчас план завтрашнего сражения. Его армия появилась внезапно, когда он, Аттила, готовился взять Орлеан. Его войска занимали неудачную позицию, так что ему пришлось отступить. Теперь они стояли на равнине между Сенной и Йенной. Сложившаяся ситуация его не радовала. «Три брата-принца, — сказал он себе, — хороши на придворных балах, но никак не в бою». Они позволили вестготу Торисмонду захватить важную высоту на левом фланге гуннов. Поэтому утром следовало первым делом выбить вестготов с захваченной ими позиции. Аттила разорвал бурку из овечьих шкур, чувствуя закипающий в нем гнев. Повезло ему с союзниками. Вражеские лучники могут засыпать стрелами весь его левый фланг, а эти болваны веселятся в своих шатрах.

Николан знал причину плохого настроения вождя и колебался, предложить ли ему свое решение проблемы или нет. Он хотел сказать Аттиле, что дальний левый склон холма не столь крут, и атака на рассвете могла смести вестготов.

Но тут из темноты его позвал знакомый голос.

— Николан! Я пришел, чтобы сказать, что остаюсь твоим другом.

То был Рорик Роймарк, уже отличившийся в нескольких стычках с врагом. Николан повернулся к нему.

— Мой добрый друг! — продолжил Рорик. — Возможно, завтра мы оба погибнем. Но не хочу уйти в мир иной, не сказав, что мое отношение к тебе не изменилось.

— Рорик, я не мог первым подойти к тебе, — голос его дрожал от волнения. — Я знал, как ко мне относятся. И не хотел слышать новые оскорбления.

— Ты был прав с самого начала. Мы все здесь, готовые сражаться на стороне Аттилы. Мы отказывались смотреть правде в глаза. Все, кроме тебя. Николан, мой добрый друг, сегодня я почувствовал шелестение крыльев рядом с собой. Завтра я умру. Вот что я хочу тебе сказать. Если ты останешься в живых, обещаю тебе заботиться о моей семье и оберегать отца, сестер и наших лошадей от превратностей судьбы, как ты уже однажды сделал. Да, отец рассказал мне, что именно ты нашел способ укрыть Ильдико от грозящей ей опасности.

В темноте они пожали друг другу руки.

— Я клянусь, Рорик, прежде всего заботиться о них. Но напрасно ты такой грустный. Завтра легионы Рима побегут, и все переменится.

— Для тебя, надеюсь, что да. Но не для меня. Я слышал рядом с собой голоса, меня касались бестелесные руки. Я помечен смер-

тью, — Рорик тряхнул головой и неожиданно улыбнулся. — Перед тем, как мы вошли в эту проклятую Галлию, я виделся с Гаддо. Он уехал вместе с моей сестрой. Потом она отправила его ко мне. Они знали, что в Тергесте за ними следят агенты Аттилы. Но им удалось ускользнуть незамеченными, и они благополучно прибыли в Эпир. Гаддо рассказал мне и о скачках.

— Ильдико в полном здравии? — спросил Николан.

— Прекрасно себя чувствует, — Рорик широко улыбнулся. — Поначалу она очень рассердилась, когда владельцы других лошадей не пожелали, чтобы она участвовала в скачках. Они заявляли, что для них оскорбительно состязаться с женщиной. Но вдова Тергесте их застыдила. «Получается, — заявила она, — что нынче мужчины боятся женщин. Неудивительно, что все в мире пошло кувырком». Она предложила удвоить свою ставку, и против этого довода они не устояли. Ильдико может участвовать, сказали они, но при соблюдении приличий. То есть в жокейских шапочке и сапогах, — Рорик рассмеялся. — Ну и вид был у моей маленькой сестрички, в круглой фетровой шапке и сапогах на пять размеров больше.

— Но она выиграла! — воскликнул Николан. — Я уверен, что выиграла.

— Именно так. Странная вещь, Хартагер показывает лучшее время, когда им управляет она. Даже я ей не ровня. Гаддо говорит, что она провела заезд выше всяких похвал. Сначала она попридержала Хартагера, проиграв добрых двадцать ярдов, но зато обеспечив себе свободу маневра. А когда вдали показался финишный столб, начала что-то нашептывать ему. Они близкие друзья, поэтому он ее отлично понимает. Я буквально слышу ее слова: «А теперь, дружище, пришло время показать этим рожденным на земле лошадям, что ты не такой, как они, и сами боги учили тебя скакать в облаках». Хартагер помчался, словно черная молния, и финишировал на много корпусов впереди. Вдова Тергесте вернула прошлогодний проигрыш и осталась с немалой прибылью! — голос Рорика помягчел. — Во время заезда с моей маленькой Ильдико слетели шапка и сапоги, так что к судьям она вернулась с развевающимися волосами и голыми ножками.

— Да ты у нас поэт, Рорик! — воскликнул Николан. — Какую яркую ты нарисовал картину! Я бы отдал десять лет жизни, чтобы присутствовать на тех скачках.

— Вдова увезла Ильдико и Хартагера в Грецию, на другие скачки. Потом они собираются в Константинополь.

Николан удовлетворенно кивнул.

— Война закончится до того, как они вернутся.

Рорик положил руку на плечо Николана.

— Помиришься со своим народом и возвращайся домой, когда все кончится. Я скажу тебе следующее. Я хочу, чтобы ты женился на Ильдико. Меня пугает то, что я видел в глазах Ранно Финниальдера. Возвращайся на родину, мой верный друг, и подхвати вожжи, которые завтра выпадут из моих рук.

Аттила расправил плечи и заговорил. Рорик и Николан обнялись, с подкатившим к горлу комком, а затем Рорик растворился в темноте. Николан поспешил к Аттиле, полагая, что получит какие-то распоряжения. Но вождь гуннов никого не замечал. Он общался с Ними и просил, чтобы Они указали ему правильный путь.

2

Ни одна пара человеческих глаз не может охватить всю битву. Находящийся в гуще сражения солдат видит лишь то, что происходит рядом с ним, яростные лица противника, взлетающие топоры, с силой брошенные копья. Наблюдателю доступен какой-то участок, все остальное затмевает поднятая кавалерией пыль.

Вот и Николан, выполняя поручение, данное ему Аттилой, видел лишь часть равнины, лежащую перед ним, но так уж получилось, что именно здесь решалась судьба сражения.

Ранним утром туман все еще покрывал Каталаунские поля, скрывая противников друг от друга. До гуннов долетали сигналы, подаваемые римскими горнами, разведчики криками сообщали, что враг пока не сдвинулся с места. Аттила, глубоко запавшие глаза которого горели мрачным огнем, ткнул пальцем в Николана.

— Тебе будет особое задание. Я возглавлю атаку по центру, а потому мне надо постоянно сообщать о ходе битвы. Отсюда ты будешь направлять ко мне курьеров. Их сто, и они будут находиться позади сражающихся частей. Их задача — докладывать тебе то, что они увидят и услышат. Ты же будешь получать донесения моих командиров, а затем как можно быстрее сообщать мне обо всем. Если ты хочешь передать что-то очень важное, посылай дюжину человек, чтобы по меньшей мере один добрался до меня.

Слуга Аттилы, Гизо, все такой же толстый и неопрятный, стоял рядом с Николаном на маленькой, мохнатой лошади. Тихо сказал ему:

— Кого-то посылай и ко мне. Я в битву не полезу. А он, — Гизо указал на Аттилу, — будет в самой гуще. Так что до меня твои донесения дойдут наверняка.

Аттила услышал Гизо и одарил его злобным взглядом.

— С каких это пор мне надобна помощь полоумных слуг? — он потер переносицу. — Это хорошая мысль, Тогалатий. Если донесение важное и получить его я должен срочно, пошли одного курьера к этому придурку. Его очень заботит безопасность собственной шкуры, так что он непременно доберется до меня живым. У него есть свои способы связаться со мной, о которых не знают курьеры.

Аттила спустился с холма к своим войскам и обратился к гуннам. До Николана долетали лишь отдельные слова. Но вот Аттила замолчал, на какие-то мгновения над гуннами повисла тишина, сменившаяся затем ревом тысяч плоток. Солдаты двинулись вперед.

Битва началась.

Первое донесение Николан получил с левого фланга, которым командовали братья-принцы, постепенно выходящие из ступора, вызванного ночным кутежом. Лицо курьера заливала кровь.

— Рорику Роймарку приказано вести его кавалеристов в атаку по северному склону и вышибить готов с холма.

Николан отказывался поверить услышанному.

— Кто отдал такой приказ?

— Принц Таллимунди.

— Ивар! — воскликнул Николан. — Ты был со мной, когда вчера вечером я обследовал подходы к холму. Разве я ошибся, сказав, что северный склон самый крутой?

— По северному склону добраться до вершины невозможно, — ответил британец. — Для атаки больше подходит восточный склон, более пологий и поросший деревьями, которые могут служить укрытием для наступающих.

— Об этом я доложил Аттиле, и он согласился, что атаковать надо с востока. Он также сказал, что пехота справится с этим лучше. Разве кавалерия сможет преодолеть такой крутой подъем? Немедленно возвращаясь к принцу Таллимунди, — обратился Николан к курьеру, — и умоли его отменить прежний приказ, — тут в голове его возникла тревожная мысль. После битвы могли возникнуть вопросы, что было сделано, а что — нет. — Как тебя зовут? — спросил он курьера.

— Сомуту.

— Сомуту, запоминай все, что случится сегодня. Сохрани в памяти все, что ты скажешь принцам, и их ответы. Это может понадобиться. А теперь не теряй времени. Кавалеристы Рорика посланы на смерть. Скажи принцам, что я сообщу об этом императору.

Николан повернулся к другому курьеру.

— Твое имя?

— Пассилий.

— Скажи к императору. Доложи ему об этом приказе и о принятых мною мерах. Скажи ему, что принцы совершают фатальную ошибку. Скажи, что по моему разумению атаковать холм может только пехота. Отправляйся! Нельзя терять ни минуты.

Николан наклонился к Ивару.

— Мы должны вести учет всем приказам, что пройдут через нас, и поступающим к нам донесениям. Имена курьеров, порядок их появления, время прибытия, пригодится все.

Ивар кивнул.

— Я этим займусь. У меня хорошая память.

Десять минут спустя Сомуту вернулся. Его пораненная щека все еще кровоточила.

— Атака началась, — выдохнул он. — Рорик повел своих людей на склон. Проклятые готы осыпают их стрелами. Потери будут велики, возьмут они холм или нет.

У Николана защемило сердце.

— Все мои друзья сражаются на том холме. Сомуту, есть ли у них шанс?

— Те, кто следят за боем, считают, что никаких шансов у них нет, — Сомуту нахмурился. — Однако, говорят, что один из ваших командиров зашел в шатер Таллимунди и предложил это направление атаки.

Николан вытаращился на курьера.

— Когда это было?

— За несколько минут до рассвета, о Тогалатий.

— Кто из наших зашел к принцу?

— Я слышал, его зовут... — курьер замялся, но память подсказала-таки имя. — Ранно.

— Сомуту! — воскликнул Николан. — Заклинаю тебя твоим отцом и их отцами, заклинаю гневом господним, до конца дней своих не забывай это имя! Возможно, в будущем тебе придется повторить то, что ты мне рассказал. Ранно! Ранно Финнинальдер! Пусть оно останется у тебя в памяти.

— Я его запомню.

Несколько минут спустя новый курьер доложил, что конная атака не удалась. Большинство кавалеристов погибли на склоне холма.

— Сколько убито? — мрачно спросил Николан.

— Мой господин Тогалатий, точно сказать не могу, вернулись немногие. Среди них ни одного командира. Рорик пал одним из первых. Стрела попала ему в глаз.

Последовало долгое молчание. Наконец, Николан нашел в себе силы заговорить.

— А Ранно?

— О нем ничего не известно.

На холм взлетел курьер, прибывший от Аттилы.

— Приказ императора принцу Таллимунди. «Прекратить конную атаку. Послать на холм пехоту по восточному склону». Немедленно передайте его принцу.

Николан тяжело вздохнул.

— Слишком поздно. Конная атака захлебнулась. Лишь немногие вернулись живыми, — он взглянул на курьера, потерявшего по пути на холм шапку. — Как тебя зовут?

— Аллагрин.

— Аллагрин, обязательно запомни время, когда ты передал мне слова императора. Возвращаясь к нему и скажи, что его приказ будет выполнен. Скажи также, что ошибка принцев дорого обошлась ему, — он позвал еще одного курьера. — Передай принцам приказ императора. Скачи как ветер!

— Пехота атакует по северному склону, — гласило следующее донесение. — Принцы говорят, что нет времени перегруппировывать войска для атаки с востока.

— Они найдут время, получив приказ императора, — процедил Николан. — Сколько всадников вернулось?

— Кто знает? Человек двадцать, не больше. Они были обречены до того, как сделали первый шаг.

Николан почувствовал руку Ивара, опустившуюся на его плечо.

— Все будет не так ужасно, как они говорят. Это обычное дело, дорогой друг. Потери всегда преувеличивают.

4

Центр армии Аттилы, ведомый вождем, решительно продвигался вперед. Ему противостояла самая слабая часть армии Аэция, аланы, которыми командовал их трусоватый король Сангибан. Аэций, с римской конницей, противостоял правому флангу гуннов и не выказывал особой активности. Николану очень хотелось увидеть, что там происходит, но расстояние было слишком велико. Первый курьер, прибывший с правого фланга, доложил о том, что бой там еще не начался. Что же замыслил римский лис? Николан задал этот вопрос Онегезию.

Последний презрительно фыркнул.

— Какая разница? Наш великий Танджо сейчас растопчет войско Сангибана. Мы разрежем их армию пополам.

Стратегический замысел Аттилы тем временем воплощался в жизнь. Император рассчитывал на быстрый прорыв обороны аланов, с тем чтобы погнать их на солдат Теодориха, галантного старого короля готов, и уничтожить и тех, и других. Пока все шло по плану и между отступающими аланами и римскими когортами уже образовался зазор.

— Видишь? — воскликнул Онегезий. — Центр врага разбит. Битва выиграна.

Но Николан придерживался иного мнения.

— Аэций еще не сказал своего слова. Неужели ты думаешь, что он столь покорно смирится с поражением?

Онегезий хохотнул.

— А что может сделать олень, когда тигр ударом лапы ломает ему хребет и вгрызается зубами в шею?

С левого фланга галопом прискакал курьер.

— Хорошие новости! Старый Теодорих убит. Его ранили, и он выпал из седла. Его конь копытом проломил ему голову.

— Готам это известно?

— Да. Они, похоже, пали духом. Даже не пытаются помочь Сангибану.

Николан звонко шлепнул по боку ближайшую от него лошадь.

— Скачи к императору, — приказал он. — Сообщи ему об этом.

— Каменные стены города на семи холмах уже дрожат! — прокричал Онегезий.

Николан, однако, не разделял царящий вокруг оптимизм. Каждую минуту он ожидал сведений об ответном ходе римлян. Слишком уж легко развивал Аттила успех. Если Аттила загонит центр

врага слишком далеко влево, римлянам представится прекрасная возможность ударить им в тыл. И зажать лучшие войска гуннов в клещи. Этот вариант развития событий столь обеспокоил Николана, что он по собственной инициативе послал императору гонца, дабы предупредить, что разрыв линии фронта гуннов становится угрожающе большим. Затем второго, третьего, четвертого. Разрыв продолжал увеличиваться, и он посылал к Аттиле курьера за курьером, чтобы предупредить об опасности.

Ни один из курьеров не вернулся, так что Николан не мог знать, получил ли Аттила его предупреждение. Поэтому он слал и слал курьеров в самую гущу боя, поскольку Аттиле уже реально грозило окружение. Даже Онегезий осознал серьезность складывающейся ситуации. Его свинячьи глазки заполнил страх, он схватил Николана за плечо.

— Тигр прыгнул слишком далеко. И угодил животом на рога.

Но скоро выяснилось, что вождя гуннов не опьянил успех легкой победы над Сангибаном. Он остановил своих воинов, преследующих аланов, и развернул их навстречу новой опасности. Гунны, в кожаных панцирях, с их изогнутыми клинками, сшиблись с закованными в броню римлянами, вооруженными длинными мечами и копьями. Вроде бы силы были неравны, но воины востока превосходили противников в мобильности. Кони их подчинялись легкому движению колен, и мечи римлян часто рассекали воздух, в то время как их хозяева сами открывались для ответного удара. Легионы потеряли в схватке не меньше людей, чем кавалерия гуннов.

Николан видел, что теперь Аттила преследует лишь одну цель: проложить путь к тому месту, откуда он начал сражение, и восстановить линию фронта. Если б ему это удалось, римская атака захлебнулась бы и обе армии вернулись бы в исходное положение. Но степнякам такой ход сражения был не по душе. Не оставалось места для маневра конницы, они не могли применить тактику быстрых наскоков, которой овладели в совершенстве. Вместо этого им приходилось пробиваться по узкому коридору, одну стену которого образовывали римляне, а вторую — готы.

Битва достигла пика. Обе армии втянулись в ближний бой по всему трехкилометровому фронту. Воздух наполняли крики ярости и боли, звон мечей, ржание лошадей. Тех, кто падал, тут же затаптывали, поскольку оставшимся на ногах было не до спасения раненых. Полмиллиона мужчин по одну сторону Каталаунских полей пытались убить полмиллиона им подобных, находившихся с другой стороны, и каждую минуту последний вздох срывался с губ сотен воинов. Никогда еще солнце не было свидетелем гибели такого количества людей, как в тот трагический день.

— Жив ли Аттила? — спросил Николан.

Он и Ивар с ужасом смотрели на разверзшийся на равнине ад.

— Я вижу его флаг, — последовал ответ. — Черный с золотом.

— Я не уверен, что он получал мои донесения, — Николан прикрыл глаза рукой, чтобы лучше разглядеть поле. Потом по-

вернулся к Ивару. — Нет смысла посылать новых курьеров и рисковать их жизнями. Но я поехал вниз.

Несмотря на протесты Ивара, он заставил лошадь одним прыжком преодолеть земляной вал и начал прокладывать путь сквозь ряды гуннов. Каждый ряд давался ему с немалым трудом. Солдаты, мимо которых он протискивался, пытались ударить любого, кто оказывался в пределах досягаемости меча. Он потерял шапку. Взбрыкнувшая лошадь ударила его копытом по ноге. Кривой меч разрезал рукав, оставив на руке длинную и глубокую царапину. Требования Николана направить его к Аттиле оставались без ответа: никто не знал, что творится в десятке ярдов. Землю устилали тела, трава стала скользкой от крови. Чем дальше он залезал в толчею, тем медленней становилось его продвижение вперед. Наконец, поняв тщетность своих усилий, Николан повернул назад.

То ли в своем стремлении добраться до Аттилы он приблизился к римлянам, то ли те, пытаясь разрезать армию гуннов надвое, продвинулись вперед, но внезапно перед Николаном возник высокий римлянин со сверкающими из-под шлема глазами. Могучая рука взметнулась в воздух, меч с силой опустился на маленький щит, который Николан держал в левой руке. Удар болью отдался в плече, рука едва не онемела. Еще дважды обрушивался меч на щит Николана, и тому не оставалось ничего другого, как отступить. Четвертый удар соскользнул с поверхности чуть повернувшегося щита. Тут Николан сообразил, как ему надобно защищаться: держать щит под углом, уменьшая таким образом силу удара.

Римлянин все напирал, дабы поскорее прикончить противника, не заботясь об обороне. И Николан не упустил представившегося шанса. Быстрым ударом он вонзил острие меча в бронзовую от загара шею противника. Кровь брызнула струей. Высокий римлянин на мгновение застыл, потом покачнулся и вывалился из седла.

Когда Николан вернулся на холм, курьеры окружили его в ожидании приказов. Среди них был и Ивар.

— Ты ранен! — воскликнул он.

Рука, которой Николан коснулся щеки, окрасилась кровью. Боли он не чувствовал. Высокий бритонец ощупал лицо Николана.

— Порез над левым глазом. К счастью, неглубокий. Но кровь течет сильно. Как это случилось?

— Не знаю.

Пока Николан выяснял у курьеров, не привез ли кто нового донесения, Ивар ретировался, чтобы вернуться с куском жареного мяса на косточке, которую он и сунул в руку Николана.

— Скажешь спасибо Черному Сайлесу. Он запасся едой. Окружающая территория вычищена полностью, в округе не найти и крошки. Солдатам придется ложиться спать на голодный желудок.

Николан сторвал зубами кусок мяса, внезапно почувствовав, что зверски проголодался. Наполовину обглодав кость, он вернул ее Ивару, который быстро справился с оставшимся на ней мясом.

— Ты поставил не на ту лошадь, храбрый Тогалатий, — раздался за спиной насмешливый голос.

Николан обернулся и увидел подъехавшего Ранно Финнинальдера.

— Изнеженные римляне, похоже, выигрывают сражение.

— Сражение, в котором ты не принимал участия, — от внимания Николана не укрылся его безупречно чистый кожаный панцирь.

— Наоборот. Я только что вернулся из разведки. Был на их правом фланге. Мы опасались, что готы могут обойти нас.

— Кто отдал тебе такой приказ? — быстро спросил Николан.

— Мой командир Рорик.

— Значит, ты уехал до начала битвы. Как тебе повезло. Ты же не участвовал в атаке на холм. Ты, наверное, слышал, что чуть ли не все наши братья и друзья полегли там в первые минуты битвы?

— Мне сказали, что потери велики.

Николан развернул лошадь и подъехал к улыбающемуся Ранно.

— А вот мне сказали, что именно ты посоветовал атаковать по северному склону.

— Это ложь!

— Я склонен верить, что это правда. Что же касается другого приказа, отправившего тебя на экскурсию по окрестностям, то Рорик мертв и не может ничего сказать по этому поводу. Но я не верю, что он отдал такой приказ.

Ранно схватился за кинжал.

— Придет час, когда ты ответишь за эти обвинения! — воскликнул он.

— У меня нет сомнения, благородный Ранно, что ты найдешь способ присвоить земли тех, кто пал сегодня на поле боя. Возможно, ты руководствовался именно этой мыслью, устранив все так, чтобы наших соотечественников послали на верную смерть.

Неясно, чем бы закончился этот разговор на повышенных тонах, если бы не прибытие курьеров. Пока Николан выслушивал их донесения, Ранно исчез.

Николан наклонился к Ивару.

— Ты слышал, что он сказал? Он готов отрицать, что на заре виделся с Таллимунди. Можем мы доказать, что он там был?

Ивар нахмурился.

— После битвы наверняка будет проведено расследование. Этот человек постарается возложить вину на тебя?

— Скорее всего.

— У нас есть слово курьеров. Я посмотрю, не найдем ли мы других доказательств...

Ивар, проводивший весь день на ногах, сел на свободную лошадь и уехал.

Тем временем ход сражения вновь изменился. Гунны разомкнули клещи, сжавшие в центре их армию. Суровые степные воины

вернулись на позиции, которые они занимали перед началом сражения. Римляне более не горели желанием продолжать выяснение отношений, готы уже откатились назад.

«Ничья», — подумал Николян, поднявшись на стременах, чтобы получше разглядеть поле боя.

К нему подскочил Сомуту.

— О, Тоголатий, говорят, что убит каждый четвертый. Не бывало еще таких кровавых сражений, — он озабоченно посмотрел на Николана. — Мы потерпели поражение?

— Поход в Галлию преследовал единственную цель — исключить возможность атаки готов во время похода на Рим. Их потери столь велики, что едва ли они скоро оправятся. Так что цель достигнута. Но сможет ли Атиллы вновь собрать сильную армию для покорения Италии?

— Я устал от войны, — вздохнул Сомуту.

Утомленные гуннские воины переваливали через линию земляных укреплений, требуя еды и питья. Римские легионы возвращались в свои лагеря. Поле боя оглашали крики раненых. Ветер стих, и все знамена обеих противоборствующих сторон бессильно обвисли, как бы показывая, что дневная резня никому не принесла победы.

5

На глазах Черного Сайлеса последняя крошка еды исчезла во рту одного из офицеров. Остальным он лишь помахал рукой.

— Больше ничего нет. Вам повезло больше, чем тем бедолагам. Им вообще ничего не досталось, — никто как следует не наелся, но жалоб не последовало. Слишком все устали, чтобы вступать в словесные перепалки. Военачальники и главные советники Атиллы не участвовали в трапезе. Они собрались на совещание, которое еще не закончилось. Атиллы, так и не слезший с лошади, напоминал бронзовую статую.

Николян не мог есть. Он сидел на земле, зажав уши руками, чтобы не слышать крики раненых. Ивар, потуже затянувший пояс, дабы его не так мучили голодные спазмы, усевшись рядом, пытался успокоить его.

— Я слышал, что раненых не меньше пятидесяти тысяч. Всех их оставили умирать. Даже если мы вытащим нескольких с поля боя, толку от этого не будет. Лечить их все равно нечем. Только умрут они не там, где упали, а здесь.

— Я мечтал об этой войне, — ответил Николян. — Я в этом не признавался, но так оно и было. Я думал, что она даст мне шанс, которого я ждал всю жизнь. Я сделал для Атиллы достаточно много, чтобы он вернул мне мои земли. Ох, Ивар, какой же я эгоист, — он печально покачал головой. — Прислушайся к ним! Они умирают в муках, и никто не поднимется, чтобы помочь им! Я чувствую, что повинен в этом никак не меньше Атиллы.

После короткой паузы Николан заговорил вновь.

— Ивар! Как, по-твоему, не лежат ли на склоне холма мои раненные соотечественники?

— Скорее всего, так оно и есть. Их остановили лучники, а стрелы не всегда убивают, — он сочувственно посмотрел на своего друга. — Тебе туда нельзя. Аттила может вызвать тебя в любую минуту. Но я съезжу, — он тяжело поднялся. — Возможно, мы опоздали, но я постараюсь сделать все, что в моих силах.

Едва высокая фигура Ивара растворилась в темноте, собравшаяся вокруг Аттилы кучка распалась. Известие о принятом решении распространилось по армии со скоростью степного пожара. Аттила отдал приказ об отступлении. Воины восприняли его скорее с радостью, чем с огорчением. Лучше уж ночной марш, чем еще один день резни на равнине.

Николан услышал, что его зовут. Встал. Гизо, слуга Аттилы, направлялся к нему.

— Ты ему нужен.

Аттила так и не слез с лошади. Услышав шаги Николана, он не повернул головы. Долго молчал, прежде чем разлепить губы.

— Я отдал приказ об отступлении.

— Да, великий Танджо.

— Я хочу узнать твое мнение, только честное. От остальных правды не дождешься. Как будет оценена эта битва? Я потерпел поражение?

— Да у кого повернется язык сказать такое? Еще один день сражения привел бы к полному уничтожению обеих армий.

— Это так.

— И ты не можешь оставаться здесь, поскольку у нас нет ни еды, ни корма для лошадей.

— И это так.

— Так с какой стати эту битву расценят иначе, чем поединок равных, с ничейным исходом?

Аттила кивнул.

— Поединок равных с ничейным исходом. Но те, кто меня боится, кто меня ненавидит, будут верещать о моем поражении хотя бы потому, что не победил, — в голосе его появились злые нотки. — Они даже скажут, что этот мерзкий Аэций одержал победу!

В обычной ситуации Николан предпочел бы промолчать. Но сейчас он почувствовал, что Аттила жаждет слов о том, что и его армия есть что записать в свой актив.

— Готы скорбят о своем погибшем короле. Есть сведения, что они уже отступают.

— Да, я знаю.

Николан посмел высказать свое предложение.

— Торисмонд, старший его сын, сейчас будет больше занят мыслями о престоле. Желаящие на него найдутся. Тишина за позициями готов означает, что он уже покинул Каталаунские поля. Если это так, завтра ты можешь схватиться с Аэцием один на один.

— Мои люди не могут воевать на пустой желудок, — Аттила продолжал всматриваться в темноту, но настроение у него явно улучшилось. Он начал излагать свое видение битвы.

— Как только я увидел, что Сангибан, этот слабосильный павлин, командует центром, я понял, что Аэций готовит мне западню. Он ожидал, что я раздавлю Сангибана и погоню его войска на готов, а он в нужный момент двинет на меня свои легионы и разрежет мою армию надвое. Что ж, я решил рискнуть. Я ударил по Сангибану, но не собирался долго преследовать его. Обратив его солдат в бегство, я намеревался развернуть свою кавалерию и вместе с правым флангом обрушиться на римлян, — Аттила покачал головой. — Но я переоценил Аэция. Для того, чтобы бить наверняка, он должен был еще какое-то время подождать с фланговым ударом, но выдержки ему не хватило. Он двинул легионы слишком рано. Тот из нас, кто сумел бы правильно выбрать время для атаки, мог стать властелином мира, — внезапно он простер руки к небу. — Сегодня могла решиться его судьба. Трое курьеров добрались до меня с твоими донесениями. И я сказал себе: «У этого мышонка зоркий глаз. Он видит главное». Я следил на расширяющемся разрыве между моими центром и правым флангом. Еще бы четверть часа, и я сокрушил бы и легионы, и стены Рима. «Аэций будет выжидать, — сказал я себе, — чтобы ударить наверняка». Но он не стал ждать. У него душа гиены, питающейся падалью. Он не так смел, как боги, решившиеся на азартную игру. Он хотел лишь ничьей. Он ударил слишком рано. То был не смертельный удар, а легкий тычок. Будь он смелее и решительнее, я бы победил его. Но он повел себя мышкой, глодающей головку сыра.

Ни единой звезды не светилось в черноте неба. Крики обреченных на смерть по-прежнему отдавались в их ушах. Другие звуки как отрезало.

— Мы начнем отступление, как только ты сможешь подготовить маршруты движения войск, — добавил Аттила.

Сердце Николана упало. Он так устал, что едва держался на ногах. Выдержит ли он еще несколько часов интенсивной работы. Он пошевелил пальцами, гадая, не откажутся ли они ему служить.

Аттила всматривался в темноту, вслушивался в каждый долетающий до него звук.

— Римляне притихли. Горит лишь несколько костров. Что бы это значило? — он вновь повернулся к Николану. — Первыми отправь принцев. Я не хочу видеть их пьяные рожи. Затем балтийские племена, после них — тюрингийцев. Тебе придется проложить для всех разные маршруты. Мы уничтожили все живое на территории, по которой прошли. Там не найти ни одной животины, ни мешка зерна.

— Ты оставил позади лишь выжженную землю, — согласно кивнул Николан. — И еды там не хватит и стае ворон.

— Не теряй времени, — добавил вождь гуннов. — Мы должны выступить задолго до рассвета. Я уйду последним. Только мои люди смогут противостоять римлянам, если те вдруг двинутся следом.

Николай принялся за работу. Седло стало ему столом, костерок из сухого овечьего навоза — лампой. Ему не доставало Ивара, который всегда делал надписи на картах.

И едва начав писать первый приказ, понял, что в жизни его наступил кризис. Мог ли он служить человеку, который, в стремлении покорить мир, мог уничтожить его? Аэцию, похоже, не доставало сил, чтобы остановить Аттилу. Дорога на Рим была открыта. Но он, Николан, мог уничтожить Аттилу, если бы решился на это.

«Он доверяет мне и никогда не заглядывает в написанные мною приказы, — думал Николан. Аттила тем временем отъехал от него, чтобы отдать распоряжения о начале сборов. — Я могу послать армии по уже опустошенной территории. Смогут ли сотни тысяч голодных людей пересечь страну, в которой не осталось ни крошки съестного? Аттила выступит последним и слишком поздно узнает о случившемся. Солдаты разбредутся в поисках еды, и собрать их вновь едва ли удастся. Лошади падут, и обозы придется бросить. Аттила останется без армии. Мир будет спасен».

А как накажут его, если поймают? Самой мучительной смертью, какую только сможет выдумать Аттила.

Противоречивые чувства боролись в нем. Он мог сыграть роль предателя, и люди плевались бы при одном упоминании его имени. На него легла бы тяжкая вина, ибо он обрекал на голодную смерть целые армии. С другой стороны, этим деянием он мог спасти цивилизацию. И навеки остался бы в истории человечества.

Николай бросил перо, встал. Он должен пойти на это, сколь бы высокую цену ни пришлось потом заплатить. Такой шанс еще не представлялся никому. И он обязан не упустить его.

Николан услышал приближающиеся шаги, мужской голос спросил: «Где ты, Всегда-одетый?»

Его искал Бальдар, один из молодых помощников Аттилы.

— Здесь! — ответил Николан.

Бальдар подошел к костерку.

— Я тебе помогу. Писать я умею. Ты будешь диктовать, а я — записывать. Владыка Всей Земли опасается, что один ты вовремя не справишься.

Уж не почувствовал ли Аттила опасность? Как бы то ни было, Николан упустил свой шанс. Теперь он мог направить армии только южными дорогами.

— Садись сюда, Бальдар, — Николан указал на то место, где сидел сам. — Мы должны немедленно начать работу.

Вскоре после полуночи огромный костер запылал в восточной части позиций гуннов. Бальдар оторвался от пергамента.

— Что это? — спросил он. — На нас собираются напасть?

Две армии уже двинулись к Рейну, две другие получили приказы о выступлении. Ни звука не доносилось с другой стороны заваленной трупами равнины, ничто не говорило о возможном преследовании. Николан всмотрелся в яркие языки пламени.

— Думаю, это погребальный костер. Таков обычай моего народа. Тела храбрых воинов не оставляют гнить в земле или на съедение хищникам, — голос его переполняла грусть. — Большой костер. Значит, надо сжечь много тел.

Ивар подтвердил догадку Николана, присоединившись к ним несколько минут спустя. В костре горели тела погибших соотечественников Николана. Высокий бритонец сел на землю, с болью в глазах посмотрел на своего друга.

— Ужасное зрелище. Я не выдержал и ушел.

— Таков наш обычай с незапамятных времен.

— Там были женщины. Их тоже бросили в костер с телами мужчин.

— Кто отдал такой приказ? — резко спросил Николан. — Женщин сжигали сотни лет тому назад, но от этого давно отказались.

— Приказ отдал Ранно. Он командует оставшимися в живых.

— Ранно! — другого, собственно, Николан и не ожидал услышать, но надежда умирает последней. — Значит, Рорик мертв.

Ивар с неохотой кивнул.

— Боюсь, что да. Я обшарил весь склон, от подножия до вершины, но не нашел его. Разумеется, в темноте я мог и не признать Рорика. Видел-то я его раз или два. Но его искали и другие. Им повезло не больше, чем мне.

На глазах Николана навернулись слезы.

— Бедный Рорик, он знал, что ему предстоит умереть, — прошептал он. — Прошлой ночью он сказал мне, что слышал Голоса.

— Какое-то время у нас теплилась надежда, — продолжил Ивар. — Девушка, которая сопровождала его, сказала, что под панцирем он носил христианский крест. Но кто-то нашел его и отдал ей. Тут уж все поняли, что Рорик мертв.

— Должно быть, это Мина, служанка Роймарков. Она любила Рорика, вот он и взял ее с собой. Что с ней стало?

— Она сгорела с остальными. Она хотела умереть. Пошла в огонь с вытянутыми вперед руками, словно хотела обнять Рорика.

— Наступит день, когда Ранно за это заплатит! — гневно воскликнул Николан. Затем тяжело вздохнул и вернулся к прерванному занятию. Он диктовал, а Бальдар писал, писал, писал. Костер разгорался все сильнее.

— Они выбрали старшего? — какое-то время спустя спросил Николан.

Ивар покачал головой.

— Из вождей в живых остался только Ранно. Он и взял командование на себя.

— Мацио уже старик. Он долго не протянет. Когда он умрет, Ранно займет его место. Если только мы не сможем рассказать моему народу правду о сегодняшнем дне.

— Сомуту и Пассилий живы. Я говорил с ними. Они готовы подтвердить то, что сказали нам.

— Таллимунди, вот какой свидетель нам нужен. Но он и его братья уже на марше, — Николан помолчал. — Я не верю, что Рорик послал Ранно разведать, не обходят ли их готы с фланга. Ранно — трус, всеми способами стремился увильнуть от участия в битве. Но Рорик мертв, и правда сгорела с его телом.

— Шанс все-таки остается. Маленький, но шанс. Пропал слуга Рорика, Батгар. Тела его тоже не нашли. Если он остался в живых, то наверняка вспомнит, о чем говорили Рорик и Ранно перед боем.

Николан кивнул.

— Я помню этого парня. Что могло с ним случиться? Если мы его найдем, он сможет рассказать много интересного.

Прошло несколько минут, прежде чем Ивар заговорил вновь.

— Вершина холма пуста. Готы исчезли.

— Ранно тоже ушел?

— Полчаса тому назад.

«Меня утешает лишь то, что Ильдико в безопасности, — сказал себе Николан. — А с Ранно мы сумеем разобраться до ее возвращения».

КНИГА ВТОРАЯ

ГЛАВА 1

1

Аттила, погруженный в подготовку похода на Рим, услышал звук, заставивший его насторожиться. Он не двинулся с места. Глаза его не оторвались от лежащего на столе документа. Но тело напряглось, готовое к решительным действиям.

Кабинет в деревянном дворце, в котором он работал чуть ли не по шестнадцать часов в сутки, хорошо охранялся. Вроде бы никто не мог проникнуть туда тайком, и все-таки император чувствовал, что услышанный им звук — не шаги животного или шелест крыльев птицы.

Звук повторился, и Аттила понял, что некто приблизился к нему еще на шаг. Не оглядываясь, Аттила упал на пол. Уже в полете почувствовал холодок у шеи: лезвие ножа разминулось с ней на волосок и с силой воткнулось в деревянную стену. Ногой Аттила ударил в гонг, всегда стоящий под его столом. Металлический гул наполнил кабинет. Практически мгновенно (жизнь его оберегали со всей тщательностью) вокруг императора возникли охранники, испуганные, удивленные, рассерженные. Потерпевший неудачу убийца выбрал единственный оставшийся ему путь: упал грудью на длинный кинжал, который успел выхватить из-за пояса.

Аттила встал. Рукоять ножа еще вибрировала, с такой силой бросил его самоубийца, лежащий на полу в луже крови.

Один из охранников перевернул покойника на спину. Под тюрбаном им открылось бородатое лицо.

— Это Ала Сартак, — опознал убийцу охранник. — Ранее он никогда не промахивался.

— Как проползла сюда эта ядовитая кобра? — лицо Аттилы пошло красными пятнами гнева, яростно засверкали глаза.

Никто не ответил. Правду мог сказать только Ала Сартак, но он уже покинул этот мир.

— Я поинтересуюсь об этом у Микки Медеского, — обманчиво ровным голосом изрек великий хан. — Привести его ко мне.

Известного купца незамедлительно разыскали и доставили во дворец. Он улыбался, хладнокровный и уверенный в себе.

— Я прибыл по твоей команде, о повелитель мира, — Микка почтительно поклонился.

Аттила пригласил его сесть. Купец опустил на лежащую на полу подушку, скрестил ноги.

— Ты слышал о некоем Ала Сартаке? — спросил Аттила.

— Однажды его нож угодил мне между лопаток, но я чудом остался жив, — ответил Микка. — Этот человек зарабатывает на жизнь убийствами.

— Он пытался убить меня. Час тому назад. Меня спасла собственная проворность, а не бдительность моей охраны.

Микке не удалось скрыть свою заинтересованность в ответе на задаваемый им вопрос.

— Я полагаю, его поймали?

— Он мертв. Ему повезло. Он успел броситься на кинжал на глазах моих заторможенных охранников, — Аттила круто повернулся к Микке. — Ему платил ты!

Купец сохранил спокойствие.

— Я ему не платил, великий хан. Я не видел его с того дня, как он покушался на мою жизнь.

Аттила нетерпеливо махнул рукой.

— Я никогда не обманывался на твой счет, о сладкоголосый рассказчик. Ты снабжал меня важной информацией, но я всегда знал, что тебе платит и Аэций. В этом нет ничего странного. Крыс, торгующих секретами, всегда можно купить. Но твоё предательство, Микка Медеский, чернее полуночи. Пока ты был нужен, я закрывал на это глаза, говоря себе, что придет день, когда пользы от тебя будет пшик и я смогу расплатиться с тобой сполна, — он возвысил голос. — Больше я не нуждаюсь в твоих услугах. И ты сидишь передо мной!

— Ты уверен, великий Танджо, что ты более не нуждаешься в моих услугах?

— Столь уверен, мой красноречивый друг, что готов рассказать, как я собираюсь избавиться от тебя. Тебя ждет смерть по частям.

Брови Микки чуть приподнялись.

— Казнь, которую твои люди позаимствовали на Дальнем Востоке. Я слышал, что она очень долгая и мучительная. Суди сам. В первый день палач отрубает первые фаланги на пальцах рук и ног. На второй день очередь доходит до вторых фаланг. На третий человек лишается кистей и ступней. На четвертый — рук по локоть и ног по колено. Надо мне продолжать? Каждый день, если человек еще живет, у него что-то да отрубается. Некоторые счастливчики умирают в страшных муках на четвертый или пятый день. Другие дотягивают до десяти и покидают этот мир, лишь когда им отсекают голову. Изошренная казнь, не так ли? Пожалуй, я буду брать плату с тех моих подданных, кто захочет посмотреть, как ты умираешь.

— Несомненно, этот спектакль принесет тебе немало денег, — Микке еще удавалось сохранять хладнокровие. — Но я еще не сказал, в чем могу оказаться тебе полезным.

— Тебе, конечно, есть резон тянуть время, поскольку вскорости ты будешь молить Бога побыстрее забрать тебя к себе. Но я не

расположен тебя слушать. У меня полно важных дел. А палач займется тобой уже завтра.

Микка заерзал на подушке, выказывая тем самым охватывающий его ужас.

— Ты без особого успеха пытался узнать, где находится принцесса Гонория. Я могу сказать тебе, где ее прячут. Могу даже пообещать, что твои посланцы смогут поговорить с ней.

— О чем? Я и думать забыл о принцессе Гонории. Вопрос закрыт. Я поведу мои армии на Рим в удобное мне время. И принцесса мне не понадобится.

— Даже в качестве предлога для объявления войны?

— Даже в качестве предлога. Зачем он мне? Меч Марса, обладающий великой силой земли и неба, был дарован мне еще до того, как я стал правителем моего народа.

— Я знал, что принцесса, если ты освободишь ее, во всеуслышание заявит о твоих правах на римский трон.

— Когда-то я думал, что она может в чем-то помочь мне, но сейчас я не вижу смысла отпускать тебя ради того, чтобы связаться с ней, — Аттила покачал головой. — Тебе придется поискать что-нибудь получше, о продавец чужих тайн. Гораздо лучше. Цена твоей жизни очень высока.

— А что ты скажешь на это? Ты не делал секрета из того, что хочешь взять в жены золотоволосую красавицу. Мне рассказывали, что к тебе привозили десятка два девушек, но ты их всех отослал обратно. И ты полагаешь, что не увидишь улыбки богов до тех пор, пока не найдешь жену, достойную того, чтобы сидеть рядом с тобой на римском престоле. Жену с головой-солнцем. Не могу утверждать, что все это правда. Но до меня доходили слухи, что ты разыскиваешь некую девушку, что переезжает из города в город на Востоке и участвует в скачках на черной лошади. Насколько мне известно, пока твои агенты не смогли подобраться к ней.

Аттила опустил глаза, чтобы скрыть от купца захлестнувшие его эмоции.

— Продолжай.

— Я могу назвать тебе имя этой девушки и сказать, откуда она родом, — заявил Микка, с облегчением заметивший, что рыбка-таки проглотила приманку. — Я могу сказать, с кем она путешествует. И даже где сейчас находится.

— Она замужем?

— Нет, о великий Танджо.

Пауза затянулась.

— Где доказательства того, что ты скажешь правду? Может, ты только тянешь время.

— По собственному опыту я знаю, что данное тобой слово не нарушается. Держи меня здесь, пока твои агенты не найдут девушку, следуя полученным от меня инструкциям. Если ее доставят к тебе, я обрету свободу и получу соответствующее вознаграждение. В конце концов, я живу на то, что продаю.

Аттила нащупал под столом гонг и дважды ударил по нему. Появившемуся Гизо он приказал принести кувшин вина.

— Разговоры с тобой вызывают жажду, — вождь гуннов бросил на Микку суровый взгляд.

Когда принесли вино, Аттила жадно выпил целую чашу. Обычно он вытирал рот тыльной стороной ладони, но присутствие купца заставило его воспользоваться полотенцем.

— Пусть будет так, — решил он.

2

Когда кабинет опустел, вновь появился Гизо и застыл у дверей, ловя глазами взгляд своего господина.

— Что теперь? — буркнул Аттила.

— Она мертва.

Император встрепнулся. Отшвырнул документы, встал.

— Серка умерла?

— Час тому назад. Все время звала тебя. Ее слуг к тебе не пустили, поэтому они сказали ей, что ты в отъезде. Не думаю, чтобы она поверила.

— Мой сын был с ней?

Гизо покачал головой.

— Не до самого конца.

— Куда уехал Эллак?

— На охоту, — Гизо вскинул руки, ладонями вверх. — Это и не удивительно, о король. Обретаться у смертного ложа — маленькое удовольствие для молодого парня.

— Она другого и не заслуживала, — глаза Аттилы сверкнули. Он надолго задумался. — Доживи она до ста лет, я бы не подошел к ней. Неужели она надеялась, что я прощу ее за ту роль, что сыграла она в смерти Сванхильды? А все ее охочие до власти и денег братья. Один из них пустил стрелу, что убила девушку. Мне следовало повесить их обоих. Но я даровал им жизнь ради Серки. Ей это сказали?

— Да, великий Танджо.

— Так чего она хотела еще?

— Она была очень честолюбивой, — после паузы ответил Гизо. — Хотела сидеть рядом с тобой на троне. Много раз просила тебя об этом.

— Всякий раз, когда я приходил к ней. Она не могла говорить ни о чем другом! Просто требовала этого от меня.

— Она старалась не для себя, о король. Она хотела сесть на трон ради того, чтобы в Эллаке признали твоего наследника.

Вновь Аттила задумался.

— Пожалуй, пора изолировать Эллака от лживых и жадных братьев его матери. Они еще выведут его на тропу измены. Будут нашептывать ему на ухо: «Ты же все равно станешь императором, так чего ждать»? Знаю я этих предателей. Если в нем есть хоть

капля их крови, он к ним прислушается. Гизо, немедленно пришли ко мне Онегезия. Я отправлю их обоих на северную границу. — «Пусть сражаются в лесной стране, пока их не убьют, — подумал Аттила. — Живыми они будут дурно влиять на моего сына». — Эллак должен все время проводить со мной. Пора учиться премудростям управления империей, иначе не стать ему сильным правителем, когда придет его время. Проследи, чтобы мальчика прислали ко мне. И не надо ему ходить на похороны матери. Более он не должен видаться с ее братьями.

— Да, Танджо, — поклонился Гизо. — Твои приказы будут исполнены. Эллак — хороший мальчик.

— Он мой сын. Но пока я уверен лишь в том, что он вырастет высоким. У него прямые ноги, — помолчав, он добавил. — Приведи Всегда-одетого.

ГЛАВА 2

1

В то утро Николан выехал за городские стены. Ему предстояло принять самое важное решение в его жизни. Ехал он отпустив поводья, предоставив лошади самой выбирать путь, и многие часы кружили они по степи. Вернулся он смертельно усталым, словно после еще одной битвы. Решение он принял и сказал себе, что не отступит от него несмотря на последствия.

После возвращения армии Аттилы город изменился. Мужчины уже не раздувались от гордости, видя в себе покорителей мира. Черноглазые женщины не стояли в дверях и не плевали в инородцев. Даже дети, играя, кричали не так громко. Сомнений быть не могло: сражение у Шалона отрезвило гуннов.

Николан думал об этом, въезжая в ворота. Улицы города бурлили. «Что-то не так», — решил Николан. Ему пришлось слезть с лошади, чтобы продолжить путь ко дворцу.

Незнакомый бородач положил руку ему на плечо.

— Еще дюйм, и императора бы не стало.

Николан вытаращился на бородача.

— Что ты такое говоришь?

— Ты еще не слышал? О покушении на Аттилу?

— Опять? На него покушались много раз.

— На этот раз Аттиле грозила смертельная опасность. Предатель, похоже, нашелся среди охранников. Убийца проник в кабинет императора. Если б не проворство великого хана, он был бы уже на том свете.

— Убийцу поймали?

Бородач покачал головой.

— Он покончил с собой. Жаль. На его казнь стоило бы посмотреть.

«То-то я обратил внимание на стоящие за воротами фургоны Микки Медеского, — подумал Николан. — Нет ли тут какой связи?»

Гизо торопливо пробирался сквозь толпу. Увидев Николана, устремился к нему.

— Тогалатий! — воскликнул, он. — Я давно тебя ищу. Великий Светоч требует тебя к себе. Где тебя носило?

Николан махнул рукой в сторону ворот.

— Ездил в степь.

— Он этого не поймет.

— В каком он сейчас настроении?

— А как ты думаешь? — Гизо заметил, что вокруг все замолчали, жадно ловя каждое его слово. — Вновь принялся за работу. Никому не удастся сбить его с пути истинного. Он выкован из железа.

— А что с Миккой Медеским? — спросили из толпы.

Гизо окинул стоящих рядом суровым взглядом.

— Я не могу отвечать на вопросы.

— А нам есть что спросить. Что сделали с братьями Серки?

Гизо гордо вскинул подбородок.

— Вы знаете, что обсуждать внутридворцовые дела запрещено.

Но любопытствующих это не остановило.

— Говорят, Серка умерла, — выкрикнул кто-то.

— Пойдем, Тогалатий, — и Гизо увлек Николана за собой, дабы прекратить поток вопросов.

У дворца Николан отдал поводья слуге. Они пересекли обеденный зал и начали спускаться по ступенькам. Гизо наклонился к Николану и шепнул ему на ухо: «Все охранники арестованы, их заменили другими. А прежних он, скорее всего, повесит. Ала Сартак не смог бы проникнуть во дворец, не подкупив одного из них.

— Ала Сартак! — воскликнул Николан. Он вспомнил, что уже слышал эти имя и фамилию. Их обладатель ловко обращался с ножом. Вроде бы его видели в компании Микки Медеского.

Гизо подтвердил его предположения.

— Да, ходили такие разговоры. И Микку вызвали сразу после покушения. Его арестовали, но, по-моему, он не умрет. Этот хитрец всегда выкрутится.

Аттила уже не работал, когда в кабинет ввели Николана. Что-то пробурчав, он порывлся среди бумаг, выбрал одну и протянул ее вошедшему.

— Я выполнил обещание.

То было свидетельство о передаче Николану земель, принадлежащих его отцу! Он взял бумагу дрожащими руками, и поначалу слова расплывались и прыгали у него перед глазами. Он получил то, к чему стремился, достиг поставленной цели, деспотичный хозяин наградил его за безусловное послушание.

— Великий Танджо, я потрясен твоей щедростью. Я не нахожу слов, чтобы выразить свою благодарность.

— Ты это заслужил.

«Как странно, — подумал Николан, — что случилось это сразу после того, как я принял решение». Он прочитал документ во второй раз, затем положил на стол.

— Великий хан. Повторяю, ты очень щедр. Но я... я не могу принять твой дар.

Глаза Аттилы чуть не вылезли из орбит. Он не верил своим ушам.

— Ты сошел с ума?

— Нет, великий Танджо. Дело в другом. Я понимаю, что земля дарована мне в ожидании того, что я буду по-прежнему полезен тебе.

— Ты всегда будешь мне полезен, — кивнул Аттила. — Тебе известны мои планы, и ты знаешь, какая роль отведена в них тебе.

— Но я более не считаю возможным служить тебе.

Человек, Который Хотел Покорить Мир, сверлил взглядом своего помощника, решившегося на столь дерзкие слова.

— Разве тебе не известно, что с моей службы живыми не уходят?

— Великий король, теперь от меня не будет никакой пользы. Ты, конечно, сочтешь меня слабаком, но я понял, что ненавижу войну и более не желаю принимать в ней участие.

— Даже если я лишу тебя всех привилегий и пошлю в бой простым пехотинцем?

— Даже в этом случае я не стану сражаться. Я не подниму щит и позволю перерезать себе горло в первом же столкновении с противником.

Аттила гневно отодвинул от себя ворох документов.

— Ты ударился в религию. Поверил в бессильных богов.

— В одного Бога, о король. Бог один.

— Богов много, и все они одинаковы.

— Позволь объяснить, что... произошло со мной.

— Только покороче. Меня тошнит от таких разговоров.

Сквозь узкую прорезь окна Николан видел кусочек голубого неба, согретого полуденным солнцем. Возможно, подумал он, он видит эту синеву в последний раз.

— Я все еще слышу жалобные крики раненых, которых мы оставили умирать под Шалоном. Хотя прошел не один месяц, я не могу спать по ночам. Когда я заговариваю об этом, я слышу одно и то же: «Они все равно бы сдохли». И лишь христиане выражают сострадание.

— Христиане! — Аттила побагровел от гнева. — Мне следовало догадаться. Эти женоподобные трусы, поклоняющиеся богу, который не предлагает им ничего, кроме арфы и песни! Разве ты не знаешь, идиот, что у недругов римлян появился шанс взять над ними верх лишь после того, как Рим стал христианским?

— Христиане не трусы! Разве ты не слышал, как мужественно умирали они на аренах Рима? Они гибли под пытками Нерона, но не отрекались от веры.

Аттила, несомненно, злился, и в то же время его завораживала столь разительная перемена в человеке, которого ранее он полагал лишенным подобных эмоций.

— Они будут столь же храбры в защите Рима от удара моих армий? — спросил он.

В наступившей тишине Аттила впился взглядом в лицо Николана. И, не получив ответа, продолжил.

— Я не хочу, чтобы мои армии сворачивали не на те дороги и утыкались друг в друга. Замены тебе у меня нет, так что я не хочу тебя терять. Куда ты пойдешь? В Рим? Аэций, этот жестокий демон, прикажет распять тебя на кресте. Я видел это в его взгляде.

— Есть только одно место, куда я могу пойти, — воскликнул Николан. — В город, где я смогу прикоснуться к истинному учению Иисуса. В Иерусалим.

Аттила не желал смириться с поражением.

— Ты хочешь идти в такую даль, чтобы узнать, что говорил мертвый крестьянин? Идиот, у тебя просто помутилось в голове. Но глаза у тебя ясные. Они светятся холодным расчетом. Неужели ты говорил все это серьезно?

Аттила поднялся и заковылял на кривых ногах по кабинету. Николаи заметил, что его качает. Лицо его побледнело. На лбу выступили бисеринки пота. Едва ли утреннее происшествие могло послужить причиной ухудшения его самочувствия. Эти симптомы болезни он видел у Аттилы и раньше, пусть и не столь выраженными.

— Я выступлю на Рим через пять месяцев. Ступай в этот жаркий город, где христиане вырубают жилища в скалах, и утоли свое любопытство. Потом возвращайся. Через два месяца!

Николан покачал головой.

— Нет. Войной я сыт по горло. С ее предательством, жестокостью, кровопролитием.

Распирающий Аттилу гнев вырвался из-под контроля.

— Ты думаешь, что сможешь покинуть меня и избежать наказания. Нет в мире уголка, где ты сумел бы спрятаться от меня. Я достану тебя даже за Геркулесовыми столбами.

— Я полностью осознаю, что меня ждет. Но разве я смогу жить в мире с собой, если передумаю?

Направление мыслей Аттилы переменялось. Он остановился, уставился на свои заляпанные грязью сапоги. Вернулся к столу, тяжело опустился на стул. Вновь всмотрелся в лицо Николана.

— Есть одно задание, которое надо выполнить не откладывая. Задание опасное, и поручить его я могу только смелому и рассудительному человеку. Выполняя его, ты не вступишь в конфликт со своей нежной совестью. Поедешь?

— Что от меня потребуется?

— Я направляю тебя на римскую территорию. Мне нет нужды напоминать тебе, что ты умрешь страшной смертью, если попадешь

в руки Аэция, — Аттила помолчал, не дожидаясь ответа Николана, а с тем, чтобы четче сформулировать задачу. — Если ты выполнишь это нелегкое задание, потом я разрешу тебе искать своего женоподобного бога. Но, скорее всего, ты вернешься исцеленным, что будет лучше для нас обоих. Теперь о деле. Я хочу послать тебя к принцессе Гонории. Я бы хотел, чтобы ты организовал побег принцессы и увез ее с собой. Если тебе это удастся, ты получишь достойную награду. Я назначу тебя губернатором Иерусалима, чтобы ты мог улучшить жизнь христиан, которых ты так любишь, — внезапно император расхохотался, откинув назад голову. — Пожалуй, я отдам тебе и принцессу. В жены. Мне она не нужна. У меня на этот счет другие планы. Если исходить из того, что я слышал, прекрасная дочь императорского Рима может предпочесть тебя такому варвару, как я.

Николан хотел что-то сказать, но Аттила знаком остановил его.

— Немедленного ответа я не требую. Хорошенько все обдумай. Поговорим завтра. Утром. Если ты согласишься, то в полдень отправишься на юг.

2

Аттила коротко глянул на прибывшего рано утром Николана и удовлетворенно кивнул.

— Ты едешь?

— Да, великий Танджо. Еду.

— Это хорошо. Я рад, что ты внял голосу разума. Хотя бы частично. Процесс, можно сказать, пошел.

Аттила взял нож с коротким лезвием и начал вычерчивать маршрут на карте Северной Италии, что висела на стене.

— К востоку отсюда, — он указал на горный перевал над Аквилеей, стоящий на пути к Ломбардии, — есть цепочка островов, образовавшихся в нижнем течении рек, впадающих в Адриатическое море. Что ты знаешь об этих островах?

— Нечего о них знать, — ответил Николан.

— Ха! — победно воскликнул император. — Ты, небось, думаешь, великие реки севера, По, Brenta, Адидже, просто впадают в море. Как бы не так. Воды этих рек быстрые, и они много чего тащат с собой: почву, камни, стволы деревьев. Из этих наносов в устье образовались довольно-таки большие острова. Ты, наверное, уверен, что они необитаемые?

— Мне всегда так казалось.

— Эти острова заросли сосновым лесом. И в тени деревьев живет много людей. Рыбаки, которые продают рыбу жителям городов, что расположены неподалеку. Солевары. Преступники, сбежавшие от наказания. Есть там и политические изгнанники, которые неплохо живут в построенных для них домах. Если Аэций прошерстит эти острова, он найдет там богатый улов.

— Теперь об этом острове, — Аттила показал на остров в центре архипелага. — Он один из самых древних и, соответственно, наиболее обустроен. Деревья на нем выше, чем на других. Именно здесь, глубоко в лесу, стоит каменный дворец. Построен он так, что с воды увидеть его невозможно. Никто не знает о нем, кроме рыбаков и тех преступников, кто попытался искать там пристанище, но не решился остаться на острове. А во дворце с многочисленной челядью живет принцесса Гонория. Раз в неделю на баркасе им привозят еду. Прибывшим не разрешается ступить на берег. Она ни с кем не общается, кроме нескольких личных служанок. Ее злобная мамаша решила, что так она будет жить до конца своих дней. Старуха умерла, но император оставил все по-прежнему.

Николан всмотрелся в карту.

— Туда ты меня и направляешь?

— Да. К отъезду все готово. Ты возьмешь с собой один из фургонов Микки, набитый товаром. С тобой поедут трое из его каравана, один из них жонглер и фокусник. Тебя будут сопровождать и несколько надежных воинов. Думаю, будет мудро, если ты выдашь себя за политического изгнанника, ищущего убежища. У охраны не должно возникнуть и тени подозрения, иначе тебя не пустят на берег.

— А если они-таки прогонят меня?

— Это невозможно. Жизнь там скучная, и они не упустят случая чего-нибудь прикупить и посмотреть представление. Микка несколько раз посылал туда фургон, и их всегда принимали с распростертыми объятьями. Если же охрана проявит упрямство, тебе придется найти способ проникнуть на остров под покровом ночи и переговорить с пленницей. Будешь действовать по обстановке.

Николан глубоко задумался.

— По-моему, задача куда сложнее, чем ты ее себе представляешь.

Аттила беззаботно махнул рукой.

— Нет такого препятствия, которое может остановить человека с богатым воображением.

— Как мы попадем на остров?

— В Алимииуме у Микки есть баркас, которым вы можете воспользоваться.

— Что я должен передать принцессе?

— На этом листе написано все то, что ты должен ей сказать. Прочти его и запомни написанное. Лист надо уничтожить. А теперь мы переходим к самому трудному. Если принцесса согласится на мои условия, ты должен сразу же увезти ее с острова. Поход на Рим может начаться раньше, чем я предполагал.

Николан вскинул голову. Маленькие глазки императора горели жарким огнем. Он несколько раз энергично кивнул.

— Мои шпионы подтвердили слухи, доходившие до меня и раньше, — прошептал он. — Ни один из союзников Аэция, что

сражались у Шалона, не будут помогать ему. Теперь мы сразимся один на один. Он этого боится и, как мне говорили, не может спать по ночам, этот человек, когда-то бывший твоим хозяином. Страх поселился в его душе, — Аттила возвысил голос. — Эта схватка будет для него последней.

Аттила сел. Молчал несколько минут, и Николан с удивлением отметил, сколь много энергии отнял у императора этот эмоциональный всплеск. Рука его заметно дрожала, когда он перебирал на столе документы.

— Если римская принцесса согласится уйти с тобой, привезешь ее сюда. Тебе понадобятся люди, корабли, деньги. Обратишься к Скальпию.

Ранее Николан не слышал этого имени, поэтому он воззрился на императора.

— В Аквиллии ты пойдешь на рынок. Увидишь там много нищих. Скальпий — один из них, но ты его отличишь. Он трус, лжец, лицемер, но влияние его в Ломбардии велико. Я это знаю. Потому что Скальпий — мой человек. Обратись к нему, и он снабдит тебя всем необходимым.

3

История обращения Николана в христианство оставлена за рамками этого повествования. Примем за истину, что все эти годы, что он прожил среди двурушничества, предательства, жестокости, зернышко веры спало в его душе, чтобы пробудиться и бурно пойти в рост после пережитого на Каталаунских полях. В этом духовном пробуждении не было ничего удивительного. Послание Христа распространялось по всей земле. Миссионеры несли Его учение даже в те земли, что лежали за пределами цивилизованного мира.

Можно также, заглянув вперед, сказать, что Аттила так и не захватил Иудею, то есть не смог бы назначать Николана губернатором Иерусалима. Вполне возможно, что и Николан, отпусти его Аттила, не смог бы пройти по пыльным и жарким дорогам, ведущим в Святой город, с посохом в руке. Лишившись таким образом общения с отцами церкви. Но ему приходилось встречаться с людьми, искренне верящими в Христа и делившимися с ним жемчужинами Его учения. Однажды один бедняк, писец из Аквиллии, сказал Николану: «В те дни многое говорилось и делалось, в чем таким людям, как я, не разобраться. Есть такой великий человек, зовут его Несторий, который проповедует собственное видение того, во что мы должны верить. В Египте есть другой ученый человек, утверждающий, что Несторий злобен и лжив. Я закрываю уши, когда слышу подобную болтовню. Я знаю, чему учил Христос. И ничему другому нет места в моем сердце».

Христиан, исходя из собственного опыта, Николан делил на две группы. К первой он относил воинствующих, громко объявляющих

о своей вере и жаждущих обратить в нее весь мир. Ко второй — молчаливых, которые находили достаточным верить в то, что говорил Иисус, и жить по установленным им законам. Николан относил себя к последним, потому что сознавал, сколь многому ему нужно учиться. Ему требовалось время, чтобы осознать себя в новом качестве. И он понимал, что получить это время он мог лишь не входя в противоречия с желаниями великого хана. Вот почему он согласился поехать к принцессе Гонории вместо того, чтобы расхлебывать последствия своего отказа.

Николан и Ивар жили в маленьком сарайчике, что стоял во дворе, рядом с деревянным дворцом Аттилы. Первоначально там держали несколько лошадей императора, но долетающие до обеденного зала запахи и мухи заставили перевести четвероногих обитателей сарайчика в более удаленное от дворца помещение. Потом в сарайчике держали кур, какое-то время он пустовал, и в конце концов его отдали двум друзьям. Несмотря на решительные усилия, им так и не удалось полностью отделаться от запахов предыдущих обитателей сарайчика. Стены украшали военные трофеи: боевое знамя, разноцветные вымпелы, разнообразное оружие, римский щит, несколько шлемов.

После разговора с Аттилой Николан торопливо пересек двор и распахнул дверь сарайчика. Времени на подготовку к отъезду у него было в обрез. Ивар сидел в углу.

— Я уезжаю! — объявил Николаи, прежде чем заметил сидящего на полу незнакомца.

— Я приехал из твоей страны, — незнакомец поднялся. — Я принадлежу Мацио Роймарку и зовут меня Хурста.

Из-под треугольной коричневой шапки на Николана смотрели черные, с длинными ресницами глаза. Гость был очень молод.

— Что привело тебя сюда? — спросил Николан.

— Меня послал мой господин. Ему нездоровится. Он не встает с кровати с той поры, как узнал о смерти своего сына. Лежит и размышляет.

— Он все еще председательствует на еженедельных встречах вождей в Ферма?

Хурста покачал головой.

— Нет. У него нет на это сил.

— Кто занял его место?

— Ранно Финнинальдер.

— Его избрал Совет Ферма?

Вновь гость покачал головой.

— Совет не созывался. Ранно взял на себя обязанности председателя, сказав, что другой кандидатуры просто нет, — Хурста помолчал. — После битвы у нас осталось мало вождей.

— Наш народ благоволит к Ранно? — спросил Николан.

Хурста кивнул.

— Говорят, что он очень мудр для своих лет. Теперь, когда Рорик мертв, — глаза Хурсты подозрительно заблестели, — он наверняка займет место моего господина после его смерти.

— Что ты хотел мне сообщить?

Хурста понизил голос.

— К моему господину прибыл гонец. От вдовы Тергесте. Она сейчас далеко на Востоке.

— С каким он прибыл известием? — жадно спросил Николан.

— Возможно, что-то сообщил о короле — нашем великом Хартагере. А может, о какой-то опасности, грозящей госпоже Ильдико. Мой господин ничего не сказал мне, а гонец молчал, как скала. Мне велено передать, что мой господин хочет поделиться с вами сведениями, полученными от гонца.

— Через два часа я уезжаю по приказу императора, — Николан повернулся к Ивару. — Дело очень важное и столь секретное, что Аттила запретил тебе ехать со мной. Он подумал, что твои габариты не останутся незамеченными и, возможно, навлекут на нас беду.

— Тебе обязательно ехать? — спросил Ивар.

— Две жизни поставлены на карту. Одна — Микки, который оказался большим мерзавцем, чем мы все думали. Он умрет жестокой и мучительной смертью, если моя миссия закончится неудачей. О второй жизни я волнуюсь меньше, потому что речь идет обо мне.

— Мне кажется, я нашел способ разрешить наши затруднения, — Ивар встал. — Я могу поехать с Хурстой и поговорить с Мацио. Надеюсь, он доверится мне и скажет все, что предназначалось для твоих ушей. Я присоединюсь к тебе сразу после завершения твоей миссии.

Николан обдумал предложение Ивара.

— Выполнение задания императора не займет много времени. Мы можем встретиться на горном перевале над Аквилеей.

Ивар нахмурился.

— Допустим, ты не сможешь приехать туда? Что мне делать?

— Жди. Жди до последней возможности.

— А если ты так и не появишься?

— Тогда сделай то, что хотел от нас Мацио. В одиночку.

— Но захочет ли он положиться на меня? Я чужеземец.

— Это правда. Но он знает, что ты честен и силен. Думаю, он поймет, что ты его не подведешь.

— Даже если речь будет идти о безопасности его дочери?

— Скорее всего Мацио заботит благополучие Ильдико. Именно поэтому я не могу пожертвовать своей жизнью, отказавшись выполнять приказ Аттилы. Я должен обязательно добраться до нее. Знаешь, Ивар, Мацио, скорее всего, согласится отправить с тобой Хурсту. Если тебе придется отбыть до моего приезда, оставь его на перевале с необходимыми инструкциями. В пятнадцати милях от Аквилы, по пути к перевалу, есть харчевня. Пусть он дожидается меня там. Ее легко отличить по кресту над дверью.

— Ты не можешь отложить отъезд?

— Каждая секунда промедления уменьшает мои шансы встретиться с тобой на перевале.

ГЛАВА 3

1

Из троих людей Микки старшим был угрюмый неаполитанец Приский. Жонглер был вторым по старшинству, но наибольшее внимание Николана привлек третий из них, высокий молодой араб, который все время молчал, старательно выполняя все приказания. Лицо с классическими чертами казалось высеченным из мрамора, а в бездонных глазах стояла тоска.

— Кто этот Хуссейн? — спросил Николан, отведя неаполитанца в сторону. — Потомок одного из монархов пустыни?

— Именно так, господин мой, — ответил Приский. — Его захватили в плен совсем юным. О себе он никому не сказал ни слова. Но другие рабы из тех краев относились к нему с почтением. Они что-то знают, но тоже молчат.

Десятью днями позже скрипящий несмазанными колесами фургон миновал горный перевал, и они увидели высокие стены, охраняющие покой и благополучие Аквиллии. Приский, сидящий рядом с Николаном, облегченно вздохнул.

— Когда я вижу эти стены, я знаю, что живым вернулся на римскую землю. Гунны много говорят о том, с какой легкостью они захватят этот город. Хо-хо! Теперь я могу посмеяться над ними. Этот город не возьмет никто. Даже могущественный Атила, — и добавил, показывая, что улучшение его настроения вызвано еще одной причиной. — Здесь лучшие в мире вина.

В город они въехали через северные ворота. На Николана произвели впечатление не только толщина стен, но и чистота улиц и богатство горожан. Нищих у ворот не было, и даже водонос, в плаще и синей фригийской шапке, шагал по улице с чувством собственного достоинства, довольный жизнью.

— Они, похоже, не знают, что стоят на пороге войны, — заметил Николан.

— Они знают, — возразил Приский, — но рассчитывают на свои стены.

Они проследовали на ярмарочную площадь, где, помимо толпы, впервые увидели нищету. Середину площади занимали галдящие торговцы и покупатели, а вдоль стен расположились нищие, протягивающие руки и просящие подаяния. Николан оглядел последних, но поначалу не нашел того, что описал ему Атила. Потом его внимание привлек нищий, сидящий в углу. Такое смирение читалось в его позе, что взгляд поневоле возвращался к нему.

И тут, неожиданно для Николана, над его ухом послышался голос Хуссейна: «Когда придет твой господин, все канавы переполнятся кровью этих людей».

— Боюсь, так оно и будет, — кивнул Николан и повернулся к арабу. — Мне говорили, что ты родом с Востока.

— Из далекой страны. Меня схватили совсем маленьким, но я вроде бы помню большой город, построенный на горе посреди пустыни. Башни там были повыше этих, — Хуссейн обвел рукой городские стены, — но некоторые высекли прямо из скал.

— Петра, — Николан слышал об этом странном городе.

— Я в этом не уверен. Но я помню, как блестел камень башен и стен под ярким солнцем. Когда-нибудь я вновь увижу этот город, о Знаток карт, — и добавил после короткой паузы. — Говорят, тебя тоже мальчишкой продали в рабство.

— Это правда. Моего отца убили, а наши земли конфисковали. Мою мать и меня продали в рабство. Меня купил Аэций, и я жил в его дворце. В Риме.

— Я это все знаю. И надеюсь, что ты проникнешься ко мне сочувствием. О Тогалатий, я — сын короля. Меня схватили и продали Микке. Я был молод, наверное, моложе тебя. С тех пор я никак не могу послать отцу весточку о себе. Он старик, и боюсь, жить ему осталось недолго. Скоро мне уже никто не поможет, — он поднял глаза, встретившись взглядом с Николаном. — О Тогалатий, посодействуй рабу, каким когда-то был и ты. Помоги мне разбить эти цепи!

Николан ответил не сразу.

— Возможно, я смогу тебе помочь. Ты знаешь, что жизнь твоего хозяина сейчас висит на волоске?

Хуссейн коротко кивнул.

— Мы слышали об этом. Потому-то я и решился обратиться к тебе.

— Чем все закончится, сейчас сказать трудно. Аттила уверен, что именно Микка заплатил наемному убийце, который покушался на его жизнь. Скорее всего, он казнит твоего хозяина. Тогда вся его собственность перейдет к Аттиле. Я могу устроить так, чтобы тебя отдали мне. Но беда в том, что я тоже впал в немилость. И, возможно, меня ожидает та же судьба, что и Микку.

Молодой раб показал, что он продумывал возможность побега.

— Корабли из некоторых портов Востока заходят в Равенну. До нее отсюда недалеко.

— Четыре дня походным шагом, — Николан привык считать армейскими терминами. — Дольше, если идти только по ночам.

— Помоги мне, Тогалатий, — жарко зашептал Хуссейн. — Ты разбил свои оковы. Помоги мне сбросить эти цепи, которые держат меня в услужении хозяину. Я сын короля! Если ты мне поможешь, обещаю, что обязательно вознагражу тебя. Драгоценные камни, золотые перстни, все, чем богата моя страна, ляжет у твоих ног. Более того, я буду благодарен тебе по гроб жизни.

Разговаривая, они пересекли площадь и теперь остановились перед нищим, что сидел в углу. Он поднял глаза. Лицо его поразило Николана. Такое печальное, с молящими о помощи глазами. Они словно говорили: «Я одинок, судьба нещадно била меня. Поддержи меня, а не то я пропал». Он сидел на земле, скрестив ноги, и на одной из них гноилась ужасная язва. Тело прикрывала грязная, во многих местах порванная туника.

Убеденный, что именно этот нищий ему и нужен, Николан вложил монетку в его протянутую руку и, наклонившись, шепнул в ухо: «Крылья двенадцатого».

— Пусть боги благословят тебя, благородный незнакомец, — заверещал нищий. Потом добавил едва слышным шепотом. — Через десять минут я уйду. Следуй за мной. На расстоянии.

Следуя за согбенной фигурой, ковыляющей по беднейшему кварталу города, Николан заметил, как Скальпий нырнул в дверь маленького, неприметного домика, прилепившегося к городской стене. Не торопясь подойдя к двери, Николан осторожно постучал. Дверь распахнулась, и он, переступив порог, очутился в полной темноте.

— Стой на месте, — шепотом предупредил Скальпий. — Я сейчас вернусь.

И действительно, быстро вернулся с лампой, в которой едва тлел фитилек. Но и этого света хватило, чтобы Николан увидел, что комната безупречно чистая и абсолютно лишена мебели, а с нищим произошла разительная перемена. Лохмотья уступили место белой тунике, с лица и рук исчезли грязь, из глаз — безысходное страдание.

— Садись, — предложил Скальпий.

Николан опустился на пол, скрестив ноги перед собой, как и его хозяин. При этом обе ноги Скальпия показались из-под туники, но ни на одной Николан не обнаружил гноящейся язвы.

— Чудесное исцеление, — Николан указал на абсолютно здоровую кожу голени нищего.

Последний хохотнул.

— Непременный атрибут моего наряда. Рисую ее каждое утро. Я умею обращаться с кисточкой. Хотел стать художником, пока не выяснил, что у меня дар вызывать к себе сочувствие. С той поры я не работал и часа, — последовала пауза. — Что привело тебя ко мне?

Николан вытянул вперед руку. На ладони лежал маленький оловянный ромб. Скальпий коротко глянул на него.

— Убери. Быстро говори, что тебе велено передать, и уходи. Пока ты сидишь в моем доме, я чувствую, как трется веревка палача о мою шею.

Николан объяснил, зачем прибыл в Аквилию. Скальпий слушал внимательно, изредка кивая лысой головой.

— Ты должен действовать быстро. Это город дураков. Когда они услышали, что Аттила вскорости нанесет удар, они начали смеяться

и показывать на стены. Но сердце у них уйдет в пятки, как только они увидят его армии, которые пройдут через перевал и рассыпятся по равнине, словно стаи саранчи. Те, у кого хватит денег, сбегут в Далматию. У кого денег мало, укроются на островах. Народу там будет невпроворот. Потому-то я и тороплю тебя. Принцессу можно будет только пожалеть, если она останется во дворце, когда ее остров захлестнут эти голодные крысы.

— Ты думаешь, Аттила сурово обойдется с городом?

— Он уничтожит Аквилию, — буднично ответил Скальпий.

— Тебе повезло, ты ничего не потеряешь.

Нищий презрительно фыркнул.

— Клянусь молниями Юпитера, молодой человек, ты, видать, понятия не имеешь, сколь прибыльна эта профессия. Я знаю, что произойдет в скором будущем, а потому за последние четыре месяца продал все, что принадлежало мне. Дома, торговые лавки, фермы, корабли, верблюдов. И в скором времени намерен укрыться в Далматии.

— Ты возьмешь с собой семью?

— Семьи у меня нет. Ни жены, ни детей. Семьи обходятся дорого. С того мгновения, как моя рука сжала первую заработанную монетку, я не расстался ни с одной. Что мое, то мое. Я ничего не тратил на себя. Что нужно, менял, а то и воровал.

— Но рано или поздно ты умрешь.

— Меня похоронят рядом с моим золотом. Все уже обговорено. Железный ящик поставят так, чтобы моя рука касалась его. Жаль только, что в могиле я не смогу открывать ящик и перебирать монеты.

Впервые Николану встретился столь жадный человек, но его заботили не проблемы загробной жизни Скальпия, а поручение Аттилы. Поэтому он начал спрашивать об островах.

— Ты говоришь, что городские бедняки ринутся на острова. Как же они смогут там жить?

— Помрут с голоду, — безапелляционно ответил Скальпий. — Так что бежать им незачем. Велика разница, погибнуть от меча гуннов или умереть от голода на вонючем острове. Но сначала они разграбят все, что смогут там найти. Поэтому женщину из Рима надо вывезти раньше.

— Мне понадобится баркас больших размеров по сравнению с тем, что дал нам Микка.

Нищий кивнул.

— Нет проблем. Получишь целый корабль. Есть тут один, который курсирует между портами Палестины и Адриатики. На север не заходит дальше Равенны. Он будет поджидать тебя меж островов, пока принцесса не поднимется на борт, — Скальпий нахмурился. — Через перевал в страну гуннов ей уже не попасть. Скоро дороги почернеют от воинов Аттилы. Есть другой вариант. Принцессу переправят в далматийский порт и поселят у купца, торгующего вином и маслом. Он богат, но выполняет мои приказы.

Женщину передадим Аттиле позже. В Риме, в его собственной столице, в любом городе, где он обоснуется.

— Сначала я должен повидать ее и получить согласие следовать плану императора.

— Получишь, — хмыкнул Скальпий. — Ей нечего терять, этой шлюхе.

2

В тот же день Николан и его спутники выехали на Виа Эмилия, великую римскую дорогу, на юге пересекающуюся с Виа Фламиния. Впереди лежала ломбардская равнина, с фантастически плодородной почвой, которую иногда называли житницей Рима. Аттила намеревался первым делом захватить Ломбардию, установить контроль над охраняющими ее городами, широкими реками и тучными полями. А уж следующим шагом был поход на Рим.

Николан, однако, увидел много неожиданного для себя. Твердая как камень земля, поля не зеленые, а бурые, стада, с трудом добывающие себе пропитание на выбитых копытами пастбищах. Он вспомнил некоторые из донесений разведчиков, которых Аттила держал во всех провинциях Римской империи. Там упоминалось, что прошлая осень выдалась засушливой, а потому урожай следующего года ожидался не из лучших. Но теперь-то он видел, что урожая не будет вовсе. Мать-природа выказывала немилость к всегда плодородной равнине.

«Будет голодный год, — говорил себе Николан. — Эти чахлые поля и жалкая скотина не прокормят полмиллиона солдат, которых Аттила поведет на Рим. Неужели его дезинформировали?»

С продвижением на юг ситуация менялась к худшему. Солнце припекало все сильнее. Склоны холмов и луга пожелтели. Обычно бурные, многоводные реки, скатывающиеся с гор к морю, превратились в узенькие ручейки.

«Что-то тут не так, — думал Николан. — Или от Аттилы скрыли правду, или он думает, что сможет победить голод точь-в-точь как армию Аэция».

Крестьяне выглядели такими же печальными, как и их едва передвигающие ноги лошади, коровы, овцы. Они неотрывно смотрели на север, словно в любую минуту ожидали появления на горизонте конницы гуннов. Если Николан заводил с ними разговор, то всегда слышал одно и то же.

— Почему он не приходит? — вопрошали они. — Это великий полководец, храбрый Аэций, один раз уже разбивший гуннов! Неужели он собирается оставить нас без защиты? Разве он не знает, какая нам грозит опасность?

Два дня Николан ехал, погруженный в глубокое раздумье, стараясь решить, что же ему делать. Если б он повернул назад и рассказал Аттиле о жесточайшей засухе, поразившей Ломбардию,

ему, возможно, удалось бы убедить императора на какое-то время задержать наступление. Но задержка, это он знал, штука опасная. Аттила, скорее всего, не смог бы держать армию под ружьем еще год. А распусти он солдат, второй раз он мог бы не собрать столь могучее войско для похода на юг. То есть цивилизация была бы спасена. С другой стороны, если не сказать императору об истинном положении вещей, он двинет армию вперед. Но далеко голодные солдаты не уйдут, наступление захлебнется, и христианский мир будет спасен. Но дорогой ценой. Города Ломбардии будут взяты штурмом и превращены в руины, а десятки тысяч людей, ныне радующихся жизни, падут под мечами варваров.

Каждая остающаяся позади миля все более убеждали Николана в том, что разведчики Аттилы не представили ему истинного положения дел в Ломбардии. Но Николан не мог убедить себя, что его долг — немедленно повернуть назад.

ГЛАВА 4

1

Баркас, который Микка держал в Алимииуме, предназначался для больших грузов. Перед тем как подняться на борт, Николан переоделся, следуя советам Аттилы. Из-под плаща из серой ткани, какой носили бедняки, иной раз выглядывала роскошная тога, немного запапчанная, кое-где с порванным золотым шитьем. То есть его не могли принять ни за кого другого, кроме как за человека, занимавшего достаточно высокое положение, а теперь ищущего убежища под соснами островов.

Влажный бриз дул с юга, а Николан, как зачарованный, не мог оторвать взгляда от носа баркаса, рассекающего зеленую воду: на корабле он плыл впервые. И огорчился, когда подошедший Приский оторвал его от захватывающего зрелища, дабы указать на каменную пристань на одном из островов, куда они, собственно, и плыли. Остров этот выделялся размерами среди остальных, но ни Николаи, ни его спутник и подумать не могли, что много столетий спустя на этих островах раскинется огромный город с великолепными дворцами из камня и кирпича, с каналами вместо улиц и многочисленными арочными мостами. Город этот, называемый ныне Венецией, ведет свою историю от тех дней, когда острова захлестнул поток горожан и крестьян, бегущих от армии гуннов, которые потом не пожелали возвращаться на пепелища родных городов и деревень.

Николан не заметил на острове ни одной живой души и очень удивился, что пристань наводнили вооруженные люди, едва баркас приблизился к ней. Один из них, с мечом у пояса и властными манерами человека, привыкшего командовать, замахал руками.

— Причаливать запрещено. Это приказ. Плывите дальше.

Не обращая внимания на крики, Приский прижал баркас к пристани.

— Ты не узнаешь меня, Криплиан? — воскликнул он. — Я уже побывал здесь дважды и нас ни разу не прогоняли. Мы привезли вам хорошие товары, а наш жонглер еще и фокусник. Он вас повеселит, — Приский наклонился к Николану и прошептал. — Микка платит этому человеку. Он нам поможет. Положи на плечо тюк с товарами, что я приготовил для тебя. К принцессе ты можешь попасть лишь в облике торговца.

Островной цербер не выказывал дружелюбия. Он хмурился и зло поглядывал на Николана.

— А это кто? — спросил он. — Что он тут делает?

— Я ишу тишины и покоя, — ответил Николан. — И могу заплатить за то, что мне нужно.

— Заплатить могут многие, — хохотнул Криплиан. — Ты запустил руку в общественные фонды или надул какого-нибудь беднягу? Можешь не говорить, мне лучше ничего не знать. Если другим я разрешу провести час на берегу, то ты останешься на баркасе, бегущий от возмездия красавчик-патриций.

Николан, тем не менее, ступил на пристань. Отвел Криплиана в сторону.

— Хотя ноги могут повернуть на запад, глаза мудрого всегда смотрят на восток, — прошептал он.

Охранник чуть помягчел.

— Значит, это ты. Я займусь тобой позже.

Когда тюки распаковали, товары выложили для осмотра жителями острова, как мужского, так и женского пола, а жонглер начал готовиться к представлению, опробуя ножи, Криплиан подошел к стоящему чуть в стороне Николану.

— Тебя ждут, как было условлено. Но сначала деньги.

Тяжелый кошель упал на его протянутую ладонь. Раздался мелодичный звук.

— Как договаривались?

— Я его не открывал. Сколько мне дали, столько ты и получил.

— А вот у меня уверенности в этом нет. Потом пересчитаю. Если не достанет хоть одной монеты, я позабочусь о том, чтобы ты не покинул этот остров живым, — кошель исчез в кармане просторной, давно не стираной туники. — А теперь слушай. Оставайся под теми деревьями, пока я не дам ей знать о твоём прибытии. Могут быть задержки. Хотя все ее служанки уже прибежали на пристань.

— Я не уверен, что одной встречи с принцессой...

— Тихо, дурак, — прошипел Криплиан. — Никогда не упоминай этого слова. Мы охраняем калеку. Посторонним запрещено видиться с ней. Держи рот на замке.

— Разумеется. Я просто не представлял себе, сколь ты должен быть осмотрительным. Просто хотел сказать, что одной встречи не хватит для выполнения моей миссии.

— Если понадобится, я смогу укрыть тебя на острове на ночь. Спрячу тебя в чулане сарая для лодок. Но ты должен в точности выполнять мои указания.

Несколько минут спустя Криплиан вернулся и кивком подозвал Николана. Тот последовал за охранником по узкой тропе, уходящей в лес. Они подошли ко дворцу, зданию из белого камня с забранными решетками окнами и обитыми медью дверями. Узкий темный коридор привел их во внутренний дворик.

— Благородная госпожа, вот этот мужчина. Посланец, о котором я говорил.

Хрупкая женщина сидела на низкой скамье. Она подняла голову, и Николан сразу узнал эти огромные глаза в обрамлении длинных черных ресниц.

Принцесса практически не изменилась с того дня, как он преклонил перед ней колени, протягивая один из даров честолюбивого Аэция. «Пожалуй, — подумал Николан, — она похудела, отчего ее глаза стали еще больше». На ней было синее платье, которое, судя по всему, она надела далеко не в первый раз.

— Разложи товары на полу, — прошептала принцесса. — Если кто-то войдет, прикинься торговцем. И не удивляйся, что тебя выгонят взащей.

Николан повиновался, все время чувствуя на себе изучающий взгляд принцессы.

— Это сюрприз, — улыбнулась она, когда Криплиан оставил их одних. — Ты совсем не такой, как я ожидала. Мне-то казалось, что ко мне пришлют восточного воина в красной шапке и с кривым мечом, — ее глаза широко раскрылись. — Я видела тебя раньше. Но где? И когда? — она на мгновение задумалась. — Вспомнила! Ты был одним из рабов, что принесли мне дары Аэция во время моего последнего приезда в Рим. Давным-давно! — она улыбнулась и кивнула. — Я не могу ошибиться. Тогда я очень хорошо тебя разглядела.

— Ты не ошиблась, госпожа. Я преподнес вам флакон нарда на зеленой бархатной подушечке.

— Нард мне никогда не нравился, но тот, кто его принес, произвел на меня впечатление. Твое положение изменилось к лучшему. Я много слышала о тебе. Удивительные вещи. Но, разумеется, никак не связывала способного помощника Аттилы с рабом, которого видела в тот день.

— После побега из Рима я сумел завоевать расположение Аттилы. Он высоко меня ценит, поэтому и поручил мне эту деликатную миссию.

Темные глаза принцессы, которые ее родственники часто называли бесстыдными, не отрывались от его лица. Рука ее играла веером.

— Разве ты не рискуешь жизнью, ступив на римскую территорию? А если тебя поймают? Аэций не из тех, что может простить.

— Я это знал.

— Что ж, не будем делиться с кем-то еще нашим секретом. Я все отчетливее вспоминаю тот день в Риме. Ты показался мне таким юным, когда преклонил колени передо мной. Я надеялась, что ты поднимешь голову. Некоторым хватало на это смелости, но ты продолжал смотреть в пол. Потому-то я и решилась на вольность. Шепнула тебе несколько слов.

— Да, ваше величество. Я буду их помнить до последнего вздоха.

Принцесса рассмеялась.

— Какая же я была ветреница! — лицо ее стало серьезным. — Меня всегда интересовали мои рабы. Их привозили с разных концов света, и в их глазах часто читалась тайна. В тот раз я не увидела твоих глаз, но ту же тайну я смогла заметить в линии твоих бровей, в движении твоих изящных рук. И теперь я понимаю, что не ошиблась. Ты, возможно, принес мне еще один подарок. Тот самый, которого я жажду больше всего: мою свободу.

— Да, госпожа. Император Аттила собирает свои армии, чтобы повести их на Рим, чтобы возвратить тебе то, что незаслуженно отняли у тебя. Но он хочет знать, одобришь ли ты его действия. Вы должны заключить союз, ибо у вас общие интересы.

Николан вынул из кошелька на поясе маленькую коробочку и извлек из нее золотое колечко, которое Гиацинтий в свое время передал Аттиле.

— Когда ты послала императору это кольцо со своим доверенным слугой, ты была готова выйти за него замуж?

Щеки принцессы полыхнули румянцем.

— Могу я говорить с тобой откровенно? Гарантируешь ли ты, что сказанное мною останется между нами?

Николан поклонился.

— Да, госпожа.

— Моя мать держит меня в заточении. Я не могу покинуть этот остров. Она хочет, чтобы я оставалась здесь до конца моих дней. За мной постоянно следили. В отчаянии я написала Аттиле. Я была готова на все, лишь бы вырваться на волю. От меня все скрывают. Одна из моих служанок от кого-то услышала, что моя мать умерла. Скажи мне, это так?

Николан пришел к выводу, что в данном случае можно и покривить душой. Он покачал головой.

— Но он слишком долго не давал мне ответа, — продолжила Гонория. — Могу я задать тебе несколько вопросов?

— При условии, что мои ответы не выйдут за пределы этого двора.

— Естественно, — принцесса закрыла веер, вновь открыла его, начала разглядывать рисунок. — Расскажи мне об императоре. Как он выглядит, какие у него манеры, привычки, какие порядки при его дворе. Я слышала о нем много историй, но не знаю, чему можно верить, а чему — нет.

— Внешне он типичный гунн. Нужно ли что-то дополнять?

Она покачала головой.

— Но можно ли полюбить его?

— Я нахожу, что им можно даже восхищаться, госпожа.

— Он жесток?

— Жестокость не доставляет ему удовольствия, хотя многие деспоты просто упивались ею. Мне говорили, что он никогда не присутствует при казнях. Но он без колебания отдает приказ об уничтожении населения целых городов, а то и провинций, если сие деяние позволяет продвинуться к поставленной цели. Уничтожение тысяч людей не мешает ему спокойно спать по ночам.

— Если я выйду за него замуж, какая жизнь меня ждет?

— Ты разделишь с ним трон. Если он возьмет Рим, ты взойдешь вместе с ним на престол. Он никогда не будет обсуждать с тобой государственные дела. Иногда он советуется с помощниками, но речь всегда идет о каких-то мелочах. Решения он принимает сам.

— Какое я буду занимать положение... в качестве жены?

— Госпожа, я буду с тобой откровенен. Как жена, ты будешь одной из многих. У него сорок жен. Выйдя за него, ты получишь статус первой жены, но это не значит, что он забудет про остальных.

— Сорок жен! — в ужасе воскликнула принцесса.

— Раньше их было сто. Аттила к ним благоволил. Иногда, конечно, кого-то и наказывают, но я не помню, чтобы он казнил хоть одну. Однако, они приходят и уходят. Некоторые умирают. Другие исчезают.

— Они слушают музыку? Смотрят представления? Читают? Наслаждаются радостями жизни?

— С радостями у них туго. Музыка есть. Странная, варварская. Лично я слушать ее не могу. Мой народ очень музыкальный, так что для меня это не музыка, а пытка.

— Они пользуются духами?

— Духи не в чести. Считаются признаком слабости и разложения. Я думаю, жены тайком покупают их у торговцев, вроде Микки. Так что у женщин гуннов один запах — естественный.

— Какие у них бани?

— Я могу сказать лишь следующее, — Николан улыбнулся. — Насколько мне известно, в столице лишь одна мраморная ванна. И принадлежит она Аттиле.

— Все гораздо хуже, чем я предполагала! — похоже, ответы Николана действительно неприятно поразили Гонорию. — А как он управляется со своим гаремом?

— Каждое утро он приходит в обнесенный стеной внутренний город, в котором они живут. Выбирает жену на день. Ее посылают во дворец, где она и остается. За вечерней трапезой она сидит рядом с ним.

— А потом он с ней спит?

Николан кивнул.

— Обычно да. Иной раз жена впадает у него в немилость. Тогда он отправляет ее обратно и заменяет другой.

— Другая жена на каждую ночь! — принцесса не верила своим ушам. — Ты не думаешь, что он изменит своим привычкам, женившись на мне?

— Госпожа, он ничего не изменит.

Принцесса гордо выпрямилась. Красные пятна румянца вспыхнули на ее щеках.

— Но, если я, римская принцесса, стану его женой, неужели нельзя все изменить? Разве я не смогу стать законодательницей новой моды? Раскрыть глаза Аттиле на преимущества нашего образа жизни? Показать, чем хороши дворцы и общественные бани? Умелые повара, изысканные вина, восточные духи?

— Все это возможно лишь в одном случае: если Аттила возьмет Рим и обоснуется там. Тогда и ему, и его людям придется приспособиться к новым условиям. Тебя, во всяком случае, станут называть императрицей мира. Возможно, Аттила прислушается к твоим советам в домашних делах. Но едва ли кто скажет, придется ли гуннам впору одежды цивилизации. Лично мне кажется, что не пройдет и десятка лет, как они превратят дворцы в свинарники, начнут использовать храмы под свои языческие обряды, а арены станут у них конюшнями. Если ты пойдешь к нему в жены, тебе придется принять все, как есть. Жить ты будешь как и другие жены. Так что особых радостей у тебя не будет.

По телу принцессы пробежала дрожь, она погрузилась в раздумья.

2

— А теперь позволь передать тебе послание императора, — прервал затянувшееся молчание Николан. — Он просит сказать, что почтет за честь жениться на тебе, но с политической точки зрения это решение, возможно, не наилучшее. Я уполномочен заверить тебя, что император гарантирует тебе полную поддержку. Для этого он прежде всего хочет освободить тебя и переправить туда, где Рим будет тебе не указ. Ты получишь земельные владения, достойные твоего статуса, и средства для содержания двора. В мужья тебе подберут короля или правителя независимого государства. Из Германии, возможно, из Дании или Сарматии. А может, восточного принца. Объявив войну Риму, Аттила громогласно заявит о твоих правах на престол, и твои интересы будут учитываться в ходе мирных переговоров, коли возникнет необходимость их проведения. Тебе придется примириться с тем, что он — твой защитник, и прервать всякое общение с твоим братом, императором Рима, и прочими родственниками.

Принцесса, жадно ловившая каждое слово, энергично кивнула.

— Я вижу, его план тщательно продуман. Но мой брат, император, откажется благословить мой брак, если жених будет подобран не им. Мы должны иметь это в виду.

— Он не пытался искать тебе жениха. Таков будет ответ Аттилы.

— Где я буду жить?

— Как можно дальше от границ Римской империи. Ни к чему предоставлять им возможность вновь захватить тебя.

— Мой брат заявит, что я мертва, если тебе удастся вызволить меня отсюда.

— Это одна из главных причин, побудивших Аттилу к активным действиям. Когда он объявит тебя правительницей Рима, они могут сколь угодно долго твердить, что ты мертва. Все равно им никто не поверит. И очень желательно, чтобы ты немедленно вышла замуж и родила детей, которые смогут стать твоими наследниками.

Гонория вновь задумалась.

— Если Аттила не покорит Рим, в каком я окажусь положении? Он вышвырнет меня за ненадобностью? Оставит он мне земли и двор или отнимет все и отправит меня в изгнание?

— Кто может сказать, как поступит человек, обладающий абсолютной властью, в тех или иных обстоятельствах? В государственных делах он очень осмотрителен. Старается использовать любую возможность упрочить свою позицию. Но я знаю, что дав слово, он его держит. Для него это закон. В любом случае, что ты потеряешь, доверившись ему? В самом худшем случае, поменяешь одну тюрьму на другую.

— Это правда. Будь моя мать жива, я бы не ждала перемен к лучшему. Да и император весь в нее, — тут принцесса вернулась к вопросу, интересовавшему ее более всего. — Мое мнение будет учитываться? Или мне придется выйти замуж за человека, которого выберет Аттила?

— Я спрашивал его об этом, и он ответил, что посоветуется с тобой и согласится с любым твоим предложением, при условии, что жених будет главой подвластного ему государства. Нет нужды объяснять, что он не хочет видеть тебя в лагере другой стороны.

— Допустим, — принцесса посмотрела Николану в глаза, — я предпочту следовать диктату чувств, а не государственных интересов? Позволят мне выйти замуж за человека, которого я полюблю?

— Император не станет возражать, если ты выйдешь замуж по любви. При условии... — Николан сухо улыбнулся, — что ты влюбишься в подходящего короля.

— Значит, я не могу выйти замуж за человека с более низким статусом? К примеру, за такого, как ты?

— Вот это, моя госпожа, абсолютно невозможно.

— Он просит от меня слишком многого, — принцесса, как истинная римлянка, решила поторговаться. — Я должна покинуть мою семью, мой народ, чтобы присоединиться к нему. Где гарантии того, что его обещанная щедрость не обернется пустыми словами? Буду ли я жить в подобающей мне роскоши?

Николан оглядел дворик. Каменные стены, ни клумб, ни фонтана. Простая скамья, на которой сидела принцесса, и стул, где устроился он.

— Заточенному в четырех стенах не должно торговаться, — напомнил он.

Настроение принцессы вновь изменилось. Чувствовалось, что в душе она согласилась на все условия и теперь хотела побольше узнать о том, что ее ждало.

— Если жизнь гуннов так сурова, как ты ее выдержишь? — спросила она.

— Я слишком много работал, чтобы замечать, как живу.

— Говорят, их женщины очень красивы. Ты так не считаешь?

— Они черноволосые и толстые. Я держусь от них подальше.

— Какой добродетельный молодой человек! Все римляне, которых посылают в далекие провинции, находят возможность скрасить свой суровый быт. Даже те, у кого есть жены и семьи. Мудро ли ты поступаешь, лишая себя женского общества? Ладно, — она посчитала тему исчерпанной. — Что теперь?

— Ты должна принять решение. Какой ответ я должен передать Аттиле? Эту ночь я могу провести на острове, чтобы ты могла все взвесить. Криплиан говорит, что может спрятать меня здесь.

Принцесса огляделась. Каменные стены, убогая мебель, тропа, ведущая к воде.

— Ужасная тишина! — воскликнула она. — И так всегда. Никто не приходит ко мне, кроме моих служанок. Мне не с кем поговорить. Иногда вдали я слышу голоса. Но они грубые и недружелюбные. Я сойду с ума, — Гонория вскочила. — Я согласна! Гадко продаваться врагу, но что я могу поделать? Да, я согласна. Я готова все подписать.

Николан вытащил бумаги и протянул их принцессе.

— Ты поступила правильно, сразу приняв решение. Дорог каждый час. В любой момент острова могут наводнить беженцы. И начнется борьба за выживание.

Принцесса беспомощно захлопала глазами.

— Как же я их подпишу? Служанок нет, — тут она улыбнулась. — Кажется, я где-то видела ручку. Пойду посмотрю.

Она ушла и несколько минут спустя вернулась с победной улыбкой на губах.

— Они прячут от меня ручки с тех пор, как я написала то письмо. Но я не ошиблась. Нашла ручку там, где и видела ее. Вот документы. Я их все подписала.

Николан принял их с низким поклоном.

— Госпожа моя, ты приняла мудрое решение. Надеюсь, у тебя не будет повода сожалеть об этом.

— Когда мы уезжаем?

— Нам понадобится большой корабль. И люди. Я уплыву, но скоро вернусь. Думаю, я смогу забрать тебя еще до рассвета.

Прекрасные глаза принцессы сверкнули.

— Так скоро! Как мне повезло, что Аттила послал ко мне такого решительного человека, как ты, — она взяла его руку в свои. —

Скажи мне, это не сон? Я действительно обрету свободу? Но, мой храбрец, ты останешься здесь. Я более не вынесу одиночества.

Николан нахмурился.

— Было бы лучше, если б я сам проследил за последними приготовлениями. Приский может о многом догадаться. Но... — он помолчал, не сводя глаз с принцессы. — Мне понятно твое нежелание оставаться одной. Тогда мне надо согласовать наши действия с Криплианом.

Принцесса кивнула.

— Так согласуй. Только не уходи. С моей стороны это отчаянный шаг и мне необходима твоя поддержка. Я боюсь, что страх возьмет верх, если меня будут окружать лишь эти жестокие, безразличные ко мне люди.

— Хорошо, моя госпожа. Приский получит от меня необходимые указания. Конечно, лучше бы мне готовить твой отъезд самому. Но твоя бодрость духа важнее.

Принцесса как-то сразу помолодела. Ее щеки затеплились румянцем.

— С того дня, как меня привезли сюда, я впервые счастлива.

Какой-то звук донесся от ворот. Принцесса что-то увидела. Глаза ее раскрылись, рука взлетела ко рту.

Николан оглянулся. На тропе стоял человек и смотрел на них. Как только он понял, что его заметили, он быстро скрылся за соснами.

— Кто это? — спросила Гонория.

— Он приехал со мной. Раб Микки Медеского. Его зовут Хуссейн.

— Можно ли ему доверять?

— Несомненно. Он никому ничего не скажет.

— Он так пристально смотрел на меня. Я повернулась к нему лишь потому, что почувствовала его взгляд. Он знает, кто я?

— Не уверен. Хотя кто-то мог ему и сказать. Хуссейн высокого происхождения. Его отец — король. Правитель государства в пустыне. Его захватили мальчиком, и о своем детстве он помнит немного.

— Я это сразу поняла. Его взгляд так и пронзил меня. Каким гордым он выглядел! Я думаю, что никогда не видела такого красавца. Он прекраснее тебя.

ГЛАВА 5

1

Криплиан отвел Николана в крошечную комнатку с единственным окошком в форме полумесяца под самым потолком.

— Сиди тихо, — предупредил Криплиан. — Эти болтливые идиоты скоро вернутся.

Они сели на кушетку, начали обсуждать подготовку побега принцессы.

— С нашей стороны проблем не будет, — заверил Криплиан. — Все знают, что беженцы могут появиться в любой момент. Поэтому большинство охранников ночью будут на пристани. На другой стороне острова есть бухточка. Я пошлю человека с Прискием, чтобы он указал путь кораблю. Если он прибудет до рассвета, никто его и не заметит, — у него дернулся правый глаз. Николай шестым чувством понял, что речь сейчас пойдет о деньгах. — Я делаю больше, чем обещал. За это придется доплатить.

— Мне известно, о чем с тобой уговаривались. Ты получишь деньги перед тем, как мы уедем.

— Оговоренной суммы недостаточно.

— Мне говорили, что торговаться ты умеешь. Но сделку ты заключил, и сам сказал мне, что особых проблем не будет. Я не вижу причины доплачивать тебе.

Криплиан оскалил зубы.

— Причина есть. Приский уедет с твоими людьми. Что помешает мне позвать охранников и приказать им перерезать тебе горло?

Николай не выказал ни малейшего беспокойства.

— Что помешает тебе? Твоя жадность, дорогой Криплиан. Позвав охранников, ты лишишь себя обещанного вознаграждения. У меня денег больше нет. Их привезет Приский, — он коротко хохотнул. — Только тот, у кого в голове овечий жир вместо мозгов, может довериться тебе.

— Но и ты не можешь вернуться без принцессы.

В комнатенке надолго воцарилась тишина. Наконец, Николай поднялся.

— Вот что я могу тебе обещать. Когда принцесса поднимется на борт и мы отчалим от берега, я брошу тебе кошель с дополнительным вознаграждением.

Криплиан прищурился.

— Сколько?

— Это решу я. Хорошенько подумав.

Криплиан направился к двери.

— На еду особо не рассчитывай. Тут слишком много любопытных глаз.

Снаружи слышались шаги, возбужденные голоса, свидетельствующие о том, что баркас с торговцами отплыл и слуги вернулись во дворец. Криплиан вошел в комнатку и запер за собой дверь.

— Она хочет поговорить с тобой. Разговор будет долгим. Устроить это нелегко. Во дворце двадцать пять человек челяди, и все они шпионят за принцессой. Докладываются домоправительнице.

Все, кроме двоих. Ее личных служанок. Тины и Заски. Верная парочка. Она требует, чтобы они уехали с ней.

— С чего такая тщательная слежка на столь пустынном острове?

— Того требует двор. Домоправительница дважды за ночь посещает спальню принцессы. Чтобы убедиться, что та в кровати, и одна. Она всегда приходит в полночь, а второй раз — в разное время, — Криплиан усмехнулся. — Во дворце три бани, но все они далеко от спальни принцессы. Принцессе приходится идти туда длинным коридором. Двери запираются в одиннадцать, и полчаса спустя вся челядь уже спит. Тогда принцесса идет в баню и возвращается к полуночи. Если этого времени не хватит...

— Мы еще успеем наговориться на корабле, — прервал его Николай. — Или у нее другое мнение?

— Да. На корабле уединиться не удастся. Вокруг будет слишком много ушей и глаз. Она собирается поделиться с тобой каким-то секретом.

— Послушай, неосторожный шаг, громкое слово, неожиданное появление кого-то из челяди может стоить нам жизни. В том числе и принцессе.

— Я ей это говорил. Но она стоит на своем, — Криплиан извлек из-за пазухи пергамент. — Вот план здания. Это комната, в которой мы сейчас находимся. Обычно она заперта и используется лишь в тех случаях, когда во дворце гости. Ключ есть только у меня. Вот здесь, через несколько дверей по коридору, баня. Она притворится, что пошла в баню, а сама проскользнет к тебе. У домоправительницы, — продолжил он, убирая пергамент, — рядом с кроватью стоит модель дворца. Маленькие глиняные фигурки показывают ей, где спят слуги и стоят охранники. Если она что-то заподозрит, ей достаточно дернуть за шнур, что висит у нее над кроватью, и по всему дому зазвякают колокольчики. Так что нам потребуется предельная осторожность.

В половине двенадцатого в замке вновь повернулся ключ. В комнату бесшумно впорхнула принцесса, сопровождаемая толстушкой с круглым добрым лицом. Гонория была в том же платье, что и днем.

— Моя маленькая Заска понимает только свой родной язык, так что мы можем говорить свободно.

Николай остался стоять, а принцесса присела на кушетку. Служанка отошла в дальний угол и повернулась к ним спиной.

Последовала короткая пауза.

— Я собираюсь верить свою судьбу в твои руки, — прошептала Гонория. Вновь пауза, более продолжительная. — Если ты верил всему тому, что слышал обо мне, я кажусь тебе безалаберной и глупой. Возможно, так оно и есть. Но у меня еще есть друзья в коридорах власти и я поддерживаю с ними связи, несмотря на все

усилия домоправительницы и ее шпионов. Меня держат в курсе государственных дел. Когда угроза со стороны гуннов исчезнет...

— Это зависит от исхода войны, — вставил Николан.

— Тучи надо мной рассеются. Я в этом уверена. А потом произойдет событие, которое кардинально изменит ситуацию в Риме.

Николан дивился произошедшей в ней перемене. Фривольная девушка исчезла. С ним разговаривала интеллигентная, хорошо информированная женщина.

— Мой брат, император, безумец и трус. Народ Рима с радостью избавится от него.

— А что будет с Аэцием? — спросил Николан.

— Его мне жаль. Бедняга Аэций при любом раскладе останется в проигрыше.

— Если ты так уверена, что Аттила потерпит поражение, зачем ты идешь к нему?

— Чтобы спасти свою жизнь, — без запинки ответила принцесса. — Если император поймет, какая ему грозит опасность, он первым делом избавится от меня. Он хочет, чтобы престол достался одному из его детей. Я должна вырваться из-под его власти. И, разумеется, у меня нет намерения выходить замуж за человека, которого выберет мне Аттила. Он не сможет выполнить данные мне обещания.

Николан не мог не улыбнуться.

— Но, моя госпожа, я — посланец Аттилы. Ты говоришь мне, что не желаешь выполнять подписанную тобой договоренность?

Гонория наклонилась вперед, всмотрелась в глаза Николана.

— Неужели ты не понимаешь, что договоренность эта будет выполняться лишь при условии, что Аттила покорит Рим? Будет ли победа на его стороне? Шансы его тают с каждым днем. Если он отступит во второй раз, другой армии ему уже не собрать. Неужели ты не видишь, что предлагаемое мною полностью соответствует его планам? Я помогаю ему подорвать веру народа Рима в своих нынешних правителей.

«У нее хороший советник, — подумал Николан. — Интересно бы узнать, кто он».

— В нашей договоренности я не согласна выполнить лишь один пункт. Мужа себе я выберу сама, не советуясь с ним. Тебе кажется странным, что я говорю с тобой об этом? Я не боюсь, что ты все повторишь Аттиле. В душе ты боишься и ненавидишь его.

— В душе я боюсь и ненавижу Рим.

— И не без причины. Но послушай меня с открытым сердцем, — Гонория взяла Николана за руку. — Моя репутация запятнана. Ко мне повернутся лицом лишь в том случае, если рядом со мной встанет сильный и честный мужчина. Одно время я думала об Аэции. Теперь я нашла лучшего кандидата. Тебя!

На лице Николана отразилось изумление.

— Я же никто. Варвар. Мелкая сошка в свите Аттилы. Более того, я молод и ничем не проявил себя.

— Нет, проявил, — возразила принцесса. — Тебе не известно, какое впечатление произвел на Рим бросок армий Аттилы в Галлию. Офицеры Аэция открыто говорили, что так все организовать мог только гений. Они узнали, чьих это рук дело. О тебе много говорили. У римских правителей ты в чести.

Принцесса с нежностью смотрела на него.

— И я тоже очень ценю тебя, мой друг. Пусть все сказанное здесь, останется нашей тайной. Если мы проявим осторожность и мудрость, я стану императрицей, а тебя сделаю диктатором Рима. Ты сможешь заменить Аэция.

Предположив, что столь радужная перспектива лишила Никола-на дара речи, Гонория широко улыбнулась.

— Как ты скромн. Римом правили многие чужестранцы. Никто из них, даже великий Стилико, не обладали такими способностями, как ты. О честности я и не говорю.

Дверь отворилась, в комнату всунулась вторая служанка.

— Моя госпожа, клепсидра остановилась, — речь шла о водяных часах, что имелись в каждом дворце. — Я не знаю, сколько сейчас времени. Думаю, прошел уже час.

Гонория встала. Шагнула вплотную к Николану. Встретилась с ним взглядом.

— Ты запомнил, что я сказала? В тот день, когда опустился передо мной на колени?

— Да, — кивнул Николан. — Ты сказала: «Какая жалость, что ты раб. И не мой раб».

Принцесса просияла, беззвучно хлопнула в ладоши.

— Ты запомнил. Каждое слово. Меня это радует. Я счастлива. Так вот, мой Николан, ты больше не раб. Теперь ты господин. И, возможно, станешь господином всего мира. Но ты уже хозяин своего сердца.

Вновь от изумления Николан не нашелся с ответом.

— Да, ты женишься на мне. Таков мой план. Не смотри на меня так, словно я предлагаю невозможное. Действительно, во мне течет императорская кровь, а потому я с самого рождения вознесена выше людей. Но разве моя мать не вышла замуж за гота Адольфия? И разве Пулькерия в Константинополе не делит трон с Марцианом, который был простым солдатом? Такое возможно вновь, а иначе и быть не должно.

— Я сражен наповал, моя госпожа, — пробормотал Николан.

Гонория искоса глянула на обеих служанок, чтобы убедиться, что обе стоят к ним спиной. Затем обхватила руками шею Никола-на и прижалась щекой к его щеке.

— Я надеялась, что нам удастся прильнуть друг к другу. Я влюбилась в тебя в тот самый миг, когда увидела в первый раз. Ни раньше, ни позже такого со мной не случалось. Ах, как горячо я буду тебя любить! Но, ты понимаешь, мы не можем допустить даже намек на скандал. Обо мне больше не должны слетничать. Ставки, мой прекрасный и храбрый варвар, слишком высоки.

Ее руки еще сильнее сжали его шею, потом упали.

— Я должна идти. Если эта мерзкая старуха не найдет меня в постели, она начнет совать нос во все щели и задавать вопросы. Через несколько часов, — ее глаза сверкнули, что звезды, видневшиеся сквозь серповидное окошко, — я буду свободна. И с тобой. Я думаю, моя жизнь только начинается.

3

Николан проснулся от громкого звона, наполнявшего дворец. Поначалу он подумал, что домоправительница узнала о готовящемся побеге. И испугался, что попал в западню. Крепкую дверь не высадил бы даже Голиаф, а через окно могла пролезть разве что кошка.

Он вскочил с кушетки, сунул ноги в сандалии, затянул пояс с мечом на талии. Прислушался. До него донеслись возбужденные голоса и торопливые шаги. По чернильной темноте в комнате и за окном он понял, что до рассвета еще далеко.

«Остается уповать лишь на то, — подумал он, — что корабль скоро придет и мои люди одолеют охранников».

Когда Николана привели в комнату, он заметил, где стоит кувшин с водой. Взял его, сполоснул лицо. Остатки сна сняло как рукой.

Кто-то быстро шел по коридору, остановился у его двери. Повернулся ключ, в дверном проеме возник Криплиан.

— Дворец горит. Принцессу уже вывели. Все тушат пожар.

Коридор заполнял дым. Николан ничего не видел уже в нескольких метрах от себя.

— Как начался пожар?

— Домоправительница зашла в спальню принцессы в неурочное время и увидела, что служанка пакует вещи. Она поспешила к себе, чтобы дернуть за шнур, и сбила канделябр. Загорелась портьера, и пошло-поехало.

— Где принцесса?

Они вышли через дверь черного хода, и Николан с облегчением заметил, что на востоке небо просветлело.

— Она со своими служанками. Остальные борются с огнем.

— Отведи их в бухту. Надеяться мы можем лишь на то, что нас заберет корабль. Есть там лодки?

— Две маленькие.

— Я буду прикрывать ваш отход. У одной лодки проруби дно, во вторую посади принцессу и служанок. Я хорошо плаваю, так что догоню вас. Если смогу задержать охранников, пока вы не отчалите.

Стоя в тени деревьев, Николан видел, что огонь не хочет сдаваться. Клубы дыма валили из окон и дверей. Кто-то выкрикивал указания, другие истошно вопили. Из дворца выносили вещи и

сваливали на траву. Настроение Николана улучшилось. В суете исчезновения принцессы могли и не заметить.

Какое-то время спустя к нему подбежала запыхавшаяся служанка и знаком предложила следовать за ней. По тропе они быстро добрались до бухты. Криплиан уже в нескольких местах прорубил дно одной лодки, принцесса и вторая служанка сидели в другой.

— В лодку, — приказал ему Николан. — Я столкну вас в воду.

Небо заметно просветлело. Если корабль придет вовремя, подумал он, им удастся выбраться. Лодка уже закачалась на воде, когда он рискнул посмотреть на север. И увидел темную точку.

— Они! — воскликнул Николан.

Двое мужчин гребли изо всех сил. От брызг они промокли насквозь. Небо на востоке заалело. Черная точка на севере превратилась в корабль.

— Я свободна! — вскричала принцесса. — Я свободна! Свободна!

4

Трехмачтовое судно, идущее к ним навстречу, когда-то было боевым кораблем. Он отслужил свой срок, после чего его переоборудовали для торговых нужд. Весел не было, управление осуществлялось лишь парусами.

Ветер крепчал, и старый корпус потрескивал от напряжения. Обеих служанок поразила морская болезнь, и они забились в какой-то уголок. Принцесса, завернувшись в кусок парусины, стояла рядом с Николаном на верхней палубе.

— Далеко нам плыть? — спросила она.

— Не меньше сотни миль. В это время года штормов обычно не бывает, но этот нам только на пользу: можно не опасаться преследования.

Чтобы не поскользнуться на мокрой палубе и не упасть, принцесса взяла Николана под руку.

— Ты сойдешь со мной на берег?

— Только для того, чтобы убедиться, что тебя устроили как полагается. Богатый далматийский купец ожидает твоего приезда. Я должен вернуться к Аттиле и доложить о результатах моей миссии. Я хочу убедиться, что все положения вашего договора будут выполнены.

— Да, — принцесса печально вздохнула, — наверное, этого не избежать. Но я буду сожалеть о твоём отъезде. Я доверяю только тебе.

— Я оставлю тебя у надежного человека.

— Какие ужасные волны! Мне дурно. Ты быстро вернешься?

Николан помялся. А потом, глядя на серые волны, коротко ответил: «Нет».

— Нет! — принцесса подпрыгнула от изумления. — Ты должен! Я... я настаиваю на этом! Я не согласна ни на что другое. Что может тебя задержать?

— Другие дела, которыми мне придется заняться.

— Так для тебя это всего лишь дело?

— Как можно, я горжусь тем, что смог тебе помочь.

— Ты подумал над тем, что я сказала тебе этой ночью?

— Да, принцесса. Я лежал без сна и не мог думать ни о чем другом. Но в конце концов пришел к выводу, что в жизни у меня одна цель: увидеть свою страну свободной. Как от оков Рима, так и от цепей Аттилы. А потом, я верну себе украденные у меня земли и займусь, как и мои предки, разведением лошадей, равных которым в мире нет.

— Нет! — глаза принцессы яростно сверкнули. — Это неправда. Ни один мужчина не может отказаться от того, что я предложила тебе. Разве можно променять Рим на богом забытый луг с пасущимися на нем лошадьми? Нет, нет! Только не это! Должно быть, у тебя есть другая женщина. Отвечай, есть?

Опять Николан замялся.

— Я не уверен.

— Что значит не уверен?

— Если и есть, то одна, которую я знал маленькой девочкой. За последние десять лет я видел ее только раз. Как я могу быть уверен в своих чувствах к ней? У меня нет оснований полагать, что я ей безразличен.

Принцесса пристально всмотрелась в его лицо.

— Я думаю, ты говоришь правду. Тогда потеря будет невелика. Ты скоро забудешь ее, если остаешься со мной. Мне больше не нужна поддержка Аттилы. Я свободна. У меня есть могущественные друзья. Составь мне компанию. Убежим от Аттилы вместе.

— Госпожа моя, ты окажешься в хороших руках. Честные и храбрые люди проследят за тем, чтобы никто не причинил тебе вреда.

— Меня не интересуют честные и храбрые. Скорее всего, мне они не покажутся. А вот ты мне нравишься. И для меня это важнее, чем вся честность и храбрость мира.

— Госпожа моя, я же простой солдат. И лишь чувство благодарности мешает тебе увидеть мою никчемность. Насладившись свободой, ты даже не вспомнишь обо мне. Тебя окружают высокородные кавалеры, которые будут восхищаться тобой, добиваться твоего расположения. Ты снова станешь принцессой, у тебя появятся придворные. Тебе даже не придется видеть Хуссейна, одного из тех, кто будет сопровождать тебя. Он сам пожелал остаться с тобой.

Гонория помолчала.

— Ты говоришь о том красавчике, что стоял на тропе и не сводил с меня глаз? Сыне короля пустыни?

— Да. Я согласился оставить его с тобой в надежде, что ты вскорости даруешь ему свободу.

Принцесса помолчала, затем невесело засмеялась.

— Подозреваю, причина не в этом. Ты предлагаешь мне этого молодого раба взамен себя, не так ли?

— Ваше величество, у меня такого и в мыслях не было. Все было обговорено до нашего приезда. Хуссейн многое знает и умеет, так что ты можешь на него положиться.

— И к тому же у него глаза, что солнце, и божественно красивое лицо. Напрасно ты отпираешься. Все и так ясно.

— Я хочу, чтобы он обрел свободу и вернулся на родную землю до того, как умрет его отец. Других причин у меня нет. И я прошу тебя проявить к нему великодушие.

Принцесса повернулась к нему и забарабанила кулачками по груди.

— Ты отказываешься от могущества, которое я предлагаю тебе! — кричала она. — Я стою перед тобой на коленях, а ты прогоняешь меня, словно портовую шлюху! Ты дурак! Дурак! Дурак!

5

Если Николана и мучили сомнения в правильности принятого решения, то они быстро исчезли, по пути к Аквиллии. Несмотря на спешку, он несколько раз сворачивал с широкой дороги, чтобы еще раз удостовериться, что засуха нанесла Ломбардии большой урон. То, что он увидел, ужаснуло его. Ситуация быстро менялась к худшему. Под яростными лучами солнца плодородная земля покрывалась растрескавшейся коркой. Злаковые сгорели на корню. Вишневые деревья облепили пауки. Яблоки и персики засохли. Даже оливки размером не превышали горошину. У коров провалились бока. Овцы жалобно блеяли.

Николан понимал, что должен поспешить к Аттиле и рассказать ему об истинном положении вещей. Возможно, он смог бы остановить надвигающуюся войну. А поручению Мацио придется подождать. Устойчивый поток беженцев заставил его прищпорить лошадь.

Башни Аквиллии гордо вздымались к небу, но улицы заметно опустели. В доме Скальпия он нашел лишь закрытые ставнями окна да заколоченную гвоздями дверь. Начальник караула северных ворот поделился с ним последними сведениями.

— Гунны уже на равнине, — прошептал он.

Николану не хотелось верить, что армии Аттилы уже выступили в поход.

— Кто их видел? — спросил он.

— Все утро по дороге идут люди и просят пустить их в город. Они думают, что наши стены их защитят.

— Наверное, они видели лишь разведывательный отряд.

Начальник караула покачал головой.

— Перевал так и кишит ими. Они визжат от радости, потому что римская армия не встала у них на пути. У многих на пиках человеческие головы. Некоторые подбрасывают их вверх, а потом вновь ловят.

Кивнув словоохотливому начальнику караула, Николан двинулся дальше.

«Я опоздал, — сказал он себе. — Но все равно должен сделать все, что в моих силах».

Харчевня с крестом над дверью была закрыта.

— Есть тут кто? — громко крикнул Николан, но ответа не получил.

Наверное, хозяева убежали, решил он. И тут кто-то позвал его. Повернувшись, он увидел осторожно выглядывающего из-за дерева Хурсту.

— Иди сюда! — Николан помахал рукой. — Не бойся.

Хурста повиновался.

— Тень зла накрыла перевал, — пробормотал он. — Еще один день, и ты бы меня не нашел.

— Значит, мой друг уехал, выполняя поручение Мацио?

Хурста кивнул.

— Дело не терпело отлагательств. Он сразу поскакал на восток, не заезжая сюда.

Они отошли в тень деревьев, и Хурста рассказал все, что знал.

— Во-первых, люди Аттилы прибыли в нашу страну. Они задавали вопросы и грозили карой тем, кто будет им лгать. Император, говорили они, хочет знать все о женщине с золотыми волосами и черной лошади. Скоро они все выяснили. Многие наши люди не могут держать язык за зубами. Да и командир отряда как-то сболтнул, что Аттиле известно об их пребывании в Константинополе и он уже отправил туда людей с тем, чтобы женщину и лошадь препроводили к нему. Мой хозяин понял, что у него есть лишь одна возможность спасти Ильдику: послать в Константинополь человека, который выведет ее из-под удара.

У Николана защемило сердце. Мало того, что Ильдику грозила серьезная опасность, он упустил случай помочь ей.

— Меня не удивляет, что Ивар сразу же отправился туда. Если бы я тоже мог поехать!

Хурста начал излагать план, предложенный Мацио для спасения дочери. Горные хребты, поднимающиеся над плодородными долинами Далматии, можно было пересечь в разных местах, но обычно дороги следовали руслам рек. А реки так спешили добраться до моря, что иной раз уходили под землю, прокладывая себе путь под горами. Одна такая река со временем нашла себе другую дорогу к морю, в обход горы, но подземное русло так и осталось.

— Ты слышал о Гаризонде? — понизив голос, спросил Хурста. Николан покачал головой.

Он никогда не слышал о Гаризонде.

— Это название подземного русла, когда-то проложенного рекой. Оно все еще существует, хотя мало кто знает, где оно начинается, а где заканчивается. Русло бежит милою за милей. Говорят, там водятся животные, от одного вида которых душа уходит в пятки. В подземелье постоянно дует сильный ветер, поэтому факелы сразу гаснут. Оттуда доносятся странные звуки, словно боги приходят в ярость, если смертные приближаются к подземному миру.

Госпожа Элстрасса, давно умершая жена Мацио, родилась в Далматии, и ее семья владела землей, на которой находился южный выход Гаризонды. Она оставила моему господину карту, на которой показано, как найти вход и выход из подземелья. Копию карты Мацио отдал Высокому.

Николан побледнел.

— Неужели они попытаются спрятаться там? Их ждет верная смерть. Им будет нечем дышать.

— Воздух проходит сквозь трещины в горе, — возразил Хурста.

— Откуда тебе это известно, если сотни лет туда не ступала нога человека? — план Мацио положительно не нравился Николану. — Старик, должно быть, сошел с ума. Если они войдут в подземелье, то никогда оттуда не выйдут.

Хурста покачал головой.

— Для них это единственный путь к спасению. Трусливый император отдаст их людям Аттилы. У него сердце зайца. Куда еще им бежать? Дороги и перевалы охраняются. А так они исчезнут с одной стороны горы, а появятся с другой.

— А если не появятся? Ты представляешь себе, какая ужасная смерть ждет их под землей?

— Наверное, смерть — это не самое страшное, господин мой Николан. Мой хозяин не стал бы предлагать этого плана, если б нашел другую возможность спасти Ильдику.

Но в любом случае изменить что-либо Николан не мог.

— Я больше никогда не увижу их, — воскликнул он, вскочил на лошадь и поскакал к перевалу.

ГЛАВА 6

1

На перевале все смешалось. Конные и пешие, тевтонцы и сарматы. То был движущийся Вавилон. К небу поднимались крики на десятках языков.

Стоя у обочины, Николан наблюдал за медленно движущейся колонной. Наконец, заметил командира, которого знал, узкоглазого Монезия, родившегося далеко на Востоке. Заметил его и Монезий, подскочил к нему.

— Ты здесь! А в лагере говорили, что Великий более не благоволит к тебе.

— Я выполнял его специальное задание. И должен как можно быстрее предстать перед ним.

— Тебя здорово нам не хватает, — пробурчал Монезий. — Мои люди второй день не кормлены. Они рассыпались по равнине в поисках еды, а сзади напирают другие армии. Нам повезло лишь в одном: нет дождя.

Николан указал на юг.

— На равнинах тоже не было дождя. Ты полагаешь солнце союзником, Монезий? Хорошенько подумай. Солнце страшнее сотни легионов.

Монезий рассмеялся.

— Сотни легионов? Да тут нет ни одного. Разве ты не знаешь, что они отступили, укрывшись в горах. Мы пронесемся по этим равнинам как ветер.

Черно-белый войлочный шатер Аттилы стоял на холме, с которого он мог наблюдать за бесконечной колонной своих войск. Она сползала с гор и уходила вдаль. Иной раз создавалось впечатление, что войска ходили по кругу, поскольку прошедшие ранее ничем не отличались от идущих следом: черноволосые, запыленные, оборванные солдаты, барабанный бой, развевающиеся знамена, всхрапывающие лошади, скрипящие колесами телеги. Иногда проходящая мимо шатра часть криками приветствовала императора, но обычно солдаты понуро брели, не отрывая глаз от дороги.

На этот раз Аттила предпочел шатер куда больших размеров, чем раньше. Почему, гадал Николан, поднимаясь на холм. Аттила начал привыкать к роскоши? Или хотел поразить солдат окружающим его великолепием с тем, чтобы они забыли не столь великолепные результаты битвы при Шалоне? Возможно, последняя догадка была вернее. Подтверждала ее туника на Властителе земли и небес, из красного шелка, богато расшитая золотом, из-под которой виднелись начищенные сапоги из свиной кожи. Рядом с Аттилой стоял юноша, его сын Эллак, уже переросший отца, с прямыми ногами и носом с горбинкой.

— Я не ждал тебя так рано, — знаком Аттила повелел Николану приблизиться.

— У меня важные новости, которые я должен немедленно сообщить тебе.

Аттила хмыкнул.

— Значит, ты нашел принцессу?

— Нашел, мой господин. Микка тебя не обманул. Но я покинул ее, доставив в Далматию и убедившись, что она в полной безопасности. Ей обеспечено надежное убежище, — он вытащил из-под пояса документы и протянул их императору. — Она подписала бумаги. Приняла все твои условия.

На документы Аттила даже не взглянул.

— Эллак, — он повернулся к сыну, — римская принцесса не будет сидеть рядом со мной на престоле, который мы установим в мраморном дворце в Риме.

— Это хорошо, отец, — кивнул Эллак.

— Хорошую новость ты принес для болтуна, что сидит у меня под замком, — Аттила передал подписанные принцессой бумаги кому-то из помощников. — Половина его жизни спасена, вторая еще висит на волоске. Эллак, внимательно слушай все, что я говорю. Тебе многому надо научиться. В том числе и тому, как должен поступать король с предателями и шпионами.

— Да, мой отец.

— А теперь, Тогалатий, какие ты принес мне новости?

— Твое присутствие здесь и начавшееся движение войск через перевал заставляет меня сомневаться в том, что ты получал полную и достоверную информацию.

— Мне говорили, что урожай выдался не слишком хорошим, — быстро ответил Аттила.

— Великий Танджо, в Ломбардии засуха. Она началась осенью, и с тех пор на землю не упало ни капли дождя. Посевы засохли, скот умирает. Твоим армиям не найти еды на тех территориях, по которым я проехал.

Последовало долгое молчание. Аттила не сводил глаз с движущейся колонны.

— Какую ты осмотрел территорию?

— Я добрался почти до Равенны и много раз отъезжал от Виа Эмилия. Я говорил с людьми, прибывшими из Генуи. Там тоже стоит сушь.

— Разве в городах нет запасов еды?

— Есть, мой господин. Но маловероятно, чтобы они капитулировали, предварительно не уничтожив все съестное.

— Много скота на пастбищах?

— Очень мало. Скот угоняют. Ведущие на юг дороги запружены беженцами. Многие ведут с собой скотину.

— У меня почти четыреста тысяч людей! — воскликнул император. — Сколько времени просуществует армия на тех припасах, что мы найдем в Ломбардии?

Николан замаялся.

— Я в этом не специалист. Могу только высказать догадку.

— Так высказывай!

— Неделю.

— Не больше?

— Не больше, мой господин. Через две недели солдаты начнут резать лошадей.

Аттила сверлил Николана взглядом.

— Мне известно, что еды в обрез. Но полученные мною донесения не согласуются со сказанным тобой. Почему я должен тебе верить?

Аттила зашагал по маленькому клочку ровной земли перед шатром, более не обращая внимания на марширующие мимо войска. Остановился перед Николаном.

— Почему я должен тебе все объяснять? — в голосе его слышались злые нотки. — Ты офицер низкого ранга, разбирающийся в картах и умеющий организовать перемещение войск. Почему я должен говорить тебе, что решил двинуться на Рим, несмотря ни на что? Ситуация не так уж и плоха, как тебе кажется, хотя Аэций, этот бессовестный человек, распорядился угонять стада. Пусть народ голодает, думает он, а вместе с ним будет голодать и враг. Но я воткнул меч в землю! — Аттила потряс рукой. — И ничто меня не остановит!

— Я перенес время выступления, — почти шепотом продолжил он, — узнав, что Аэций снял охрану с перевалов. Мои разведчики это подтвердили. На сотню миль вперед нет римского орла. Это ловушка? Наверное, он так и думает. Иначе зачем покидать хорошо укрепленные позиции и выпускать мои армии на равнины Ломбардии, где гуннам сражаться куда привычнее, чем в горах? Я могу сказать тебе причину, потому что мне понятен ход мыслей этого человека. Он увенчал себя лавровым венком победителя в битве при Шалоне, и его гордость раздулась, как пузырь. А сейчас его покинули прежние союзники, и он не хочет выходить на открытый бой, опасаясь потерпеть поражение. Всю зиму он рылся в старых книгах. Читал о Фабии, который противопоставил карфагенцам тактику «активного бездействия»¹. Именно так и намерен вести себя Аэций. «Активно бездействовать! Никакого риска, никакого открытого столкновения, позволяющего разом решить, кто сильнее». Я уверен, что он готов отдать мне равнину и держать оборону в горах у Рима. Зрелый плод Ломбардии сам упал мне в руки!

Глаза императора полыхнули яростью.

— Эллак! — вскричал он. — Эллак, сын мой! Слушай внимательно. Великий правитель не подвластен законам, как людским, так и божьим. Он устанавливает свои законы! Если силы природы пытаются противодействовать ему, он смеется над ними и бросает им вызов. Если на его пути возникают преграды, он сокрушает их. Если выполнение плана становится невозможным, он придумывает новый план.

Николан пристально наблюдал за юношей.

«Эллак запомнит каждое слово, — подумал он. — Но попытка применить поучения отца на практике приведет его к гибели. Он не из того теста, что Аттила».

— Эллак, держи свои уши открытыми, ибо мне есть еще что сказать. Ты заметил, какая сумятица в войсках. Части смешиваются, налезает друг на друга. Когда я вел свои армии в Галлию, этот

¹ После жестокого поражения в Каннах римляне избегали новых крупных сражений с Ганнибалом, предпочитая оборонять оставшиеся у них территории.

человек, что стоит сейчас передо мной, организовывал движение войск. Все армии прибыли в нужное место в назначенное время, не мешая друг другу. Но он отказался служить мне, потому что ему, словно женщине, не нравится кровопролитие. Что бы ты сделал с ним?

Эллак окинул Николана мрачным взглядом.

— Я бы отдал его в руки палача.

— И допустил бы ошибку, мой Эллак. Прислушайся ко мне! Великий правитель никогда не избавляется от человека, который по-прежнему бесполезен для него. Я послал его с опасным и деликатным поручением. И вот он вернулся. Что мне с ним делать? Направить исправлять весь этот бардак, что мы видим перед собой? Поставить перед ним задачу провести мои армии через горлышко горной бутылки?

— Да, мой отец, — без запинки ответил Эллак.

— И вновь ты не прав, сын мой. Все эти недочеты я смогу устранить сам, когда все армии выйдут на равнину. Правитель, скажу я тебе, должен делать все, что под силу его подданным. Нет, он должен все делать лучше их. Если он оставляет решения на одних, а их исполнение — на других, может прийти день, когда одни отберут у него скипетр, а другие снимут корону вместе с головой. И потом, у меня есть другая работа для этого мастера войсковых перемещений. Я пошлю его с новым поручением. Он поедет в сердце вражеской страны, где потребует аудиенции у человека, чьим рабом он когда-то был. Я пошлю его со специальным посланием к диктатору Рима. К Азцию, моему дорогому другу и самому ненавистному врагу!

2

Пробираясь между палаток и фургонов, окружавших шатер императора, Николан услышал, что кто-то зовет его. Свистящий шепот донесся из фургона, рядом с которым стоял охранник. Микка Медеский призывно махал ему рукой.

— Так ты вернулся. Ты нашел эту женщину?

— Да. На том острове, который ты назвал.

— Они договорились?

Николан кивнул, полагая себя не вправе делиться подробностями.

— Это хорошо. Я рад, что твоя миссия завершилась успешно.

Николан заметил, что седые волосы Микки свалились, щеки ввалились, шея стала совсем тонкой.

— Я закован в кандалы, — пояснил Микка. — Стоит мне пошевелиться, как острое железо впивается мне в ноги. Ты знаешь, Тогалатий, что моя судьба частично зависела от твоей миссии. Скоро, я надеюсь, угроза смерти более не будет висеть надо мной. Но для этого должно быть выполнено еще одно условие.

Николан приблизился к фургону. Микка более всего напоминал мешок с костями. Его когда-то белая одежда почернела от пыли.

— Насколько я понимаю, ты сказал императору о девушке с золотыми волосами и черной лошади.

— Это так. Мало что ускользает от моего внимания. Я же езжу по всему свету.

— Сведения эти держались в секрете. Мне любопытно, как ты прознал о ней?

— Ко мне пришел человек из твоей страны...

— Звали его, полагаю, Ранно?

Голова пленника качнулась на шее-тростинке.

— Его звали Ранно. Гордый и целеустремленный молодой человек. Было это до галльского похода. Он сказал, что влюблен в юную деву с волосами, как золото. И хочет подарить ей дорогой подарок, чтобы она не смогла забыть его, когда он уйдет на войну. Сам он очень любил девушку, потому что купил кольцо с бриллиантом, украшенное и другими, менее драгоценными камнями. Когда армии Аттилы вернулись, он вновь пришел ко мне, чтобы отдать кольцо. Девушка, сказал он, в отъезде, и, возможно, он более никогда ее не увидит. Я задал ему несколько вопросов, на которые он охотно отвечал. Звали красавицу Ильдику, она была младшей дочерью Мацио Роймарка и уехала с вдовой Тергесте. Все это я и сказал Аттиле. Его люди навели справки в моей стране и подтвердили мои слова.

— Ты взял кольцо?

Даже в кандалах Микка оставался купцом.

— Нет! Что продано, то продано. Я указал ему, что он найдет себе другую жену и подарит ей кольцо. Он отрицательно покачал головой. Ответил, что если и женится на другой, то не будет питать к ней таких чувств, как к Ильдику...

«Бедная Лаудио», — подумал Николан.

— ...а потому нечего делать ей столь дорогие подарки. Он очень рассердился на меня и начал даже угрожать мне, когда я отказался возратить деньги.

— Но как ты узнал о нынешнем местопребывании девушки?

— Маршрут путешествий вдовы Тергесте проследить нетрудно. Она, как ты знаешь, не хамелеон, жаждущий остаться невидимым. А теперь, когда она везет с собой золотоволосую красавицу и великолепного черного жеребца, которому нет равных на скачках, это совсем просто. Я переписываюсь с купцами всего мира и по их письмам всегда знал, где находится вдова. Она прибыла в Константинополь с большой помпой, поскольку черный жеребец принес ей огромные деньги, которые она и намеревалась потратить. Так уж получилось, что мой константинопольский партнер также большой поклонник лошадей, и вдова заглянула к нему в гости. Показывая свои владения, он привез дорогих гостей на луг, где паслись лошади-однолетки. И странное зрелище открылось их глазам. Девушка с золотыми волосами шла чуть впереди. Лошади-однолетки все по-

мчались к ней, обступили ее кругом. Качали головами, били копытами, ржали, в общем, у моего партнера сложилось впечатление, что они беседовали с девушкой.

— Естественно.

— Ты в это веришь?

— Почему нет? Разве собаки не разговаривают друг с другом. Или не понимают слова хозяина?

— Но тут ситуация другая. Ты полагаешь, она рассказывала им о великом черном жеребце, на котором она выиграла столько скачек? Мой партнер показал ей своих лучших трехлеток. Она сразу указала на того, кто победит в заезде. Как ты можешь это объяснить?

— Она узнала об этом от однолеток. Лошади всегда в курсе того, как закончится тот или иной заезд.

— Когда ее привезут сюда и она станет женой Аттилы, я обрету свободу, — Микка чуть шевельнулся и застонал от боли. — С того момента, как меня заковали, я не могу лечь. Уже целый месяц. Сколько еще я выдержу?

3

Отойдя от фургона с Миккой, Николан столкнулся с Гизо. Слуга императора остановил его, махнул рукой в сторону черно-белого шатра.

— Ты его видел?

— Лишь несколько минут. Он позовет меня позже, для долгого разговора.

— Он изменился, — Гизо печально покачал головой. — Раньше я знал, что происходит в его голове, но теперь то и дело спрашиваю себя: «Аттила ли это»? Я задаю себе много вопросов о нем, на которые не нахожу ответов. Мой друг Тогалатий, он стал транжирой. Ты обратил внимание на его дорогую тунику? У него есть еще две ничуть не хуже. Он велел сшить ему вторую пару сапог. Требуется от Черного Сайлеса новых блюд. Свежих фруктов. Морской рыбы. Думаю, он готовится к тому дню, когда станет властелином мира, — Гизо помолчал. — Слушай. Это секрет и ты никому не должен об этом говорить. Здоровье его пошатнулось. Он засыпает днем. Дремлет в седле. Случалось, что он засыпал прямо на военном совете. Доктора говорят, что он не должен напрягаться, если не хочет почувствовать на своих плечах крылья смерти. Они называют много причин, вызвавших его болезнь, но дело в другом, — Гизо нахмурился, понизил голос до шепота. — У него слишком много жен!

— Тогда зачем ему новые? — спросил Николан. — Почему он по всему свету ищет жену с золотыми волосами?

— Он три дня не подпускал меня к себе, — Гизо тяжело вздохнул. — Знаешь почему? Потому что я прямо сказал, что ему надо

избавиться от большинства жен. Сказал, что эта девушка с золотыми волосами, которую он ищет, должна стать женой Эллака, а не его. Он побагровел. Из рта пошла пена. Он схватил меня за горло. Прорычал: «Мой сын когда-нибудь получит мой трон, но не жену, которую я так долго искал!» Он отдал приказ обезглавить меня и отослать Эллака домой. Потом передумал, но все равно хмурится всякий раз, когда смотрит на мальчика.

— Мне стало жалко твоего господина, — признался Николаи.

— Тогалатий, мне давно его жалко. Битва при Шалоне раздавила его гордость. Он часами сидит, глядя в никуда, с полными тоской глазами. Эта жена стала для него заветной целью. Он уже готовит ее въезд в Рим. Она будет ехать на колеснице из золота и слоновой кости, запряженной великим черным жеребцом. В голубом с золотом и пурпуром наряде, это его любимые цвета. Тысяча захваченных в бою пленных в цепях пойдут следом за колесницей. А уж за ними, на своей лошади, последует он. Такую вот он готовит торжественную церемонию, — закончил Гизо.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ГЛАВА 1

1

Тем днем госпожа Евгения осталась более чем довольна. По срочному вызову она прибыла в императорский дворец. Ее сразу же препроводили в Консистиориум, зал торжественных приемов, где императрица Пулькерия и ее престарелый муж Марциан восседали под золотым куполом. Вдову Тергесте они встретили улыбкой и благосклонными кивками. Вдова подумала, что Ильдико сглупила, отказавшись идти с ней. Императрица особо интересовалась «девушкой, что ездит на черном жеребце», и ее отсутствие явно огорчило царственную особу.

А увенчала день беседа с молодым человеком в белоснежных одеждах с красным тюрбаном на голове. Она знала, кто он, поскольку во время аудиенции он стоял рядом с императорским тронem. То был король Даведы, государства на краю пустыни. В Константинополь он привез несколько чистокровных арабских лошадей.

Глаза его сверкали, как два огромных драгоценных камня.

— Госпожа моя, — на латинском он говорил без малейшего акцента, — я знаю, что ты живешь неподалеку. Может, ты позволишь мне шагать рядом с твоим палантином? Мне есть о чем с тобой поговорить.

Восторг, который вдова обычно испытывала при близком общении с сильными мира сего, угас. Он собирается говорить о лошадях, поняла она, о его арабах и Хартагере. Возможно, он предложит проверить их в деле. В таких вопросах она чувствовала себя как рыба в воде.

— Для меня это будет большая честь, ваше величество.

Как оказалось, Юсуфа Даведского сопровождало два десятка охранников. Все высокие, в белом, бородатые, темнолицые. Они выстроились двумя рядами по обе стороны палантина.

— Тебя, о король, всегда сопровождает столько людей? — спросила вдова.

Молодой правитель кивнул.

— Таковы наши обычаи. Они все видят и слышат, но ничего не говорят. И оберегают меня от наемных убийц.

— Но разве не бывает случаев, когда они тебе не нужны? Допустим, у тебя свидание с дамой, которое ты хочешь сохранить в тайне? Можете вы улизнуть от них?

— Нет, моя госпожа. Не буду и пытаться. Если я встречаюсь с женщиной, то не делаю из этого секрета. И потом, женщины меня не привлекают. Все мои интересы связаны с лошадьми. Даже государственные дела я оставляю на моих министрах.

Путь к дворцу, где остановилась вдова, занял лишь несколько минут. Охранники проследовали через ворота и остановились у дверей. Двое из них, с более длинными бородами и морщинистыми лицами, прошли вместе с королем в вестибюль с высокими колоннами и далее в большой зал с окнами на восток. Король сразу перешел к наиболее интересующему его предмету.

— Я привез с собой несколько хороших лошадей. И своего любимца, Сулеймана. Ты слышала о нем?

— Разумеется. Все слышали о Сулеймане.

В голосе человека с Востока появились осторожные нотки.

— Он... он довольно-таки быстр. И меня удивляет, что две банды, состоящие из какого-то отребья, не позволяют мне держать моих лошадей на ипподроме. Они называют себя Зелеными и Синими. Тебе известно о них?

— Да, ваше величество.

— Они считают, что ипподром принадлежит им, и позволяют устраивать на нем лишь гонки колесниц. В моей стране знают, как вести себя с крикливой чернью. Но местные правители их боятся. Мои лошади находятся на ферме далеко за городом. Для меня это большое неудобство. Ты, наверное, испытываешь те же чувства, ибо мне сказали, что у тебя тоже есть лошадь. Черный жеребец.

Евгения кивнула.

— Его зовут Хартагер.

— После твоего приезда скачки прошли здесь дважды, и оба раза победил Хартагер.

— Поверишь ли, в первый раз на скачки пришли многие Синие и Зеленые. Они смеялись и свистели. Но второй раз их пришло гораздо больше. По меньшей мере в два раза.

Восточный король кивнул.

— Здесь все какие-то сонные. Чего бы это ни касалось. Государственных дел, поддержания боеготовности армии, лошадей.

— Я бы с удовольствием увидела твоих арабских лошадей в деле.

— Они такие изящные и все понимают. Я от них без ума. У них сильное сердце, и они очень быстры. Я высоко ценю Сулеймана. Очень высоко.

— Быть может, ты полагаешь, что неплохо свести Сулеймана и Хартагера в одном забеге.

Король нахмурился. Слуги принесли вино и фрукты, он поднял золотой кубок, пригубил ледяной напиток.

— Такая мысль приходила мне в голову. Но я не люблю заездов, в которых участвуют только две лошади. Я бы предпочел, чтобы их было больше. Зрелище получается более захватывающее.

Вдова Тергесте задумалась.

— Может, ты и прав, — с неохотой признала она. — Особых возражений у меня нет, — она помолчала, вглядываясь в смуглое лицо короля. — У вас в стране принято делать ставки на лошадей?

Король безразлично махнул рукой.

— Для меня главное скачки. Борьба моих лошадей с равными или более быстрыми соперниками. Финишный спурт. Вот что берет кровь. Но, если кто-то желает делать ставки, я готов принять это условие.

— У меня нет сомнений в том, что твой Сулейман достаточно быстр, чтобы Хартагер увидел лишь его копыта, но я все-таки поставлю на черного жеребца. Какую ты мне дашь фору?

Король опустил кубок и воззрился на вдову.

— Фору? У тебя великолепный черный жеребец, который не проиграл ни одного заезда. О нем говорит весь Константинополь, а ты просишь у меня форы. Госпожа моя, требование это не просто невыполнимое, но абсурдное!

Вдова помолчала.

— Ладно, к этому мы еще вернемся. Я думаю, ты сам придеешь к выводу, что мне надо дать поблажку. Могу я спросить, сколько ты готов поставить на Сулеймана?

Вновь король отмахнулся.

— Это я оставляю на тебя. Какую бы цифру ты ни назвала, с моей стороны возражений не будет.

Выигрыши Хартагера составили целое состояние. Евгения подсчитала их в уме и назвала общую сумму. Значительную даже для абсолютного монарха богатой восточной страны. Пристально наблюдая за своим гостем, вдова заметила, что смуглое лицо его слегка побледнело, а рука задрожала: не от страха, от возбуждения. Она поняла, что ее решение пришлось ему по душе.

— Крупная ставка, госпожа моя, — воскликнул молодой король. — Вижу, ты высоко ценишь своего черного жеребца. Может, мне следует дать задний ход и попросить о форе для себя.

— Хартагер быстр. И принадлежит семье моей маленькой Ильдико. По мне лучше проиграть, чем подмочить его репутацию нищенской ставкой.

— Я видел твоего жеребца... издали. Не могу поверить, что ты позволишь этому хрупкому ребенку, имя которого ты упомянула, скакать на нем в столь важном заезде.

— Естественно, позволю. Хартагера вырастил ее отец. Они прекрасно ладят. Он не потеряет другого наездника.

— Признаюсь, я хотел бы увидеть это дитя, что ездит на таком большом и сильном жеребце.

Вдова хлопнула в ладоши и приказала мгновенно появившемуся слуге пригласить девушку. Король сидел в кресле, а вдова стояла рядом, когда несколько минут спустя в комнату вошла Ильдико, в светло-зеленой тунике и заплетенными в косы волосами. Он не поднялся, но глаза его широко раскрылись и уже не покидали лица девушки.

— Мой господин, позволь представить тебе мою подопечную. Ильди́ко, дочь Мацио Роймарка. Ильди́ко, ты удостоена чести стоять в присутствии короля Даведы.

Девушка поклонилась, потупив взор. На какие-то мгновения в комнате воцарилась тишина. По лицу короля чувствовалось, что впервые ему довелось столкнуться с такой красавицей. Только что он хвалился тем, что не интересуется женщинами, но теперь, в этом сомнений не было, не мог думать ни о чем другом, как об этой девушке в светло-зеленой тунике, которая стояла перед ним.

— Его августейшее величество, — вдова начала вводить Ильди́ко в курс дела, — предложил свести в одном заезде великого Сулеймана и Хартагера, но он сомневается, стоит ли тебе участвовать в нем.

Юсуф не слушал. Лошади и скачки вылетели у него из головы. Взгляд его по-прежнему не отрывался от Ильди́ко, и, когда он заговорил, стало ясно, что девушка поразила его как удар молнии.

— Каждую весну в моей стране наступает короткий момент, когда пустыня покрывается прекрасными синими цветами. За одну ночь доселе безжизненные пески преобразаются. Несколько дней мы живем среди красоты, а затем под жаркими лучами солнца цветы увядают и засыхают. Весь год мы живем воспоминаниями и ожиданием следующей весны... Твои глаза, мое прекрасное дитя, напомнили мне о цветущей пустыне. Как гармонируют они с твоими золотыми волосами! — с трудом он заставил себя повернуться к вдове. — Госпожа моя, ты понимаешь, почему я возражаю против ее участия в скачках. Черный жеребец огромен и могуч! Я буду считать себя виноватым, если с этим очаровательным созданием что-то случится.

— Хартагер и я — друзья, — ответила Ильди́ко. — Со времени своего появления на свет он принадлежит мне. Жеребенком он повсюду следовал за мной. Постоянно подходил и терся ухом о мое плечо. Он понимает все, что я от него хочу. И теперь, став большим и сильным, он чувствует любое мое желание и готов во всем мне повиноваться.

— Ты зародила в моей душе первые сомнения в исходе заезда.

— Господин мой, без участия моей подопечной никакого заезда не будет. Повторюсь, Хартагер не потерпит другого наездника.

Король неохотно кивнул.

— Тогда мы должны принять это условие. Но прелесть скачек для меня померкнет. Я буду больше думать о благополучии Ильди́ко, а не о перипетиях борьбы.

Вдове Тергесте не нравился ее дом в Константинополе. Стоял в тени Колонны Клавдия в ряду лучших домов города, из окон открывался вид на Мраморное море, но она находила комнаты ма-

ленькими, а фрески и мозаики тусклыми. Госпожа Евгения отдавала предпочтение более ярким тонам.

— У нас нет пурпурной ванны, — жаловалась она Ильдику, отбрасывая со лба прядь вьющихся волос. — Иметь такую может только королева или императрица. Допустим, этот богатый молодой король пустыни узнает, что ее у нас нет? Он сразу поймет, что ты не царской крови и ему не суждено жениться на тебе.

— Почему ты думаешь, что он хочет жениться на мне? — спросила Ильдику. Она стояла у окна, наслаждаясь легким ветерком с моря и думала о Хартагере. Хорошо ли ему на пастбище? Или он скучает по ней?

— Почему? — госпожа Евгения пренебрежительно фыркнула. — Он каждый день посылает тебе подарки и настаивает на том, чтобы ты принимала их, поскольку он король. Ты получила кольцо с рубином, золотое ожерелье, шкатулку, украшенную драгоценными камнями, прекрасные восточные благовония. Разве он не пишет: «Сегодня я посылаю тебе...»? Это значит, что посылать подарки вошло у него в привычку, каждодневную привычку, — ее глаза загорелись. — Интересно, что он пришлет сегодня? Уже пора.

И действительно, подарок принесли, едва вдова Тергесте успела произнести эти слова. Ильдику открыла кожаный ларец. И с криком ужаса выронила его из рук. А потом продолжала смотреть на него, словно ожидая, что из ларца выползет змея.

— Что случилось? — спросила вдова.

Девушка отшатнулась от ларца.

— Что он хотел этим сказать? Это угроза?

Евгения приказала слуге принести ей ларец, с опаской заглянула в него. Брови ее взлетели вверх.

— Нет, это не угроза. Полагаю, это знак благоволения. Тут лежит записка. Прочитать ее тебе?

— Я к ней не притронусь, — по телу Ильдику пробежала дрожь.

— Он пишет, что это уши великого короля пустыни, который пошел войной на его отца и в результате лишился ушей и носа. Они всегда приносили ему удачу, и он надеется, что точно так же послужат и тебе.

Ильдику отошла к дальней стене. Ей, несомненно, хотелось держаться как можно дальше от этого жуткого подарка. День выдался теплым, поэтому сандалии она держала в руке, чтобы плиты пола охладили ступни.

— Я попрошу Юсуфа забрать их назад. Я не должна лишать его символа удачи.

— Может, они ему и не нужны, — заметила вдова. — Нос-то он оставил себе.

А вскоре во дворец прибыл молодой король, пославший Ильдику высушенные свидетельства победы его отца. Ильдику едва успела надеть сандалии, прежде чем Юсуф вошел в комнату.

— Мое почтение, госпожа, — он поклонился вдове Тергесте. — И тебе, наша очаровательная гостья со священной горы богов. Ты получила мой подарок?

— Да, о король. Но я не считаю возможным лишать тебя столь могущественного талисмана. И прошу забрать его у меня.

Молодой король всмотрелся в Ильдику.

— Возможно, я поступил неразумно. Выказал самоуверенность. Мне действительно потребуется удача, так что не след гневить богов, — он повернулся к вдове. — Госпожа моя, ты не позволишь мне провести несколько минут наедине с твоей подопечной.

Когда вдова удалилась, не в силах скрыть торжествующую улыбку, молодой монарх шагнул к девушке.

— Очаровательная Ильдика! — золото ее волос пьянило его. Запахом они превосходили все восточные благовония. — Случилось неладное. Сначала я испугался, потому что дело касается тебя. Потом понял, что должен радоваться. Теперь я знаю, что тебе не удастся долго тянуть с ответом. Только выйдя за меня замуж, ты можешь избежать нависшей над тобой угрозы, — он помолчал. В комнате с каждой минутой становилось все жарче. Солнечные лучи, казалось, пробивали мраморные стены. — Этим утром к императору прибыли посланцы Аттилы. Ему стало известно, что ты в Константинополе, и он требует, чтобы император нашел тебя и передал его людям. Я не совсем понимаю, что все это значит? Он выбрал тебя в жены?

— Не знаю, — Ильдика заметно побледнела. — Должно быть, он прослышал обо мне... и Хартагере. Я думаю, причина в моих волосах. Он питает слабость к белокурым женщинам.

Король пустыни кивнул и сложил руки на груди.

— Как удачно все вышло, — он уже собрался объяснить, что полагает для себя удачей нависшую над Ильдикой опасность, но передумал и коротко рассмеялся. — Что тут говорить, дитя мое, я выразил свою волю. Разве этого недостаточно? Тебе остается лишь склонить голову в согласии, — последовала пауза. — Впрочем, у тебя есть еще один выход. Ты можешь отказать мне.

— К сожалению, я не могу поступить иначе.

Брови короля взлетели вверх.

— Это же невозможно. Я король! Мне должны повиноваться. Никто еще не говорил мне «нет». Даже мой отец. Слушай меня, прекрасное дитя. У меня дворец в горах, где всегда царит прохлада. И хватает льда или снега, чтобы охладить вино. Сотни слуг готовы удовлетворить любое желание. Я достаточно богат, чтобы осыпать тебя драгоценными камнями. Мне... мне трудно в это поверить, но я полюбил тебя. Разве тебе мало, что я, которому и нужно-то лишь хлопнуть в ладоши, произношу столь длинную речь, объясняя свои резоны, словно заштатный придворный.

— Но... я дочь вождя гордого народа. Мой отец — старик и уже не так деятелен, как бывало, но слуги бегут к нему по хлопку его ладоней.

— Тогда я изложу тебе свой план. Ты выйдешь за меня замуж. Немедленно. В течение часа. И император скажет посланцам Аттилы: «Да, госпожа Ильди́ко здесь, но она жена Юсуфа Даведского». Иначе нам тебя не спасти. Или ты думаешь, что император откажет им? Он не посмеет. Он старый, многое повидавший солдат и не станет ссориться с ужасным гунном из-за одной девушки. Нет, он проявит благоразумие и выдаст тебя.

Ильди́ко задумалась. Она понимала, что слова Юсуфа недалеки от истины. Ее присутствие в городе ни для кого не тайна. Восточная империя уже многие годы пляшет под гуннскую дудку. Ее безусловно выдадут посланцам Аттилы. И уж конечно лучше выйти замуж за симпатичного восточного правителя, чем идти в рабство к Аттиле. И все-таки она не могла заставить себя согласиться. Что-то ее пугало. Дилемма казалась неразрешимой.

— Это мужчина? — резко спросил Юсуф. — Ты в кого-то влюблена?

— Я... я не уверена.

— А я вижу, что уверена. Если это мужчина, я должен о нем знать.

— Я думаю о мальчике, который рос вместе со мной и моим братом, — ответила Ильди́ко. — С тех пор я видела его лишь однажды. И есть причины для того, чтобы я его навсегда забыла.

Король заходил по комнате, не отрывая глаз от выложенного плитам пола, обдумывая вновь открывшиеся обстоятельства. Резко остановился, сдернул с пальца кольцо с бриллиантом, подставил его под солнечные лучи, чтобы оно засверкало, а затем внезапно отбросил в сторону, даже не посмотрев, куда оно упало.

— Я намеревался предложить это кольцо тебе. Но хватит подарков. Мое последнее предложение тебе, упрямая дочь солнца. Мы сделаем ставки.

У Ильди́ко округлились глаза. Какие ставки?

— Ставки на заезд, в котором примут участие прекрасные, легкие как ветер лошади пустыни и огромный черный жеребец. Заезд проведем немедленно. Без всякой огласки. Завтра, если сумеем подготовить трассу за воротами. В крайнем случае, днем позже. Если одна из моих лошадей выиграет, а я, признаюсь, не ожидаю иного результата, ты выйдешь за меня замуж. Если выиграет черный жеребец, я устрою тебе побег из города. Я готов положить на это жизни моих охранников, всех двадцати. На это ты согласишься?

— Почему ты думаешь, что сумеешь организовать мой побег?

— У меня есть план. Хороший план. Опасность будет грозить тем, кто останется в Константинополе, но не тебе, — король пристально посмотрел на Ильди́ко. — Ты спрашиваешь себя: «Если этот план так хорош, почему не реализовать его тотчас же»? Если ты думаешь об этом, признаюсь, что я не столь великодушен. Я очень тебя люблю. И не хочу упускать шанс заполучить тебя.

Отчаяние, охватившее было Ильди́ко, уступило место надежде на спасение. Она, как и король, тоже не сомневалась в исходе

заезда. Хартагера этим легким лошадям из пустыни не победить! Она знала, что он будет первым.

— Так что? — нетерпеливо спросил король. — Никак не можешь принять решение?

— Я согласна, — выдохнула Ильдико.

К вечеру погода переменялась и с Мраморного моря задул ветер, достаточно сильный, чтобы раскачивать висящую на цепи под потолком серебряную масляную лампу.

— Я получила два сообщения, — вдова смотрела на лежащую на ее тарелке рыбу, залитую ароматным соусом. — Одну от короля, который жаждет стать твоим мужем. Он извещает, что трасса требует дополнительной подготовки и на это уйдет два дня.

Ильдико ела безо всякого аппетита.

— Это хорошо. Я смогу хоть раз проскакать по ней на Хартагере. Трасса непростая.

— Как у него настроение?

— У кого? Хартагера? Моя дорогая тетушка, ты опять смеешься надо мной. Ты вот мне не веришь, а я понимаю все, что творится в его прекрасной голове. Так вот, он уверен в своей победе не меньше нашего. Ему не нравятся арабские лошади. Они стоят кучкой и шепчутся о нем. Настроены враждебно. Сулейман трясет гривой. Дорогая тетя, он решил скакать очень быстро, чтобы выиграть с большим запасом.

— Я надеюсь, ты сказала ему, во что мне станет его поражение.

— Нет, насчет денег он ничего не понимает.

Евгения сочувственно глянула на свою подопечную.

— Допустим, что-то пойдет не так и он проиграет?

Ильдико погрустнела.

— Если он проиграет, тогда... тогда я проведу остаток жизни в жаркой пустыне, став одной из жен гордого и вспыльчивого восточного короля. Я уверена, у него есть другие жены.

Евгения наклонилась вперед и похлопала Ильдико по руке.

— Две. Я узнавала. Но он не обращает на них внимания. Ты станешь его любимицей, в этом сомнений у меня нет.

— Пока он не женится снова. Боюсь, мне придется носить чадру.

Вдова кивнула.

— Если я правильно оценила этого молодого человека, он не потерпит никаких изменений в обычаях. Я наблюдала за ним и заметила, что он рассердился из-за того, что двое стариков, пришедших с ним, увидели твое лицо. Меня не удивит, если по прибытии домой он прикажет отрубить им головы.

Ильдико помолчала.

— Хартагер должен выиграть, — несколько мгновений спустя твердо заявила она. — Должен.

— Он выиграет, дитя мое. Только шепни ему на ухо, сколь важен для тебя этот заезд.

— Это я уже сделала.

Вдова принялась за рыбу.

— Теперь о другом сообщении. Кажется, теперь я... действительно стала вдовой.

Ильдико вскинула голову.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Что раньше вдовой я не была. Мой третий муж, глупый и злобный старик, исчез, а потом пошли слухи, что он умер. К тому времени я уже поняла, что вдовой быть не так уж и плохо, и склонялась к тому, чтобы в них поверить. Но полной уверенности у меня конечно же не было. Я подозревала, что он где-то затаился, с тем чтобы объявиться после того, как я, не выдержав одиночества, вновь выйду замуж. В этом случае он мог загрести всю собственность, которую оставил мне. И я решила оставаться вдовой, выбросив из головы все мысли о новом замужестве.

— А теперь ты уверена, что он умер?

Новоиспеченная вдова кивнула.

— Он мертв как великий Цезарь. В письме указаны все подробности. Он тайком поселился в Антиохии с полудюжиной рабов и молодой толстушкой-любовницей. Я полагаю, любовница терпела его, сколько могла, а потом сыпанула яду ему в суп. Какое счастье ощущать себя абсолютно свободной. Теперь я могу делать все, что пожелаю. Полагаю, я снова выйду замуж.

— Надеюсь, на этот раз ты не выйдешь за богатого старика, — предположила Ильдико.

— Мужчина, который станет моим мужем, должен быть не старше меня, симпатичным, патрицем, и иметь какие-то деньги. Не слишком большие. Богач будет помыкать мной и смотреть на меня сверху вниз. С другой стороны, нищий мне не нужен, потому что со временем я начну презирать его.

— Ты предпочтешь римлянина?

Быстрый ответ вдовы показал, что она, как и прочие граждане империи, ставили Рим превыше всего.

— Естественно. Но он не должен заниматься политикой. Я хочу, чтобы этот остался со мной подольше. Четыре мужа — это много, даже если один из них стал жертвой обстоятельств. Пятый муж — это уже кошмар. Я стану объектом насмешек. Люди будут указывать на мужчину и говорить: «Хоть этот-то никогда не женился на той женщине из Тергесте», — вдова вздохнула. — Не знаю, почему я вышла за этого костлявого старикашку с реденькой бороденкой. Разумеется, он был очень богат. Мой первый муж, — продолжила она, — был префектом одного из районов Рима. Можешь себе представить, какими он ворочал деньгами. Мой второй муж оказался большим шутником. Проходил по всем и каждому. К сожалению, героями некоторых его особо дерзких острот стали влиятельные сенаторы и военные. Они решили, что грех расточать такой талант на смертных и он достоин того, чтобы развлекать своими шутками богов. Так как человеком он был из-

вестным, казнь ему подобрали соответствующую: залили горло расплавленным золотом. А вот с третьим мужем я допустила ошибку. Я знала это с самого начала, но он проявил дьявольскую настойчивость, и я уступила, сказав «да». Видишь ли, он был плебеем и патриции всегда смотрели на него с презрением. Но он так старался добиться их благосклонности! Понимаешь, он придумал способ подавать в бани очень горячую воду, и со всех, кто ею пользовался, взимал особую плату. Можешь представить себе, что это значило? Только общественных бань в Риме несколько сотен. И, разумеется, богатые люди хотели иметь горячую воду в своих дворцах. Им тоже приходилось платить. Один сенатор принимал горячую ванну чуть ли не семь раз на день. После его смерти говорили, что избыток водных процедур и убил его. Мой муж яростно это отрицал. Заявлял, что горячая вода еще никому не вредила.

— А он часто принимал ванну? — спросила Ильдиико.

— Он терпеть не мог мыться. Он весь день собирал деньги с бань, так что вечером, приходя домой, хотел забыть о горячей воде. В Риме над ним, конечно, потешались. Называли Цезарем чистоты. Предполагали, что в случае призыва в армию он встанет в строй со щитом, украшенным полотенцем. Все это и заставило его сбежать на Восток, распуслав слухи, что он умер. Все эти годы я не знала, жив он или действительно отправился на тот свет, — вдова печально вздохнула. — Теперь, после официального известия о его смерти, Сенат может отказаться платить мне налог на горячую воду.

ГЛАВА 2

1

На следующий день ранним утром высокий бритонец стоял на каменных ступенях пристани, куда доставила его рыбацкая лодка, и взирал на дворцы и храмы Константинополя. Он ожидал увидеть второй Рим, но с приближением к городу, качаясь на волнах Мраморного моря, Ивар заметил, сколь разнятся столицы Западной и Восточной империй. На Константинополе лежала печать Востока: круглые купола, минареты, варварские (как казалось Ивару) цвета. До ушей долетали чуждые ему звуки: греческий язык, заменивший латынь, крики верблюдов, непрерывный перезвон колоколов.

С утра уже стояла жара, но ветерок с моря приятно охлаждал кожу.

С верхней ступени его окликнул мужчина. Ивар покачал головой, показывая, что не понимает. Лысый толстяк, что обратился к нему, руководил разгрузкой рыбы с лодки, на которой Ивар приплыл в Константинополь.

— Кто ты? — спросил толстяк вновь, на этот раз на латинском.

— Я родился в далекой стране, о которой ты, должно быть, и не слышал. Я бритонец и зовут меня Ивар.

— Этим людям не разрешено возить чужестранцев. Как ты попал на борт?

— Я ничего им не платил, если тебя интересует именно это. Но, если баркас принадлежит тебе, я заплачу, сколько ты сочтешь справедливым. Я объяснил твоим людям, почему мне нужно срочно попасть в Константинополь, и они мне поверили.

Толстяк хмыкнул.

— Ты мог бы помочь нам с разгрузкой.

Ивар взял сеть с рыбой, которую рыбаки с трудом поднимали втроем, забросил за плечо и понес к повозке, что стояла на пристани. Толстяк в изумлении смотрел на него.

— Гладиатор! Тебе не нужна работа?

Ивар покачал головой.

— Мне нужно найти один дом. Не поможешь ли ты мне?

— После того, как мы закончим разгрузку.

Склад купца находился неподалеку от пристани. Толстяк осушил кружку вина, но Ивару выпить не предложил.

— Слушаю тебя.

Ивар понизил голос.

— Я надеюсь, что опередил посланцев Аттилы. Я должен предупредить двух женщин, что они должны покинуть Константинополь до их появления в городе. Если этого не произойдет, твоему императору придется принимать трудное решение. Дело может кончиться войной.

При упоминании имени Аттилы толстяка передернуло.

— Видишь тот белый дворец. Это Августеон. Расскажи свою историю там.

— Не уверен, что это разумный выход. Может, твоему императору не следует знать о женщинах, которых я ищу. И потом, посланцы Аттилы могли уже приехать. Я бы предпочел найти своих друзей и переговорить с ними.

Толстяк, похоже, с ним согласился.

— Мое имя Полотий, — неохотно пробурчал он, словно шел на большую жертву, называясь незнакомцу. — Гунны уничтожили деревню, из которой я родом¹. Они согнали всех в церковь и подожгли ее. Там погибли два моих брата. Есть человек, к которому я могу тебя послать.

И Ивар ступил на улицы этого странного, не похожего ни на какой другой, города. Человек, к которому он пришел от рыбного торговца, направил его к другому, тот — к третьему, но наконец Ивар оказался у ворот дома, расположенного рядом с Колонной Клавдия. Слуга подозрительно всматривался в него с другой стороны железной решетки ворот.

— Чего тебе?

— У меня послание для твоей госпожи.

¹ До походов в Галлию и на Рим Аттила неоднократно и успешно воевал с Восточной империей, которая долгие годы платила ему дань

— У тебя? Моя госпожа прикажет высечь меня, если я пущу тебя в дом.

— Меня зовут Ивар, — терпеливо начал бритонец. — Иди и доложи о моем прибытии своей госпоже. Она захочет меня принять.

— Проваливай, — слуга забрался на ворота, чтобы через верх разглядеть настырного оборванца.

Ивар оглядел ворота, взялся за решетку руками. Не особо напругаясь, снял с петель вместе со слугой и понес к дому.

— Это еще что такое?

Ивар сразу узнал и голос, и его обладательницу, да и девушка, похоже, запомнила здоровяка, хотя видела его раз в жизни.

— Второго такого силача нет. Ты из Британии. Тебя зовут Ивар.

— Да, я Ивар, — кивнул бритонец. — Я привез послание от твоего отца.

Ильдико повернулась к слуге.

— Немедленно скажи своей госпоже, что у нас гость. А потом собери людей, чтобы они поставили ворота на место, — на ее лице отразилась озабоченность. — Что с отцом? Он... он нездоров?

— Я провел у него не больше часа, поскольку он поручил мне дело, не терпящее отлагательств. Мне показалось, что он болен и сильно ослабел.

— Я должна ехать немедленно. Иначе не успею увидеть его.

— Моя госпожа, я прибыл с тем, чтобы предупредить, что домой тебе нельзя, — он передал Ильдико слова Мацио и его настоятельный совет незамедлительно возвращаться в Тергесте.

Ильдико хмурилась, слушая его.

— Люди Аттилы уже здесь. Они прибыли два дня тому назад.

Высокому бритонцу в ее словах послышался упрек, и он поспешил объяснить причины своей задержки.

— Быстрее я идти не мог. И люди мне попадались какие-то странные. Я не понимал ни слова из того, что они говорили. Поэтому часто выбирал не ту дорогу.

— Не думай, что я тебя виню, — успокоила его Ильдико. — Просто чудо, что ты добрался сюда. Дорога далась тебе нелегко?

— Досаждали жара и пыль. Мне все время казалось, что я вот-вот задохнусь. Я не решался пить воду, а трактирщики обсчитывали меня, когда я покупал у них вино.

— Ты прошел весь путь пешком?

Бритонец улыбнулся.

— Как еще я мог попасть сюда? Наездник из меня никакой. Лошадь это чувствует, как только я сажусь в седло, а потому скачет не куда мне надо, а куда ей хочется. Разумеется, я шел пешком. Плыть на корабле вокруг Греции слишком долго.

— Так пройдем в дом. Евгения будет рада тебе. И мы обговорим наши планы на будущее.

Вдова действительно обрадовалась Ивару. Оценивая его с головы до ног.

— Так это ты. Мне показалось, что я увидела тебя в саду, но полной уверенности у меня не было, — тем не менее, вдова подготовилась к встрече. Ивара она принимала в парадном наряде, выдержанном в синем и песочном цветах, которые более всего ей шли. На ноги она надела золотые сандалии, украшенные драгоценными камнями, какие, как правило, носили только жены правителей. — При каждой нашей встрече я должна заново знакомиться с тобой. Ты все время меняешься. В последний раз у тебя было круглое лицо и румянец во всю щеку, как у ребенка. Теперь ты загорел, словно арабский вождь, и стал худым, как тростинка.

— Я терял вес с каждым сделанным мною шагом, — пояснил Ивар.

— Мне-то казалось, что ты давно возвратился на родину.

Ивар нахмурился.

— Это желание не оставляло меня. Но как я мог туда попасть? После ухода римлян корабли в Британию не ходят. Мне бы пришлось пробираться сквозь дремучий лес, чтобы выйти на берег Канала. А переправясь я через него, нашел бы хоть одного знакомого мне человека? Чем бы я зарабатывал там на жизнь? Торговать я не умею, а жизнь тех, кто работает на земле, ничем не лучше, чем у рабов.

— Это здравые рассуждения, — покивала вдова. — Мой тебе совет — оставайся здесь и забудь про свой маленький остров дикарей.

Чтобы обсудить положение дел, Евгения увлекла Ивара и Ильдико в угол.

— Этим утром я получила записку от нашего друга из пустыни, — прошептала она. — Он говорит, что у городских ворот выставлена дополнительная стража. Он полагает, что император прикажет выставить охрану у нашего дома.

— Значит, скачки отменяются, — в голосе Ильдико слышалось облегчение. Последствия поражения более не грозили ей, хотя над ней нависла другая опасность.

Вдова покачала головой.

— Заезд состоится. Юсуф об этом позаботился. Он побывал у императора и рассказал ему о наших намерениях. Ты помнишь, Ильдико, император присутствовал на обоих скачках, выигранных Хартагером, и чуть не сошел с ума от возбуждения. Узнав о предстоящем заезде, он заявил, что ничего менять не надо. А вдоль трассы он приказал поставить своих гвардейцев, чтобы мы никуда не делись.

— Значит, побег невозможен! — воскликнула Ильдико.

— Мы убежим, несмотря на все усилия императора и его доблестной гвардии. Юсуф заверил меня, что волноваться не о чем. Если

мы выедем за ворота, ничто не помешает успешной реализации его плана. Но он надеется, что прибегать к этому плану не придется. Поскольку уверен в победе Сулеймана.

Ильдико помрачнела.

— Мы поставлены в неравные условия. Они знают, что шанс на выигрыш есть только у Сулеймана, так что остальные участники заезда попытаются придержать Хартагера.

— Король слишком честен, чтобы идти на такое! — воскликнула вдова. — Ему не нужна победа, добытая подобными методами. Я уверена, он не позволит своим наездникам помешать нам.

— Бояться надо не наездников, — вздохнула Ильдико. — Лошадей.

— Ты хочешь сказать, что другие лошади сделают все, чтобы преградить Хартагеру путь к победе? — вскричала Евгения.

— Совершенно верно.

Вдова отреагировала мгновенно.

— Ерунда! Или ты будешь утверждать, что узнала об этом у Хартагера?

— Дорогая тетя, мой народ разводит лошадей многие столетия. Мы знаем такое, о чем другие не имеют ни малейшего понятия. Когда я была маленькой, мой отец научил одну лошадь считать. Бывало он говорил ей: «Два и три», — и она пять раз кивала. Что ты на меня так смотришь? Я говорю правду. Потому что видела это собственными глазами.

— Ерунда! — повторила Евгения. — Ты еще скажи, что лошади умеют разговаривать.

— Нет, — последовал ответ, — разговаривать они не умеют, но общаться могут. Они всегда знают, когда будут скачки. Иной раз они решают, кому побеждать в заезде. Арабские лошади не любят Хартагера. Он кажется им монстром. Они не хотят его победы. И завтра приложат все силы, чтобы этому помешать.

Евгения покачала головой.

— И все-таки я не могу в это поверить. Я очень надеюсь, что все это досужие выдумки, потому что в противном случае, если они не дадут Хартагеру разогнаться, я потеряю целое состояние. И у тебя, дитя мое, есть основания опасаться за исход заезда. Но, если мы сможем выбраться за ворота, если черный жеребец победит, нам придется сразу же уезжать. Поэтому пора готовиться к отъезду. Пойду отдам моим людям соответствующие указания.

Она двинулась к двери, но задержалась перед Иваром. Его туника была завязана на шее шнуром с кисточками на концах. Легонько ударила по одной из кисточек, и она подскочила вверх, шлепнув Ивара по носу.

— Хорошенькое время выбрал для возвращения, — улыбнулась вдова и выплыла из комнаты.

Ивар повернулся к Ильдико.

— Что это с ней? — недоуменно спросил он.

Ильдико с трудом сдержала улыбку.

— А ты не догадываешься?
— Не имею ни малейшего понятия.
— Дело это деликатное, а мы совсем не знаем друг друга. Но я думаю, что этим она показала, что выбрала тебя.
— Выбрала меня? Для чего?
— Она решила, что ты станешь ее следующим мужем.
От изумления у здоровяка-бритонца отвалилась челюсть. Он вытаращился на Ильдику, на какое-то время лишившись дара речи. Потом печально улыбнулся.
— Ты смеешься надо мной.
— Нет, не смеюсь. Я абсолютно серьезна. Видишь ли, я уже хорошо ее изучила. И могу сказать, что она буквально рвется замуж.
— Но... не за меня же! Я варвар. Бывший раб. У меня нет ни земли, ни денег. Несколько монеток в кошельке — все мое достояние. Такое просто невозможно.
— Нет, она настроена решительно. Хочет за тебя замуж. Я заметила, как загорелись ее глаза, когда она вошла и увидела тебя. Бритонца на убедили слова Ильдику.
— Это долго не продлится. Скоро она передумает.
— На это и не надейся. Говорю тебе: если она чего решила, то сделает обязательно. И твое мнение в расчет братья не будет. Если ты не хочешь стать ее четвертым мужем, тебе остается только одно.
— Что же?
— Уйти. В эту самую минуту. Не через ворота, где тебя могут увидеть. Через калитку в стене. И никогда сюда не возвращаться.

ГЛАВА 3

1

Наутро они уже собирались выехать из дома, когда Евгения заметила у ворот человека в бронзовом шлеме.

— Они явились, — предупредила она Ильдику. — Держись подальше от окон.

Достав рулон черной материи, она начала обматывать голову Ильдику, пока золотые волосы не исчезли.

— Теперь тебя не узнают, — заявила вдова.

Ильдику не любила надевать что-либо на голову. Вот и теперь заикнулась о том, что такие предосторожности ни к чему. Все равно люди Аттилы знают, что она в Константинополе.

— Нам не известно, знают ли они что-то еще, — возразила вдова. — Это самый большой город в мире. Придворным, возможно, достанет ума держать рот на замке. В этом случае гуннам придется попотеть, разыскивая тебя по всему городу. Нам сегодня

ехать на другой конец Константинополя, так что тебе нет нужды выставлять свои знаменитые волосы напоказ всему городу.

Начальник караула внимательно прочитал имеющийся у него приказ, прежде чем распорядился отворить ворота.

— Вас должно быть трое. Двое мужчин и одна женщина. А это кто? — он подозрительно посмотрел на неловко сидящего на лошади Ивара. — Это он вчера снял ворота с петель? Мне рассказали об этом твои слуги.

Увидев утром Ивара, Ильдико чуть улыбнулась ему, как бы говоря: «Значит, ты все-таки решил остаться».

— Он снял ворота, — подтвердила Евгения.

Капитан с уважением оглядел могучий торс британца.

— Говорят, один из евреев вот так же поднял городские ворота. Кажется, его звали Самсон.

— Никогда о нем не слышала, — заявила вдова. — Это мой друг и зовут его не Самсон. Он едет с нами на скачки.

Капитан тяжело вздохнул.

— Все сегодня едут на скачки. А мы должны стоять в карауле, дабы ублажить каких-то гуннов, присланных Аттилой, — знаком он предложил им продолжать путь. — Я капитан императорской гвардии. Должен ли я задавать вопросы, ответами на которые интересуются эти жаждущие крови гунны? Я не видел этого богатыря, что поднимает ворота. Проезжайте, благородные дамы. И я надеюсь, — тут он подмигнул Ильдико, — что большой черный жеребец и сегодня одержит победу.

Легкой рысью они проскакали мимо библиотеки, повернули на дорогу, огибающую бани Зеуксиппа. Громада ипподрома возникла впереди, не уступающая размерами знаменитым аренам Рима. Из-за его стен не доносилось ни звука.

Вдова повернулась к Ильдико.

— Сегодня гонок колесниц нет. Капитан, похоже, прав. Тайное стало явным, и народ собирается посмотреть на наш заезд.

— Хартагера зрители не волнуют. Наоборот, ему нравится, когда за его бегом смотрит много людей.

Они свернули на Месе, торговую улицу города. Тишина и безлюдье уступили место шуму и толкотне. Всадники, повозки с товаром, пешеходы, кричали, торговались, покупали, продавали. Они не привлекали ни малейшего внимания, пока не поравнялись с акведуком. И тут какой-то мужчина, торопливо шагающий босиком, внезапно остановился.

— Это она! — крикнул он, указывая на Ильдико. — Девушка, что ездит на черном жеребце!

— Я не вижу твоего рукава, но чувствую, что на нем зеленая нашивка, — ответил ему чей-то голос из толпы. — Кто еще, как не Зеленый, может утверждать, что такая малютка может ездить на том жеребце?

— Твои слова выдают тебя с головой. У всех невежд на руках синие нашивки, — не остался в долгу босоногий. — Клянусь тебе, это она. Я знаю это по тому, как она держит голову, как сидит на лошади.

— А я клянусь железными когтями Молоха, что мы все невежды и слепцы, как Синие, так и Зеленые, — заявил Синий. — Бредом, как стадо баранов, на этот заезд и не замечаем, что тем самым мы ставим крест на наших любимых гонках колесниц, а может, и на Зеленых и Синих. Ты знаешь, что ипподром сегодня пуст? Ты знаешь, что император уже в своей ложе, чтобы не упустить ни минуты увлекательного зрелища? Говорю тебе, с этого дня все переменится.

— Гонки колесниц останутся навсегда! — возразил ему Зеленый.

— Мне очень хочется согласиться с тобой. Но я не знаю случая, чтобы Зеленый хоть в чем-то оказался прав!

Вдова и Ильдико предпочли прибавить ходу, не дожидаясь окончания спора. Ивар, замыкающий маленький отряд, с трудом поспевал за ними.

2

Трассу заезда, длиной от одной до двух миль, проложили на ровной полоске земли между холмами и акведуком. На высоких столбах, служащих маркерами, под утренним ветерком развевались флаги. Толстым дерном и низко скошенной зеленой травой трасса напоминала Елисейские поля, где боги любили скакать на своих крылатых лошадях. Внутри овала, у того места, где лошадям предстояло финишировать, воздвигли трибуну для судей. За ней находились стойла.

На другой стороне старый дворец переоборудовали в императорскую ложу, разобрав мраморный фасад. Там уже восседал Марциан, суровый и важный. На нем была белоснежная тога и пурпурная накидка.

Старый император не обращал внимания на окружающие его шум и суету. Появлялись и исчезали курьеры. На всех углах стояли гвардейцы. Солнечные лучи отражались от их щитов, шлемов, панцирей. Оркестр, расположившись на земле перед императорской ложей, непрерывно исполнял какие-то восточные мелодии. Дамы за спиной императора о чем-то судачили. Рядом с оркестром накрыли большие столы. На них желающие могли найти бесплатную выпивку и питье. Если, конечно, им удалось бы пробиться сквозь толпу, облепившую каждый стол.

Однако многие уже заняли места у края дистанции и не польстились на дармовщину, справедливо полагая, что поев и выпив, им уже придется наблюдать за заездом через головы других. А народ все прибывал и прибывал.

Проезжая мимо небольшой группы людей, они услышали, как кто-то крикнул: «Неужели наш старик совсем выжил из ума? Говорят, он поставил на черного жеребца». Однако тут же раздался голоса, одобряющие выбор императора. Однако, прокладывая путь сквозь толпу, они все чаще слышали: «Сулейман! Сулейман! Сулейман!» Чувствовалось, что роль фаворита зрители отводили лошади короля Юсуфа.

Сам Юсуф встретил их у городских ворот на великолепной черной кобыле. Поклонился Ильдико, ни словом не обмолвившись о ее наряде, и о чем-то тихо заговорил с Евгенией. Затем, взмахнув украшенной драгоценными перстнями рукой, исчез в толпе. Вдова наклонилась к Ильдико.

— Он просил ни о чем не беспокоиться. К побегу все готово.

— Он очень уверен в себе, — помрачнела Ильдико.

Она подумала о том, что брачный союз с королем пустыни, несомненно, имел свои плюсы, но на Востоке понятия жены и рабыни практически означали одно и то же. Они должны победить, сказала она себе.

Более не привлекая внимания, они подъехали к импровизированной конюшне. Тут к ним направился Бореан, на которого возлагалась забота о Хартагере. Его лоб покрывали капельки пота.

— Госпожа моя, я боялся, что ты не доберешься до нас. Мне сказали, что все дороги забиты народом.

— Успокойся, — вдова огляделась. — Мы уже здесь. Как наш король?

Бореан нахмурился, поскреб небритый подбородок.

— Все время вертит головой. Ищет свою любимицу. Никогда не видел его в таком состоянии. Он закатывает глаза и бьет хвостом.

В дальнем конце конюшни Ильдико заметила черного жеребца, окруженного конюхами. Ей показалось, что нервничает он ничуть не меньше Бореана. Если кто-то пытался подойти ближе, в воздух взмывало копыто, останавливающее смельчака на полпути. Не признал он и Ильдико.

— На таком состоянии он может рассчитывать только на зрение, — прошептал Бореан. — Его сбивает с толку эта черная ткань на твоей голове. Не подходи к нему вплотную, пока он не признает тебя.

Но Ильдико не испытывала страха.

— О король! — воскликнула она. — Красавец ты мой, я здесь.

Без колебания она подошла к нему, положила руку на его шелковистую гриву.

— Разве ты меня не узнаешь? О великий, я должна носить на голове эту отвратительную повязку, но она мне совсем не нравится. Тебе понятны мои чувства. Ты же помнишь, как тебе покрасили звезду на лбу и накинули на тебя попону простой вьючной лошади.

Тревога Хартагера бесследно исчезла. Он тряс головой, весело бил копытом, громким ржанием приветствовал появление своей наездницы.

— Король, — прошептала Ильдико, — сегодня мы должны мчаться, как никогда раньше. Мы должны поймать ветер, за которым так часто гонялись в горах, но так никогда и не поймали. Эти маленькие лошади пустыни быстры, мой великий король, но ты... ты без труда справишься с ними.

На судейской трибуне пропел горн. Легкая дрожь пробежала по телу черного жеребца. Он поднял голову и начал поворачиваться. Хартагер знал, что означает сей звук.

Ильдико сбросила накидку, в которой приехала из города, постояла, глядя на видимый через окно кусочек трассы. Она выглядела такой хрупкой и юной в белых тунике и юбке-брюках, позволяющих ей сидеть на лошади по-мужски. С сомнением взглянула на сапоги. Мужские, на несколько размеров больше, они грозили в любой момент свалиться с ее миниатюрных ножек.

«Они и свалятся, — подумала она. — Так было всегда. И люди бросятся к ним и будут из-за них драться. Почему бы мне не снять их прямо сейчас? Но мысль эту она отвергла. И так многим не нравилось участие в скачках женщины.

Она положила руку на холку Хартагера и одним прыжком оказалась на спине. Бореан разомкнул цепи. Пятясь, Хартагер вышел из стойла. Вскинул голову и громко заржал, вызывая соперников на бой.

— Он знает! — воскликнул Бореан.

Ильдико наклонилась к самому уху черного жеребца.

— Мой король, — прошептала она с полными слез глазами, — ты должен сегодня победить, или у меня будут серьезные неприятности. Меня увезут. В страну, где одни арабские лошади. Более я никогда тебя не увижу. Не увижу тех, кого люблю. А я, о король, очень, очень их люблю! Мне бы лучше умереть, чем уехать от них. Сегодня ты должен сделать все возможное и невозможное для своей наездницы!

Бореан оглядел могучего жеребца.

— Сегодня он будет бежать, как никогда! — уверенно воскликнул он.

Но стоящие вокруг конюхи не разделяли его энтузиазма.

— Шансы араба предпочтительнее, — услышала Ильдико слова одного из них. Похлопала Хартагера по левому уху и выехала на яркий солнечный свет.

Ильдико первым делом бросила взгляд на императорскую ложу. Император, чуть наклонившись вперед, с нетерпением ждал начала заезда. Под ложей продолжал играть оркестр. На скамье, чуть в стороне от оркестра, она заметила трех темнолицых мужчин в красных войлочных шапках, что носили в армии гуннов. И мысленно поблагодарила Евгению за черную ткань, которой та обмотала ей голову. Озабоченно поправила повязку, дабы она не слетела по ходу скачек.

Собравшаяся толпа затаила дыхание, когда она направила черного жеребца к стартовой линии.

Арабские лошади гуськом вышли с другой половины конюшни. Возглавлял колонну Сулейман. Во всяком случае, Ильдико решила, что первым из пяти идет Сулейман, поскольку раньше не видела ни одной из лошадей. Наездник Сулеймана был в пурпурном тюрбане, с пурпурными же нашивками на рукавах. Держался он очень уверенно.

Стартовая позиция Ильдико не понравилась. Сулейман бежал по центру (неудивительно, он принадлежал королю). Слева от него заняли места Туркоман и Сайтиан. Еще одна арабская лошадь встала между Сулейманом и Хартагером, а последняя — справа от Хартагера. Черный жеребец оказался в арабских клещах.

— Я возражала, — объяснила ей свое согласие Евгения по пути из города, — но Юсуф заверил меня, что нам нечего опасаться какого-либо подвоха. До первого поворота больше четверти мили, так что самый быстрый войдет в него первым вне зависимости от стартовой позиции.

Мальчишка, который все время болтался в конюшне (говорили, что он сын владельца луга, на котором проводился заезд), стараясь чем-то помочь, что-то спрашивая, очутился рядом с Хартагером.

— Госпожа моя, — воскликнул он, глядя на Ильдико, — мой уважаемый отец ошибается. Как ошибаются и многие другие уважаемые отцы, которые боятся арабов. Госпожа, черный выиграет. Утром он позволил мне постоять рядом с ним. Всего минуту, госпожа. Я знал, что он злится, потому что вокруг одни незнакомцы, а он скучал без тебя. Борьбы он не боится. Он принял решение победить!

— Как тебя зовут, мальчик?

— Малхуди, госпожа.

— От твоих слов мне стало легче на душе, Малхуди.

— Но, госпожа, — озабоченно продолжил мальчишка, — тебе не выиграть с этой повязкой на голове. Перед финишем ты всегда распускаешь волосы. Не знаю, что это значит, но без этого никак нельзя.

— Может, ты и прав, Малхуди.

Лошади выстроились в колонну и прогарцевали перед императором. Сулейман — первым, Хартагер — шестым. Затем все вернулись на старт. Ильдико посмотрела на наездников справа и слева от нее. Не прочитала в их лицах ни злобы, ни угрозы. Наоборот, они ей улыбнулись, продемонстрировав великолепные белоснежные зубы. Один что-то сказал на арабском, второй перевел на латынь.

— Он говорит, что сегодня будут прекрасные скачки, белокурая госпожа.

Но когда грохот цимбал бросил лошадей вперед, ее худшие страхи подтвердились. Лошадь справа приблизилась вплотную, так, что нога ее наездника коснулась Хартагера. Лошадь слева оказалась чуть впереди. Ильдико дернула Хартагера за ухо, чтобы тот сбавил

ход и двинулся к центру, но не тут-то было. Третья лошадь загрозила путь. Три арабских скакуна буквально взяли Хартагера в кольцо. А Сулейман уже мчался к повороту. Один!

Ильдико поняла, что спасут ее только решительные меры. Ногой толкнула черного жеребца в бок, переводя его на шаг. Другие лошади не смогли так резко сбросить скорость, и Ильдико сумела бросить Хартагера вправо.

— Быстрей, быстрей, быстрей! — закричала она.

Она знала, что по краю трассы земля не такая ровная. Она знала о дренажной канаве шириной в четыре фута. Но ничего другого ей не оставалось. Хартагер поначалу двигался осторожно, а потом начал прибавлять в скорости. Главного она добилась: вырвалась из арабских тисков.

— Скорее, король, скорее!

Хартагер уже не скакал, а летел. Арабские скакуны, поняв, что их затея не удалась, бросились следом. Но их уже разделял целый корпус. И догнать черного жеребца они не могли.

4

Евгения стояла под императорской ложей и плакала. Из-за спин и голов людей она не видела трассы. Но Ивар, возвышающийся над всеми, докладывал ей о происходящем.

— Мы проиграли, — всхлипнула вдова. — Ну почему я согласилась поставить Хартагера между арабами. Я же чувствовала, что они задумали.

— Я ничего не понимаю в скачках, — прокомментировал увиденное Ивар, — но мне кажется, тут какой-то подвох.

Сулейман-то вырвался далеко вперед.

Внезапно толпа взревела. Евгения схватила Ивара за руку.

— Что такое? Что случилось?

Бритонец ответил, но слова его поглотил рев толпы.

— Громче! — вскричала Евгения. — Говори громче!

— Она вырвалась!

— Вырвалась? Это потрясающе. Ильдико, дитя мое, как я могла в тебе сомневаться.

— Хартагер буквально летит над травой.

— А я этого не видела! Какая паршивая, провинциальная трасса, где никто ничего не видит. Почему я своими руками загнала Ильдико в эту ловушку? Почему, почему дала уговорить себя этому сладкоголосому сыну Сатаны.

Рев толпы становился все громче.

— Ивар, Ивар! — кричала Евгения. — Есть ли у нас шанс?

Бритонец не отрывал взгляда от трассы, а в голосе его слышались нотки сомнения.

— Еще трудно сказать. У другой лошади большое преимущество. Надежда, конечно, есть, но...

К Евгении начала возвращаться уверенность.

— Проигрывают только после отмашки на финише.

Хозяин Сулеймана, улыбающийся во весь рот «сын Сатаны», подошел к ним. Король Даведы вел себя сейчас как простой смертный. Предвкушение победы озаряло его лицо.

— Забег выигран, — сказал он вдове. — Но наша белокурая красавица — настоящий боец и постарается не сдаться без боя.

— Черный сокращает расстояние, — возвестил Ивар. На таком расстоянии лошади казались игрушечными.

— Чудес не бывает, — гнул свое король.

Толпа взорвалась аплодисментами.

— Что там такое? — внезапно обеспокоился Юсуф.

— Черный обошел Сайтиана, — без запинки ответил Ивар, благо ему никто не мешал наблюдать за происходящим на дистанции.

— И это все, — у Юсуфа отлегло от сердца. — Госпожа моя, боюсь, ваша подопечная не сможет выиграть, но мы должны быть готовы на случай того, что произойдет чудо. Чтобы реализовать мой план, вам надобно незамедлительно садиться в седло.

— Я должна уехать до окончания заезда? — то был не вопрос, а крик души.

— Да. Сейчас же. Один из моих людей ждет вас с лошадью.

— Взглянуть бы хоть разок! — воскликнула Евгения. И тут заметила, что многие мужчины поднимают на руки детей, а некоторые даже женщин. Евгения повернулась к британцу.

— У тебя хватит сил?

Тот сначала не понял вопроса, а затем наклонился и как пушинку поднял ее над своей головой. Для устойчивости она одной рукой схватила его за волосы.

— Я не подозревала, что дистанция столь велика, — она замала свободной рукой. — Я ее вижу. Впереди только один араб. Я... я думаю, она его нагоняет! Нагоняет!

— Ты должна немедленно уезжать, — повторил Юсуф. Чувствовалось, что происходящее на трассе ему не нравилось.

Ивар опустил вдову на землю.

— Спасибо тебе, — она улыбнулась. — Ну и силач же ты!

5

Чувство облегчения и гордости охватило Ильдику, когда ей удалось вырваться на свободу. Более им никто не мог помешать. Но Сулейман и его наездник превратились в точку: так далеко умчались они.

«Нам никогда их не догнать! Никогда! Никогда!» — в отчаянии подумала она. Слезы брызнули у нее из глаз. Что еще она могла сделать? Может, ей стоило бросить Хартагера влево, а не вправо? Или совсем остановиться и потребовать у судей начать заезд вновь? Но приняли бы они ее сторону? Правила, регулирующие скачки,

еще не установились. От судей наездники слышали лишь одно: «Начинайте по звуку цимбал и скачите во весь опор». Она подозревала, что судьи, скорее всего, отыграются за то, что она посмела сунуться в мужское дело, и снимут ее с заезда.

Несмотря на эти невеселые мысли, Ильдико заметила, что Хартагер все наращивает и наращивает скорость. Мимо Сайтиана они протетели так, словно араб стоял на месте. Поворот черный жеребец прошел впритирку к маркировочным столбам. Оставалось лишь догнать Сулеймана.

И внезапно в ней ожила надежда: разделявшее их расстояние оказалось не так велико, как она думала. Она уже могла различить пурпурные нашивки на рукавах наездника Сулеймана. Вот он обернулся и на его лице отразилось изумление: он никак не ожидал, что черный жеребец так близко. Когда они вышли на длинную прямую перед финишем, их разделяло не более шести корпусов.

Или преимущество слишком велико? Сможет ли Хартагер выдержать до конца эту невероятную скорость. Не откажет ли его могучее сердце?

При выходе из поворота случилось то, чего она опасалась. Ветер снес с ее головы черную повязку. И теперь ее волосы белокурой волной летели над черной спиной жеребца. Ей вспомнился разговор с Малхуди. «Забавный мальчишка! Может, он окажется прав. У нас действительно появился шанс на победу!»

Тут она заметила, что и ноги у нее босы. Она и не помнила, когда с них свалились сапоги. Красивые сапоги, украшенные золотыми фигурками, из зеленой кожи. Больше она их не увидит.

Наездник Сулеймана, напуганный неумолимо сокращающимся расстоянием от преследователя, взялся за плетку. Ильдико услышала его голос, требующий от лошади бежать быстрее, еще быстрее. На боку Сулеймана вздулся рубец от удара. И Сулейман действительно чуть прибавил.

Ильдико наклонилась вперед и похлопала по шее черного жеребца.

— Сейчас, король, — прошептала она. — Сейчас или никогда. Можешь ты обойти его? О великий король, ты должен меня спасти!

Ей показалось, что и без того бешеная скорость возросла еще более. Как он был прекрасен! Ее отец не ошибся, сказав, что этот молодой черный жеребенок станет достойным наследником королей прошлого. Но справится ли его сердце с такой колоссальной нагрузкой?

Они настолько сблизились, что она уже могла коснуться рукой рукава наездника Сулеймана. Он что-то кричал, призывая на помощь всех богов пустыни, и без усталости нахлестывал жеребца. Хартагер, однако, нагонял его. Дюйм за дюймом. Но неумолимо приближалась и финишная черта.

— Король! О король! — воскликнула Ильдико и закрыла глаза, боясь того, что произойдет в ближайшие секунды. Ее босые ноги сжали бока Хартагера.

Громоподобный шум заставил ее открыть глаза. Они пересекли финишную черту. На голову впереди Сулеймана. Но заметили ли это острые глаза судей?

Ее сердце, казалось, вот-вот вырвется из груди. По крайней мере, надежда у нее оставалась. Автоматически она коснулась ногой бока жеребца.

— Потише, король, потише. Все кончено.

Она пустила Хартагера легкой рысцой, не решаясь обернуться и посмотреть на трибуну, чтобы увидеть вердикт судей. Тут же почувствовала, что рядом возник всадник. Не на Сулеймане.

— Не поворачивайся, — она узнала голоса Юсуфа. — Никто не должен видеть, что ты говорила со мной, — последовала напряженная пауза. — Ты выиграла. Ты это знаешь?

— Я на это надеялась, — прошептала она. — Но полной уверенности у меня не было.

— Больше ничего не говори. Слушай внимательно. Каждая секунда на счету. Я тебя потерял. Мне это тяжело. Поначалу я думал наказать Сулеймана, который меня подвел, но потом подумал, что ты этого не одобришь.

— Он боролся до конца!

— Его наездник слишком часто пользовался плеткой. Этого я ему не прощу. Он сам отведал того же угощения... Смотри прямо перед собой. Видишь прогал между деревьями справа от себя? Поворачивай туда. Дорога уходит в густой лес. Следуй по ней. Там ты найдешь своих друзей и лошадь для себя. Скачите быстро. Вы должны как можно дальше уехать на запад до того, как станет известно о вашем побеге. Мои люди приглядят за черным жеребцом. Его оботрут, выгуляют, а ночью привезут к вам. Я обо всем позаботился, — вновь возникла пауза. — Теперь посмотри на меня. Один взгляд. Ах, какая же ты красивая... и я вижу тебя в последний раз!

ГЛАВА 4

1

Николан ожидал, что Азций примет его один на один. Но, когда его ввели в длинный зал с мраморными стенами и возвышением в дальнем конце, он увидел, что диктатор Рима стоит там в окружении большой группы людей. Он отличил между ними высших военачальников по коротким туникам и испанским мечам, а также сенаторов и политических деятелей по суровости лиц и пурпурным полосам на тогах. Их взгляды не отрывались от Николана, пересекавшего зал.

Чиновник, стоящий на ступенях, указал послу, что ему следует оставаться внизу.

— Твое имя? — спросил он.

— Николан Ильдербурф.
— Что привело тебя сюда?
— Я привез послание Аттилы, императора мира и высшеголадыки вод и небес.

Чиновник покачал головой.

— Такого здесь не знают.

Тогда Николан воспользовался титулом, который Аттила предпочитал всем прочим.

— Меня послал Аттила, Бич Божий, который воюет с Римской империей.

Чиновник, после кивка Аэция, поклонился Николану.

— Его знают. Что за послание ты привез?

— Мне велено изложить его командующему римскими армиями.

После этих слов Аэций отделился от остальных, спустился на несколько ступенек.

— Я — Аэций.

Они обменялись коротким взглядом.

— Ага! Ты — помощник Аттилы, о котором мы столько слышали. Удивительно, что он послал в Рим столь полезного ему человека, — суровое лицо римлянина закаменело. — Трудно поверить, что человек твоего возраста и низкого происхождения смог так быстро и высоко подняться. Может, правитель гуннов послал тебя, моего бывшего раба, чтобы выказать мне свое презрение?

— Я выполняю его приказ, господин мой Аэций.

— А не боишься ли ты последствий? Я имею право распять тебя на кресте как беглого раба?

— Грозящая мне опасность не составляет для меня тайны. Но я прибыл с охранной грамотой, как парламентар.

Аэций оглядел свою свиту. Нахмурился.

— Ты храбр. Говори.

— Мой господин Аттила уполномочил меня сообщить, что верховному главнокомандующему армий, вторгшихся в Италию, ясна избранная тобой стратегия защиты. Ты оставил ему равнины Ломбардии, но угнал с них все живое. Ты уничтожил запасы зерна с тем, чтобы армии не досталось ни крошки съестного. Гарнизоны городов будут отчаянно биться на своих стенах. Стратегия твоя не нова. Она применялась и раньше. Даже при защите Рима.

Смотрящие на него глаза горели ненавистью. Его изумило, сколь похожими все они выглядели, эти хозяева цивилизации, жестокие, не знающие справедливости. «Защитит ли его охранная грамота», — подумал Николан. По его спине пробежал холодок страха.

— Но... — он запнулся, отгоняя захлестывающую его панику, — Аттила хочет, чтобы вы полностью осознали ту цену, которую придется вам заплатить. Он намерен жечь леса, травить земли, реки, озера, пока запах умирающей земли не достигнет высоких стен города на семи холмах. Он намерен взять штурмом города и разрушить дома, не оставив камня на камне. Уничтожение будет

столь полным, что в грядущих веках не удастся найти и места, где стояли эти города. Он предаст мечу каждого мужчину, женщину, ребенка с безжалостностью, какой еще не знала земля. Крики жертв, которым уготовлена столь ужасная судьба, достигнут ваших ушей, пока вы сидите на этих холмах, уподобляясь легендарному Фабию. Крики эти достигнут ушей всего мира, вызывая удивление и, скорее всего, презрение. Стоит ли спасать Рим и одновременно обрекать на уничтожение плодородные земли, которые кормят этот город? Может ли осторожность спасти великую империю, построенную на смелости и решительности?

— Это всего лишь слова, — вырвалось у Аэция.

— Мой господин Аттила хочет, чтобы вы знали, на какие он готов пойти крайние меры. Эти богатые провинции будут уничтожены с жестокостью, какой еще не видел мир; гордость и репутация Рима будут погребены под криками жертв и языками пламени.

Лицо Аэция, побагровевшее от злости, внезапно побледнело. Он повернулся к свите.

— Я все знал с самого начала, оставляя открытыми военные перевалы. И объяснил вам, чем это грозит, — он обвел взглядом лица, найдя многие холодными и враждебными. — Мне известно, что далеко не все не согласны со мной. Благодаря выбранной мною стратегии, я, возможно, войду в историю трусом, который стоял и смотрел, как погибают целые провинции. Но это единственный способ спасти Рим.

— Ты мог уничтожить гуннов у Шалона, — с упреком указали ему. — Но ты не двинулся с места и дал им уйти.

Аэций повернулся к говорившему.

— Ты не сражался у Шалона, Квинтий Кассий. Ты не солдат. О войне ты знаешь понаслышке. Будь ты в Шалоне, ты бы понял, почему мы не могли ничего предпринять. Ведь и на арене случилось, что два гладиатора, схватившись в жестоком поединке, оба падали на песок, не в силах поднять оружие. Такое произошло и в Шалоне.

Он спустился еще на пару ступенек, простер руку к Николану.

— Мы тебя выслушали. Ответа не будет. Ты можешь идти.

Как только Николана вывели из зала, Аэций вновь повернулся к своим советникам. Чуть улыбнулся.

— Это крик отчаяния Аттилы. Мне ясно, что он на пределе.

— Он сделает то, что сказал, — воскликнул Квинтий Кассий. — Уничтожит равнины.

— Да, — кивнул Аэций. — Но если мы двинем на него армию, он уничтожит Рим.

— Мы победили его в Шалоне! Почему мы не сможем победить его вновь?

— Я скажу тебе, почему мне не победить его вновь, как удалось в Шалоне, — Аэций с трудом сдерживал переполняющий его гнев. — В той битве мы потеряли наших лучших солдат, которых заменили необученные новобранцы. У нас нет союзников, что тогда

стояли с нами плечом к плечу. У гуннов численное превосходство. Их конница без труда обойдет нас с флангов. Это будет бойня, — и тут гнев прорвался наружу. Аэций резко возвысил голос. — Я спас цивилизацию в Шалоне! И хоть кто поблагодарил меня? Я слышу лишь критику тех, кто ни разу не поднял меча в защиту империи. Горстки политиканов, завидующих моей власти. Я могу сказать вам только одно, моим дорогим согражданам, которые хорошо живут днем и сладко спят ночью. Я готов сложить с себя данные мне полномочия и предоставить вам разработку стратегии защиты. Я не буду возражать, если вы найдете другого полководца, который одержит для вас новую победу над гуннами.

И тут стало ясно, что такая развязка их не устраивала. Слава победителя при Шалоне по-прежнему озаряла Аэция. Они хотели контролировать стратегию защиты, но не могли отправить в отставку того, кто однажды уже спас их.

— Но жертвы этого дикого чудовища будут звать к нам из залитой кровью земли, — воскликнул сенатор. — Можем ли мы стоять и смотреть, как Аттила вырезает половину Италии?

— Ты повторяешь то, что уже говорилось во времена Фабия, — ответил Аэций. — Однако он спас Республику. Если вы оставите мне право решать, я спасу Рим. Второй раз.

2

Николана вновь пригласили к диктатору Рима. Аэций пришел в себя после взрыва эмоций в зале приемов. Он сидел за столом, заваленным бумагами, спокойный и хладнокровный. Таким его помнил Николан по тем дням, когда был его рабом.

— Садись, — распорядился Аэций, не поднимая глаз от бумаг. Несколько секунд спустя он-таки посмотрел на Николана.

— У тебя есть еще одно послание от твоего господина?

— Есть, — кивнул Николан, — но оно предназначено только для твоих ушей.

— Естественно.

Аэций откинулся на спинку стула, вглядываясь в лицо Николана. Стену за его спиной украшали знамена, захваченные в битве при Шалоне. А посреди них висел меч, вероятно, тот, которым сражался Аэций.

— Аттила предлагает провести мирные переговоры. При условии, что они начнутся немедленно. Его требования, господин мой Аэций, суровы. Территориальные уступки и ежегодная дань золотом до тех пор, пока не будут согласованы новые условия мирного сосуществования.

Диктатор Рима пренебрежительно усмехнулся.

— Он хочет сорвать плод победы без единого удара?

— Северные провинции Италии и равнины Ломбардии у его ног. Он все оставит нетронутым. Штурм городов не будет, не

прольется ни одна капля крови. Вот что он предлагает в обмен на территории.

— У меня нет ни власти, ни желания отдавать и пядь земли, завоеванной кровью римлян. Не для того мы в Шалоне побили Аттилу, чтобы миром он получил то, чего не достиг войной.

Николан продолжил, на этот раз тщательно подбирая слова, поскольку коснулся весьма деликатной темы.

— Возможно, нам удастся найти точки соприкосновения. Может статься, ты не знаешь, что принцесса Гонория на свободе и заключила договор с Аттилой.

— Мы взяли за правило знать все, что в какой бы то ни было степени касается нас, — сухо ответил Аэций. — Об исчезновении принцессы нам доложили тотчас же. И нам известна, — он одарил Николаана ледяным взглядом, — твоя роль в организации этого побега.

Николаан наклонился вперед, понизил голос.

— Могу я сказать тебе, господин мой Аэций, что я не был повинен в преступлении, за которое ты повелел наказать меня. Да, я знал о твоём желании жениться на принцессе, но ни одно слово не слетело с моих губ.

Аэций небрежно махнул рукой.

— Я знаю, что вины на тебе нет.

— Аттилу интересует, хочешь ли ты вновь вернуться к этой идее. Как муж принцессы, ты сможешь контролировать те приобретения, что она получит по результатам мирных переговоров. Возможно, ты приобретешь еще большее влияние на императорскую семью.

Лицо Аэция внезапно, и лишь на мгновение, осветилось улыбкой.

— Твои источники информации не столь надежны, как наши. Тебе, похоже, неизвестно, что принцесса сбежала из того дома, куда ты ее отвез?

Выражение лица Николаана не оставило сомнений в том, что для него это сюрприз.

— Вижу, ты ничего не слышал. Произошло это две недели тому назад. Она сбежала с рабом, принадлежащим Микке Медескому. Ходили разговоры, что этот раб был сыном арабского правителя. Правда это или нет, но они отплыли на Восток на торговом корабле, — он помолчал. — Так что едва ли кто вновь услышит о принцессе. Что же касается мирных переговоров, то я об этом подумаю. Но у меня и сейчас возникают серьезные сомнения в их необходимости. Мы можем заключить мир сегодня, но год спустя Аттила вернется с еще более сильной армией. Перемирия он ни во что не ставит. Они заключаются для того, чтобы нарушаться. И вот что еще. У твоего господина не такое уж крепкое здоровье. И никто другой не сможет удержать под своим началом покоренные им страны. С его смертью империя гуннов лопнет как мыльный пузырь. Время, — заключил римлянин, — работает на нас.

— Но он действительно уничтожит север Италии, — предупредил Николан. — Это не пустая угроза. Все мужчины, женщины, дети будут убиты.

— Они умрут ради спасения Рима, — изрек Аэций. — Можно ли желать лучшей судьбы? — он надолго замолчал. — Насчет тебя я еще не решил. Мои добропорядочные советники требуют твоей смерти. В отличие от меня они не помнят, что в руках у Аттилы много наших людей, которых казнят в отместку за твою смерть. Ты, скорее всего, останешься в живых, но ты видел и слышал слишком многое, чтобы отпускать тебя назад. Так что я приставлю к тебе охрану. До тех пор, пока ситуация не прояснится.

Он хлопнул в ладоши, и в дверях возник молодой высокий офицер.

— Лутатий Руфий, передаю в твои руки посланца Аттилы. Если он сбежит, ответственность ляжет на тебя. Как и в том случае, если ему будет причинен вред.

Офицер посмотрел на Николана. Он ничем не напоминал типичного римского солдата, с твердым взглядом, волевым подбородком, гордым носом. В его внешности чувствовалась мягкость, скорее он происходил из семьи патрициев, а не потомственных военных.

— Приказ ясен, господин мой Аэций, — ответил Лутатий Руфий.

3

Николан быстро осознал, что относиться к нему будут с уважением, но сбежать не позволят. Комната, в которую его отвели, находилась в конце длинного узкого коридора. Окна, выходящие на север и восток, были забраны толстыми решетками. Дверь открывалась лишь после поворота ключа тюремщика. Скрашивали жизнь большая кровать и ванна в углу. А сожалел Николан лишь о том, что не может оказаться в той части Далматии, где вдова и ее команда должны были вынырнуть из-под земли, преодолев трудности и опасности подземного путешествия.

Стоя у окна, он пытался представить себе Ильдику на спине могучего Хартагера, со знаменитыми волосами, спрятанными под какой-либо головной убор, с весело блестящими глазами. Копаясь в памяти, он не мог припомнить случая, когда бы девушка сидела в печали. Она скакала на лошадях, танцевала, пела, смеялась! Как она прекрасна! Придет ли день, когда он сможет назвать ее своей женой? Она ничем не выказала своего расположения к нему: пара взглядов, брошенных на него во время конной прогулки, несколько добрых слов, намеков, что ей понятна причина его служения Аттиле. Не слишком прочное основание для того, чтобы строить на нем здание надежды.

«Мне бы встретить ее, — думал он. — Чтобы завоевать ее расположение, я должен сделать для нее что-то важное и нужное».

Тревожило его и другое. Допустим, они достигли поместья вдовы в Далматии, увидели, что Аттилы нет и в помине, и решили отправить Ильдику к отцу. «Ивар бы, конечно, отговорил их от столь рискованного шага», — думал Николан. Но как он мог знать, разыскал ли бритонец вдову в Константинополе? Он шел через незнакомую территорию и вполне мог опоздать.

Иногда он забывал о своих страхах, переключаясь на открывающийся из окна вид. Окружающая территория превратилась в большой военный лагерь. Везде стояли палатки, каждую окружал ров с перекинутым через него мостиком. Декании (в современной армии они носили бы звание капралов) муштровали новобранцев. Колонны легионеров, в полной боевой выкладке, маршировали на плацу. Аэций не собирался выводить войска против Аттилы, но следил за тем, чтобы они не теряли боеготовности на случай, что избежать сражения не удастся.

За палатками он видел высокие берега реки По. Там лагерь заканчивался, на другом берегу не осталось ничего живого. «Аэций, — подумал Николан, — готовит линию обороны, если гунны смогут продвинуться так далеко».

Офицер, Лутатий Руфий, появился в комнате на следующее утро, когда Николану принесли завтрак. Плюхнулся на стул, прежде чем заговорить.

— Ну и бучу ты поднял. И раньше мнение Аэция не было единственным, а теперь Рим раскололся надвое. Солдаты поддерживают Аэция. Политики, которым не придется сражаться, требуют немедленного удара по гуннам, — он вздохнул, показывая, что второй вариант ему не по душе. — Аэций, разумеется, прав.

Еду принесли хорошую, а вино — молодое, очевидно дешевое. Вспомнив, что Аэций не терпит пьянства, Николан позволил себе лишь глоток.

— Ты веришь, что вы сможете одержать еще одну победу, как и в Шалоне?

— Никогда! — твердо заявил офицер. — Мой добрый беглый раб и смелый посланец, ты должен знать, каково положение дел. Рим помягчел. Посмотри на меня. Я принадлежу к одному из древнейших родов, а в армии лишь потому, что от таких, как я, этого ждут. У меня нет ни малейшего желания идти в бой. Я не хочу целыми днями шагать по жаре, мерзнуть ночами, и все для того, чтобы какой-нибудь варвар изрубил меня на куски. Есть способы этого избежать. Способы. Да и средства. Я сожалею лишь о том, что не родился несколькими столетиями раньше, до того, как нагрянули эти ужасные варвары. Но столкновения можно было избежать, если бы Аэций согласился откупиться от них. Так поступили в Константинополе, и мы тоже могли бы жить с Аттилой в мире, если б Аэций не навязал нам себя и не заставил действовать в соответствии с его видением ситуации.

— Ты хочешь сказать, что его подъем на вершину власти вызван не тем, что империи требовался такой правитель?

— Откуда такие фантастические мысли? Никому он не требовался. Его отец — варвар. Кажется, из Моизии. Заштатной провинции. Аэций всего добился хитростью и интригами. Император и старуха ненавидели его. Ты этого не знал? Разумеется, полководцем он был хорошим. Потребовалась, однако, энергичная кампания по обработке черни, чтобы народ после Шалона стал восхвалять его как бога. Но нам это удалось. А теперь все изменилось. Народ требует отрубить ему голову, потому что он не ведет армию против Аттилы.

Лутатий Руфий, похоже, любил поболтать. Он закинул ногу за ногу и тепло улыбнулся Николану.

— Побег Гонории привел двор в ярость, — продолжил он знакомить Николана с местными сплетнями. — А я рад, что она удрала. Было время, — губы Руфия разошлись в самодовольной улыбке, — когда Гонория положила на меня глаз. Вот тогда, единственный раз в жизни, я проявил благоразумие. Отправился путешествовать. Побывал в Тунисе, Каире, Антиохии, Константинополе. Когда я вернулся, она нашла себе других фаворитов. Я слышал, она охмурила даже тебя своими длинными ресницами. Когда ты был рабом Аэция.

— Откуда тебе это известно?

— У меня особый дар слышать то, что пропускают мимо ушей другие. Есть свои способы. И средства, знаешь ли. Я в курсе всех сплетен.

Николан решил зачерпнуть из подвернувшегося ему источника информации.

— Ты слышал о вдове Тергесте?

— О вдове я знаю все. Я могу сказать тебе точный размер ее талии и состав краски для волос, которой она пользуется. Я знаю, откуда она родом. Она говорит, что ее отец был губернатором провинции, опуская ее название. Как четвертая дочь, зваться она должна Евгения Квартилла. Но я знаю, кто она такая. Она родилась в семье обедневшего сортилегия, предсказателя, определяющего будущее по мху на скале, зубам собаки, прочей ерунде.

— Ты в это не веришь?

— В предсказания? Послушай меня, друг мой. Я не гожусь в идеальные мужчины и разменял жизнь на пустяки. Подозреваю даже, что я трус. Но мне хватает ума понимать, что невозможно определить будущее, копаясь во внутренностях убитого животного или вороша дубовые листья в Додоне.

— Вдова действительно очень богата?

— Богатейшая женщина мира. Если ты идешь к ростовщику за деньгами, достаточно сказать ему, что ты хочешь на ней жениться. Все ее мужья были богатыми стариками. И вдове удавалось сохранить то, что они ей оставляли.

— Говорят, она много путешествует.

— Никогда не задерживается в одном месте. По-моему, она постоянно охотится за мужьями. Кстати, сейчас я расскажу тебе

кое-что интересное. У нее появилась подопечная. Золотоволосая красotka с синими глазами и осиной талией, — он послал незнакомке воздушный поцелуй. — Как раз в моем вкусе. Но теперь, когда вдова вновь свободна, девушка может ей помешать. Сможет ли вдова найти мужа для себя, если рядом находится такой лакомый кусочек? Сначала ей придется выдать замуж девушку.

— Откуда тебе все это известно?

— Разве я не сказал тебе? Есть способы. Итак, вдова подыскала ей жениха. Богатого, молодого, и не страшила. Девушка ответила нет, она, мол, уже влюблена. «Любовь! — воскликнула вдова. — Что ты знаешь о любви в твоем возрасте? Подожди, пока доживешь до моих лет. Кто этот человек?» «Я его знаю всю жизнь». «Абсурд! — вдова покачала головой. — Это какой-нибудь дикарь со свалывшимися волосами, нечесаной бородой и телом, как у медведя». Но девушка заявила, что в мире нет более красивого мужчины.

«Тогда речь шла не обо мне», — подумал Николан.

— И твердо стояла на своем, — продолжал Руфий. — А мужчины смотрели не на вдову, а на ее подопечную. Даже Аттила прослышал о ней и хочет заполучить ее в свой гарем.

Николан решил сменить тему.

— Я вот думаю, а есть ли способы и средства удрать отсюда?

Лутатий Руфий тут же поднялся. В голосе его послышались железные нотки.

— Насчет этого я могу высказаться вполне определенно. Побег абсолютно невозможен.

4

Как-то утром Николан подошел к северному окну и сразу понял: что-то случилось. Лагерь гудел, как растревоженный улей. Легионеры стояли кучками и что-то шумно обсуждали. Удивило его и обилие монахов. Из-под клобуков выглядывали лишь их настороженно-испуганные глаза. Мимо его двери то и дело проходили люди. Ему показалось, что несколько раз он слышал рыдания.

Ответ принес ему Руфий. Он вошел в комнату, бледный как полотно.

— Аквиллия пала, — объявил он. — Гарнизон доблестно сопротивлялся, но гуннов было больше, чем песчинок в пустыне, — он шумно глотнул. — Город уничтожен, все жители безжалостно вырезаны. Мужчин выводили на ярмарочную площадь и буквально разрубали на куски. Каждый гунн ездит теперь с отрубленной головой на пике. В первый день женщин пощадили, поскольку гунны пировали, потом их всех обезглавили. Детей убили первыми, разбив им головы о крепостные стены.

— Они пребывали в уверенности, что эти стены выдержат любой штурм, — прошептал Николан, потрясенный услышанным.

— То же произойдет и в других городах, — продолжил Руфий. — Они совсем рядом. Алимий, Конкордия, Падуа, Виченца, Верона, Бергамо. Даже Милан и Павия. Нигде не найти спасения, пока это чудовище рыщет по свету.

Понимая, что резня в Аквиллии может отразиться на его судьбе, Николаи вновь подошел к северному окну. Стоял прекрасный день. На берегах великой реки пели птицы. Радостно ржали кони. Небо сияло бездонной синевой, а под ним, не так уж далеко от лагеря, в ужасных муках гибли ни в чем не повинные люди.

— И выхода нет, — Руфий чуть не плакал. — Нет никакой возможности остаться дома. Придется идти на войну. С которой мне не вернуться. Я умру жалкой смертью.

— Нет, сражения не будет, — заверил его Николан. — Я знаю Азия. Он не изменит своего решения. Будет сидеть здесь, не мешая Аттиле уничтожать город за городом.

— Если он так поступит, тебя ждет незавидная судьба. Люди хотят отомстить. И ты, мой бедный друг, скорее всего станешь первой жертвой. Я уже слышал такие разговоры.

Николан мрачно кивнул.

— Я знаю. Я прочитал свой приговор на лицах людей, когда утром выглянул в окно. Другого, собственно, я и не ожидал.

— Ты, однако, совершенно спокоен, — удивился Руфий.

— Если я и спокоен, то лишь потому, что смирился с таким исходом. Я живу под страхом смерти с того самого момента, как отказался служить в армии Аттилы. Привык, знаешь ли.

— Но почему ты отказался служить в армии?

— Озаботился состоянием своей души. Понимаешь, мне стали близки взгляды христиан.

— Я сам христианин, — признался Руфий. — Но не из тех, кто воспринимает религию на полном серьезе.

— Аттила пригрозил, что казнит меня, но затем начал давать мне специальные поручения. Срыв которых опять же обрекал меня на смерть.

— Но... — на лице офицера отразилось недоумение, — ты же мог убежать от него. Почему ты приехал сюда?

— Убежать? Но куда? Две империи разделили мир между собой. Рано или поздно меня бы поймали. Те или другие. А тут у меня был хоть какой-то шанс. Теперь его нет, — Николан помолчал. — Почему в лагере так много монахов?

— Из Рима приезжает папа Лев. Наша последняя надежда.

Николан нахмурился.

— Что он может сделать? Спасти мир, явив чудо? Заставить воды Адриатики выкатиться на берег и смыть захватчиков, как в свое время воды Красного моря поглотили египтян?

Руфий, похоже, разделял его сомнения.

— Римский папа, бог или обычный человек? Во всяком случае, времена чудес миновали.

Николан сел на мраморную скамью у ванны, наполненной водой.

— Говорят, Лев — сильный папа, — продолжил Руфий. — Он и Аэций единственные наши лидеры. Император — слабовольный идиот, — молодой офицер заходил по комнате. — Мы погибнем в расцвете сил, ты и я. Не проще ли тебе будет просто лечь на дно ванны и остаться там?

Николан покачал головой.

— Нет, дружище Руфий. Я предпочитаю встретить смерть лицом к лицу. Самоубийство — не та дорога, что может привести в царство божие.

На лице Руфия отразилось сомнение.

— Это утверждают христиане? Мой дед принял крещение, когда христианство стало государственной религией, по примеру остальных. Но никто из нас не верит в учение Христа.

С каждым часом напряжение в лагере росло. Николан стоял у окна и наблюдал за происходящим, ожидая, что с минуты на минуту за ним придут. Когда солнце закатилось за горизонт, он подумал: «Больше я никогда его не увижу».

Но лишь когда стемнело, он услышал приближающиеся шаги, которые стихли у его двери. Николан встал, решив, что его час пробил.

В комнату вошел Аэций, сопровождаемый слугой с зажженной лампой. В ее слабом свете Николан искал изменения в лице диктатора Рима. Но видел те же спокойствие и суровость.

— Ты слышал? — спросил Аэций.

— Мне сказали о падении Аквиллии.

— Твой хозяин держит слово. Все население уничтожено до последнего человека. Я не изменил своего решения и не изменю его, даже если он будет брать город за городом. Но люди негодуют и требуют отмщения. И в первую очередь хотят разделаться с тобой, — он выдержал паузу. — Я не собираюсь отдавать тебя им.

Прежде чем Николан успел раскрыть рот, чтобы выразить свою благодарность, Аэций остановил его взмахом руки.

— Не думай, что я делаю это из-за заботы о тебе. Если я о чем-то забочусь, так это о собственной душе. Один раз я несправедливо подверг тебя жестокому наказанию. Возможно, в благодарность за спасение ты простишь мне тот грех. И еще, — вот когда в голосе прорвались те чувства, что переполняли Аэция. — Я попрежнему правитель Рима! Почему я должен уступать требованиям лицемерных сенаторов и слабовольных генералов? Я сказал им, что сами они могут отправляться на помощь осажденным, если так остро переживают за них. Но нет, они желают сидеть здесь, в полной безопасности, и пить кровь беспомощных жертв. Я могу уделить тебе лишь несколько секунд, — голос его вновь обрел привычное спокойствие, — поэтому слушай внимательно. В этой части дворца стражи нет. Я уйду, оставив дверь открытой. Выходи следом, закрой дверь и поверни направо. Один из моих слуг будет

ждать тебя в конце коридора. С ним пройдешь к конюшне. Твоя лошадь оседлана и ждет тебя. В переметных сумах запас провизии на неделю.

— А как же те, кто приехал со мной? — спросил Николан.

Аэций безразлично махнул рукой.

— Их отпустят позже. Можешь о них не волноваться, — он пристально вгляделся в Николана, прежде чем шагнуть к двери. — Ты думаешь, что забота о том, как подумают обо мне потомки, — проявление слабости? В одном я уверен — я, который спасу Рим благодаря моей выдержке, войду в историю как трус. Эти крикливые римляне не могут понять, что другого пути к спасению просто нет. Они не станут восхвалять меня, когда Аттила уведет свою голодающую армию. Они будут требовать моей головы. Я не питаю особых иллюзий. Но по крайней мере меня никто не обвинит в убийстве парламентаря.

В дверях он обернулся.

— Ты по-прежнему мечтаешь о покорении Рима гуннами?

— Нет, господин мой Аэций.

— Но раньше тебе этого хотелось?

— Совершенно верно.

— Мне кажется, что среди твоего народа солидарных с тобой не было. Остальные сохранили верность Риму.

— Нет, господин мой. Они предпочли Рим Аттиле, но в этом они лишь выбирали меньшее из двух зол. Если у покоренного народа мужественное сердце, он сохраняет верность своим традициям и воспоминаниям. У моего народа мужественное сердце.

Аэций потер подбородок рукой.

— Возвращая тебе свободу, мне следовало добавить, что ты получаешь ее при выполнении двух условий. Первое, ты не должен возвращаться на службу к Аттиле.

— Даю тебе слово.

— У тебя острый взгляд. Ты видел многое из того, что будет ему полезным. Если ты попадешь к нему в руки, ничего ему не говори. К каким бы методам убеждения он ни прибегал.

— Клянусь, господин мой, я ничего не скажу.

— И второе. Сначала отправляйся в Равенну. Добраться туда будет нелегко. Не зря ведущую в город дорогу окрестили дорогой трусов. Все добрые римляне, напуганные возможным пришествием Гунна, устремились в Равенну. Так что смотри, как бы тебя не затоптали. Тем не менее, я прошу тебя поехать туда и как можно быстрее добраться до Тергесте. Я хочу, чтобы ты передал мое письмо одному человеку в этом городе. Наверное, тебя не удивит, что среди моих врагов зреет заговор. Они хотят сместить меня с поста главнокомандующего и обвинить в измене. Моя безопасность будет зависеть от того, сможешь ли ты передать письмо. Ты готов взять его?

— Да, господин мой.

— Я тебе доверяю, — Аэций протянул письмо Николану. — Будь осторожен. Никто не должен знать, что ты выполняешь мое

поручение. Дело настолько важное, что я не могу доверить его никому из своего окружения. Нельзя терять ни минуты, — с тем он и вышел из комнаты.

ГЛАВА 5

1

Николана ввели в величественный дом. Сопровождаемый слугой, он миновал бесчисленные залы, лестницы, коридоры, пока не оказался в просторной комнате, из окон которой открывался прекрасный вид на бухту. Там его встретил высохший старичок с проницательными глазками.

Николану он представился как К. Кай Росий и дважды прочел письмо Аэция, прежде чем вновь посмотрел на своего гостя.

— Он пишет, что тебе можно доверять, — лицо его покраснело от негодования. — Это же безобразие! Человек, спасший в Шалоне весь мир от нашествия варваров, должен заботиться о собственном благополучии и даже жизни после того, как варвары уберутся вос-вояси. Ох уж эти римские политики с толстыми кошельками и абсолютной беспринципностью! Я не испытываю к ним ничего, кроме презрения!

Несколько мгновений один из самых богатых купцов Тергесте разглядывал бухту, затем повернулся к Николану.

— Что привлекло твое внимание в этом городе?

— Через проломы в стенах могут проехать в ряд шесть всадников-гуннов.

— Что еще?

— Я не видел вооруженных людей.

— Все легионы Иллирии Аэций забрал в свою армию. Это правильно. Я не солдат, но и мне ясно, что прежде всего надо защищать Рим. Это все?

— Я не заметил часовых, ни у ворот, ни на стенах.

— Какой показалась тебе наша провинция?

— Поля зеленеют, обещая богатый урожай. А по ту сторону моря все выжжено солнцем. Армия Аттилы будет голодать.

— Ты очень наблюдателен. Сколько, по-твоему, Аттила продержится на равнине Ломбардии?

— Пока не захватит все города северной Италии и не использует имеющиеся там съестные припасы. Ни днем дольше.

— До нас дошли известия, что все города северной Италии в его руках, — К. Кай Росий пристально всматривался в Николана. — Наш губернатор не скрывает, что он — враг Аэция. Он пожаловался Сенату, когда тот забрал легионы. Ходят слухи, что он очистил казну Тергесте до последней сестерции, чтобы послать Аттиле крупную сумму в обмен на обещание не вводить войска в провинцию. Это измена, но он, естественно, все отрицает. Однако,

после того, как Аттила всей мощью ударил по Аквиллии, он ходит, словно самодовольный гусак. Только что не говорит: «Я спас Тергесте! Я!» Но будет ли Аттила и дальше держать слово?

— До тех пор, пока сможет себе это позволить, — уверенно ответил Николан. — Пока у армии не кончится еда.

— И что тогда?

— Тогда вы увидите пыль на северном горизонте, и всадники Аттилы, словно саранча, набросятся на вашу провинцию.

Купец согласно кивнул.

— Я пытался убедить жителей Тергесте, что именно так оно и будет. Они отказываются в это поверить. Им бы восстановить стены и готовиться к осаде. А они смеются. «Где сегодня Аквиллия? — спрашиваю я их. — Где завтра будет Тергесте?» Никакого толку. Они зажирели и довольны жизнью, — он разорвал письмо Аэция на мелкие клочки и сжег их на жаровне, что стояла в углу. — Мы здесь процветаем, и наше богатство ослепляет нас. Могу я спросить, какие у тебя планы?

Николан решил ответить честно, в надежде получить важную для себя информацию.

— Хочу поехать дальше на юг. Я ищу вдову Тергесте.

Старый купец фыркнул.

— Вдова Тергесте! Разве ты не знаешь, что она стала вдовой лишь несколько недель тому назад? Ее третий муж сбежал от нее. Конечно, он был занудой. Но, скорее всего, ее темперамент оказался ему не по плечу. Короче, он скрылся на Востоке и лишь недавно пришло известие о его смерти. Теперь она свободна, и от желающих устроиться у нее под бочком отбоя не будет. Она невероятно богата, и только в Тергесте принадлежащая ей собственность оценивается в тысячи талантов, — К. Кай Росий усмехнулся. — Будь я на десяток лет моложе, обязательно приударил бы за ней.

Николан поклонился и двинулся к двери.

— Если я более тебе не нужен, позволь откланяться.

Росий пошевелил обуглившиеся остатки письма.

— Я думаю, тебе следует остаться на ночь. В Тергесте прибыл сказитель, и он обещает поведать нам удивительную историю.

Николан прислушался к совету старика-купца и, когда солнце скользнуло за горизонт и начала сгущаться тьма, направился к едва ли не самому большому пролому в стене, в компании многих и многих мужчин. Именно там сказитель решил собрать свою аудиторию. Сам он, невысокий, худенький, в странной войлочной шапке и серой тунике, устроился на стене, меж двух факелов, чтобы сидящие внизу видели его лицо. Он снял шапку, обнажив совершенно лысый череп, круглый, как яйцо какой-то доисторической птицы.

— Граждане Тергесте, — начал он, вызвав немалое удивление, ибо никто и представить себе не мог, что человек столь хрупкого телосложения обладает таким сильным голосом, — все вы христиане. Я — нет. Я пришел из далекой восточной страны, куда еще не дошло учение скромного плотника. У нас своя вера. Очень древняя. Столь древняя, что мой народ счастливо живет и умирает по ее законам.

Его глубоко посаженные глазки бежали стоящих у стены.

— Посмотрите на форму моего носа, линию бровей, цвет моей кожи. Можете догадаться, откуда я родом? — ответа не последовало, а потому сказитель позволил себе улыбнуться. — Страна моя находится за великими реками и высокими горами. Народ мой знает много легенд, которые я мог бы вам рассказать. Но, добрые мои друзья, так уж получилось, что я стал свидетелем события, превосходящего все то, что я слышал в родной земле.

Слушайте меня. Слушайте внимательно. Я, Тарманца, жалкий сказитель, стоял рядом с Аттилой и великим святым отцом из Рима, которого все называют папой, когда они встретились на берегах Минчия. Как получилось, что какому-то чужестранцу дозволили присутствовать при столь знаменательном событии? Я вам все расскажу. Когда стало известно, что святой отец из Рима намеревается ехать на встречу с Аттилой без вооруженной охраны, многие из монахов, кому предстояло сопровождать его, подумали: «Что-то у меня нет сил для такой длинной поездки, да и не кажется мне, что моя голова будет лучше смотреться на пике гунна, а не на моих плечах». Я же старик, и мне уже без разницы, для чего используют мою голову, поэтому я подошел к одному из таких монахов и предложил поехать вместо него, если, конечно, он отдаст мне свою рясу. Я пообещал низко надвинуть капюшон на лицо, чтобы никто не заметил подмены. Он согласился.

Когда на подходе к Минчию мы увидели стоящее на другом берегу войско гуннов, многие монахи замедлили шаг. И никто не запротестовал, когда я, шедший позади всех, протиснулся вперед, к Его святейшеству.

Река сильно обмелела, ибо в Ломбардии уже забыли, что такое дождь. Я видел, что палаток гуннов не меньше, чем песчинок на берегу, а небо покраснело от их знамен. Но я видел также, что животы у них втянуты, а ребра их лошадей можно без труда пересчитать. За нами была лишь выжженная земля. Ни один римский орел не поддерживал нас.

Сказитель выдержал паузу и возвысил голос.

— О ком мне рассказывать первым? Об Аттиле, Биче Божьем? Или о папе Льве, который бесстрашно поехал к Гунну, чтобы сказать, что тот не должен идти на Рим?

Ему ответили незамедлительно. Крики раздались отовсюду.

— Об Аттиле! Аттиле! Расскажи нам о Биче Божьем!

Сказитель чуть улыбнулся.

— Вот так всегда. Внимание прежде всего привлекает злодей. Но не положительный герой, добрый, богобоязненный, смелый. Как скажете, друзья мои, так и будет. Сначала я расскажу вам об Аттиле.

Выглядывая из-под капюшона, я мог видеть этих двух великих людей куда яснее, чем вас, собравшихся внизу. Я сразу понял, что у Аттилы тело старика. Согнувшись, сидел он на лошади в окружении советников и охранников. Но глаза его были молоды! Я видел, как поблескивали они, когда он всматривался в лицо папы. И я подумал, что передо мной человек, который обрушил на мир все таящееся в нем зло ради достижения своих целей, в уверенности, что творит добро. Я видел раздирающие его противоречия. В твердости его взгляда читалась смерть, но в руках виделся намек на сострадание. Тунику его, заношенную, в пятнах, украшали драгоценные камни. Стоящие рядом с ним гунны по его сигналу с радостью разорвали монахов на части. Полуистлевшие человеческие головы качались на пиках многих из них.

Те же противоречия были свойственны и характеру папы римского. Римлян из римлян, смелый и гордый. И одновременно мягкий и сострадающий, готовый умереть, но не отступить от своей веры. В богатых церковных одеждах, надетых лишь для того, чтобы произвести впечатление на варвара. Наблюдая за ними, слушая их, я подумал, что убедить священника в его неправоте и заставить изменить принятое решение будет куда сложнее.

Папа протянул руку вождю гуннов. Аттила двинул лошадь на шаг или два и склонился над ней. Но не поцеловал руку, как ожидал папа. Аттила сказал: «Я кланяюсь не тебе, который собирает силы Рима, чтобы бороться со мной, а Богу, которому ты служишь. О котором я слышал много хорошего».

Глаза папы стали похожими на льдышки, и он сурово ответил: «Не спеши судить о Боге, которому я служу, о Аттила. Это жестокий Бог. Он ударит тебя, если ты ступишь на землю священного города Рима, как ударил Он дикаря Алариха».

Они говорили долго. Вернее, говорил папа Лев. Аттила, в основном, слушал. Гунны, сгрудившиеся за ним, не понимали ни слова. Они то и дело хватались за рукоятки мечей. Чувствовалось, что это единственный их аргумент при решении любого спора.

Сказитель замолчал, как бы подчеркивая, что переходит к самому главному.

— А теперь послушайте, что произошло дальше. Папа поднял руку и вскричал голосом, далеко разнесшимся по голым берегам Минция. «Можешь не верить мне, когда я говорю о каре, которую найдет на тебя Бог Израиля. Но я молю Его явить нам своих посланцев, чтобы те предупредили тебя о твоей судьбе. Я взываю, о великий Боже, к помощи святого Петра и святого Павла в этот час тяжких испытаний!»

И пока он говорил, небеса разверзлись, две фигуры появились среди редких облаков и на крыльях полетели к земле. Я видел их

собственными глазами, хотя исходящий от них свет был столь ярок, что я едва не ослеп. Они были высоки ростом, эти души, что пришли на зов папы, с нимбами над головами, с белоснежными крыльями за спиной. Когда они коснулись земли, я не смог разглядеть их лица, так они сияли. Я закрыл лицо руками. Но я слышал их голоса, хотя не могу вспомнить, что они говорили.

Вновь пауза.

— Я уже говорил вам, что я не христианин. И все же готов утверждать, что увиденное мною — не магический фокус. Я видел, как разверзлись небеса, я видел спускающиеся на крыльях фигуры. Я видел, как их ноги коснулись земли. Я слышал, как дрожала земля, когда они шагали по ней.

Я не открывал глаз, пока вновь не услышал звука их крыл. Посмотрел вверх, но их уже не было. Небеса закрылись, поглотив своих посланцев. И тут и увидел, что исчезли сопровождающие Аттилу гунны. Оказалось, что земля дрожала не от шагов небожителей, а от копыт лошадей гуннов, в такой панике удирали они. Лишь Аттила не двинулся с места. Не дал лошади броситься вслед за остальными. Ни тени улыбки не появилось на его лице.

«Мои люди уже насмотрелись на твоих ангелов, о папа», — молвил он.

Не только людей Аттилы охватила паника. Три монаха, что несли большой крест, выронили его и стояли теперь на коленях, надвинув капюшон на лицо. «Не удивительно, что ты остался один, Аттила, — ответил папа. — Небесный огонь слишком ярок для простых смертных». «Я не буду задавать вопросов, — изрек Аттила. — Хотя мне говорили, что есть некий Симон Маг, по воле которого появляются и исчезают крылатые фигуры. Могущество твоего Бога не вызывает у меня сомнений. Он наслал голод на землю, по которой шли мои солдаты и заставил их остановиться. А это не удавалось легионам Рима, — Аттила надолго замолчал, а потом продолжил. — Я должен обдумать то, что видел и слышал».

Сказитель взял один из факелов и спустился со стены. Поставил большую оловянную миску на камень.

— Я могу добавить лишь одно. Через час после того, как папа вновь пересек Минчий, в лагере гуннов началась суета. Свертывались палатки, грузились повозки. К утру лагерь врага опустел.

Николан показал пример, первым бросив в миску монету. Пришелец с Востока поблагодарил его улыбкой. Сказители всегда слыли бедняками, а на этот раз он честно отработал свои деньги.

Николан, ранее обещавший Росию, что придет к нему вечером, нашел старого купца в другой комнате, размерами поменьше, но также с окнами на бухту. Росий ужинал. Он пригласил Николана к столу, но тот отказался, сославшись на отсутствие аппетита. Состоял ужин из чаши вина и нескольких устриц.

— Тебя удивил успех папы? — спросил купец.

Николан ответил не сразу.

— История эта никак не выходит у меня из головы. Я не нахожу ничего удивительного в том, что души великих святых спустились на землю. Если бы Бог Израиля посчитал нужным остановить варваров, Он мог бы уничтожить всю армию гуннов. Возможно, вместо этого он прислушался к словам Льва. Но есть и другая сторона медали. Я не могу поверить, что Атиллы в испуге повернул назад. Он не боится никаких богов. Однако положение у него было отчаянное. Его люди голодали. Аэций отказывался решить исход войны одним сражением. Что могут сказать воины о вожде, благодаря которому они оказались в безвыходной ситуации? Отступление означало бы признание ошибки. И тут у Атиллы появилась возможность сохранить лицо. Перед тем, как отдать приказ к отступлению, он наверняка сказал своим военачальникам: «Мы могли бы уничтожить римскую армию, но нам не устоять перед гневом могущественного Бога христиан».

Через открытые окна до них доносились радостные крики горожан, празднующих отступление гуннских армий. Казалось, весь город высыпал на улицы. Уже слышалась музыка. Веселье набирало силу.

— Эта удивительная весть еще не достигла Рима, — Росий отпил вина. — Вот уж они обрадуются! Толпы людей заполняют площади и арены. Всех гуннов, томящихся в темницах, выволокут на свет божий и растерзают прямо на улицах. Ах, как бы я хотел все это увидеть.

Николан поднялся.

— Сегодняшний вечер заставляет меня изменить свои планы. Я собирался двинуться на юг к поместьям вдовы, — он пристально всмотрелся в лицо купца, гадая, может ли он довериться малознакомому человеку. — Отступление гуннов означает, что война закончена. Атила думает, что он вновь сможет собрать большую армию и пойти на Рим. Он ошибается. Он не сможет удержать войска в одном месте. Что бы он ни говорил, они разбредутся по родным странам. Возможно, империя гуннов развалится как картонный домик.

— Не просто возможно, — вставил К. Кай Росий. — Развал империи Атиллы столь же неизбежен, как восход или заход солнца.

— Мой народ, — продолжил Николан, — получит шанс обрести свободу. Я должен быть там. Мацио стар и болен. Тебе это известно?

Росий улыбнулся.

— О Мацио я знаю все. Многие годы он писал мне каждую неделю. Видишь ли, молодой человек, я был его торговым агентом. Продавал его лошадей в Риме и Константинополе. Ты этого не знал?

— Нет, — покачал головой Николан. — Не знал.

— Последние известия о нем не радуют. Он умирает. Возможно, уже умер. И пепел его погребального костра рассеял ветер.

Николан замотал головой.

— Нет, нет. Я должен добраться до дома до того, как он умрет. Ты, которому известно так много, несомненно, знаешь, что его единственный сын погиб в битве под Шалоном. Там погибли практически все сыновья знатных родов. Только один остался жив — Ранно Финнинальдер.

— Ранно — предатель, трус, лжец и вор! — воскликнул Росий. — Останется только пожалеть твой народ, если его вождем станет Ранно.

— Потому-то я и спешу вернуться. Не знаю, сумею ли. Мне придется скакать во весь опор, чтобы проскочить горный перевал до того, как отступающие войска забьют все дороги. И поскорее уезжать. Ты сможешь дать мне лошадь? И переметные сумы с провизией?

— Я дам тебе все, что ты пожелаешь, молодой человек. Я тоже мечтаю о том, чтобы ты поспел вовремя. И хочу видеть твою страну процветающей, ибо только тогда я смогу продавать ваших прекрасных лошадей.

Уже несколько минут Николан слышал какой-то шум. В других комнатах переговаривались люди, хлопали двери, задвигались засовы. Наконец, к ним вошел слуга в когда-то белой тунике с лампой в руках.

— Господин, — он поклонился, — все двери заперты, охрана выставлена.

— А ворота к бухте? Засовы задвинуты?

— Да, господин. Я все проверил сам и убедился, что все охранники на своих постах.

— Ты попробовал еду, которой их кормили за ужином?

— Да, господин.

— Есть у них жалобы?

Слуга почесал спину, прежде чем ответить.

— Они всегда жалуются. О том или другом. Они говорят, что у них в постелях клопы.

— Да кто они такие, чтобы лезть с подобными жалобами? — недовольно воскликнул купец. — Клопы есть и в моей постели. Разве я жалуюсь? Лампы потушены?

— Все, господин, кроме как в твоей комнате, — с этими словами слуга зажег от свечи лампу, которую принес с собой, и поставил ее на стол. Света от лампы было чуть. — Толку от них нет, — пробормотал слуга. — Надо сказать об этом тому обманщику из Антиохии, который продает их.

— Он продает их дешево! — рявкнул К. Кай Росий. Улыбнулся Николану. — С покупками приходится быть осторожным. Кругом одни воры. День выдался тяжелым, мне пора на покой.

В комнате стояли две кушетки. Ворчащий слуга уже укладывался на одну.

— Поднимайся, бездельник! — взревел его хозяин. — Я плачу тебе за то, чтобы ты охранял меня, а не спал. Отведи этого человека к главным воротам и покажи ему Карлака, — купец что-то

написал на обрывке пергамента и протянул его Николану. — Тебе дадут все необходимое. Карлак об этом позаботится.

— Могу я попросить тебя об одной услуге? Если вдова благополучно вернется с Востока, расскажи ей обо мне. А если в городе появится высокий и сильный мужчина по имени Ивар, попроси, чтобы его привели к тебе. Он будет разыскивать меня. Скажи ему все, что знаешь, о моих планах.

К. Кай Росий уже вытянулся на кушетке.

— Будет исполнено, — ответил он, закрывая глаза.

ГЛАВА 6

1

Утром на улицах Тергесте хватало и пустых бочонков из-под вина, и разбитых фляг. Тут же в пыли похрапывали горожане, которые, отпраздновав отступление гуннов, потеряли способность передвигаться. Николан осторожно объезжал их, держа путь к складам К. Кая Росия.

— Я отправляюсь в путь, — сообщил он старому купцу. — Но на дорогах полно воинов Аттилы, поэтому мне необходимо изменить внешность.

Купец послал за нужным специалистом. Он вскорости явился, невысокого роста, с огромным носом, который, казалось, тянул его голову вперед. Оглядев Николана, развязал принесенный с собой мешок и начал доставать флакончики и шкатулки, наполненные красками и тайными восточными снадобьями. Прошло еще немного времени, и лицо, шея, руки и ноги Николана стали коричневыми. Затем волосы и брови поменяли естественный цвет на иссиня-черный. И, наконец, после выверенного движения пальца кудесника перевоплощения от носа Николана к уголкам рта потянулись две глубокие складки.

— Годится? — спросил кудесник, отступая на шаг.

— Годится, — заверил его купец.

Николан посмотрел в маленькое зеркало и увидел абсолютного незнакомца, который родился как минимум на двадцать лет раньше, чем он.

Затем они обсудили, какое он должен выбрать себе занятие. Росий предложил Николану взять с собой мешок с товарами и прикнуться торговцем. Николан отрицательно покачал головой.

— Если ты везешь с собой товары, но не продаешь их, у людей поневоле возникнут подозрения. Пожалуй, лучше мне назваться христианским миссионером.

— И куда будет держать путь этот миссионер?

Николан указал на север.

— В земли Аламанни. Таким образом я попаду на свою родину. Лежит она, как ты знаешь, между Норикумом и великой рекой, в ее излучине.

С тем он и отправился в путь, на крепкой лошади и с крестом на серой, вытертой до дыр тунике. Горный перевал он преодолел без проблем, поскольку отступающие армии еще не подошли и он сталкивался лишь с продовольственными отрядами, прочесывающими округа в поисках еды для основных частей. Повернув на юг, он проехал дорогами Норикума, обогнув плодородные Паннонианские равнины, на которых уже два поколения жили гунны.

Где бы ни останавливался Николан, он задавал один и тот же вопрос: «Вы не видели вдову Тергесте? Она едет на север в большой компании. Много лошадей, сложенных тентов, повозок с едой».

На третью ночь хозяин маленькой харчевни, где он остановился на ночлег, выслушав вопрос Николана, утвердительно кивнул.

— Вдова Тергесте проехала днем. Но она более не вдова. Жена. Нашла себе нового мужа.

— Опять! — воскликнул мнимый миссионер. Впрочем, с учетом того, что он узнал, находясь в плену у Аттилы, это известие не слишком удивило его. — Она может позволить себе много мужей, поскольку женщина она видная и очень богатая.

Хозяин харчевни кивнул.

— У нее много всего. Земли, домов, лошадей, скота. И рабов. А также необузданного темперамента, — он хихикнул. — Ах, какой же у нее темперамент! Но главное, у вдовы доброе сердце.

— Куда она направилась?

Хозяин харчевни указал на север.

— В страну великолепных лошадей.

— Была с ней еще одна женщина? Молодая и красивая?

Потерев переносицу, хозяин харчевни кивнул.

— Маленькая. Худенькая.

— С золотыми волосами?

Хозяин харчевни покрутил рукой вокруг головы.

— Волосы были замотаны черной материей. Цвета я не видел.

2

Наутро Николан прищепил лошадь и ближе к вечеру догнал караван вдовы, разбивающий лагерь. Тенты уже стояли на траве, недалеко паслись стреноженные лошади, а от костров доносился дразнящий запах готовящейся еды. По лагерю расхаживал гигант в белой тунике, с золотой цепью на шее, в сандалиях с шелковыми тесемками. К своему изумлению, Николан признал в нем Ивара. Высокий бритонец руководил слугами. Вдова (иначе он называть ее не мог) сидела в золоченом кресле. У ее ног на земле примостилась маленькая фигурка. От радости у Николана гулко забилося сердце. И разом отпали последние сомнения в том, любит ли он ее. Как ему хотелось подхватить хрупкую девушку на руки, чтобы она положила головку ему на плечо.

Николан направил лошадь к Ивару.

— Эти дороги небезопасны для одинокого путника. Дозволено ли будет скромному слуге Господа нашего поставить палатку на краю вашего лагеря? — спросил он.

Ивар оглядел его с ног до головы.

— Мы будем счастливы, если ты присоединишься к нам, святой отец. И позволь пригласить тебя к ужину, как только его приготовят.

— Твоя доброта безмерна. Я постился с утра, так что не прочь перекусить.

Девушка, что сидела у кресла вдовы, встала и направилась к ним. Встала у головы лошади Николана, всмотрелась во всадника.

— Вытащи камешек из-под языка, Николан Ильдербурф, — воскликнула она.

Николан в изумлении вытаращился на нее. Она же радостно рассмеялась.

— Ты вернулся! Живой и здоровый! Господь Бог был добр к тебе. И ко всем нам.

Ивар ничего не мог понять.

— Ты сошла с ума, Ильдико? Это же старик. Он совсем не похож на Николана.

Евгения поднялась, подошла к Ивару, взяла его под руку, так же всмотрелась к темное, морщинистое лицо всадника.

— Лицо старика. И все-таки... все-таки...

— Я сразу узнала голос! — вскричала Ильдико. — А теперь я вижу за этой маской того, о ком... о ком все время думаю.

Насчет камешка Ильдико не ошиблась. Николан вытащил его изо рта, отбросил его, спрыгнул на траву. Взял Ильдико за руки.

— Ты думала обо мне! — воскликнул он. — Какой же я счастливый. И горжусь тем, что ты признала меня!

Занятые друг другом, они не обращали внимания на остальных. Ивар, который теперь-то узнал его голос, мысленно клял себя за то, что не смог разглядеть за гримом самого близкого друга.

— Не кори себя из-за этого, муж мой, — прошептала Евгения, угадав его мысли. — У любящего сердца самый зоркий глаз.

А Николан по-прежнему не отпускал рук Ильдико.

— Я бы всегда и везде узнал тебя, потому что твое лицо навечно отпечаталось в моей памяти. Однажды, когда я сидел в кабинете Аэция, к нему пришел художник. Я слышал его слова о том, что в каждом лице есть одна, наиболее запоминающаяся черта, по которой можно сразу узнать человека. Если ты сможешь держать в памяти эту черту, все лицо останется с тобой и ты никогда его не забудешь.

— И что самое запоминающееся в моем лице? — спросила Ильдико.

— Линия бровей. Они у тебя не прямые и не загибающиеся вверх на концах, но опускающиеся вниз. От этого лицо твое становится более нежным и, представив себе твои брови, я тотчас же вызываю из памяти тебя всю. Кроме того... — он отпустил одну

руку Ильдико и коснулся ее носа, — божественный скульптор потратил немало сил, заботясь о красоте твоего носа.

— Мы также рады видеть тебя, — нарушила идиллию новобрачная.

Он подошел к Евгении, взял ее за руки.

— Не так уж трудно догадаться, что ты вновь вышла замуж. Хозяин харчевни, в которой я провел прошлую ночь, сказал мне, что ты более не вдова. Но я не подозревал, что ты выбрала в мужа этого Голиафа с далеких островов, — он повернулся к Ивару. — Мой добрый друг! Я несказанно рад видеть тебя. И у меня создается ощущение, что вы оба безмерно счастливы.

Ивар широко улыбнулся, что случалось с ним крайне редко.

— Да, я счастлив. И горд. А теперь я счастлив вдвойне, потому что ты вернулся.

— Это правда, — новобрачная согласно кивнула. — Я выбрала его. Я поняла, что иначе ничего не получится. Я прошла девять десятых пути, а потом моя гордость заставила меня остановиться. Я ждала. Но он преодолел свою часть, колеблясь и спотыкаясь на каждом шагу. И вот он со мной, мой силач, мой четвертый, мой последний муж. Но он дороже всех остальных, вместе взятых.

— Я принял решение с самого начала, — запротестовал Ивар. — Нежность твоих глаз не оставила меня равнодушным.

Евгения повернулась к Ильдико и Николану.

— Клянусь, никогда раньше не говорил он мне таких теплых слов! — воскликнула она.

А Ивар действительно разговорился.

— По всем главным вопросам в нашей семье решающее слово остается за мной.

— Ну... — Евгения вроде бы хотела возразить, но передумала и улыбнулась. — Продолжай. Расскажи им, как мы живем.

— Моя жена принимает мои суждения, мой взгляд на жизнь, мое мнение по самым различным вопросам. Я решаю, куда мы пойдем и когда. Я даже говорю жене, что ей надеть.

— Но, — добавила Евгения, — он не выражает интереса к тому, какими землями я владею, сколько у меня лошадей и скота. Не спрашивает, много ли у меня золота и где я его храню. Пока он не будет докучать мне с этими вопросами, меня будет вполне устраивать его верховенство по части пустяков, которые он находит столь важными. Так что вполне возможно, что мы составим идеальную семейную пару.

Николан по собственному опыту (будучи рабом, не раз прислуживал во дворце Аэция) знал, с какой роскошью обставляются трапезы в знатных римских семьях, но никак не ожидал увидеть нечто подобное в поле, вдали от человеческого жилья. Его потрясло и обилие блюд, приготовленных поварами на костре, и блеск золотой и серебряной посуды. Дамы сменили дорожные наряды на праздничные. Ильдико надела светло-синее платье, Евгения — белую

тунику и, поверх нее, зеленую паллу. «Неужели, — подумал Николан, — это Ивар подобрал столь идущую ей одежду?»

Ужин начался с белой рыбы, пойманной утром в озере, мимо которого они проезжали. Затем последовал жареный кролик. Евгения улыбнулась своему мужу.

— Мой дорогой Четвертый, я бы не отказалась от второй порции кролика.

— Нет, — твердо ответил Ивар. — Ты добьешься лишь того, что раздобреешь в талии.

А слуги уже несли мясо с нарезанными финиками. К каждому блюду подавали свое вино.

Ужин закончился, на столе остался лишь кувшин вина.

— А теперь, — Николан взял инициативу на себя, — я хочу услышать все, что произошло с вами, после чего расскажу о своих, довольно-таки грустных приключениях.

И ему рассказали, как Ивар нашел женщин в Константинополе, как Ильдико одержала верх над арабами, как прошла свадебная церемония в маленькой христианской церкви на берегу Дуная. Женых был в золотой тунике, стянутой темно-синим поясом. Наряд этот Ивар выбирал себе сам.

Затем Ивар заговорил о том, как они выбирались из Константинополя.

— Мацио оказался прав. Дороги в Рим были для нас закрыты. Горные перевалы тщательно охранялись. Так что нам пришлось идти через Гаризонду.

— Тоннель под горой?

Ивар кивнул.

— Конечно, меня мучили сомнения. Все-таки со мной были две очаровательные женщины. Но они не хотели слушать ни о чем другом. Ильдико даже предложила взять с собой двух слуг и разведать путь. На это я согласиться не мог, поэтому мы запаслись факелами, набили переметные сумы провизией, на случай, что не скоро выберемся из-под земли, и вошли в тоннель. Этого путешествия нам не забыть до конца жизни, — продолжил Ивар. — Вода за многие столетия выровняла каменное ложе, но ноги лошадей постоянно скользили, так что нам приходилось крепко держать поводья. Я ехал первым, поэтому, как ты понимаешь, продвигались мы медленно.

— Вы встретили что-нибудь живое? — спросил Николан, вспомнив страшные истории, которые рассказывали о Гаризонде.

— Только змей у входа в тоннель. Потом — ничего. Кроме постоянного шума. Каждый шаг стократно отдавался от стен и потолка пещер. Когда один из нас произносил какое-то слово, оно повторялось и повторялось, пока не затихало где-то далеко впереди. Ильдико даже пела и смеялась, слыша свой голос.

— А что вы там увидели?

— Ничего, кроме света факелов. Нас было двадцать человек и каждый нес факел. Оглядываясь назад, я видел цепочку огненных

бабочек, парящих в темноте. Ильдику, однако, разбирало любопытство, и вскоре она оказалась рядом со мной, при этом она настаивала, что отлично видит в темноте. Говорила, что на стенах есть какие-то древние надписи. Письмена и рисунки животных и людей. Мы даже прозвали ее Госпожа Кошачьи Глазки. Но когда она заговорила о надписях, мы подняли ее на смех и сказали, что она все это выдумывает. Но возможно, мы ошибались. Она доказала нам, что видит в темноте, до того как мы поднялись на поверхность.

— И как же? — заинтересовался Николан.

— Она сказала, что в сторону отходит еще один тоннель и там лежит человеческое тело. Я поехал посмотреть. Она хотела сопроводить меня, но я ей не разрешил. Так вот, она сказала правду. Еще один тоннель уходил в сторону, а у входа в него лежало человеческое тело. Лежало давно. От него остался один скелет.

— Вы смогли узнать, кто это был?

Ивар покачал головой.

— Он лежал так давно, что кости при прикосновении обращались в пыль.

4

Рассказ Николана о двух его поездках на Римскую территорию занял много времени, поскольку его друзья хотели знать все, до мельчайших подробностей. Евгения рассмеялась, когда он упомянул Лутатия Руфия.

— Ох этот проныра, затычка в каждой бочке! Поверите ли, я даже подумывала, а не выйти ли за него замуж. А все потому, что он чистокровный патриций. Но он моложе меня... на год или два, и рот у него не закрывался ни на минуту. Так что я быстро отказалась от этой идеи.

— Он говорил мне, что и принцесса Гонория привечала его, — добавил Николан.

Тут вскинулась Ильдику. И засыпала его вопросами, на каждый из которых он отвечал предельно коротко. Она прекрасна? Да. Она ему понравилась? Ну... да. Он ей понравился? Да. Вероятно, тон Николана и его краткость позволили Ильдику сформулировать свое мнение о принцессе.

— Я думаю, все, что о ней говорили, правда. И мне очень жаль того симпатичного юношу-раба с Востока. Она использует его и отбросит за ненадобностью.

Когда новобрачные удалились в свой шелковый шатер, Ильдику сняла с головы черную повязку. Ее длинные золотистые волосы рассыпались по плечам, и она облегченно вздохнула.

— Вот теперь мы можем поговорить. Благо, есть о чем. И особенно, о причине, побудившей тебя вернуться на родину. Ты, конечно, понимаешь, какая тебе грозит опасность?

Николан кивнул.

— Мы, безусловно, увидим, что Ранно Финнинальдер прибирает власть под себя. Я уверен, что он распускает лживые слухи о той роли, что я сыграл в битве при Шалоне. Рано или поздно мне предстоит предстать перед ферма. Поэтому-то я собираюсь оставаться в этом обличье до тех пор, пока не сочту безопасным для себя открыть свое истинное лицо.

— Но почему ты решил вернуться именно сейчас? — Ильдико помялась. — А вдруг ферма признает тебя виновным. Ранно умен и коварен. Он не остановится ни перед чем, лишь бы уничтожить тебя.

— У него есть много причин ненавидеть меня. Во-первых, он оставил за собой принадлежащие мне земли, — а глядя в огромные глаза Ильдико, Николан подумал: «Но больше всего он ненавидит меня из-за тебя. Он боится, что ты можешь помнить обо мне».

— Но ты не сказал мне, почему счел необходимым вернуться, — Ильдико обхватила руками колени и наклонилась вперед. — Ты думаешь, что наш народ может подняться на борьбу за независимость?

— Аттила уходит из Ломбардии, — ответил Николан. — Отступление армий может привести к развалу империи гуннов, — его глаза сверкнули. — Я должен быть со своим народом. Я знаю много полезного об организации армии, — он помолчал, прежде чем добавить. — И я знаю, что Аттила тяжело болен.

— Мой отец слишком стар, чтобы возглавить борьбу за свободу, — девушка тяжело вздохнула, — а брат мертв. Роймарки не будут играть решающей роли в приближении великого дня освобождения. Как было бы хорошо, если бы ты повел нас к свободе, — тут она замолчала, нахмурилась. Пока он ожидал, что она скажет, с луга донеслось громкое ржание. Ильдико просияла. — Это король. Он желает мне доброй ночи, — новая мысль пришла ей в голову. Она пристально посмотрела на своего собеседника. — Николан, что-то подсказывает мне, может прийти час, когда тебе потребуется сильный и быстрый конь. Вот я и подумала... а почему бы не попытаться? Вдруг ты понравишься капризному королю? Он, возможно, позволит тебе ездить на нем. Пойдем к нему на заре и посмотрим, как он тебя встретит.

Хартагер поднял голову и приветственно заржал. Присел на задние ноги, передние взлетели в воздух. Так он показывал, что рад появлению хозяйки.

— О мой красавчик! — воскликнула Ильдико. — Тебе не доставало меня, о король?

Издаലെка наблюдая за Ильдико, Николан не мог оторвать от нее глаз. Она повзрослела с того дня, как он видел ее уезжающей с караваном вдовы. Фигурка округлилась в нужных местах, отчего

стала более женственной. А золотые волосы по-прежнему сверкали, словно второе солнце.

И пребывание в Константинополе не прошло для нее даром. На ней было красное платье с вырезом на спине и расшитое золотом. Талию ее перетягивал кожаный пояс с серебряными инкрустациями. На плоскогорье такого не носили, но Николан не мог не отметить, сколь к лицу Ильдико этот наряд.

Удивительным нашел он и ту взаимную привязанность, что читалась в отношениях девушки и громадного черного скакуна. Хартагер вел себя как жеребенок. Стоял, расслабившись, и слушал, что она нашептывает ему на ухо. Иногда вскидывал голову, словно подтверждая, что все понял. Глядя на Хартагера, опытный специалист нашел бы в нем характерные черты различных пород лошадей. Скорость и блестящая шерсть указывали на арабскую кровь, длина и маленькая головка говорили о том, что в его роду были тюркские лошади. А уж силой и широкой костью он был обязан лошадям восточных степей. И королем он стал потому, что соединил в себе все достоинства своих предков.

Наконец, Ильдико повернулась к нему.

— Я объясняю королю, что ты — друг. Что он может доверять тебе и что, быть может, скоро ты станешь его наездником. Видишь, как он присматривается к тебе. У него есть разум, и обычно он быстро принимает решения. Иногда мгновенно. И он показывает, нравится ему кто-то или нет. Я видела, как он выказывал к человеку бешеную ненависть, и вот таким следует держаться от него подальше. Как он воспринимает тебя, пока сказать не могу. Он, похоже, в раздумьях. Но, по-моему, он тебя полюбит.

— Вроде моя особа пока не вызвала у него неудовольствия.

— Ты — один из нас, и он это знает. Главное в другом. Полюбит ли он тебя, позволит ли сесть на его спину. С тех пор, как мы уехали из дому, он разрешал это только мне. Хартагер знает, что он король, и не допускает никаких вольностей. В последнее время он немного нервничает, — продолжала Ильдико. — Думаю, ему хочется домой. Много раз я видела, как он застывает и смотрит на север. Ему недостает прохлады нашего воздуха, сочности трав наших лугов, общения с братьями, что остались на пастбищах Роймарков. Иногда мне кажется, что он думает о Рорике. Знаешь, он и мой брат были большими друзьями. Как по-твоему, он знает, что Рорик мертв?

— Да, он бы знал, — ответил Николан. — Если бы Рорик умер.

Ильдико метнулась к нему, вихрем пролетела несколько разделяющих их ярдов.

— Если бы Рорик умер? — воскликнула она. — Николан, что это значит? Разве в этом есть сомнения? Ты сказал мне не все? Так говори же, не томи меня! Ты полагаешь, он жив?

— Возможно, это ложные надежды, поэтому я ничего тебе не говорил. Но, Ильдико, тело его так и не нашли. Склон обыскали снизу доверху, потому что, так мне сказали, Ранно очень хотелось

найти тело. Безо всякого результата. На следующее утро, прежде чем уехать с арьергардом, я тоже побывал на склоне того холма. Его густо устилали тела погибших, но Рорика среди них не было.

— Но, Николан! — от волнения у нее перехватило дыхание. — Если он не умер, что с ним стало? У него была ужасная рана. Стрела попала в глаз! — по телу Ильдико пробежала дрожь. — Его вынесли с поля боя? Кто мог это сделать?

— Я тысячи раз задавал себе эти вопросы. Но так и не нашел вразумительного ответа.

— Если он жив, то где он был все это время? Почему мы ничего о нем не слышали? Как это ужасно! Его взяли в плен? Эти дикари, что занимали вершину холма? Его продали в рабство?

— Я сожалею, что завел этот разговор. Теперь ты не сможешь не думать об этом.

— Я понимаю, что вероятность его спасения очень, очень мала. Но слабенький огонек надежды лучше, чем ничего.

Она вернулась к Хартагеру, который спокойно стоял на том же месте. Провела рукой по гриве.

— Ты помнишь Рорика? — спросила она. — Разумеется, помнишь. Вы были друзьями, ты и мой дорогой Рорик. Он был первым твоим наездником. Он сидел на твоей спине в то утро, когда за твой быстрый бег мой отец назвал тебя нашим новым королем.

Николан пристально смотрел на вороного. И когда Ильдико отошла в сторону, занял ее место у его головы.

— Хартагер, — обратился он к жеребцу, — ты настоящий король и волен выказывать свое благоволение тем, кому пожелаешь. Возможно, я не вхожу в их число. Но девушка, к которой мы оба питаем самые теплые чувства, надеется, что мы сможем подружиться. Она замолвила за меня слово, и, надеюсь, ты сочтешь этот довод достаточно весомым.

Он положил руку на холку жеребца. Хартагер стоял смирно. Не дернулся, негодую против посягательства на свою неприкосновенность.

— В такой день одно удовольствие промчаться по холмам, — Николан шагнул ближе и одним прыжком взлетел на спину лошади. Хартагер мотнул головой и поднялся на задние ноги, словно намереваясь избавиться от лишнего веса. Наступил решительный момент: или Хартагер смирится, или будет бороться до конца, но скинет неугодного ему наездника. Николан, не долго думая, надавил правым коленом на бок лошади. Хартагер опустил на все четыре ноги и галопом поскакал к вершине холма.

— Быстрее, — шепнул Николан, наклонившись к уху жеребца. — Шире шаг, о король. Пусть ветер наполнит наши легкие, а топот твоих копыт слетит с холмов, как далекие раскаты грома.

И скоро до Ильдико, всматривающейся вслед удаляющимся лошади и всаднику, донеслись звуки, похожие на шум приближающейся грозы.

ГЛАВА 7

1

Около полуночи караван вдовы прибыл к длинному дому Роймарков. Их встретили ворота палисада, заложенные тяжелыми брусьями, дабы их не открыл дьявол и прочая ночная нечисть, и закрытые ставнями окна. Дважды пропел горн, прежде чем из-за заостренных бревен мужской голос пожелал узнать, кого это принесло в такую позднотищу. По дрожи голоса чувствовалось, что его обладатель предполагает самое худшее.

— Это Бастато, — шепнула Ильдико Николану. — Он не любит, когда его будят ночью. Сейчас он ужасно зол.

Рядом с Бастато, с факелом в руке, стоял старик Бларки, дворовый шут, и выражение лица домоправителя не оставляло сомнений в том, что он сильно не в духе.

— Кто здесь? Кто? — повторил он. — Приличные люди в такое время по дорогам не бродят.

— Хорошо же ты встречаешь меня, Бастато! — воскликнула Ильдико, выступая вперед, в круг света, отбрасываемый факелом.

Старый домоправитель всмотрелся в нее. Узнал, и тон его разом изменился.

— Да это же госпожа Ильдико! Поднимай всех, Бларки, пусть немедленно готовят ужин. Бринно, дай знать госпоже Лаудио, что вернулась ее сестра!

Шут подпрыгнул, изображая радость, и исчез в темноте дверного проема.

— Поднимайтесь, дубоголовые! Просыпайтесь, сучьи дети!

Вдова и ее команда уже были во дворе, когда в дверях появилась Лаудио, в торопливо надетом синем платье, со спутанными после сна волосами. Она коротко глянула на Ильдико.

— Наконец-то явилась, сестра моя, — в голосе ее не слышалось теплоты. — Долго же ты отсутствовала.

Младшая сестра подбежала к старшей, обняла ее.

— Лаудио! Как я рада, что вижу тебя вновь. У тебя все в порядке? Ты всем довольна?

Лаудио снизошла до того, чтобы холодно поцеловать сестру в щеку.

— У меня все в порядке. Но довольной мне быть не с чего.

Ильдико отпрянула, всмотрелась в лицо старшей сестры.

— Лаудио, мой отец... Он... Он..?

— Он все еще жив, если ты спрашиваешь об этом, но мы не питаем особых надежд. Дело лишь во времени. Ему остались дни. Может, часы.

— О Боже, благодарю Тебя. Ты позволил мне прибыть вовремя, — глаза ее наполнились слезами.

Затем Ильдико представила сестре своих спутников. Лаудио, впрочем, и сама догадалась, что женщина в голубой накидке из

дорогой восточной ткани — Евгения Тергесте. Знаменитую вдову знали все. Затем темно-карие глаза Лаудио переместились на здоровяка Ивара. Она, несомненно, узнала его, но не подала виду и лишь чуть поклонилась.

— Мой новый муж, — вставила Евгения. — Четвертый.

— А кто-то еще утверждает, что в путешествиях нет толку, — раздался сзади скрипучий голос старика Бларки.

— Нас шестнадцать человек, — добавила Ильдико. — Найдется всем место?

— Конечно, — Лаудио гордо вскинула голову. — Гостеприимство Роймарков не знает пределов. Или ты провела вне дома столь много времени, что забыла об этом?

Из дома высыпали слуги, еще сонные, но радостно улыбающиеся. Они опускались на колени перед младшей дочерью Мацио и целовали ей руку. А в доме Бларки расталкивал особо заспавшихся, кляня их последними словами.

— Я скажу отцу, что ты приехала, Ильдико, — Лаудио повернулась к двери. — Надеюсь, он сможет повидаться с тобой. Он совсем слабый.

На лице Ильдико отразились негодование и удивление.

— Но, Лаудио, я пойду вместе с тобой! — воскликнула она. — Разве я не дочь хозяина дома? Я жду не дождусь той минуты, когда увижу моего любимого отца.

— Как пожелаешь. Но переживет ли он встречу с тобой?

«Если эта женщина выйдет замуж за Ранно, — подумал Николай, — они составят достойную пару».

2

Николай вошел во двор одним из последних и старался привлечь к себе как можно меньше внимания. Но Ивар, возвышающийся над всеми на голову, не мог остаться незамеченным. А потому у слуг возникла масса вопросов. Тот ли это здоровяк, что приезжал с Николаем Ильдербургом? Если тот, то где сейчас Николай? По-прежнему в армии Атиллы?

В обеденный зал, занимающий большую часть дома, принесли еду, и путешественники отдали должное холодному мясу и красному ячменному пиву. Николай не стал садиться за стол, но поднял крест, показывая, что он постится. И с нетерпением ждал возвращения Ильдико, чтобы узнать о самочувствии ее отца. Стоя в прихожей, он услышал ее голос. По тону чувствовалось, что отец если и плох, то уж во всяком случае не умер.

Николай шагнул к комнате Мацио, и тут Ильдико вышла из двери вместе с Лаудио. Николай в этот момент она напомнила бутон цветка, раздавленный каблуком. А секундой позже она чуть улыбнулась, повернувшись к сестре.

— Как хорошо, что я успела приехать.

Лаудио хмуро посмотрела на нее.

— Твой отъезд обошелся нам дорого.

Две сестры в молчании смотрели друг на друга. Похоже, пытались понять, как же теперь будут строиться их отношения. «Моя бедная Ильдико, — подумал Николан. — Она-то ожидала, что Лаудио встретит ее с распростертыми объятьями. Она в недоумении, бедный ребенок, и так несчастна».

Сестры продолжили разговор шепотом, так что Николан более ничего не слышал. Лицо Лаудио закаменело, ее ледяной взгляд сверлил Ильдико. А та едва не плакала.

Наконец, он расслышал голос младшей сестры.

— Ты ничего не говоришь о Рорике. Означает ли это, что он не давал о себе знать?

Лаудио кивнула.

— Рорик мертв. Мы давно сжились с этим. И можем надеяться лишь на то, что на заседании ферма будут определены виновные в его смерти. А потом и наказаны.

— Кто займет место отца?

Лаудио холодно усмехнулась.

— Кто, как не Ранно? Почему ты спрашиваешь? Он — единственный из сыновей знатных родов вернулся с той ужасной битвы.

— Так его выбрали?

— Не было никаких выборов. Когда претендент один, какой смысл собирать ферма и голосовать?

— Но, сестра, это выборная должность, требующая всенародно-го голосования. Вспомни, как столетия назад выбрали представителя нашей семьи? Общий сход собрали на берегу Волги, и на принятие решения ушел целый день. С тех пор на ферма председательствовал Роймарк.

— Времена изменились, — ответствовала Лаудио.

Ильдико помялась.

— Ты скоро выходишь замуж за Ранно?

Лицо старшей сестры полыхнуло румянцем.

— Откуда мне знать? Мое замужество в руках отца. Он мне ничего не говорил. Он не делится со мной своими планами. Это твоя привилегия. Возможно... — голос ее наполнила горечь, — он скажет тебе, каковы его намерения в отношении меня.

— Дорогая сестра, почему ты так холодна и сурова? — воскликнула Ильдико. — Я всегда так любила тебя! Я надеялась, что ты обрадуешься, увидев меня, но теперь мне ясно, что мое возвращение тебе не по душе.

— Ты приехала не для того, чтобы повидаться со мной. Но, раз уж ты здесь, я дам тебе совет. Держи волосы под этой черной тряпкой. Не тряси своими желтыми патлами перед нашими людьми. Ты, должно быть, знаешь, что армии Аттилы отступают. Приехав сюда, ты сама отдала себя в его руки.

Лаудио повернулась и направилась в темную прихожую, где стоял Николан. Поравнявшись с ним, остановилась, посмотрела

на него, нахмурилась. Затем, не сказав ни слова, проследовала дальше.

«Боюсь, она начинает догадываться, кто я такой», — подумал Николан.

Бастато подошел к Николану и извиняющимся тоном сказал, что спать ему придется в одной комнатухе с двумя слугами господи Евгении.

— Священник из Фурле прибыл раньше вас с восемью сопровождающими, — объяснил Бастато. — Десятерым нашим работникам придется спать под столом. Служанки пойдут на конюшню и проведут ночь на сеновале.

Во время разговора Бастато пристально вглядывался в Николана, словно знал, кто скрывается за личиной миссионера. Впрочем, свои выводы он оставлял при себе. А может, Ильдико ввела его в курс дела.

Двое слуг уже спали на брошенных на пол охапках сухой травы, наполняя комнату храпом. Подушку заменяло бревно. Николан устроился рядом с ними, но еще долго лежал без сна.

3

Тропа, уходящая от лугов, взбегала на склон холма и оканчивалась в роще высоких деревьев. Николан с самого рассвета сидел на ветви у вершины одного из них. Со своего «наеста» он видел землю, по праву принадлежащую ему, и его глаза вбирали в себя зелень травы, на которой когда-то паслись лошади Ильдебурфов.

«Мне никогда не вернуть их, если я не пойду напролом, — мысль эта раз за разом приходила ему на ум. — Почему я должен возвращаться домой в чужом облике, словно вор в ночи?»

Усевшись поудобнее, он вытащил из пояса маленькую бутылочку. Содержащаяся в ней жидкость снимала краску, и, не теряя времени, Николан начал энергично втирать ее в кожу лица, шеи, рук. Легкий теплый дождь, накрапывающий с утра, превратился в ливень, облака над головой заметно почернели, а ветер все сильнее раскачивал верхушки деревьев, грозя сбросить его на землю.

Вот тут он и заметил человека в длинном синем плаще и матерчатой шляпе, спешащего вверх по склону. Присмотревшись, Николан понял, что это Ильдико.

Не дойдя до первого дерева, девушка подняла голову, сразу нашла в листве Николана.

— Я подумала, что ты, скорее всего, здесь.

Николан искренне удивился.

— Когда я уходил, все еще спали. Только на кухне растапливали печь. Как ты догадалась?

Ильдико проследила взглядом за воронами, летящими к лесам Ильдербурфов.

— Маленькой девочкой я часто взбиралась на это дерево. Сидела и молилась о том дне, когда ты сбежишь из Рима и вернешься. Затем я шла домой и просила отца купить тебе свободу. Но он отвечал, что никто не знает, где тебя искать... Ты стер эту ужасную краску! — воскликнула она. — Я рада, хотя теперь Ранно узнает о твоём присутствии, — она по-прежнему не отрывала от него взгляда. — Как хорошо, что ты ничуть не изменился с того дня, когда внезапно появился рядом со мной и решил, что сможешь догнать меня, скачущую на Хартагере. Миссионером я тебя не воспринимала, — Ильдико хихикнула. — Ты напоминал мне одинокую печальную мартышку, грустящую о джунглях!

Николан спустился вниз, перехватывая ветви руками, совсем как упомянутое Ильдико животное. Вскоре он уже стоял перед девушкой.

— Я любил тебя всю жизнь! — вырвалось у него.

Ильдико не ожидала столь быстрого развития событий. Лицо ее залил румянец.

— Я влюбился в тебя с первого взгляда. Но ты тогда была совсем маленькой и, наверное, ничего не помнишь.

— Помню, — возразила Ильдико.

— Мой отец взял меня с собой, направляясь в гости к твоему отцу. Лет тогда мне было немного, и он полагал, что в своём возрасте я — лучший наездник. Но, спустившись с холма на луг, мы увидели крошечную фигурку на черном скакуне.

Ильдико кивнула.

— То был внук прежнего короля. Мы думали, что он станет новым королем, но скоро стало ясно, что ему не хватает скорости.

— Отец сказал мне: «Должно быть, это вторая дочь». И остановил лошадь. Едва ли ты была старше пяти лет, но ты вытворяла такое, на что я никогда бы не решился. Ты перепрыгивала высокие загородки и перелетала через широкие канавы. «Она едва вылезла из колыбели, — пробормотал отец и мрачно посмотрел на меня. — Сын мой, когда мы приедем, ты сразу спрыгнешь с лошади и не сядешь на нее до самого нашего отъезда. По возвращении домой я сам займусь твоей подготовкой, — по его тону я понял, что он в глубокой печали. — В моей руке всегда будет хлыст. Я научу тебя скакать на лошади». Он не бросал слов на ветер. Он и его хлыст многому меня научили, — Николан помолчал. — Ты ничего этого не помнишь.

— Наоборот, помню, и помню все. Я увидела тебя и решила доказать, что достойна внимания, несмотря на юный возраст. Я еще подумала: «Это же сын Ильдербурфа. Неужели он думает, что может скакать, как Роймарк?» Но для меня ты выглядел таким большим и взрослым. Как ты, должно быть, ненавидел меня!

— Нет! — воскликнул Николан. — Раньше я никогда не видел девочку с золотыми волосами. И ты была в красных сапожках, таких маленьких, что они едва ли влезли бы на лапки котенка. Я тут же

в тебя влюбился. И с тех пор ты не выходила у меня из головы. Я думал о тебе днем, и ты снилась мне по ночам. Тебе это интересно?

— О, да. Очень интересно. Расскажи мне все-все-все.

— Когда ты мне не снилась, я скоро забывал свои сны. Но я помнил их с начала и до конца, как только в них появилась ты. Ты видишь цветные сны?

Ильдико насупилась.

— Цветные? Не знаю. Как-то не задумывалась над этим. Если я не ошибаюсь, сны у меня всегда серые и как бы подернуты дымкой.

— Вопрос этот часто обсуждался в Риме. Молодые патриции, стремящиеся завоевать расположение Аэция, приходили к нему в кабинет и старались произвести на него впечатление своей ученостью. Сидя в своем углу, я слышал все, что там говорилось. То была их любимая тема, и все они думали, что цветные сны — следствие того, что они спали допоздна (все римляне, кроме Аэция, спали допоздна), поскольку вызывают их солнечные лучи, падающие на лицо. Я-то знал, что они неправы, поскольку ты мне снилась каждую ночь и всегда в цвете. Я даже пытался слагать в твою честь стихи, но дальше одной строки дело не пошло: «Твои волосы, что пыль огненных опалов». Я понял, что закончить стихотворение мне не удастся.

— Но строка хорошая, — улыбнулась Ильдико.

— Летом у тебя на переносице выступали веснушки. Меня это радовало, так как они служили доказательством того, что ты все-таки человеческое, а не небесное создание. В одну ночь во сне я увидел тебя так отчетливо, что смог пересчитать твои веснушки. На следующий день я попросил тебя взять зеркало и сосчитать их самой. Ты насчитала...

— Семь, — без запинки ответила Ильдико.

— Именно столько их было и в моем сне. Даже тогда я понимал, что ты мне не пара. А теперь... ты отвергла руку и сердце восточного короля, и убегаешь от гуннов, чтобы не стать женой их императора.

— Одной из сорока, — уточнила Ильдико. — Тебе не приходило в голову, что есть мужчина, которого я предпочла бы всем остальным?

Дождь уже лил как из ведра. Прижавшись друг к другу, они стояли под деревом, и он видел, что плащ Ильдико — слабая защита от ливня. Поднял ей воротник и пальцы его дрожали, касаясь маленького подбородка или оказываясь в непосредственной близости от ямочки на щеке. И тут Ильдико напомнила ему, что он еще не назвал ей причину, заставившую его смыть краску.

— Их много, — ответил Николан. — Как я могу добиться твоего благоволения, если выгляжу в твоих глазах печальной африканской мартышкой? Как я могу в такой обличии сыграть какую-то роль в подготовке к тому дню, когда рухнет империя гуннов? С этим задержки быть не должно, потому что мы не можем оставить это дело в некомпетентных руках Ранно. И еще, я хочу как можно

скорее стереть пятно с моей чести, доказав, что я не имею никакого отношения к тому приказу, что послал твоего брата на смерть.

Она посмотрела ему в глаза.

— Я никогда в это не верила! Никогда!

Николан взял ее за руки, сильно сжал их, выказывая, пусть и в малой степени, те чувства, что переполняли его.

— Я не собирался столь скоро признаваться тебе в любви, — воскликнул он. — Но так уж получилось, что сил молчать больше нет!

— Ты не подумал обо мне, — мягко укорила его Ильдико. — Когда женщине признаются в любви, она должна выглядеть как богиня. Одета в шелка, что нежно шуршат при любом ее движении, с уложенными волосами. Надушенная и напомаженная. А я сейчас напоминаю утопающую мышку.

— Ты прекраснее Клеопатры со всем ее золотом, парчой, драгоценностями.

Ильдико радостно улыбнулась.

— Какой у меня галантный кавалер! Я не забуду этого комплимента. Но, пожалуйста, позволь объяснить, что привело меня сюда вслед за тобой. — У самого ствола она нашла кусочек сухой земли, села, понизила голос. Настроение ее переменялось к худшему. — Я уверена, что вскорости многое может случиться. Непонятное, может, ужасное. Я пришла, чтобы поговорить с тобой наедине о том, что мы можем предпринять.

Николан присел рядом. Дождь лил все с той же силой. Казалось, боги открыли все вентили в небесных цистернах, решив вылить на землю весь зимний запас влаги.

— В тот день в Эпире, когда я возвращалась на Хартагере после заезда, я столкнулась с невысоким темнокожим мужчиной, что сидел у стены, подкидывая и ловя золотые монеты. Он был невероятно уродлив, злобного вида, но заговорил со мной очень дружелюбно. Сказал, что выиграл это золото, поставив на меня и вороного, и теперь хочет отплатить мне добром, дав дельный совет.

Он сказал, что приехал из Африки и каким-то боком связан с лошадьми и скачками, а потому общается с разными людьми и многое слышит. «Уезжай, — посоветовал он мне. — Уезжай немедленно. Этот ужасный Аттила заслал сюда своих шпионов. Они сообщат ему о твоём местопребывании». Я возразила, что Аттила ничего не сможет поделать со мной, поскольку мы находимся так далеко от границ его империи. Темнокожий мужчина покачал головой. «Он схватит всех твоих родственников и друзей и будет угрожать, что все они умрут медленной смертью, если ты не приедешь к нему. Но он на это не пойдет, не зная, где ты находишься. Слушай меня, золотоволосая госпожа. Уезжай в Афины. Найми корабль и плыви на Восток. До самого Китая. Только там до тебя не дотянутся его шупальца».

Я рассказала об этом разговоре вдове. Она знала этого человека. «Он парень честный. Если он говорит, что шпионы Аттилы здесь, значит, так оно и есть. Мы должны уехать немедленно». И мы уехали в тот же вечер. Маленький темнокожий мужчина пришел к

нам перед самым отъездом. «У шпионов Аттилы есть картинка, на которой изображена ты. Не теряйте времени». Мы умчались в Афины, но не сели на корабль, как предлагал он, а отправились на север, в Константинополь.

Прошлым вечером я говорила с отцом и он дал мне тот же совет, что и тот африканец. Только предложил ехать через Галлию и сестру на корабль, идущий на Восток, в Марселе. Он хочет, чтобы со мной уехали Евгения, Ивар и Лаудио, если ее удастся уговорить.

— Он знает обо мне? — спросил Николан.

— Я сказала ему, что ты с нами. Он глубоко задумался, прежде чем заговорил вновь: «Он понадобится здесь, когда империя Аттилы развалится, словно полено под топором дровосека». Я сказала, что именно поэтому ты и вернулся, и он добавил: «Он должен занять место моего бедного Рорика». Тогда я заявила, что никуда не поеду.

— Но ты должна! — воскликнул Николаи.

Ильдико смотрела на тропу, по которой ручьем текла вода.

— Нет. Другие пусть едут. Я сама уговорю их. Им нет нужды рисковать жизнью. Но мое место здесь.

— И что сказал на это господин мой Мацио?

— Он спросил, хочу ли я остаться из-за тебя. Я сказала... — Ильдико запнулась. Лицо ее, до того бледное, внезапно стало пунцовым.

— Пожалуйста. Скажи мне, что ты ему ответила?

Губы Ильдико дрогнули.

— Я ответила: «да».

Их взгляды встретились. Они молчали, потому что все было ясно без слов. Он получил ответ, которого ждал, и теперь его захлестнула волна радости, ибо понял, что ему есть на что надеяться, к чему стремиться.

Он вновь взял Ильдико за руки.

— Ты тоже считаешь, что мне нужно остаться?

Она ответила без малейшего колебания.

— Возможно, это будет стоить нам жизни. Но другого пути нет.

Николан кивнул.

— Ранно тут же выдвинет свои обвинения перед ферма. А шпионы Аттилы доложат ему о твоём возвращении домой. Ты все равно готова рискнуть?

— Я останусь с тобой.

— Тогда мы должны хоть как-то обезопасить себя. Я немедленно поеду к отцу Симону и попрошу его обвенчать нас. Возможно, он даже согласится поселить нас в своей пещере на холме Бельдена.

— Пока мой отец жив, я буду при нем. Потом... если ничего не помешает... я присоединюсь к тебе. Места там хватит нам обоим. Отец Симон как-то сказал мне, что пещера большая и не очень сырая.

— Я привез тебя сюда в тяжелый момент, — Николан печально покачал головой. — Отказаться от двух тронов, чтобы попасть в такую передрагу.

Ильдико с нежностью посмотрела на него.

— Я всем довольна. Думаю, нам пора возвращаться. Утром я еще не видела отца, а он, возможно, спрашивал обо мне.

Она наклонилась, чтобы снять башмачки.

— Пойду босиком по траве.

Башмачки были такие маленькие, практически невесомые. Николан положил их в карман насквозь промокнутой туники. Затем положил руки ей на плечи, развернул Ильдико лицом к себе.

— Наш небесный Создатель, трудам которого обязано своим существованием все живое и неживое, поступил несправедливо, когда решил даровать тебе такую красоту. Несправедливо по отношению к другим женщинам и несчастным мужчинам, которые с первого взгляда безумно влюбляются в тебя, — он прижал ее к себе и поцеловал, в первый раз. Поцелуй этот длился вечно, а Ильдико, похоже, не возражала, уютно устроив головку у него на плече. — Теперь я верю, что ты действительно принадлежишь мне. И я счастливейший смертный на земле!

Когда они, держась за руки, вышли из-под деревьев, дождь поутих. Просветлело и небо. Но они побежали по мокрой траве, не обращая внимания на брызги, летевшие во все стороны, если ноги их попадали в лужи. Еще до того, как они спустились с холма, стало ясно, что ливень кончился. Северный ветер начал рвать облака, и в просветах, через которые врывались солнечные лучи, показалось синее небо.

Николан сжал ладонь Ильдико.

— Ты, похоже, можешь бежать так же быстро, что и я. Однако я не вижу крылышек на твоих плечиках.

Ильдико остановилась у изгороди, огораживающей луг, хотя вся дрожала от холода в мокрой одежде.

— На это стоит посмотреть. Мне хочется знать, полагают лошади Хартагера своим королем или уже нет.

Все лошади укрылись от дождя в конюшнях, но, видя, что он закончился, черная голова появилась из ворот. И долго, не меньше минуты оценивала ситуацию.

— Я так и знала! — Радостно воскликнула Ильдико. — Они ждут его команды. Посмотрим, что будет дальше.

Хартагер медленно вышел из конюшни. Сделал несколько осторожных шагов, остановился, поднял голову, изучающе посмотрел на облака. Взмах его хвоста, похоже, послужил сигналом, поскольку остальные лошади последовали за ним. Они держались за его спиной плотной кучкой. Поневолe напрашивалось сравнение с генералом, обзревающим поле битвы, и его штабом, ожидающим приказов. Затем молодняк, однолетки и двухлетки, помчались галопом на другой конец луга.

Ильдико присела и знаком предложила Николану последовать ее примеру.

— Не хочу, чтобы он меня видел, — прошептала она. — У меня ничего для него нет, а он знает, что я всегда приношу ему яблоко или кусок сахара. Пойдем отсюда.

Пригнувшись, они направились к дому.

— Ты высоко ценишь возможности великого Хартагера, — заметил Николан. — Иной раз можно подумать, что он рожден с человеческим разумом.

Ильдико пренебрежительно фыркнула.

— Да он умнее большинства людей. Он всегда знает, как себя вести, что делать. Он держит себя в отличной форме и никогда не ест слишком много. Он требует уважения и указывает своим поданным положенное им место. А какое у него чудное сердце!

— Ты разбираешься в лошадях гораздо лучше меня, — смиренно признал Николан.

— Дорогой мой, тебе просто не дали возможности пообщаться с ними. Ты был совсем юным, когда работоторговцы увезли тебя. И потом, твой отец, как и многие крупные землевладельцы, держал не только лошадей, но коров и овец. Роймарки многие поколения занимались только лошадьми. Не одно столетие. Я уверена, они узнали многое такое, что просто недоступно другим. — она задумалась, потом добавила. — Боюсь, придет день, когда наш род прервется и наши знания будут потеряны и забыты.

— Ты веришь, что они понимают твои слова?

— В определенном смысле. Естественно, они не понимают значения многих слов, но интонации голоса для них — открытая книга. Они знают, когда ты доволен или зол. Они могут сказать, когда ты весел или печален. Они наблюдают за тобой уголком глаза, и им известно, что ты задумал, — Ильдико помолчала. — Ты часто говорил со своими лошадьми?

— Нет. Редко.

— А напрасно. Они это обожают. Учти, лошади не любят одиночества, им нравится, когда их не оставляют без внимания, разговаривают с ними. Позволь мне рассказать историю о Хартагере. В заезде в Константинополе, когда мы вернулись на дистанцию, я знала, что наверстать упущенное практически невозможно. Слишком далеко ускорился Сулейман. Я наклонилась к уху нашего короля и сказала, сколь важна для меня его победа над этим быстроногим арабом. Я вновь и вновь просила его бежать быстрее, потому что в грохоте копыт он мог не слышать моих слов. Наконец, он, похоже, понял, чего я от него добиваюсь. Николан, он кивнул! Совсем как человек, наклонил и снова поднял свою красивую голову. И мгновенно прибавил в скорости. С того момента управлять им необходимости не было. Он сам знал, что надо делать.

А когда мы проскочили финишный столб, я не знала, пришел Хартагер первым или нет, потому что финишировали лошади нос к носу. И Хартагер повернул голову. На одно мгновение. Чтобы поймать мой взгляд и вновь кивнуть. Он словно говорил мне: «Ты просила меня победить, моя госпожа. И я выполнил твою просьбу».

Но полной уверенности в нашей победе у меня по-прежнему не было. Судьи могли присудить ее арабу. И я сказала: «О король, ты уверен? Ты действительно обошел его? Мы выиграли?» Он снова посмотрел на меня. В его взгляде читалась нетерпимость к человеческим слабостям. Я чувствовала, что, будь у него язык, он бы отчитал меня: «Ты должна полагаться на мое слово. Я знаю, за мной победа или нет».

От дома кто-то позвал Ильдику. По голосу чувствовалось, что она очень нужна.

— Меня зовут, — от волнения у Ильдику перехватило дыхание. — Наверное, что-то с отцом. Николан, я боюсь! Нам надо спешить.

И, так и не надев башмачки, побежала по дороге, не обращая внимания на то, что камешки впивались в ее ступни. Николан не отставал ни на шаг.

У двери она посмотрела на него.

— Должно быть, это первый удар судьбы из тех, что мы ожидали!

4

Бастато коротко глянул на Николана.

— Так я и думал, — пробормотал он и откинул полотняный полог, служивший дверью в спальню Мацио. Вошел первым, открыл деревянные ставни, преграждавшие дьяволу путь в дом.

Всю обстановку спальни составляла кровать, на которой лежал Мацио. На одной стене висело распятие, меч старого воина стоял в углу.

Глаза умирающего, казавшиеся огромными на исхудалом лице, повернулись к гостю.

— Ты Николан, сын Саладара Ильдербурфа, — прошептал он. — Я хочу тебе кое-что сказать. Остальным этого знать не нужно.

Николаи опустился у кровати на одно колено.

Каждое слово давалось старику с трудом. Однако усилием воли он заставлял себя говорить.

— Я могу доверять тебе. Мой сын Рорик, когда-то твой друг, не погиб. Он жив и идет сюда. Но он серьезно ранен, и сил у него немного.

— Слава тебе, Господи! — воскликнул Николан. — Я так часто молился об этом. Вот и решение всех наших проблем. Я думаю, мы будем близки как Давид¹ и Ионафан².

Мацио медленно повернул к нему голову.

¹ Второй царь Израиля, помазанный на престол после гибели в битве Саула и четырех его сыновей, включая Ионафана.

² Старший сын первого всеизраильского царя Саула, близкий друг Давида.

— Сын моего давнего друга! — прошептал он. — Поверь тому, что я тебе сейчас скажу. Я видел Рорика и говорил с ним этой ночью. Это был сон, но я знаю, что Рорик жив, и я говорил с ним, словно наяву.

И старик начал пересказывать содержание сна, часто останавливаясь, чтобы перевести дух и собрать остатки сил. Он осознавал, что лежит в своей постели, потому что видел, как лунный свет отражался от рукояти его меча, стоявшего в углу. И тут стена за изголовьем кровати как бы отошла в сторону. Но его усталым глазам открылся не луг, начинающийся за домом, а чужая страна, в которой, однако, ему доводилось бывать. Вдали к небу вздымались высокие горы. С их склонов стекала быстрая река, течение которой на равнине заметно замедлялось. У самой комнаты река поворачивала и исчезала из виду. На другом берегу реки стоял большой круглый каменный дом. Издалека доносился какой-то монотонный звук. Как догадался Мацио, мычание скота.

И тут он услышал голос сына.

— Ты наконец-то пришел, отец мой.

— Ты ждал меня, Рорик?

— Да, отец мой. Мне не хватало тебя.

В этот момент Мацио не сомневался, что уже умер, и его сын пришел, чтобы встретить, ему помочь подняться в горы и по тропе, уходящей на небо. Однако вскоре он понял, что дело обстоит иначе. На месте одного глаза Рорика он увидел ужасный шрам. Рорик совсем ослаб, и несколько сделанных им шагов лишили его последних сил. Мацио знал, что люди, переходя в царство Божие, не берут с собой своих ран, а все их увечья исчезают, как только душа отделяется от тела. Таким образом ему стало абсолютно ясно, что вошел в комнату и сел у его кровати живой Рорик, во плоти и крови.

Разговор отца и сына не занял много времени. Рорик объяснил, каким образом ему удалось уцелеть в той ужасной битве. Тяжело раненного, его вынес с поля боя другой оставшийся в живых, и несколько месяцев он боролся со смертью в крестьянской хижине. Наконец, молодой организм победил, и Рорик двинулся к дому. Шел он в одиночку, и ему приходилось часто и надолго останавливаться, собираясь с силами и полагаясь на милосердие бедняков тех стран, через которые лежал его путь.

Между отцом и сыном установилось полное взаимопонимание. Рорик знал, сколь близок к смерти его отец. Как и о том, что Ильдико вернулась вместе с Николаном.

— Я не смогу прибыть домой вовремя, если мне не помогут, — несколько раз повторил Рорик. Мацио понял, что он говорит об опасности, грозящей его сестре и другу. — Пошли за мной Николана. Немедленно.

Старик так обессилел, что тяжелые веки опустились на его глаза. Николан какое-то время ждал продолжения, а потом не выдержал.

— Где я его найду?

У него не возникло ни малейшего сомнения в правдивости рассказа Мацио. В мире снов творились таинственные вещи, понять которые могли только сказители, но он сразу поверил, что отец и сын нашли способ общения на расстоянии.

Мацио ответил после долгой паузы.

— Я... я не могу сказать этого. Мой разум отказывается направлять мой язык.

Николан вспомнил, что его отец, когда он был маленьким, часто ездил в Разтию, расположенную не столь уж далеко от плоскогорья. Отец рассказывал, что горы там очень высокие, а население отдает предпочтение не лошадям, а быкам и коровам.

— Он в Разтии? — спросил Николан.

Глаза Мацио широко открылись, но Николан понял, что видит старик не горный хребет, а голую стену и окно с распахнутыми ставнями.

— Разтия, — прошептал он. — Я не помню.

— Разтия лежит на его пути из Галлии, — добавил Николан. — Если он двигался на юг между горами и великой рекой, Разтию ему не обойти. Но страна это большая, а население невелико.

Больной покачал головой на подушке, вне себя от собственной слабости.

— Имена ускользают от меня. После того, как я проснулся, ко мне подходила женщина. Сказала, что она моя дочь.

— То была Лаудио?

Имя не вызвало никакого отклика.

— Я ее не узнал.

В отчаянии Николан засыпал старика вопросами. Он уверовал, что Рорик нашел временное пристанище в Разтии. Далеко ли находится Рорик? У самой реки? Или у подножия гор? По какой дороге надо к нему идти? Мацио изо всех сил старался хоть что-то вспомнить, но без особого успеха. И произнес лишь одно слово, которое поначалу ничего не сказало Николану.

— Ракх, — прошептал старик. И повторил это несколько раз, прежде чем впасть в полубессознательное состояние.

— Ракх? — пробормотал Николан. Вроде бы он слышал это слово, но где и когда...

Мацио едва дышал. Рука Бастато легла на плечо Николана.

— Пойдем, — домоправитель взгляделся в лицо старика. — Сейчас задавать вопросы бессмысленно. Будем надеяться, что он сможет говорить, когда отдохнет. Но как бы его глаза не закрылись совсем.

— Твой господин часто бывал в Разтии? — спросил Николаи, когда они выходили из комнаты Мацио.

— В последние годы нет. Но раньше ездил туда не раз. Покупал скот. Или менял лошадей на коров.

— Ты сопровождал его?

— Никогда. Я же домоправитель. Он брал с собой Рорика и полдюжины лучших бойцов. На границе с Разтисей полно бандитов.

— Он покупал скот у одного продавца или у многих?

— Думаю, что у одного.

— Можешь ты мне назвать его имя?

Бастато нахмурился, роясь в памяти, затем покачал головой.

— Когда-то я его знал. Думаю, он родом из Аламанны, имя было труднопроизносимое. Может, я его еще вспомню, но сейчас оно выскочило из головы.

— Я могу узнать его у одного из всадников, что ездили вместе с ним.

Вновь Бастато покачал головой.

— Нет, мой господин. Все они погибли в великой битве.

Кирпичный дом Роймарков страдал многими недостатками, но главный заключался в том, что уединиться в нем не представлялось возможным. Дом буквально кишел людьми. Они толклись в обеденном зале, сидели по углам, лежали в комнатах-клетушках, они говорили, спорили, требовали. Выйдя из комнаты Мацио, Николан увидел Ильдику и Евгению. Не найдя лучшего места, они расположились в коридоре между парадной дверью и обеденным залом. На полу горкой лежали женские наряды из Византии и восточные украшения. Служанки вскрикивали от восторга, смеялись.

Бастато, похоже, доложил Ильдику о самочувствии ее отца, так что на лице девушки не отражалось тревоги. Она сменила мокрую одежду на зеленое платье, отделанное желтым, перетянутое в талии поясом, с портретом Мацио на пряжке. Ее старый пес Бозарк лежал у ног девушки, вернее, под ее ногами, и мирно похрапывал. В руках она держала котенка с длинной серебристой шерстью и пушистым хвостом.

Служанки разбежались при появлении Николана, унося с собой подарки Ильдику. Собственно, для того она их и собирала.

Евгения посмотрела на Николана, тут же повернулась к Ильдику, и губы ее разошлись в широкой улыбке.

— Ты поступил мудро, Николан, смыв эту краску. И теперь все видно невооруженным взглядом. Ах, как сладка любовь молодых! У вас все написано на лицах. И мне ясно, что в моем присутствии нет никакой необходимости. Более того, оно излишне. Лучше я присоединюсь к моему мужу и добрым священнослужителям, которые прервали пост ради вареного мяса и гусиных яиц. По мне утром такая сытная пища ни к чему.

Волосы Ильдику ниспадали вдоль ее спины на дубовую скамью, на которой она сидела. Одна из служанок расчесывала их, а на скамье лежало несколько гребней и щеток.

За все дни, что они провели в пути, Николан ни разу не видел Ильдику без черной «чалмы» на голове. А теперь великолепие золотых волос лишило его дара речи. Ему улыбалась красавица,

стройная, с белоснежной кожей, ярко-синими глазами, с носом и бровями столь идеальной формы, что самому лучшему греческому скульптору не удалось бы повторить их в мраморе.

— Теперь я знаю, что то был сон! — выдохнул Николан.

— Сон? О чем это ты говоришь?

— О том, что произошло под дождем.

— Нет, — Ильдико по-прежнему улыбалась. — То был не сон. Ты сказал, что любишь меня. А я, надеюсь, с девичьей скромностью, дала тебе понять, что разделяю твои чувства. Мы решили пожениться. И у меня нет ни малейшего желания расценивать случившееся как сон.

И пока он пожирал Ильдико восхищенным взглядом, она подняла юбку на пару дюймов, показывая, что у нее голые ноги.

— Может, ты будешь столь любезен, что отдашь мне мои башмачки.

Николан торопливо вытащил их из кармана туники и передал Ильдико.

— Я забываю обо всем, когда вижу тебя. Твой отец сказал, что Рорик жив.

Глаза Ильдико изумленно раскрылись, лицо осветилось радостью.

— О Николан, Николан! Это правда? Ты уверен, что он так и сказал? Мне кажется, это чудо, — она вскочила и засыпала Николана вопросами, не дожидаясь ответов. — Когда он узнал об этом? Должно быть, утром, потому что я оставалась с отцом до поздней ночи и он ничего такого не говорил. Почему мне не сказали раньше? Кто принес эту весть?

— Посланец не обладал плотью, так что человеческий глаз увидеть его не мог, — ответил Николан и пересказал разговор с Мацио. Ильдико слушала внимательно, обуреваемая разными чувствами. Ей хотелось верить, что это правда, но она боялась, что все это плод больного воображения. Ее окрылила надежда, но она не могла отбросить сомнения.

Когда же он закончил, Ильдико, похоже, пришла к выводу, что Мацио видел вещий сон.

— Тем, кто стоит на пороге смерти, часто удается заглянуть в будущее, — заключила она. — А ты как думаешь?

— Я считаю, что поиски надо начинать тотчас же, вне зависимости от моего мнения.

— Но куда ты поедешь? Где будешь искать?

— В Разтию. Из того, что сказал твой отец, следует, что Рорик где-то там. Но Разтия велика, а дорог там мало.

— Почему он рассказал все это тебе?

— Потому что он хочет, чтобы я возглавил поиски Рорика. Задача эта нелегкая. Предстоит долгая дорога, возможно, придется поработать и мечом. Если Ранно прознает об этом, он предпримет все возможное и невозможное, лишь бы помешать твоему брату вернуться на плоскогорье. Рорик держит судьбу этого труса и пре-

дателя в своих руках, — Николан помолчал. — Этим утром Лаудио была у твоего отца. Кажется, задавала ему вопросы.

На лице Ильдики отразилась тревога.

— Она уехала рано утром, и никто не знает куда.

— С этим как раз все ясно: она поехала к Ранно. Вчера вечером она пристально смотрела на меня, так что, скорее всего, узнала.

— Это означает, что Ранно первым делом выставит свои обвинения перед ферма. С тем, чтобы добиться твоего осуждения до возвращения Рорика. Ты должен немедленно ехать к Ослау и рассказать ему обо всем.

— Ослау! Он еще жив?

— К счастью, да. Жив и по-прежнему исполняет свои обязанности. Все суды ферма ведет он.

Николан облегченно вздохнул.

— Ослау всегда отличало чувство справедливости. Я могу положиться на него. Но главное сейчас — найти Рорика и привезти его домой. Есть у меня одна зацепка. Твой отец несколько раз повторил слово, которое, по его мнению, могло мне помочь. Ты вспоминаешь подарок, который кто-то привез тебе с Востока, набор фигурок, вырезанных из слоновой кости? Ты была совсем маленькой. Я видел их однажды и еще подумал, какие же красивые эти фигурки.

— То была игра, — задумчиво ответила Ильдика. — Я не видела их давным-давно, но думаю, они где-то в доме. Я спрошу Бастато... Нет, у него короткая память. Я спрошу старого Бларки.

Старика быстро разыскали. Он кивнул, исчез на несколько минут и вернулся с низким столиком из тикового дерева, на котором стояли миниатюрные фигурки, любовно вырезанные из слоновой кости.

— Игра королей и мудрецов, — возвестил старый шут. — Но иногда дураки предаются занятиям великих мира сего. Я, к примеру, самый невежественный из дураков, знаю, как играть в эту игру. Никогда не играл с королем, но мне случилось видеть, как лица священников, монахов и ученых людей, сведущих в законе, заливала краска позора при проигрыше шуту.

Николан внимательно изучал фигурки, затем поднял одну, напоминающую крепостную башню с зубцами поверху.

— Как она называется?

— Это рахх, — ответил Бларки.

— Вот оно что! — Николан резко поднялся, перевернув столик. Фигурки полетели в разные стороны. — Не зря твой отец несколько раз повторил это слово. Он хотел сказать, что продавец скота, с которым он имел дело, пользовался клеймом, напоминающим башню. Рахх. Теперь все ясно! — он обратился к шуту, который ползал по полу, собирая фигурки. — Кто из скотовладельцев Разтии ставит на своих быках и коровах клеймо в виде башни, чтобы их не могли украсть?

— Викторех, что живет у подножия гор.

— Викторех! — победно воскликнул Николан. — Его-то и пытался назвать мне Мацио.

Старик Бларки ушел. Ильдико встала, завязала волосы в узел.

— Теперь мы знаем, что нам делать. Если Рорик жив, а я почему-то уверена, что так оно и есть, мы должны его найти. Но сначала ты должен повидаться с Ослау и все ему рассказать. Я хочу поехать к нему вместе с тобой. Далеко отсюда земли Виктореха?

— В ста милях, может, чуть дальше. Чтобы доехать туда и вернуться, нужно шесть дней. Возможно, мы успеем вовремя. Ты хочешь поехать со мной?

— Естественно! Но сначала я должна переговорить с отцом. Я уверена, что он очень рассчитывает на возвращение Рорика.

Ни один из них не думал о личной безопасности. В течение часа Ильдико могла бы вместе с Евгенией отправиться на север, к Альпам, за которыми ее уже не достали бы люди Аттилы. А два дня быстрой скачки позволили бы Николану более не опасаться происков Ранно. Но они оба предпочли иной путь: прежде всего привезти Рорика, а потом ответить на обвинения, которые Ранно наммеревался выдвинуть против Николана.

Ильдико, сжав на прощание руку Николана, ушла к отцу. Полчаса спустя вышла из его комнаты, бледная как полотно.

— Он умер! Перед смертью он узнал меня, но уже не мог говорить. Пошли, любовь моя, нам пора в путь.

ГЛАВА 8

1

На плоскогорье, народ которого так любил солнце, не было тюрем. По обычаю те, против кого выдвигались обвинения, оставались в маленьком домике, расположенном в центре котловины, в которой собирался ферма. Здесь, под надзором Оратора, они жили почти что на свободе. Их навещали родственники и друзья, они могли удалиться от котловины на расстояние до пяти миль. Они давали клятву остаться и подчиниться решению суда, даже если им грозил смертный приговор. Закон этот за многие столетия вошел в плоть и кровь каждого жителя плоскогорья. И даже самый старый из живущих не мог вспомнить, чтобы кто-либо из обвиняемых воспользовался предоставленной ему, пусть и ограниченной, свободой, чтобы сбежать до суда.

Подъехав к котловине, влюбленные остановили лошадей и посмотрели вниз. Ильдико, которая плакала всю дорогу, решительно вытерла глаза куском материи.

— Мое горе я должна держать при себе.

— Мой отец обещал привезти меня сюда, — Николан оглядывал котловину, ее склоны-конус, правильный круг-дно. Создавалось впечатление, что природе не под силу такая геометрическая точность, и к созданию котловины приложил руку человек. Но не успел.

— Однажды я была на суде. Фантастическое зрелище. Склоны усыпаны людьми, сидящими вплотную друг к другу. Я не помню подробностей, но разбиралось убийство. После объявления приговора все встали с поднятой правой рукой. То был знак согласия с решением суда.

— Его признали виновным?

— Да, — Ильдико погрустнела. — Только обвинялся не мужчина, а женщина.

— Ее приговорили к смерти?

Ильдико кивнула. Какое-то время молчала, потом тяжело вздохнула.

— Я старалась не думать об этом.

— Я не смог бы посмотреть тебе в глаза, если бы выбрал более легкий путь.

— И все-таки эта мысль не отпускает меня. В глубине души я осознаю, что иначе мы поступить не можем. Ты — из рода Илдербурфов, я — Роймарков. Такими уж мы созданы. Но иногда... я не могу не вспомнить о последствиях, — внезапно она сжала его руку и улыбнулась. — Этого не случится. Твоя невиновность очевидна для всех. Если судьи ошибутся в приговоре, народ его не одобрит. Они не поднимут руки. Такое однажды случилось.

— И что сделали судьи?

— Они не отменили приговор, но назначили более легкое наказание. А потом выяснилось, что тот человек невиновен.

— Но в моем случае народ настроен против меня. Ранно об этом позаботился, — Николан вновь оглядел естественный амфитеатр. — Ты говорила, моя красавица, что во время суда на склонах не было пустого места. Как же люди узнавали, что происходит внизу?

— Видишь маленькие возвышения, расположенные через равные интервалы? На каждом из них стоял глашатай. Помощники Оратора записывали самые важные вопросы и ответы и относили листки тем, что стояли на возвышении. А уж глашатаи во весь голос зачитывали их.

Здание в центре котловины сверху казалось игрушечным. Напротив него находились каменные сидения членов ферма. На узкой полоске земли, разделявшей здания и ряд сидений, и вершился суд. Они направили лошадей к одной из четырех троп, ведущих на дно котловины. Николан ехал первым. Обернувшись, он увидел, что мужество вновь вернулось к Ильдико. Глаза ее сияли.

— Мой смельчак, — улыбнулась она Николану.

Пожилой мужчина встретил их внизу. Одетый в простую серую тунику, перепоясанный веревкой, на которой висели два старинных ключа. Он подошел к лошади Ильдико, положил руку на ее гриву.

— Я слышал о твоём возвращении. Какое счастье, что ты застала отца живым.

«Ранно уже побывал здесь, — сказал себе Николан. — Иначе Ослау не узнал бы об этом». В сердце его закралась тревога. Ранно, похоже, очень спешил.

— В твоих глазах печаль, дитя мое, — продолжил Оратор. — Означает ли сие, что он отошел в мир иной, мой добрый друг?

— Да, господин мой Ослау. Он умер этим утром.

Темные глаза старика под густыми седыми бровями ясно показали, сколь опечалило его это известие.

— Все мы уйдем, когда придет наш час. Но это тяжелый удар. Как нам жить без него? Он и я встречали беду плечом к плечу. Он был храбр и мудр, и тверд как скала. Не единожды мы шли наперекор общему мнению, и всякий раз время доказывало нашу правоту. Мне недоставало твоего отца, дитя мое, с того дня, как болезнь приковала его к постели.

Он повернулся к Николану.

— Одновременно я узнал и о твоём приезде. Ранно только что отбыл. Он прискакал в спешке, поскольку лишь этим утром ему стало известно, что ты здесь, — в голосе старика проскользнули нотки озабоченности. — Твой отец был одним из самых близких моих друзей, поэтому я очень встревожен. Ранно выдвинул против тебя серьезные обвинения и требует немедленного суда. Ты предполагал такое развитие событий?

Николан кивнул.

— Мне известно о его намерениях. Я приехал сюда и для того, чтобы очистить от лжи мое честное имя.

— Он обвиняет тебя в предательстве. И заговоре, в результате которого погибло столько наших людей.

— Заговор был, — кивнул Николан. — Если я смогу представить моих свидетелей, то выдвину контробвинение. Возложу ответственность за трагедию в Шалоне на действительно виновного. То есть на Ранно.

— У нас есть основания полагать, что мой брат жив, — встала Ильдиико.

Старик резко повернулся к ней, тем самым показывая, на чьей стороне его симпатии.

— Рорик жив! Ах, это подарок судьбы! Чтобы он вернулся, и в столь нужный момент! Когда вам стало известно об этом?

— Возможно, мы излишне оптимистичны. Мой отец прошлой ночью видел его во сне и говорил с ним.

У Ослау зажглись глаза.

— Он явился к твоему отцу во сне? Я глубокий старик, дитя мое, но никогда мертвые не приходили ко мне во сне и не разговаривали со мной. Я думаю, сон этот свидетельствует о том, что Рорик действительно жив, — он нахмурился. — И где он сейчас?

— В Разтии. У Виктореха, скотовладельца. На дорогу туда и обратно потребуется неделя.

Старик посмотрел на Николана.

— Ты знаешь законы ферма. Поскольку против тебя выдвинуты обвинения, ты не можешь удалиться отсюда больше чем на пять миль. Но мои обязанности состоят и в том, чтобы обеспечить при-

существование на суде свидетелей с обеих сторон. Я готов послать за Рориком конный отряд.

— Мой отец хотел, чтобы возглавлял поиски Николан.

Ослау покачал головой.

— Мне очень жаль, но этот закон изменению не подлежит.

— Мой брат еще не оправился от тяжелого ранения. В отряде должен быть человек, которого он узнает и доверится. Если Николан не сможет поехать, мне придется его заменить.

Ослау задумался.

— Никто не должен знать о вашей поездке. Ранно не остановится ни перед чем, лишь бы не допустить появления Рорика в суде. Потребуется не меньше полудюжины честных парней, готовых рискнуть головой ради Рорика. Так ли необходимо, дитя мое, твое участие в поисках?

— Я уверена, что таково было бы желание отца, будь он жив. Я уверена, мы найдем Рорика. И нам нельзя терять ни минуты.

Часом позже восемь всадников выехали на дорогу, ведущую в Раэтию. Среди них и Ильдиго, в простой холщовой тунике, в шапке, низко надвинутой на лоб. Николан шел рядом с ее лошастью.

— Если б мы приехали на полчаса раньше! — он вздохнул. — Мы бы вместе отправились на поиски Рорика до того, как Ранно выдвинул свои обвинения. Если тебе удастся привезти брата, Ранно не позавидует. Показания Рорика уничтожат его.

— Мы будем лететь как ветер, — заверила его Ильдиго. Она наклонилась к Николану. — Рорик жив. Сердце подсказывает мне...

— Будь осторожна, любимая моя. Особенно на обратном пути. Если Ранно прослышит о цели вашей поездки, он организует на дорогах засады. Старайтесь ехать ночью.

На вершине холма они попрощались.

— Я не могу записать себя в неудачники, — улыбнулся напоследок Николан. — Этим утром ты сказала, что любишь меня. Может ли мужчина просить у жизни большего? Я буду счастлив, если ты привезешь Рорика. Но, главное, возвращайся сама, целой и невредимой.

2

Ослау провел Николана в комнату, окна которой выходили на сидения судей. Здесь он прожил последние сорок лет, после того, как его выбрали Оратором. Здесь жили обвиняемые в ожидании рассмотрения их дела в суде.

Когда они сели, старик сцепил длинные пальцы, приготовившись слушать. Из окон веяло осенним холодком, и Николан заме-

тил, что на Ослау теплые шерстяные рейтузы, какие носили римские легионеры в странах с холодным климатом.

— Твой отец был смельчаком, — начал старик. — Смелость его и подвела. У тебя тоже ее с избытком. Не говоря о том, что и способностями природа тебя не обделила. А теперь мы должны докопаться до сути и определить, не допускал ли ты ошибок в том деле, что будет рассматриваться судьями.

А Николан не мог оторвать взгляда от рук старика, которые словно подчеркивали каждое сказанное им слово. Если б у пальцев был язык, они говорили бы с красноречием Цицерона. Позднее он увидел, как умело используются они для достижения нужного эффекта.

— Я искренне хочу помочь тебе, не выходя из рамок, определенных моими официальными обязанностями. Я должен знать всю правду. Ничего не скрывай от меня, рассказывай все как есть. Я обещаю, что использую все доступные мне средства, дабы вызвать правду и у тех, кто будет свидетельствовать против тебя. Для этого, как ты знаешь, я и нужен.

И Николаи рассказал все, ничего не утаивая. О том, как накануне битвы он побывал на склонах холма, на котором закрепились готы. О своем докладе Аттиле с рекомендацией атаковать по восточному склону. О ночном визите Рорика и их разговоре. О задании, полученном наутро, и о том, как он руководил курьерами. О его попытках отменить приказ Таллимунди, пославшего кавалерию Рорика по северному склону. И, наконец, о встрече с Ранно на исходе битвы.

Ослау Солварс слушал внимательно. Раз или два кивнул, по ходу задал несколько вопросов. Когда Николан закончил, Ослау заговорил лишь после долгой паузы.

— Ты нарисовал ясную картину битвы.

Старик повернулся к окну, посмотрел в сторону Разтии, куда уехал отряд Ильдиго.

— Объяснения Ранно не показались мне убедительными. Поскольку из сыновей первых родов в живых остались только вы двое, подтвердить или опровергнуть ваши слова некому. А Ранно, скажу тебе, трудился без усталости, настраивая народ против тебя. Если Рорик жив, для принятия решения хватит одного его слова. Но, допустим, он мертв. Или ранение его столь серьезно, что в голове его все помутилось и он не сможет сказать ничего путного? Если Рорик ничем не сможет нам помочь, придется полагаться на показания других людей. Каких бы ты мог представить свидетелей?

— Гунны уже миновали горные перевалы. Думаю, Аттила сразу же распустил армию. Будь я с ним, я бы попросил принца Таллимунди приехать со мной, в крайнем случае привез бы его показания. Есть еще два курьера, которые везли донесения. Сомуту и Пассилий. Их глубоко опечалила ошибка, из-за которой наших всадников послали на верную смерть, и они обещали мне дать показания в случае последующего разбирательства.

— Как я уже говорил, закон запрещает тебе уезжать отсюда. Кто может поехать вместо тебя?

— Мой друг Ивар Бритон. В Шалоне он весь день провел рядом со мной и видел всех курьеров. Мы можем послать его в столицу гуннов за Сомуту и Пассилием.

— Времени нам хватит, — кивнул старик. — Где сейчас Бритон?

— Он женился на женщине, которую раньше называли вдовой Тергесте, и вместе с ней находится в доме Роймарков.

Оратор улыбнулся.

— Обычно показания чужестранцев не кажутся нашим судьям убедительными. Однако он муж самой богатой женщины мира, так что, возможно, к нему прислушаются. Я незамедлительно пошлю за ним. Если он не найдет никого из твоих друзей, он должен возвращаться как можно скорее, ибо и его показания будут нам полезны.

Допрос продолжался еще час. Николану пришлось рассказать о причинах, побудивших его поступить на службу к Аттиле. Пока он говорил, Оратор то вставал и мерил шагами комнату, то садился вновь. Иногда он прерывал Николана резким вопросом. Бывало вопрос этот предварялся поднятием руки, и тогда длинный указательный палец только что не упирался Николану в грудь. В этих случаях Николан чувствовал, как с кончика пальца срывается и устремляется к нему поток энергии. Если какие-то сведения привлекали особое внимание Оратора, он просил Николана вновь вернуться к ним, дабы уловить ранее упущенные подробности.

В конце концов Николан совершенно выдохся. И его состояние не укрылось от Оратора, который, похоже, мог продолжать допрос хоть до утра. Он подошел к стулу, на котором сидел Николан, положил руку ему на плечо.

— Я убедился, что ты не пытался что-либо скрыть от меня. Рассказал все, что смог вспомнить. Что же касается достоверности твоих слов... об этом судить не мне. Но я считаю необходимым предупредить тебя. Сын моего друга, против тебя выдвинуты очень серьезные обвинения. Ранно приложит все силы, чтобы тебя признали виновным. Он умен, и у него много влиятельных друзей. Он заменил нескольких прежних членов ферма их сыновьями, своими сторонниками.

Так что исход суда далеко не ясен. Если не появятся твои свидетели, тебе будет нелегко опровергнуть показания Ранно и тех, кто поддерживает его. Я — христианин и верю, что правда побеждает, если того желает Господь Бог в своей высшей мудрости. Но должен добавить, что я служу Оратором много лет, и не раз был свидетелем того, как торжествовала не правда, а ложь.

Помни также, что я расположен к тебе, но мои обязанности требуют от меня полного нейтралитета. Я должен сделать все, чтобы члены ферма могли получить максимально объективную информацию. А решение могут принять только они.

ГЛАВА 9

1

Николаи взглянул на небо, на котором зажглись первые звезды. Облака над лесом и холмом отсвечивали красным. Он знал, что это означает, и сожалел, что не смог еще раз увидеть лицо Мацио Роймарка до того, как его тело завернули в пурпур и предали огню.

На следующее утро охранник, сопровождавший Николана, когда тот покидал котловину, принес легкий кнут, который использовался в дуэлях. Громко щелкнул им.

— Будешь сегодня практиковаться? — спросил он.

Николан взял кнут.

— У меня получается все лучше.

— Да, сдвиги есть, — кивнул охранник. — Но я слышал, что Ранно в эти дни не выпускает кнута из рук. Что он задумал? Вызвать тебя на дуэль, если ферма вынесет оправдательный приговор?

— Я никогда не боялся Ранно. В детстве я мог побить его во всем, — Николаи вернул кнут. — Сегодня я хочу побывать в семьях, живущих на плоскогорье не одно столетие. Мне потребуется их поддержка.

— Их осталось немного, — охранник, похоже, также проникся симпатией к Николану. — Старики умирают. Многие молодые погибли в той битве.

— Знаешь, Жакла, я должен повидать тех, кто помнит моих отца и мать. И не забыли, что Финнинальдеры украли наши земли после того, как убили моего отца.

Жакла почесал кончик длинного носа.

— Большинство их отошли в мир иной. Хочешь дельный совет? Не упирай на слово «украл». Молодой Ранно славно потрудился ради того, чтобы склонить общественное мнение в свою сторону. Я-то понимаю, что ты абсолютно прав, но на тебя столько навешано, что твои слова о той давней истории многие просто пропустят мимо ушей, — лицо Жаклы потемнело. — Этот молодой Ранно! За его ложь я в детстве получил десять ударов кнутом. Он, похоже, этого не помнит и хочет, чтобы я был его шпионом. Отводит меня в сторону, когда ты этого не видишь, и засыпает вопросами. Где ты был да с кем виделся? О чем спрашивал? Что тебе отвечали? Что сказал тот, а что этот? Кто из них дружелюбно принял тебя? Все он вынюхивает, этот Ранно.

В последующие часы Николану не раз пришлось испытать разочарование, но в итоге настроение у него улучшилось. Далеко не все живущие на плоскогорье видели в нем врага. А некоторые из друзей его родителей даже пообещали свидетельствовать в его пользу перед ферма.

В свою комнату он, однако, вернулся подавленным. Слишком много женщин кричали ему вслед, что на нем кровь их мужей и

братьев. Некоторые бросали в него камни. А одна старуха, притаившаяся в кустах, едва не пырнула его ножом, дабы отомстить за смерть сына.

— Ранно действительно потрудились на славу, — признался Николай Жакле. — Прежде Финнинальдеров не любили. Почему же теперь столько людей верят ему на слово?

— В ферма очередное изменение, — Жакла печально покачал головой. — Этот Ранно, какой же он хитрец! Он убедил старого Фурлу Мандерека уступить свое место своему сыну, молодому Фурлу, своему близкому другу.

Николан нахмурился. Враг обкладывал его со всех сторон. Молодой Фурлу с детства всюду таскался с Ранно и делал все, что тот ему говорил. Так что не приходилось сомневаться, кому он отдаст свой голос. Как Ранно скажет, так он и проголосует.

— Из стариков осталось только четверо, — продолжал охранник. — Остальные пятеро — молодежь. Я их практически не знаю, но могу сказать, что Ранно тщательно отбирал их, — он назвал новых членов ферма по именам, каждый раз качая головой. Последним был Хаска, которому принадлежали земли у самой реки, на склонах холмов, более подходящих для разведения овец. Этим он и занимался, владея лишь несколькими лошадьми. Поэтому его считали чуть ли не чужестранцем.

— А что ты скажешь о Хаске? — спросил Николан.

Жакла наморщил лоб.

— Мрачная личность. Друзей у него нет. Но Ранно ездил к нему. Я бы не стал рассчитывать на Хаску.

«Если старики проголосуют за меня, большинство все равно будет у Ранно. Пять против четырех, — подумал Николан. — Да и в этих четырех уверенности у меня нет».

Он подошел к окну, посмотрел на дорогу, по которой должен был вернуться Ивар. Никого и ничего. Ни всадника на усталом жеребце, ни облачка пыли вдали.

Услышав, что его зовут, Николан повернулся к окну и разглядел в темноте чье-то лицо. Прошла неделя после его приезда к Ослау, и первым делом он подумал, что вернулся Ивар. Однако у окна стоял один из слуг госпожи Евгении.

— Господин мой, охранник спит? — шепотом спросил гость.

Николан взглянул на Жаклу, вытянувшегося на узкой кушетке, стоящей рядом с его кроватью.

— Он не проснется, пока утром его не разбудят солнечные лучи.

— Тогда пойдем со мной. Моя госпожа ждет тебя.

Евгения сразу перешла к делу.

— Николан, ты не должен ждать суда. Лошади готовы. Уезжай сейчас же и скачи всю ночь. К утру ты будешь далеко, они тебя не догонят.

— Но я дал клятву, что не уеду. Я не хочу, чтобы меня обвиняли еще и в этом.

— Сколько раз я слышала эти слова, — рассердилась Евгения. — Я сыта по горло этой глупой сентиментальностью. Если ты не уедешь немедленно, тебе отрубят голову или лишат жизни более ужасным способом. Слушай меня. Напрасно ты ждешь справедливого суда. Все предreshено заранее. Я слышала об этом сегодня. Из уст того мерзавца, что все это подстроил. Я говорю о Ранно, у которого руки по локоть в крови, но он хочет и дальше убивать и убивать. Сегодня он приходил в дом Роймарков. Столь уверенный в себе, что открыто похвалялся грядущим успехом. Тебя закуют в цепи, если ты останешься здесь. Стариков, членов ферма, заменяют их сыновьями. Все они друзья Ранно. Но это еще не все. Он отвел меня в сторону и шепнул, что он намерен жениться не на Лаудио, а на Ильдиго. Сказал, что Мацио дал согласие.

Николай не сразу смог ответить. Он огляделся и впервые почувствовал, что высокие деревья, которых он всегда полагал своими союзниками, теперь стали врагами, и в шуршании их листьев слышится плохо скрытая угроза. Он не хотел умирать по ложному обвинению, выдвинутому его злейшим врагом. Но он дал клятву, и ранее еще никто не убегал до заседания ферма.

Евгения поняла, о чем он думает.

— Когда эта гиена в образе человеческого держит тебя в руках, время ли думать о чести? Разве у тебя есть сомнения в том, что лучше сохранить голову на плечах, чем остаться без оной? Голова необходима, если хочешь бороться с заговором. Дорогой мой, с твоей стороны это чистейший эгоизм. Ты хочешь, чтобы страдали все твои друзья? Подумай об этом. Один миг, и для тебя все будет кончено. Но твои друзья будут нести печаль в сердцах до конца своих дней.

— Если я убегу, у меня не останется друзей.

— Они будут уважать тебя за смелость и здравый смысл, — возразила вдова.

— Со временем обо мне будут помнить лишь одно: он нарушил данную им клятву.

— Может, для этого требуется куда больше мужества, чем остаться здесь и подчиниться воле Ранно. Правда рано или поздно откроется и тебя оправдают.

2

Едва начали сгущаться сумерки, в дверь громко постучали. Николай, принявшийся было за ужин, понял, что аппетита у него никакого. Так что дымящийся кусок мяса, практически нетронутый, остался лежать на тарелке.

Жакла открыл дверь, и в комнату вошел Лонадо, один из помощников Оратора. Сухо кивнул Николану.

— Вернулся твой друг, Бритон. Просит разрешения повидаться с тобой.

Николан стремительно вскочил. Будущее уже не казалось таким черным, когда Ивар был рядом.

«Благодарю Тебя, о Господи, — сказал он себе. — Ты понял, как мне тяжело, и послал мне на помощь друга».

— Я никого не могу допускать к тебе без разрешения одного из членов ферма, — продолжал Лонадо. — Все они уехали, кроме Хаски. Он колебался, разрешать ли вам встретиться. А потом сказал: «Почему бы и нет? Едва ли их разговор повлияет на то, что произойдет завтра». Так что он согласился. Но к тебе сможет зайти только Бритон. Его спутника я к тебе не приведу.

— Этот человек мой свидетель! — воскликнул Николан. — Я имею право говорить с каждым из своих свидетелей. Таков закон.

— Таков закон, — кивнул Лонадо. — Но мне ли судить, свидетель он или нет?

— Подведи его к двери. Тогда я смогу убедить тебя, что я вправе повидаться с ним.

Вошел Ивар, запыленный, очень уставший, поскольку так и не привык к седлу. Широко улыбнулся Николану.

— Мы мчались во весь опор. И, как я понял, успели вовремя, потому что суд начинается завтра.

— Если бы ты знал, как мне тебя не хватало! — воскликнул Николан. — И как я рад, что ты вновь рядом со мной!

— Я привез Сомуту, — добавил Ивар.

Курьер появился у двери, с шапкой в руках, улыбающийся. Несколько раз поклонился Николану.

— Сомуту, какое счастье, что ты смог приехать! — Николан указал на Лонадо. — Скажи этому человеку, кто ты такой.

— Я — курьер при штабе Аттилы, владыки земли и морей, — поклонившись, ответил Сомуту. — Я приехал рассказать все, что мне известно, о великой битве, когда мертвые вповалку лежали на земле, стрелы убили подо мной трех лошадей. То был кровавый день, и немногим довелось пережить его. Только курьеров Аттилы погибло более тридцати. Мне повезло: я остался в живых.

Николан посмотрел на Лонадо. Тот кивнул.

— Четверть часа. Не больше. Таков закон.

Он ретировался, и Николан пригласил гостей разделить нетронутый им ужин. Они не заставили себя просить дважды, и по ходу разговора тарелка и кувшин с вином быстро опустели.

Лицо Сомуту загорело дочерна, и на нем ярко выделялись черные глаза. Положив на тарелку чисто обглоданную кость, он улыбнулся Николану.

— Господин мой, я с радостью приехал сюда. И сделаю все, что в моих силах.

— Теперь я не одинок, — ответил Николан. — Будет кому опровергнуть их ложь, — он повернулся к Ивару. — А что с остальными?

Ивар бессильно развел руки.

— Только Сомуту смог приехать. В стране трех принцев восстал народ. Всем надоели пьянство и жестокость братьев. Двое успели убежать. Третьего поймали. Таллимунди. Его отдали женщинам, и те забили его до смерти. Палками. Так что его я привезти никак не мог. Как и подписанные им показания.

— А еще двое?

— Аллагрин после взятия Конкордии решил пограбить какую-то деревушку. Крестьянам это не понравилось. Какой-то мужик воткнул ему в бок вилы.

— А Пассилий?

— Я говорил с Пассилием, и он согласился поехать с нами. Но за день до отъезда подхватил какую-то болезнь, по-моему, детскую. У него раздулась шея, лицо стало красным, он так ослабел, что не смог подняться. Я чувствовал, что надо спешить, и не стал ждать его выздоровления. Мы оставили его стонущим на койке и уехали.

Николан не забыл слова Ослау о том, сколь мало ценятся на плоскогорье показания чужеземцев. Четыре свидетеля, возможно, убедили бы ферма. Но примут ли во внимание показания одного? Вряд ли. Однако один свидетель лучше, чем ни одного, а потому Николан заметно приободрился.

ГЛАВА 10

1

Всю ночь через окно до Николана долетало ржание лошадей, чьи-то шаги, обрывки разговоров. На заре, подойдя к окну, он изумился тому, что увидел. Амфитеатр снизу доверху заполняли люди. Зрители, собравшиеся на заседание ферма, сидели плечо к плечу, колено к колену. Мужчины, женщины, дети, все нарядно одетые. Многие уже успели запустить руки в корзины с едой. Суд обещал быть долгим, поэтому они запаслись хлебом, мясом, пирогами с медом. А наверху, у деревьев сгрудились лошади, прекрасные лошади плоскогорья, чувствующие, что в котловине происходит что-то очень важное.

На Николана навалилась тоска. «Большинство этих людей, словно стадо баранов, поверили лжи, распространяемой Ранно, — подумал он. — Они пришли в надежде увидеть, как меня признают виновным, осудят и казнят».

А день ожидался прекрасным. Голубое, безоблачное небо, ни дуновения ветерка. Ничто не могло помешать этим баранам наслаждаться предвкушаемым ими зрелищем.

Жакла принес завтрак.

— Такого никогда не было, — пробурчал он. — Все плоскогорье словно вымерло.

— Слышал какие-нибудь новости? — спросил Николан.

— Ничего особенного, — последовал ответ. — Никто не знает, где твоя дама, хотя ходят разные слухи. Только что прибыл Ранно. Мрачный, как грозовая туча. Не разговаривает, а рычит. Уже успел поругаться с моим господином Ослау. Может, этот слух дошел и до него.

— О чем ты?

Жакла поставил миски на стол, знаком предложил Николану приступить к завтраку, но тот отрицательно качнул головой.

— Вроде бы Рорик жив и выступит свидетелем на этом суде. Только об этом все и говорят.

Николан почувствовал, как тоска уступает место надежде на благополучный исход судилища. Вдруг сон Мацио окажется явью? Так хотелось в это поверить, но он не мог избавиться от сомнений. С отъезда Ильдико прошла целая неделя. Это означало, что ей не удалось сразу же найти брата. Однако почему о том, что Рорик жив, заговорили только сейчас?

Несколько минут спустя в комнату впустили Ивара.

Грустный и печальный, он подтвердил сказанное Жаклой. Судя по всему, он уже не верил в успех миссии Ильдико. В одной руке он держал меч, который протянул Николану.

— Это меч твоего отца.

Николан живо схватил его. Короткий клинок, необычной формы, украшенная драгоценными камнями рукоять. Выбитый на ней герб Ильдербурфов: дерево с развесистой кроной. С первого взгляда было видно, что сработали его восточные мастера.

Николан кивнул.

— Это одна из самых ценных вещей нашей семьи. Его передавали из поколения в поколение. Где ты его взял?

— Меч принес один из тех, кто верит в тебя. Он был твоим соседом, когда убили твоего отца. Он не стал объяснять, как попал к нему этот меч. Лишь сказал, что он послужит тебе лучше, чем ему.

Николан дрожащими пальцами закрепил меч на поясе.

— Он действительно придает мне мужества. Если ты вновь увидишь этого человека, поблагодари его за меня.

Ивар отвел Николана в сторону.

— Из-за этих слухов Ранно попытается как можно быстрее провести слушания, — прошептал он. — Я переговорил с Ослау, но он успокоил меня, сказав: «Процесс веду я».

Едва он произнес эти слова, как в комнату вошел Оратор ферма, в приличествующем случаю традиционном красновато-коричневом наряде, нечто среднее между римскими туникой и тогой, с широкими рукавами, расшитыми синим и желтым. На пряжке ремня сияла золотом лошадиная голова.

Шапки не полагалось, и длинные седые волосы Ослау свободно падали ему на плечи.

— Сын мой, — обратился он к Николану, — мы начинаем через несколько минут. Ты хочешь мне что-нибудь сказать?

Николана внезапно охватила злость.

— Мне есть что сказать, господин мой Ослау. Почему эти люди, мои соотечественники, так ненавидят меня? В то черное утро, когда убили моего отца, никто не пришел к нему на помощь. Никто и пальцем не пошевелил, чтобы узнать, что случилось с моей матерью и со мной. Один из наших соседей пошел на сделку с убийцами, чтобы заполучить наши земли. Его бесчестный сын сохранил эти земли за собой, оставив меня нищим. Другие наши соседи, похоже, растащили все, что могли найти в нашем доме.

— Да, — кивнул Ослау, — это так.

— А теперь, — Николан возвысил голос, — они собрались все, чтобы услышать, как на меня возводит напраслину этот честолобивый трус. Тот самый человек, который по-прежнему держится за мою землю. Они верят его лживым утверждениям и надеются, что меня признают виновным.

Повисшую в комнате тишину нарушил Оратор.

— Николай Ильдербурф, я полагаю необходимым поднять сегодня все эти вопросы. И я гарантирую, что ты получишь возможность сказать им все то, что выплеснул сейчас на меня. Но я хочу дать тебе совет, сын моего близкого друга. Пусть в твоём голосе не будет горечи. Говори с достоинством, убедительно, не давай эмоциям перехлестывать через край.

— Это мудрый совет, — после короткого раздумья ответил Николан. — И у меня есть еще один вопрос. Я знаю, что наказание признанному виновным — смерть. Если ферма вынесет решение не в мою пользу, останется ли у меня выбор... как умереть?

Старик помрачнел.

— В этом случае за тобой останется право броситься на свой меч.

Гулко бухнул висящий на крыше колокол. Николай расправил плечи, шагнул к двери.

— Я готов.

На переполненных склонах разом стихли все разговоры, когда Николан вслед за Ослау вышел на солнечный свет. А затем все заговорили разом, оглушив стоящих на дне котловины.

Николан огляделся. Посередине открытого пространства стоял маленький круглый каменный стол. Рядом с ним — один стул. Вероятно, он предназначался Оратору. Позади на длинной скамье сидели два десятка писцов с перьями наготове. За скамьей с писцами стоял еще один стул. Николан понял, что именно это место отведено для него.

Каменные кресла судей были подняты на шесть футов. Центральное, украшенное резьбой по камню, много лет занимал Мацио. Теперь же его узурпировал Ранно. На судьях были горностаевые мантии с красными воротниками. Новые члены ферма, отобравшие у отцов право голосовать, сжались под этими царственными одея-

ниями. Чувствовалось, что им как-то не по себе. Во всяком случае, никто из них не решался посмотреть обвиняемому в глаза.

На столе перед Ранно лежал молоток с золотой рукояткой.

Но внимание Николана привлек другой предмет, напомнивший ему о возможном исходе судилища. На зеленом дерне стояла плаха, возле которой возвышалась мускулистая, загорелая фигура палача, одетого лишь в набедренную повязку. Верхнюю часть его лица закрывала черная маска, в руках он держал огромный, шестифутовый меч. Длинная череда палачей затачивала его, так что ширина клинка сократилась до трех дюймов. Николан никогда не видел этого меча, которым приводился в исполнение приговор ферма, но знал, что называют его «Искупительный удар».

Глядя на загорелую руку, сжимающую рукоять, Николан не мог не подумать о том, а сколько голов было отсечено одним ударом по воле судей, занимавших эти каменные кресла.

Его пальцы нащупали рукоять отцовского меча. Он словно пожал руку друга.

2

С плахи взгляд Николана переместился на новых судей, призванных решать его судьбу. Он знал их всех. В детстве они были слабаками, и ничуть не изменились, став мужчинами. Но более всего удивили Николана перемены в Ранно. Тот заметно потолстел, лицо его обрюзгло. Когда их взгляды случайно встретились, именно Ранно отвел глаза.

Тем временем Оглау выступил вперед и обратился к зрителям. Писцы торопливо заводили перьями по пергаменту.

— Основы правосудия, по которым живем мы, народ плоскогорья, складывались не одно столетие и отличаются от тех, что приняты в сопредельных странах. Они исходят из того, что установление справедливости волнует всех, а потому суд ведется на глазах всего народа, а не вершится в маленьких комнатухах жестокими стариками, одетыми во все черное. Так как человеческому голосу не дано дойти до вас всех, собравшихся на склонах, мы, как обычно, обратимся к помощи глашатаев, которые будут повторять вам все вопросы и ответы. Это займет чуть больше времени, и я прошу вас не мешать ходу суда, дабы не затягивать его еще дольше.

Оратор вернулся к своему столику и посмотрел на подсудимого.

— Николан Ильдербурф, хочешь ли ты что-нибудь сказать до начала слушаний?

Николан шагнул к Оратору.

— Да, хочу, — ему понравилось, что заговорил он ровно, спокойным голосом. — Меня удивляет состав ферма. С незапамятных времен он состоял из девяти членов, представляющих девять первых семей. Пребывание в составе ферма никем и никогда не ограничивалось. Член ферма выбирался пожизненно, затем его полно-

мочия переходили к старшему сыну. Однако я вижу, что некоторые кресла заняты молодыми людьми. Вероятно, их отцы уступили им свои места. Но господин мой Оратор, все законные члены ферма живы и могут исполнять возложенные на них обязанности. Могу я узнать причину, вызвавшую перемены в составе ферма?

Ослау ответил осторожно.

— Меня поставили в известность, что в каждом случае замена происходила с согласия члена ферма, который удалялся от дел.

— Но, господин мой, ты знаешь лучше других, что такие замены допустимы лишь на общем сходе, где каждый волен высказать свое мнение. Ясно, что ничего такого не было и в помине. Означает ли это, что мы уходим от законов, освященных и проверенных временем, оставленных нам далекими предками? — ответа не последовало, а потому Николан задал Оратору новый вопрос. — Ты, господин мой, исполняешь свои обязанности уже много лет, не так ли?

— Сорок.

— За все эти годы случалось ли так, чтобы член ферма покидал свое кресло до того, как смерть призывала его в высший суд?

Ослау покачал головой.

— Пока я был Оратором, никто не отказывался выполнять свой долг.

— А случалось ли такое в прошлом?

— Мне о таких случаях не известно, Николан Ильдербурф.

— Много поколений пост главного судьи занимал глава рода Роймарков, — продолжал Николан. — Пост этот передавался от отца к сыну, и все присутствующие здесь, я уверен, согласятся со мной, в том они оказались достойны такой чести. Теперь, как я вижу, на месте главного судьи сидит Ранно Финнинальдер. Могу я спросить, чем обусловлена такая замена.

Глубокая тишина воцарилась на склонах. Николану хватило одного торопливо брошенного взгляда, чтобы увидеть, с каким интересом следят за происходящим зрители. Большинство из них устремили свой взор на Ранно. Последний не выказывал особого беспокойства.

— Мацио умер, — ответил Ослау. — Его единственный сын вроде бы погиб в битве при Шалоне.

Николан возвысил голос.

— И кто принял столь важное решение?

— Члены ферма посовещались между собой и достигли решения.

— Советовались они с народом плоскогорья? Голосовал ли народ?

— С некоторыми этот вопрос обсуждался. Но никакого голосования не проводилось.

— Мой отец, погибший при трагических обстоятельствах, известных всем, кто находится здесь, говорил мне, что первый Роймарк, занявший пост главного судьи, был избран на общем сходе на берегу реки Волги. Голос народа усадил его в это кресло. То было знаменательное событие. Так почему теперь три или четыре человека, пошушукавшись между собой, приняли решение за весь народ плоскогорья?

Остановлюсь еще на одном. Со времени убийства моего отца и незаконного захвата наших земель кресло Ильдербурфов пустоvalo, поскольку меня, тогда еще несовершеннолетнего, продали в рабство в Рим. Сегодня, к моему изумлению, я вижу, что оно занято. Я желаю знать, кто счел себя вправе пойти на такое.

Тут Ранно не выдержал. Наклонился вперед, уперевшись локтями в столик. Одной рукой схватил молоток. От злости он не говорил, а хрипел.

— Это уж чересчур. Я желаю, чтобы эти вопросы были решены сейчас же и навсегда.

Николан шагнул к нему, и два смертельных врага на какое-то мгновение застыли в молчании.

— Этот человек, — Ранно выпустил из руки молоток и указал на Николана, — этот предатель собственного народа, обвинен в столь страшном преступлении, что откладывать суд не представляется никакой возможности. Он же пытается затянуть судебное разбирательство, переключая наше внимание на процедурные вопросы.

— Я заявляю, — ответил Николан, — что данный суд избран незаконно, а потому не имеет права выносить решение ни по моему делу, ни по любому другому.

— А я заявляю, — Ранно ударил рукой по столу, рукой слишком белокожей и пухлой для человека, проводящего всю жизнь в седле, — что никто, кроме обвиняемого, не имеет претензий к составу суда.

Писцы торопливо записывали все сказанное, листки пергамента относили глашатаям, которые тут же знакомили с написанным сидящих на склонах.

— Я предлагаю проголосовать, — воскликнул Ранно. — Устраивает ли вас, друзья мои, нынешний состав ферма? Можем ли мы продолжать заседание? Пусть встанут те, кто нам доверяет.

Поначалу все остались на своих местах, как бы решая, а стоит ли следовать желанию Ранно. Потом вскочили несколько человек, их число все росло, пример показался заразительным. Наконец, поднялись и самые нерешительные.

Ранно удовлетворенно кивнул.

— Народ плоскогорья доверяет мне. Ты готов продолжать, господин мой Оратор?

— Мой долг обратить внимание всех на то обстоятельство, что обвинение выдвинуто новым председателем ферма. По обычаю члены ферма, выдвигающие обвинения, не могут выносить суждения по процессу, в котором они выступают свидетелем. Могу я спросить, намерен ли Ранно Финнинальдер выйти из состава ферма до вынесения им решения?

Ранно пренебрежительно хохотнул.

— Господин Оратор, у меня нет такого желания.

— У нас нет закона, воспрещающего тебе участвовать в этом процессе. Но этого требует чувство справедливости, столь развитое у нашего народа.

— Позволю себе сказать, что свойственное мне чувство справедливости требует, чтобы я остался в этом кресле. С тем чтобы не допустить, что те, кто погиб на поле у Шалона, останутся неотомщенными!

Такая решительность не могла не вызвать аплодисментов зрителей, и они последовали, как только глашатаи донесли до сидящих на склонах слова Ранно.

— Народ сказал свое слово! — вскричал Ранно. — Теперь ты можешь открывать слушания.

Оратору такой поворот событий пришлось не по душе. Несколько мгновений он молчал, а когда заговорил, в голосе его чувствовалось несогласие с происходящим.

— Я уверен, господин мой Ранно, что ты сознательно нарушаешь процедуру суда. И приговор, вынесенный при таких обстоятельствах, может быть обжалован.

Ранно наклонился вперед, поднял руку, оскалился.

— Твои обязанности заканчиваются представлением доказательств. Вынесение приговора — дело суда. Это ясно, — он откинулся на спинку каменного кресла. — Начинай, господин мой Оратор! Начинай немедленно!

Первую схватку, в этом никто не мог усомниться, Ранно выиграл.

3

Ранно занял стул свидетеля у столика Оратора и легко и уверенно начал излагать свое видение событий.

— За час до зари туман начал рассеиваться. Рорик, наш командир, послал за мной и сказал, что я должен отправиться с моими людьми в разведку. Он опасался, что кавалерия врага попытается обойти наш левый фланг.

Ослау кивнул.

— Мудрая предосторожность. Но разве ночью равнина на левом фланге не патрулировалась?

— Я этого не знаю.

— А ты не считаешь, что именно в ночные часы охрана флангов особенно необходима?

Ранно холодно глянул на Ослау.

— Я не был командиром, а лишь исполнял приказы.

— Должны ли мы предположить, что тебя послали в разведку именно потому, что не была принята эта элементарная мера предосторожности.

— Ты хочешь рассматривать и целесообразность отданного мне приказа? — возмущенно спросил Ранно.

— Я считаю необходимым представить суду, да и народу, всестороннюю информацию, касающуюся данного дела, с тем чтобы в итоге установить истину. И позволь указать тебе, господин мой

Ранно, что ведение слушаний возложено на меня, а потому я решаю, что нужно рассмотреть, а что — нет!

Так как Ранно молчал, Оратор продолжил.

— Я стараюсь установить, была ли необходимость посылать тебя в разведку, если равнина патрулировалась ночью. Возможно, позже мне придется представить свидетеля, который покажет, что перед битвой были приняты обычные меры предосторожности.

— Мне нечего добавить. Как я уже сказал, я получил приказ. Мне также было велено прибыть к трем принцам, командующим левым флангом, за дополнительными инструкциями.

— И ты к ним прибыл?

— Да. Но виделся только с одним. Остальные двое еще не пришли в себя после ночной пьянки.

— Кого же ты видел?

— Принца Таллимунди. Он сказал мне, что только что получил приказ послать отряд Рорика в атаку по северному склону холма, занятого неприятелем.

— Этот приказ исходил от императора Аттилы?

— Вроде бы да. Но послал его Николан Ильдербурф.

— Посылая его, он действовал по указанию Аттилы?

Последовала пауза.

— Не знаю.

— Ты использовал слова «вроде бы». Этим ты хотел показать, что у Таллимунди возникли сомнения, исходит ли этот приказ от императора?

— Откуда мне знать, о чем он думал.

— Но он распорядился послать отряд Рорика в атаку. Не доказывает ли это отсутствие у него каких-либо сомнений?

— Возможно.

— Тогда мы должны изъять из твоих показаний слова «вроде бы», как не соответствующие действительности.

— Он сказал... — Ранно огляделся, понимая, какой эффект произведет окончание фразы, — что не доверяет Николану. Выразил уверенность в том, что Николану хочется подставить отряд Рорика под удар врага.

— Чем он обосновал столь серьезное обвинение?

Ранно ответил не сразу.

— Он, принц, сказал мне, что вечером он обсуждал с Николаном план атаки. И Николан заявил, что лучше всего атаковать по северному склону.

— В отряде Рорика разделяли это мнение?

— Нет. Мы тоже обсуждали этот вопрос. И решили, что атаковать надо с востока.

Ослау положил перед свидетелем большую карту.

— Здесь изображена территория, занятая левым флангом армии Аттилы в битве при Шалоне. Пожалуйста, взгляни на нее и скажи, все ли тут правильно?

Ранно всмотрелся в карту, кивнул.

— Похоже, что да.

Ослау коснулся карты указательным пальцем.

— Вот передовая линия наших войск. Вот холм, занятый неприятелем. Пунктиром показана линия атаки отряда Рорика. Вот здесь, дальше к востоку, открытая равнина, куда тебе приказали ехать в разведку. Когда ты возвращался из шатра Таллимунди, тебе пришлось пересечь передовую линию наших войск?

— Так оно и было.

— Ты проехал в нескольких ярдах от отряда Рорика?

— Да.

— Ты видел Рорика?

— Нет.

— Тебе не пришло в голову, что он понятия не имеет о приказе, который должен получить от Таллимунди? Ты же не мог не понимать, что, сообщив ты ему об этом, у него было бы время выложить принцу свои аргументы и изменить направление атаки.

— Я получил от принца необходимые указания. И отправился выполнять приказ Рорика.

Оратор возвысил голос, задавая следующий вопрос.

— А ты не подумал, что с получением Рориком приказа об атаке ситуация изменилась?

— В каком смысле?

— Рорик мог решить, что в данной ситуации он не мог посылать в разведку столь много людей. Он мог бы подумать, что ты и твои люди понадобятся ему в этой атаке на холм.

— В армии приказ отдается с тем, чтобы его выполняли незамедлительно.

Последовала долгая пауза. Ослау поднял карту.

— Равнинный участок, на который тебя послали в разведку, имеет двенадцать миль в ширину и шесть в длину. В котором часу ты уехал?

— Около шести. Точнее сказать не могу.

— А когда вернулся?

Ранно замялся.

— Не помню.

— После полудня?

— Да.

— Часа в четыре дня?

— Я же сказал, не помню.

Ослау картинно бросил карту на стол.

— Ты отсутствовал примерно девять часов. Когда ты вернулся, битва уже заканчивалась. А большинство твоих товарищей полегло на склоне холма.

Ранно оперся руками о стол. Его лицо перекосило от ярости.

— Господин мой Ослау! — взревел он. — Кого здесь судят, Николана или меня? Я отвергаю эти гнусные намеки. И далее отказываюсь отвечать на твои вопросы!

Ослау несколько не смутился.

— Ты забываешь, что мой долг — докопаться до правды, допрашивая свидетелей с той и другой стороны, чтобы члены ферма могли вынести справедливый приговор. Я также обязан подводить итог допросу каждого из свидетелей. Так вот, исходя из твоих ответов, я могу заявить следующее: ни один из других командиров отряда Рорика не уехал бы в разведку на равнину, где и слыхом не слыхивали о неприятеле, первоначально не предложив остающимся помощи. Тем более зная, в какую атаку их посылают.

Ты выдвинул обвинение. Николан находится здесь, чтобы ответить на него. Но за долгие годы мне не раз приходилось становиться свидетелем того, как в ходе разбирательства открывались факты, радикально меняющие ход слушаний. Ты должен полностью осознать, что мотивы и действия обвинителя должны быть рассмотрены не менее тщательно, чем мотивы и действия обвиняемого. Роль обвинителя не только трудна но и, случается, опасна. Он имеет право обвинять лишь в том случае, если его репутация абсолютно безупречна.

А потому можно сказать, что суд идет и над тобой. Разница лишь в одном. Для тебя на карту поставлена твоя честь, для Николана — жизнь.

Ранно выиграл первую схватку, но из второй вышел изрядно потрепанным.

4

Ранно вернулся на свое кресло, и сразу стало ясно, что он решил изменить тактику. Ранее он шел напролом, но привело это лишь к тому, что его гордость изрядно потоптали ногами. Более он не пытался вмешиваться в ход процесса. Вместо этого ровным голосом вызывал своих свидетелей и ничем не выдавал своих чувств в ходе их допроса Оратором.

Первым вызвали Раструма, сына Иллелака, сына Горлау, сына Тельфа. Имена его прямых предков перечислялись с тем, чтобы безусловно доказать его принадлежность к народу плоскогорья. Он показал, что день битвы провел рядом с Ранно, и подтвердил все, что говорил тот о действиях своего отряда. Хотя Раструм сопровождал Ранно в шатер Таллимунди, он не слышал разговора своего командира с принцем.

— Ты знал, что отряду Рорика предстоит атаковать холм? — спросил Ослау.

— Да, господин.

— Тебе сказал об этом твой командир?

— Нет, господин. Но мы узнали об этом.

— Не думал ли ты, что вам следует повернуть назад и вместе с остальными принять участие в атаке?

Раструм недоуменно посмотрел на Оратора.

— Повернуть назад? Такого приказа не поступало.

Вторым свидетелем также стал боец из отряда Ранно. Звали его Радгель, сын Сулмена, сына Рашго, сына Сулькана. Он показал, что слышал, как его командир получил приказ от Рорика выехать в разведку. Он сопровождал Ранно к тому месту, где Рорик провел ночь у костра, скрытого плетнем от глаз неприятеля.

Когда Ослау начал допрашивать его, выяснилось, что он сильно путается в деталях. Но за основную часть показаний он стоял насмерть: он слышал, как Рорик приказал Ранно взять своих людей и провести разведку восточной равнины.

Более ценным свидетелем оказался Воллена, отец которого так и остался неизвестным, а потому его всегда звали Альф Воллена. Он показал, что слышал разговор между Николаном и Иваром, когда они приехали к Мацио Роймарку, выполняя приказ Аттилы и подсчитывая количество людей и лошадей, которых могло дать плоскогорье армии гуннов. Николан, по словам Воллены, сказал Ивару, что должен вернуть свои земли, захваченные Ранно, и пойдет на все, чтобы убрать Ранно со своего пути.

— Эти двое мужчин разговаривали наедине?

— Конечно, господин мой Оратор.

— Тихим голосом?

— Да, господин. Они наклонились друг к другу и говорили шепотом.

— И далеко ты был от них?

— Я находился рядом с ними, — он измерил взглядом расстояние до Николана и взмахом руки как бы разделил его пополам. — Примерно на таком расстоянии.

— То есть тебя отделяло от них двадцать футов?

В этот момент Ранно попытался привлечь к себе внимание свидетеля, но Альф Воллена не отрывал глаз от Оратора.

Ослау отошел от Воллены на двадцать футов, подозвал охранника, что-то сказал ему на ухо.

— А теперь, — он повернулся к свидетелю, — повтори, что я сказал ему? И что он мне ответил?

Свидетель не почувствовал подвоха.

— Но, господин Оратор, я ничего не услышал. Да и не мог. Вы же шептались.

— Ты ничего не услышал?

— Нет, господин.

Оратор повернулся к Ранно.

— Я вынужден сообщить суду, что слову этого свидетеля верить нельзя. Он не мог слышать того, о чем рассказал нам сегодня. Его показания не должны учитываться при принятии решения.

Зрители на склонах заулыбались. Как потом узнал Николан, Воллена давно пользовался репутацией лжеца. Ранно допустил промах, выбрав такого свидетеля.

Маловероятно, чтобы кто-то из присутствующих поверил незаконнорожденному сыну служанки. Николан, однако, чувствовал,

что свидетели, бывшие с Ранно в Шалоне, убедили большинство из сидящих на склоне, что Ранно Финнинальдер сказал правду о происшедшем перед битвой. Невнятные ответы Ранно на вопросы Оратора нанесли ему определенный урон, но в Николане по-прежнему видели предателя.

Появление следующего свидетеля столь удивило всех, что на несколько мгновений над склонами повисла тишина, а взгляды присутствующих скрестились на высоком седом старике. Последний раз Николан видел его закованным в цепи, больным и испуганным. То был Микка Медеский.

Когда-то богатейший купец Востока прибыл в тунике из самого дешевого материала. Исчезла тяжелая золотая цепь, которую он всегда носил на шее, на пальцах не осталось ни одного перстня. Щеки его провалились, к стулу, на который садились свидетели, он подошел, хромая.

— Микка Медеский! — воскликнул Ослау. — Давненько мы не видели тебя в наших краях.

Свидетель кивнул.

— Давненько. А теперь видите меня в последний раз. Я возвращаюсь в Дамаск, где я родился и где закроются мои глаза.

— У тебя есть что нам сказать?

— Да, господин мой Оратор. Я могу рассказать вам об отношениях между подсудимым и императором.

— Мы тебя слушаем.

— Император был столь высокого мнения о его способностях, что доверял Николану подготовку приказов о перемещениях армий. Часто советовался с Николаном. Я видел Николана Ильдербурфа, когда тот заезжал в штаб-квартиру императора у горного перевала, через который армия гуннов выходила на равнины Ломбардии. На этот раз приказы писал не Николан. У Атиллы были причины более не доверять ему.

— Откуда тебе это известно? Насколько я понимаю, ты в это время сидел в одном из своих фургонов, закованный в кандалы.

— Это правда. Меня безо всяких на то оснований обвинили в том, что я заплатил некоему Сартаку за убийство императора, и приговорили к смерти. Николан вернулся, выполнив поручение императора и тем самым доказав, что я снабдил Атиллу верной информацией. Потому-то меня и не казнили.

— Ходили упорные слухи, что ты был шпионом императора. Твои слова это подтверждают.

— С чего мне это отрицать? Мои дни сочтены. Да, я продавал ему важные сведения.

— Почему Атила перестал доверять Николану?

— У него возникли подозрения, господин мой, что Николан уже не на его стороне. Он дал императору плохой совет перед битвой при Шалоне.

— Не мог бы ты выразиться яснее?

— Конечно, господин мой. Николан предложил атаковать холм по северному склону. Император последовал его совету, и атака не принесла ничего, кроме колоссальных потерь.

Признание Микки, похоже, стало для Ослау сюрпризом. Насупившись, он какое-то время молчал, возможно, выискивая слабое место в показаниях свидетеля.

— Ты хочешь, чтобы мы поверили, что ты слышал все это, сидя в цепях и ожидая исполнения смертного приговора?

— Император говорил со мной, когда пришел, чтобы сказать, что я помилован. Среди прочего он сообщил мне, что жестоко разочаровался в Николане.

Николана охватило отчаяние. Уж больно ловко старый купец передергивал факты. А уж вытянуть из него правду, при его-то уме, просто не представлялось возможным. Но почему Микка явился на суд?

— В чем заключалось исполненное Николаном поручение, после которого он вернулся в штаб-квартиру императора у горного перевала? — спросил Оратор.

— Его отправляли на римскую территорию найти и переговорить с принцессой Гонорией. Он с этим справился.

— А после этого Аттила послал его с еще более важным заданием. Передать его послание Аэцию. Почему он это сделал, если не доверял Николану?

— Второе поручение было куда опаснее первого. Император полагал, что римляне казнят Николана. В определенном смысле он наказывал своего подчиненного.

— Но ведь именно успех Николана спас тебе жизнь, не так ли?

Микка безразлично махнул рукой.

— Меня освободили от цепей, это так. Но, возможно, смерть стала бы наилучшим выходом. Все мое состояние конфисковали, я теперь нищий. Я возвращаюсь в дом моих предков с пустым кошельком.

— Я достаточно хорошо тебя знаю, чтобы задуматься над вопросом, а какую ты видишь выгоду в том, чтобы забрести в такую даль и дать показания на этом суде? — Ослау помолчал. — Николан, рискуя жизнью, успешно выполнил поручение Аттилы. Этим он вырвал тебя из рук палача. Так зачем являться сюда? Почему ты расплачиваешься с ним, свидетельствуя против него?

Микка воздел руки к небу, губы его разошлись в некоем подобии улыбки.

— Должен ли я сказать, что считаю своим долгом рассказать суду все, что мне известно об этом деле?

— Весь мир знает, что ты лжец из лжецов, Микка Медеский. Я не могу заставить себя поверить ни единому твоему слову.

Но последние слова Оратора не могли поколебать того факта, что версия Ранно получила новое, и весьма серьезное, подтверждение.

По склонам пробежал шумок, когда Николан поднялся и зашагал к стулу свидетеля. Люди вытягивали шеи, чтобы получше рассмотреть его.

— Николан Ильдербурф, — обратился к нему Оратор, — тебя обвиняют в том, что ты ответствен за приказ, получив который отряд Рорика атаковал холм по северному склону и понес страшные потери. Это правда?

— В этом обвинении нет ни грана правды?

— Ты обсуждал направление атаки с принцем Таллимунди?

— Нет. Я ни разу не видел принца Таллимунди.

На лице Ослау отразилось изумление.

— Но занимаемый тобой пост требовал непосредственного общения с военачальниками?

— Господин мой Ослау, при Шалоне Аттила повел в бой полмиллиона человек. Которыми командовали десятки военачальников. Со многими я никогда не встречался, в том числе и с принцем.

— Но как-то вы общались?

— В день битвы, да. Император возложил на меня руководство курьерами.

— Ты участвовал в обсуждении принимаемых решений?

— Только не в том, что привело к атаке по северному склону. Дозволь коротко рассказать, как все произошло.

— Временем тебя никто не ограничивает. Расскажи нам все, что знаешь.

— Когда вечером армия вышла на исходные позиции к назначенному на следующий день сражению, император буквально расвирился, узнав, что на левом фланге неприятель занял господствующую высоту. Он послал трех советников, чтобы разобраться с ситуацией на месте и доложить ему свои предложения. Я был одним из них. По возвращении я высказал мнение, что оставлять холм в руках противника крайне опасно и следует выбить его оттуда атакой по более пологому восточному склону. Я убеждал императора атаковать на заре, до того, как вестготы успеют подготовиться к ее отражению.

— Что ответил император?

— Сказал, что подождет докладов других советников, после чего примет решение. Но он немедленно послал приказ принцам, в котором указал, что холм надо освободить до начала битвы.

— Ты предложил, что в атаку следует послать отряд Рорика?

— Разумеется, нет. Это решение приняли три брата-принца, что командовали левым флангом.

— Что случилось потом?

— Ранним утром император сказал мне, что во время битвы моя задача — руководить курьерами. И послал требование принцам немедленно вышибить готов с холма атакой по восточному склону.

— Им отправили письменный приказ?

Николан покачал головой.

— Во время битвы все приказы передавались устно. Писать их не было времени. После сражения нам сообщили, что принцы не получили этого приказа. Курьера сбросила лошадь, и он сильно расшибся. Первый приказ, об атаке на холм, принцы получили.

— Таллимунди сам принимал решение о направлении атаки?

Николан выдержал короткую паузу.

— Господин мой Оратор, я уверен, что ему посоветовали атаковать холм с севера.

— То есть совет поступил не от тебя? И не от императора?

— Именно так, господин мой.

— Есть ли тому доказательства?

— Один из курьеров, который позднее привез сообщение от принца, стал свидетелем того, как выбор пал на отряд Рорика и почему его направили на северный склон. Он рассказал мне все, что слышал.

— Ты разумеется, понимаешь, что показания с чужих слов не признаются ферма. Они ничем не лучше слухов. Разумеется, если курьер сам выступит перед судом...

— Он здесь, господин мой.

Слова Николана, озвученные глашатаями, вызвали сенсацию. Зрители начали переглядываться, поднялся шум.

Ранно что-то торопливо зашептал члену суда, сидящему справа от него. Замолчал на полуслове, взгляделся, лицо его превратилось в маску, в глазах горела жестокость. Он подозвал одного из своих слуг, сидевших на траве перед его креслом. Тот подошел, выслушал приказ Ранно и ретировался.

— Мы все с интересом слушаем твоего свидетеля. А пока расскажи, что произошло после начала битвы.

— Император лично возглавил атаку по центру, и его войска без труда прорвали оборону аланов. Я получал все донесения, доставляемые курьерами, и, когда ситуация того требовала, переадресовал их, также с курьером, в гущу сражения, где находился император. Одно из первых сообщений, поступивших с левого фланга, гласило, что принц Таллимунди приказал отряду Рорика атаковать холм по северному склону. Я... сначала я не поверил своим ушам. Это была чудовищная ошибка! Атака не только бы захлебнулась. Готы могли перестрелять всех, кто в ней участвовал. Ранее мне доложили, что три принца всю ночь пьянствовали, и я сомневался, что приказ этот — результат ночного дебоша, поскольку Таллимунди не отдавал себе отчета в том, что делает. Но Сомуту, курьер, раскрыл мне глаза.

— Этот Сомуту — твой свидетель?

— Да, господин мой.

— Какие ты принял меры?

— Я послал курьера к Аттиле, чтобы сообщить о допущенной ошибке и с настоятельной просьбой отменить приказ Таллимунди. Потом послал Сомуту обратно к принцу, с требованием отложить атаку до получения ответа императора.

— Какой ответ прислал император?

— Он приказал принцу отменить конную атаку по северному склону и вместо этого послать пехоту по восточному. Но до того, как этот приказ дошел до Таллимунди, отряд Рорика атаковал по северному склону и практически весь полег на нем.

— А теперь давай вернемся в прошлое.

В его голосе появились нотки уверенности, которых Николан не замечал ранее. «Он, похоже, считает, — подумал Николан, — что все складывается лучше, чем он ожидал».

— Я полагаю это важным, — продолжил Ослау, — ибо судьи должны знать, какие мотивы побудили тебя пойти на службу Аттиле. наших мужчин заставили воевать на стороне императора, ты же пришел к нему сам.

— Я пошел к нему потому, что долгие годы был рабом в Риме, — четко ответил Николан.

— Достойный ответ, — кивнул Ослау. — Но, возможно, ты продолжишь и мы услышим более подробное объяснение.

— Хорошо, господин мой Ослау. Но никому из присутствующих не пришлось испытать то, что выпало на мою долю. Удастся ли мне донести до вас, каково жить под пятой этих жестоких и деградирующих людей? Возможно, лучше всего показать вам их отметины на моем теле.

Рывком он сбросил тунику, оставшись голым по пояс. И медленно обошел котловину, чтобы все, кто сидел на склонах, могли увидеть, во что превратили римские плети его спину.

— Я не горжусь теми увечьями, что я получил по милости великого Аэция, — продолжил он, вернувшись к стулу свидетеля. — Поэтому я никогда не раздевался на людях, получив прозвище Всегда-одетый в армии Атиллы. Но сегодня я пришел к выводу, что должен показать судьям и моим соотечественникам, почему меня трясет при мысли о том, что Рим будет вечно править миром.

— Начни рассказ с убийства твоего отца и захвата ваших земель. Все мы слышали об этом, но, боюсь, многие стараются забыть об этой трагедии, списав ее на дела давно минувших дней. Не думай о времени. Не опускай ничего из того, что может помочь нам лучше понять причины твоих действий.

И Николан рассказал свою историю, направляемый точными вопросами Оратора. Он видел, с каким вниманием слушают его собравшиеся. Возможно, ему еще не удалось переломить общее настроение, но во взглядах многих он уже замечал сочувствие. Напоследок он коротко объяснил, почему он не участвовал в последней кампании гуннов, и, наконец, вытащил из-под пояса сложенный лист пергамента и протянул его Оратору.

— Я представляю этот документ в доказательство того, что все, сказанное мною, правда.

При первом взгляде на пергамент в глазах Оратора промелькнуло удивление. Похоже, он сразу понял, какое мощное оружие

попало к нему в руки. Он прочитал документ дважды, затем высоко поднял над головой.

— Это официальный приказ, подписанный императором Аттилой, согласно которому Николану возвращаются земли, ранее принадлежащие его отцу, а в настоящее время удерживаемые родом Финниналидеров.

Пока Оратор произносил эти слова, Николан не отрывал взгляда от Ранно и мог поклясться, что заметил, как в глазах последнего мелькнул страх, хотя лицо и побагровело от ярости. Страх этот, однако, исчез, когда Ранно вскочил с кресла.

— Это уж слишком! — взревел он. — Я пытался сдержаться, слушая этот поток лжи. Но я отказываюсь принимать в качестве доказательства этот... эту очевидную фальшивку!

— Это не фальшивка, — возразил Ослау. — Это подлинный и законный документ, передающий право на владение землями Николану Ильдербурфу, сыну прежнего хозяина. Однако тебе этот документ ничем не грозит. Ибо, и тебе представится возможность в этом убедиться, в документе имеется приписка о том, что он более не имеет юридической силы, — Оратор повернулся к Николану. — Чем обусловлено появление этой приписки?

— Потому что документ дали мне в ожидании того, что я буду служить Аттиле столь же усердно, как и в кампании, окончившейся битвой при Шалоне. Несмотря на то, что говорил вам Микка, император хотел, чтобы я оставался с ним.

— Почему ты отказался служить ему?

— Потому что поверил в учение Господина нашего Иисуса Христа. И более не мог принимать участия в войне, обещающей быть столь же ужасной, что и предыдущая. Я не мог заставить себя направлять войска на безоружных людей.

— Но ты продолжал служить императору?

— У меня не было выбора. Он послал меня в Италию с важным поручением, о котором я уже говорил. Он думал, что я вернусь до того, как войска двинутся на Ломбардию, и к тому времени передумаю. Но буквально после моего отъезда ему стало известно, что римский главнокомандующий не собирается защищать горные перевалы, и он решил немедленно перейти в наступление.

— Он, однако, нашел тебе другую работу?

— Да, мой господин. И вновь у меня не было выбора. Император Аттила исходит из того, что ни один человек не может добровольно покинуть его службу. Он послал меня к римскому главнокомандующему с предупреждением, что он уничтожит все города северной Италии, если Аэций будет выжигать посевы и уводить скот, дабы лишить пропитания армию гуннов. Это было чрезвычайно опасное поручение. Я принял его, не надеясь вернуться живым.

— То есть император не утратил доверия к тебе, в чем пытался убедить нас Микка?

— Нет, господин мой.

— Ты виделся с Миккой после выполнения первого поручения императора в Италии?

— Да. И говорил с ним. Аттила считал, что вина Микки доказана, и держал его в кандалах. А в живых его оставили лишь потому, что продолжалась проверка неких сведений, сообщенных им императору. Император, зная, что он шпион и предатель, не мог что-либо с ним обсуждать, особенно вопросы, касающиеся боевых действий. В этой части показания Микки — чистая ложь. Он все выдумал.

— Но почему он, старый и больной человек, приехал в такую даль, чтобы дать показания? Ему есть за что ненавидеть тебя?

— Нет. Когда я видел его в последний раз, закованным в кандалы в его фургоне, он искренне благодарил меня за успешное выполнение поручения императора. Ибо этим я сохранил ему жизнь.

— У него действительно конфисковали все имущество?

— Ему ничего не оставили. Даже содрали с плеч дорогую одежду.

— Чем ты можешь объяснить его присутствие на суде?

Николан помялся.

— Он сам сказал, что готов на все ради денег. Пожалуй, он не стал бы показывать здесь монеты из своего кошелька. Подозреваю, в нем лежит золото плоскогорья.

5

Николана препроводили в его комнату, где он нашел Ивара. Поскольку чужестранцам не разрешалось присутствовать на слушаниях, бритонец не выходил за дверь. Но он все слышал, а потому на лице его отражалась тревога. Кроме того, он сообщил Николану пренеприятную новость.

— Друг мой Николан, скорее всего, Сомуту не сможет выступить в суде. Он исчез.

— Ты полагаешь, что ему надоело ждать и он уехал домой? — спросил Николан.

Ивар покачал головой.

— Его лошадь в конюшне. Вещи в моем шатре. Нет, его выкрали, чтобы он не смог дать показания. Возможно, даже убили.

Николан сел на кровать, обреченно поник головой, закрыл лицо руками.

— Значит, мои показания никто не подтвердит. Да, Ослау удалось посеять сомнения в правдивости Ранно, даже показать, что он трус. Но хватит ли этого? Боюсь, что нет, — затем, совладав со страхом, поднял голову, убрав руки, посмотрел на Ивара. — Я знал, на что иду, когда ехал сюда. Но, Ивар, друг мой, иначе я поступить не мог, просто не мог.

Ночью прошел дождь, не слишком долгий и сильный, но более чем неприятный для тех, кто решил провести ночь рядом с котловиной. Запасы еды у многих подошли к концу, так что склоны оглашали крики голодных детей.

Но тут с севера донесся дразнящий запах жарящегося мяса. И действительно, на ночь с севера от котловины вырыли большой ров, в котором на огромном костре жарились теперь целые туши бычков и овец. И скоро каждый желающий мог получить миску с увесистым куском жареного мяса. Так что вскоре все забыли и про ночной дождь, и про голод.

— За мясо мы должны благодарить Ранно? — спросил глава одной из семей, уже обглодавший здоровенную кость.

Слуга, разносивший миски, пренебрежительно фыркнул.

— Ранно! Разве вы не знаете, что Ранно уморил голодом своего отца? У Ранно не выпросишь и ломаного гроша.

— Так кто платит за мясо?

— Это, друг мой, подарок дамы. Вдовы Тергесте.

И скоро все, кто сидел на склонах, знали, что накормила их вдова Тергесте, которая более не вдова, а жена британского Самсона, близкого друга Николана. Естественно возникли вопросы, сделала она это, чтобы склонить присутствующих на сторону Николана или по доброте души? Как бы то ни было, настроение у всех поднялось и со склонов то и дело слышались радостные крики.

К семи часам судьи заняли свои места. Минутой позже появился Ослау, с густо исписанным пергаментом в руках. Копии он отдал помощникам с тем, чтобы те немедленно отнесли их глашатаям.

На лице Ослау читалась решительность. Заговорил он лишь после того, как все глашатаи получили копии документа.

— Два часа тому назад, — начал он зачитывать заявление, — пастух, который искал отбившихся от стада коров, заглянул в ущелье Скаур. Ему показалось, что внизу кто-то лежит. Спустившись в ущелье, он обнаружил труп человека, прикрытого плащом. В его спине торчала стрела. В убитом опознали Сомуту, курьера, который должен был выступить свидетелем на этом суде. Этот Сомуту пробыл здесь слишком короткое время, чтобы нажить себе смертельного врага. Он не пьянствовал, ни с кем не ссорился. По отзывам тех, кто его знал, он был веселым и общительным человеком. Жена и дети ждали его в Сарматии. Вывод напрашивается только один, и мой долг сказать вам, что его сознательно убрали с дороги.

Когда глашатаи закончили читать эту часть заявления Ослау, над котловиной повисла тишина. А затем ее сменил негодующий рев. Многие мужчины вскочили, потрясая в воздухе кулаками.

Ослау дождался тишины и продолжил.

— Вчера днем Дальбо, конюха Роймарков, видели в харчевне на юге, в двадцати милях отсюда. Он пьянствовал, а его шапку украшало новое перо. Он хвалился туго набитым кошельком. Дальбо, который вчера отсутствовал, должен был дать достаточно важные показания о том, что произошло в ночь перед битвой. Все мы знаем, что за всю свою жизнь Дальбо не заработал на новое перо для шляпы. Вновь вывод напрашивается один: Дальбо подкупили, чтобы он не мог дать показания в суде.

Зрители отреагировали, как и в первый раз, только взревели еще громче.

— И, наконец, я должен сообщить вам, что мой приказ задержать Микку Медеского для повторного допроса был отменен. Вчера днем он покинул плоскогорье.

Заявление Ослау более всего изумило Николана. После завершения слушаний Оратор не перемолвился с ним ни словом. Спал Николан мало, ворочаясь в постели и гадая об исходе процесса. А когда увидел солнце, подумал: «Возможно, я вижу тебя последний раз». Но более всего Николана печалило другое: он мог не свидеться с Ильдико.

Разумеется, от него не укрылась бурная активность за стенами его комнаты. Приезжали и уезжали люди, до него доносились обрывки разговоров, но он не мог сказать, к чему все это могло привести: к спасению или к смерти? А к нему в комнату никто не заглянул.

Ослау вновь выждал, пока стихнет шум.

— Все вышесказанное есть доказательство того, что кому-то очень хочется скрыть от нас истину. К счастью, наши законы умевут с этим бороться. Мы можем выбрать любой из двух вариантов. Снять с подсудимого все обвинения или отложить слушания, с тем чтобы выяснить, кто мешает восторжествовать справедливости.

Николану показалось, что сидящие на склонах, не все, но большинство, одобрили предложение Ослау. Ибо он привел веские доводы: Сомуту убили, Дальбо и Микку услали прочь. В своем молчании все трое стали его лучшими свидетелями.

Ранно, насупившись, слушал Ослау, а когда тот закончил, тут же поднялся.

— Я не вижу причин принимать любой из твоих вариантов, — заявил он Оратору. — Суду представлены доказательства вины Николана Ильдербурфа. Мы должны продолжить слушания.

Вроде бы народ плоскогорья должен был поддержать Ранно. Но когда глашатаи прокричали его слова, со склонов донеслось громогласное: «Нет! Нет! Нет!»

— Кажется, всем ясно, господин мой Ранно, — Оратор смотрел в его глаза, — что народ с тобой не согласен.

— Бывают случаи, — Ранно посмотрел на судей, — когда жизнь заставляет менять старые законы. Решение принимаю я. Повторяю, слушания необходимо продолжить. Без задержек и перерывов.

Ослау покинул свой столик и подошел к судьям, не спуская глаз с Ранно.

— Изменение наших законов возможно лишь с согласия народа. Если ферма не согласится снять с подсудимого все обвинения или отложить слушания до завершения специального расследования, данной мне властью я поставлю вопрос на всеобщее голосование.

— Очень хорошо, господин Оратор. Члены ферма проголосуют. Результат тебя не устроит, но я не могу пообещать, что дальше все будет, как тебе того хочется, — он поднял руку, как бы говоря своим сторонникам: делай, как я. Хотя солнце впервые выглянуло из-за облаков и согрело зрителей, они этого не заметили, поглощенные разыгрывающейся на их глазах драмой. — На голосование выносится вопрос: продолжать ли нам слушания? Я голосую первым. Да, продолжать.

Необходимость посылать гонцов к глашатаям отпала. Ослау поднял правую руку, показывая, что один голос подан за.

— Кристий, что ты скажешь? — обратился Ранно к судье, что сидел справа от него.

Совсем юный, Кристий густо покраснел, почувствовав, что все смотрят на него. Откашлялся.

— Да, продолжать.

Ранно, собственно, не сомневался в ответе Кристия, как, впрочем, и в своей легкой победе, а потому поднял подряд еще двух молодых судей, которые также поддержали его. Затем очередь дошла до стариков. Если решения молодых и поднятую правую руку Ослау зрители встречали зловещей тишиной, то вскинутая левая рука Оратора вызвала бурю восторга. И остальные трое судей безо всякого колебания ответили «Нет». И всякий раз, когда поднималась левая рука Оратора, со склонов доносился одобрительный рев.

Итак, голоса судей разделились: четыре на четыре.

Ранно по-прежнему верил в успех.

— Решающим станет голос недавнего члена ферма, Хаски, которого выбрали в самый последний момент, чтобы занять место Ильдербурфов. Хаска, как ты проголосуешь?

Николан посмотрел на овцевода, что сидел на самом последнем кресле, и сердце его упало. Что он мог ждать от этого человека? Николан знал, что Ранно самолично ездил к Хаске, чтобы предложить ему место в составе ферма. Наверное, они обо всем договорились заранее.

«Как хорошо, — подумал Николан, — что Ильдико не успела вернуться вовремя. Она не увидит исхода этого процесса».

После короткого колебания Хаска встал, огляделся. Посмотрел на Ранно, затем на Николана.

— Я не знал, что мне предложено место Ильдербурфов. Иначе отказался бы занять его. Мой брат, мой единственный брат, погиб в битве при Шалоне. и, если Николан отдал приказ, пославший его на смерть, я хочу, чтобы он понес должное наказание.

Ранно поощряюще кивнул.

— Но я также убежден и хочу сейчас сказать об этом, что народ — высший судья. Разве мы можем выносить решения, зная, что люди нас в нем не поддерживают? Я должен признаться в своих сомнениях. Разве можно считать вину Николана доказанной, не услышав свидетелей, готовых выступить в его защиту? Возможно, я излишне самоуверен, высказывая такое суждение. Вот я стою перед вами, низкородный овцевод, сын овцевода, окруженный гордыми и знатными лошадиниками плоскогорья. Вы будете сторониться меня, несмотря на эту мантию, словно от меня постоянно пахнет шерстью. Но вот что я хочу сказать, друзья мои, если я найду среди вас таковых, чабан все свободное от сна время проводит под открытым небом, сияет ли на нем солнце или сверкают звезды. Только они и составляют ему компанию. Он многое узнает от матери-природы, и прежде всего она учит его всегда докапываться до истины. Я думаю, другие чабаны не станут возражать, если я выскажусь от нас всех: мы не стали бы убивать солдата, который прошел долгий путь, чтобы дать свидетельские показания. Мы не стали бы наполнять золотом карманы тугодума-конюха, лишь бы он не появлялся на суде. Мы не стали бы нанимать предателя и шпиона, чтобы он явился сюда и лгал под клятвой. Человек, который виновен во всем этом, возможно, приложил руку к тому, чтобы направить отряд Рорика в ту последнюю для большинства всадников атаку. Естественно, мы не можем решать, виновен Николан Ильдербурф или нет, не выяснив, кто пытается скрыть от нас правду.

Он повернулся к Ранно, лицо которого побагровело от ярости.

— Мой ответ — нет!

И тут случилось непредвиденное. Хотя многие попытались выразить свое неудовольствие, склоны взорвались хохотом и хлопаньем в ладоши. И прошло немало времени, прежде чем стих шум.

2

Ослау обнял Николана за плечи и отвел в комнату, которую тот занимал последние дни.

— Будет лучше, если ты побудешь здесь, пока волнение не уляжется. Я думаю, большинство на твоей стороне, но остались и такие, кто по-прежнему винит тебя в смерти их отцов и мужей. Кто-то из них может вонзить кинжал тебе в спину, — он подошел к окну, посмотрел, что творится снаружи.

— Они спускаются вниз. Как я и ожидал, спорят друг с другом. Охране придется потрудиться.

— А где Ранно?

— Там же, где и был. Похоже, он никак не ожидал такого плевка в душу. Подожди, он куда-то исчез. Во всяком случае, я его не вижу.

— А Хаска?

— Наш храбрый овцевод сидит в кресле. Улыбается. Судя по всему, очень доволен собой. Люди о чем-то спорят у его ног.

Ослау вернулся к столу, сел рядом с Николаном.

— Сын мой, ты, несомненно, понимаешь, как тебе повезло.

Николан согласно кивнул.

— Надежд на положительный исход слушаний у меня было мало. Я обязан тебе своей жизнью.

— Остается решить, как быть дальше. Слушания отложены, и теперь передо мной два пути. Я могу заявить, что убийство твоего главного свидетеля лишает суд возможности получить всестороннюю информацию, вследствие чего с тебя следует снять все обвинения. Или я могу немедленно начать расследование обстоятельств убийства Сомуту и подкупа Дальбо и Микки. Для этого придется общим голосованием выбрать специальный комитет.

— Я вернулся добровольно, — ответил Николан. — С одной целью — очиститься от тех лживых слухов, что распускает обо мне Ранно. Заккрытие дела не докажет моей невиновности. Я считаю, слушания необходимо продолжить. Но, — Николан на мгновение задумался, — ранее надобно выполнить два условия. Во-первых, провести тщательное расследование. Во-вторых, общим голосованием выбрать девять членов ферма.

Морщины озабоченности на лице Ослау разгладились. Он улыбнулся подсудимому.

— Именно это я и надеялся от тебя услышать. Это честный и мужественный ответ. Я буду счастлив повторить твои слова на заседании ферма, которое состоится, как только народ успокоится. Но ты должен помнить о непредсказуемости Ранно. Сам видишь, насилие его не останавливает. Так что давай пока подождем.

В дверь постучали, в комнату всунулся Хаска. Подмигнул Николану, поклонился Ослау.

— Входи, — кивнул ему последний.

Хаска вошел походкой победителя. Чувствовалось, что он очень доволен собой.

— Кажется, я поломал планы этого нового Цезаря, — заявил он. — После того, как я проголосовал, он смотрел на меня так, словно вот-вот набросится на меня. Но я не боюсь. Ему вырвут клыки еще до окончания суда.

— Ты поступил честно и бесстрашно, — заметил Оратор.

— Я у тебя в неоплатном долгу, — воскликнул Николан. — Скорее всего, твой голос спас мне жизнь.

Овцевод беспечно махнул рукой.

— Несмотря на то, что говорилось на суде, мне с самого начала было ясно, что доказательств у них нет. Кроме показаний этого земельного вора и труса да его слуг и дружков. О, до суда я был настроен против тебя. Я неделю не мог говорить после того, как узнал о смерти брата. Он обожал лошадей, а я очень любил его, — Хаска посмотрел Николану в глаза. — Я уверен, что не ты общался утром с пьяными принцами.

— Нет. Но я могу сказать тебе, кто это был.

Хаска вскинул руки.

— Нет нужды. Я знаю. И, господин мой Ослау, есть интересные новости. Потому-то я и пришел к тебе. Ранно так просто не сдастся. Он собирает своих сторонников. А вот о новостях он не слышал, пока я не решился раскрыть ему глаза и не сказал, что Рорик, похоже, жив и едет сюда. Лицо его стало белым как зубы гунна. Он рывкнул, что я лгу, но отказался от идеи вооруженного нападения на охрану ферма.

— А что говорят о Рорике? — спросил Ослау.

— Судя по всему, он действительно жив. Мой сосед, он тоже выращивает овец, сказал мне, что Рорик едет в компании друзей. Они уже недалеко. Рорик очень слаб. А память его... — Хаска помахал рукой, — то появляется, то исчезает.

— Это естественно, — кивнул Оратор. — Но, при должной заботе, он быстро поправится. И тогда мы узнаем правду. Значит, сегодня у меня прибавится работ. Я должен вас покинуть.

Едва они остались одни, Хаска повернулся к Николану.

— Я чувствую, что ты хороший человек, Николан. Сегодня я понял, что мне нравится сидеть в кресле великих, так что я хотел бы остаться в ферма. Мы с тобой сможем многого добиться.

— И с Рориком.

Хаска задумался, затем кивнул.

— Разумеется, и с Рориком. Он будет главой рода Роймарков и займет кресло, которое пытался украсть у него Ранно. Но не очень-то рассчитывай на него. Это счастье, что остался жив после такого ранения. Все-таки стрела попала в глаз. Но ты и я, мы сможем стоять плечом к плечу, когда... — он вновь заглянул в глаза Николана, — нам выпадет великий шанс.

«Проницательный парень, — подумал Николан. — Смотрит вперед».

Скоро выяснилось, что овцевод любит поболтать. И его рот, однажды раскрывшись, закрыться уже не мог. Он сел рядом с Николаном, положил ногу на ногу.

— Когда я был маленьким, один из ваших жеребцов налетел на меня сзади и я полетел кубарем. Даже не знаю, как я остался жив. С тех пор я не люблю, когда меня шпыняют из стороны в сторону. Вчера вечером ко мне подошел Ранно и сказал: «Завтра будет нелегкий день. Возможны осложнения. Следи за мной, и я покажу, как тебе голосовать». И когда осложнения-таки возникли, я постарался, чтобы расплачивался за них сам Ранно.

Он громко рассмеялся и хлопнул рукой по колену Николана.

— Мы с тобой сработаемся. А если возникнет необходимость кого-то пошпынять, мы с этим справимся.

Тут донесшийся со склонов гул прервал их разговор. Хаска подскочил к окну, чтобы посмотреть, что же взволновало жителей плоскогорья. Присвистнул и обернулся к Николану.

— Они прибыли! Наверное, были ближе, чем мы думали. Они уже спускаются в котловину на центральной тропе.

Николан присоединился к нему, с гулко бьющимся сердцем. Ильдику, его храбрая и очаровательная возлюбленная, справилась с возложенной на нее отчаянно трудной миссией. Еще секунда, и он увидит ее. Еще несколько минут, и обнимет. Нет, на людях так себя не ведут. Но она будет с ним. Он поднялся на цыпочки, чтобы массивные плечи Хаски не загораживали обзора, но не увидел ничего кроме тропы.

— Сколько их? — спросил он.

— Думаю, восемь.

— Нет, нет! — воскликнул Николан. — Не восемь! Восемь человек уехали за Рориком. Приглядиись повнимательнее, Хаска, друг мой. Их должно быть девять.

Хаска пригляделся и покачал головой.

— Нет, только восемь.

— Значит, слух о том, что Рорик жив, не подтвердился, — Николан печально поник головой. А тут другая мысль, еще более тревожная, пронзила его мозг. — Хаска! Есть ли среди них женщина?

— Если и есть, — ответил овцевод, — то она высокая, ширококостная, и может унести на плечах теленка.

3

Забыв о предупреждении Ослау, Николан выбежал из двери и проложил путь сквозь толпу, заполнившую котловину. Его сразу узнали. Некоторые враждебно хмурились, но в большинстве своем люди улыбались ему и даже хлопали по плечу, когда он протискивался мимо.

Первым ехал командир отряда, высокий всадник, покрытый пылью, с головы до ног. Николан остановил его, когда они достигли дна котловины.

— Сарсан! — воскликнул он. — Где она?

Всаднику явно не хотелось отвечать.

— Они захватили нас врасплох, — он стыдливо отвел глаза.

Николан сразу подумал, что внезапная атака — дело рук Ранно. И тут же высказал такое предположение. Но Сарсан покачал головой.

— Нет, нет, господин мой Николан. На нас напал большой отряд. Человек двадцать, — он наклонился к уху Николана. — Гунны. Конные лучники. Окажи мы сопротивление, они бы утыкали нас стрелами.

Николан потерял дар речи. Он, разумеется, знал, какая опасность грозит Ильдику, но полагал, что противостоять ей придется в достаточно отдаленном будущем. Раз о возвращении Ильдику стало известно столь быстро, значит, предатель объявился в ее семье. И незамедлительно дал знать Аттиле.

Он смотрел на Сарсана, ожидая продолжения.

— Дорога делала резкий поворот и, миновав его, мы увидели их. Они выстроились полукругом, перегородив дорогу. Каждый с луком наизготовку. Попытайся мы броситься на них или повернуть назад, нас засыпали бы стрелами. Их командир держался более чем дружелюбно. Сказал, что им нужна женщина и ничего более. Я спросил, по какому праву, и он ответил: «Приказ владыки земли и моря». Госпожа Ильдико проявила себя с самой лучшей стороны. Прошептала, что одно неосторожное движение с нашей стороны, и нас всех перестреляют как куропаток. Сказала, что мы должны как можно скорее возвращаться с ее братом на плоскогорье. Она просила передать тебе привет, воскликнула: «Прощай, дорогой Рорик», — и на том наши пути разошлись. Гунны сомкнулись вокруг нее и галопом унеслись прочь, — Сарсан чуть не плакал. — Ах, господин мой, какая же она храбрая женщина, а мы не смогли ее спасти!

Шок, лишивший Николана дара речи, сменился черной яростью. Как такое могло случиться? Чего он не предусмотрел? Впрочем, он понимал, что сам-то не смог бы ничего сделать, поскольку, явившись к Ослау, не имел права покинуть плоскогорье до суда. Но раньше-то у него была возможность обеспечить ее безопасность. Если бы он последовал совету Мацио. Если бы сумел убедить Ильдико поехать с Евгенией на север, к Альпам. Тогда она сохранила бы свободу. Почему, почему он не уговорил ее? В том, что произошло самое худшее, виноват только он.

Но еще большая вина лежала на Ранно, который выставил эти абсурдные обвинения. Николан уже не сомневался в том, что именно Ранно сообщил Аттиле о возвращении Ильдико. Но, когда слепая ярость отступила, вернув ему возможность мыслить логически, он понял, что Ранно тут ни при чем, ибо сам хотел жениться на Ильдико. Так кто же предал Ильдико? И тут Николана осенило: Лаудио! Она с детства полагала, что выйдет замуж за Ранно, и известие о том, что он отдает предпочтение ее сестре, стало для нее жестоким ударом. Она могла вернуть Ранно, лишь убрав Ильдико со своей дороги. Потому-то Аттила так скоро узнал о возвращении на плоскогорье золотоволосой красавицы. Как же глубоко ненавидела Лаудио сестру, раз решилась на такое!

— Господин наш Рорик с нами, — услышал он голос Сарсана и поднял голову, пытаясь отогнать страх за Ильдико.

Рорик ехал меж двух всадников, и быстрая езда, судя по всему, вымотала его донельзя. Если бы не черная повязка на выбитом глазу, его бы никто не узнал. Он похудел, побледнел, хороший глаз глубоко запал, щеки провалились. Выглядел он грустным стариком.

— Рорик! — воскликнул Николан, шагнув к давнему другу.

Раненый недоуменно посмотрел на него.

— Кто ты?

— Ты не узнаешь меня? Приглядиись! Рорик, я — Николан, и когда-то мы были близкими друзьями.

Рорик всмотрелся в лицо Николана.

— Николан? Знакомое имя. Николан, Николан, — он помолчал. — Я уже начал вспоминать, но все куда-то ушло.

— Так у него всегда, — заметил Сарсан. — Память то возвращается, то пропадает.

— Он узнал сестру?

— Поначалу нет. Пристально посмотрел на нее, затем улыбнулся. Одними губами. Ее имя ничего ему не сказало, он повторил его несколько раз и покачал головой. И лишь когда она сняла с головы повязку, и он увидел цвет ее волос, его память шевельнулась. «Ильдико!» — воскликнул он. Потом бывали периоды, когда он знал, кто она, но длились они недолго.

— Не свидетельство ли это улучшения его состояния?

Рорик наблюдал и слушал, потирая рукой лоб, словно хотел разогнать туман, окутывающий его память.

— Возвращайся на родину... и подхвати вожжи... которые завтра выпадут из моих рук.

— Рорик, друг мой! — радостно воскликнул Николан. — Ты начинаешь вспоминать! Старайся, старайся изо всех сил! — он повернулся к Сарсану. — То были его последние слова, сказанные мне в ночь перед битвой.

Рорик слабо улыбнулся и кивнул.

— Да... кажется, я вспоминаю. Возможно... возможно...

Но дальнейшими вопросами Николан ничего не добился. С губ Рорика срывалось одно и то же слово: «Нет! Нет! Нет!»

Николан понял, что о выздоровлении Рорика пока говорить не приходится.

— Вы нашли его в землях Виктореха? — спросил он Сарсана и удивился, когда тот покачал головой.

— Сначала мы поехали туда, но там его никто не видел. Мы обыскали все дороги вокруг. И нашли его под деревом. Он лежал, не в силах пошевелиться. Должно быть, давно не ел. К нему нас привели лай собаки да крики ребятишек, бросающих в него камни. После того, как он поел и отдохнул, госпожа Ильдико рассказала ему о сне Мацио. Он ничего не помнит.

Тут к ним присоединился Ослау. Пристально всмотрелся в жалкую фигуру («Рорик, лучший из наших наездников — в седле», — подумал он) и печально покачал головой.

— Он тебя узнал? — спросил Ослау Николана.

— Нет. Но я думаю, память к нему вернется. Он повторил последние слова, что говорил мне перед битвой.

— Рорик! — обратился старик к молодому Роймарку. — Как хорошо, что ты вернулся. Теперь ты сможешь занять должность своего отца.

Рорик, нахмурившись, внимательно выслушал его. Вроде бы хотел что-то спросить. Но лишь вздохнул и поник головой.

Оратор еще долго смотрел на исхудавшее тело и изможденное лицо Рорика. Потом наклонился к Николану.

— Мой господин Рорик вернулся телом, но, к моему огромному сожалению, не душой. Однако, пока остается надежда на его выздоровление, должность, занимаемая Роймарками из поколения в поколение, останется вакантной. Закон трактует эту ситуацию однозначно. Я сделаю заявление, объясню людям сложившуюся ситуацию. Наш молодой друг очень слаб. Я боюсь... короче, его нужно немедленно доставить домой. Возможно, несколько недель отдыха и хорошей еды позволят ему восстановиться физически. А затем, глядишь, к нему вернется и память.

— А как же Ранно?

— Ранно более не быть в составе ферма, — ответил Оратор. — Если только он не получит большинства голосов на общем сходе, который придется собирать, когда станет окончательно ясно, что душевное здоровье Рорика не идет на поправку. Но я сомневаюсь, что ему даже позволят занять кресло, ранее закрепленное за Финнинальдерами.

Николан сообщил ему о похищении Ильдику. Ослау молча слушал его, бледнея с каждым словом. Впервые он показался Николану глубоко стариком, разочарованным и несчастным.

— И это тоже проделки Ранно! — со злостью воскликнул Оратор. — С детства он был эгоистичен, лжив и жесток! — а после паузы добавил. — Ей мы ничем не сможем помочь. Заявить протест Аттиле. Едва ли мы дождемся какого-либо отклика, разве что на наш народ обрушатся новые репрессии.

Внезапно Ослау осознал, что вокруг все молчат. Оглянулся.

— Он идет. Проследи, Николан, чтобы Рорика немедленно отвезли домой. И позаботься о том, чтобы его постоянно охраняли.

4

Жители плоскогорья раздались в стороны, освобождая проход Ранно Финнинальдеру. Николан и Оратор стояли плечом к плечу, ожидая, пока самозванный глава ферма приблизится к ним. Зловещая тишина повисла над котловиной. Взгляды присутствующих скрестились на главных героях.

— Я с ним разберусь, — прошептал Ослау. — Теперь закон на нашей стороне.

Ранно остановился в дюжине шагов.

— Я стою среди друзей. Я знаю, что народ плоскогорья не изменил отношения к этому человеку. Для них он по-прежнему виновен.

Ослау вскинул руку.

— Дальнейшая дискуссия на эту тему беспредметна. Даже если бы судьи не постановили отложить слушания, прибытие Рорика, сына Мацио Роймарка, не позволило бы продолжить процесс. Его необходимо отложить до той поры, пока Рорик не поправится.

Возможно, по этим словам Ранно понял, что состояние Рорика внушает опасения. В его глазах зажглась искорка надежды.

— Почему Рорика здесь нет? Народ плоскогорья желает его видеть. Как вы посмели спрятать его от всех?

— Он еще не полностью оправился от тяжелого ранения. И скакал все утро, так что сейчас нуждается в отдыхе.

Вероятно, в тот момент мысли Ранно занимал не столько Рорик, как Николан, а потому он шагнул к нему и заговорил на латыни, которую мало кто понимал.

— Только такой гордый и самоуверенный болван, как ты, мог явиться сюда. Они бы готовили плаху и точили меч, если бы этот овцевод не наложил в штаны от страха.

— На плаху ляжешь ты, — отвечал Николан, — когда Рорик даст показания.

Ранно отступил на несколько шагов.

— Есть и другой вопрос, который я нахожу более актуальным, чем здоровье сына Мацио Роймарка. Правда ли, что его сестра Ильдико увезена гуннами?

— Правда, — кивнул Ослау.

Ранно, по-прежнему обращаясь к Николану, перешел на родной язык.

— Ты знаешь, что она должна была стать моей женой. При нашем последнем разговоре Мацио подтвердил прежнюю договоренность.

— Мне не известно ни о каких договоренностях! — воскликнул Николан.

Ранно смерил его взглядом.

— Ты узнаешь, что о ней известно всему плоскогорью. Несмотря на это ты не делал секрета из своих намерений самому жениться на ней.

— Мы так решили.

Лицо Ранно полыхнуло гневом.

— Ты пытался украсть обещанную мне невесту. На это я могу ответить только одним. Я вызываю тебя на дуэль кнутов.

Ослау сжал пальцами руку Николана.

— Тщательно выбирай слова для ответа. Сейчас тебе с ним не справиться. Закон позволяет перенести дуэль на несколько недель, дабы тот, кто получил вызов, мог подготовиться к ней.

— Не могу я переносить дуэль, — тихим голосом ответил Николан. — Неужели ты думаешь, что я смогу практиковаться с кнутом, зная, что Ильдико в руках Аттилы?

— Но, сын мой, что ты можешь для нее сделать?

— Возможно, и ничего. Но я должен быть рядом с ней. Чтобы использовать любую возможность прийти ей на помощь.

Николан возвысил голос.

— Я полагаю тебя, Ранно Финнинальдер, ответственным за все беды, что обрушились на семью Роймарков. Я принимаю твой вызов.

— Поскольку на дуэль вызвали тебя, — напомнил Ослау, — твое право назвать время и место.

— Время? — вскричал Николан. — Сегодня. Здесь. Как только будут закончены необходимые приготовления.

— Впервые на моей памяти я нахожу, что полностью с тобой согласен, — последовал ответ Ранно. — Никаких задержек, ни на час, ни на минуту.

ГЛАВА 12

1

Николан сидел в огороженном пространстве с восточной стороны поляны, предназначенной для дуэли. Ему бросили вызов, а потому при первой стычке должно было светить ему в глаза. Собственно, его противник получал очень небольшое преимущество. Просто в первые мгновения от Николана требовалась предельная осмотрительность. Он собирался провести их, прижавшись к лошади, при условии, что Ранно сразу бросится на него.

Обдумывая стратегию поединка, он жадно ел солянку с мясом, принесенную ему заботливым Иваром. За последние дни у него и крошки во рту не было, так что тушеные мясо с капустой пришлись как нельзя кстати.

Бритонец был не в духе.

— Зачем тебе это нужно? — наконец вырвалось у него. — Мне сказали, что дело закрыто и ты свободен. Я как бешеный помчался к жене. Она возликовала. Рядом никого не было, так что мы пели и плясали, как дети. Потом пришло известие о похищении Ильдико. Моя жена впала в отчаяние. «Как хорошо, что Николан свободен, — только и сказала она. — Потому что теперь ты, мой Геркулес, можешь поехать с ним и спасти ее. Если вы не привезете ее назад, мою золотоволосую овечку, лучше не попадитесь мне на глаза».

— Она очень ее любит, — кивнул Николан.

— Я прихожу сюда, — продолжал британец, — и узнаю, что твоя жизнь вновь в опасности. Причем ты сам приложил к этому руку. Он же может тебя убить. Он практиковался с кнутом всю жизнь. Ты думаешь, я один смогу спасти Ильдико?

— Встань на мое место, — ответил Николан. — И когда ты увидел бы, что все наши усилия пошли прахом, что Аттила нашел-таки прекрасную блондинку, которую искал столько лет, что помог ему в этом один, известный тебе человек, как бы ты поступил? Точно так же, как и я, — он посмотрел на запад, где в точно таком же «загончике» находился его соперник. — Душа моя не обретет покоя, пока его толстую тушу не зароят в землю вместе со злым языком.

— Но почему нельзя было оставить наказание на ферме? Неужели ты не мог подождать день, неделю, месяц? Пока к Рорику не вернется память?

— Я готов заменить палача.

— Возможно, — Ивар все еще кипел от негодования, — ты первым уйдешь в мир иной. И какая нам будет радость, если суд отправит Ранно вслед за тобой? — он сел рядом с Николаном, который все еще смотрел на запад. — Ты понимаешь, что Хартагера тебе не видать, как своих ушей? Раз Ильдико увезли гунны, Лаудио стала главой семьи. Она не даст тебе вороного. Потому что любит твоего противника.

— Обойдусь моим верным жеребцом. Жакопол ничуть не хуже лошади Ранно.

— А ты не думал о том, что Лаудио отдаст Хартагера Ранно?

Николан повернулся к своему другу.

— Такая мысль не приходила мне в голову. И потом, король признает не всякого наездника. Скорее всего, он не подпустит к себе эту живую тварь. Он прекрасно разбирается в людях и знает, как пахнут предатели.

После завершения слушания жители плоскогорья все более проникались доверием к Николану. Многие толпились у изгороди, некоторые, в том числе и три молодых члена фермы, решились войти в «загончик», словно надеясь, что их присутствие подбодрит Николана. Троица эта стояла, опустив глаза от стыда и всячески стараясь заглядить свою вину. Двое привели своих лучших скакунов. Третий, Кристий, принес в знак примирения хлыст. Николан опробовал его и кивнул.

— Мне он нравится. Куда лучше моего.

— Он твой, — с жаром воскликнул Кристий. — И я надеюсь, что он принесет тебе удачу.

Пришел и Хаска. Посмотрел на лошадей, покачал головой.

— Я разбираюсь в овцах, а не в лошадях. Но даже мне ясно, что эти для дуэли не годятся. Это твой жеребец?

Николан кивнул. Жакопол стоял у изгороди. Он знал, что их ждет, а потому слишком нервничал, чтобы есть насыпанный перед ним овес.

— Хороший конь, — Николан посмотрел на своего жеребца. — Понимает меня. Реагирует на каждое движение моего колена. Мы с ним как одно целое.

— Нету в нем огня! — воскликнул Хаска. Чувствовалось, что и он тревожится за исход дуэли.

В «загончик» вошел слуга с красным воротником дома Роймарков. Нашел взглядом Николана, направился к нему.

— Она хочет видеть тебя, господин, — прошептал он Николану на ухо.

— Кто? Госпожа Лаудио?

— Да, господин.

— У меня нет времени. Герольд вот-вот возьмется за трубу. Где твоя госпожа?

— Совсем рядом. На опушке.

Лаудио стояла под деревьями в двухстах ярдах от «загончика». Рядом два конюха с трудом удерживали Хартагера. Стар-

шая дочь Роймарков не подняла глаз, когда Николан подошел к ней.

— Я должна признаться, — едва слышно сказала она. — Я предала младшую сестру.

— То есть ты сообщила о ее приезде Аттиле?

Она кивнула.

— Да, послала ему письмо. Но тут же осознала, что я надедала. И внезапно мне стало ясно, что я не испытываю к ней ненависти, — Лаудио едва сдерживала слезы. — Всю жизнь я ревновала к ней. Я была старшей дочерью, но отец отдавал предпочтение ей. Из-за золотых волос. Он ею так гордился. Когда мы ждали приезда Аттилы и мужчины думали лишь о том, как бы спрятать жен и дочерей, он отослал Ильдико в дальние края. И не ударил пальцем о палец, чтобы защитить меня. Я достаточно красива, не так ли, чтобы понравиться императору? Отец же словно этого и не замечал. А когда Ранно, который должен был жениться на мне, захотел взять в жены Ильдико, отец согласился и с этим.

Она подняла голову, и в ее глазах отразилась та буря, что неистовствовала в душе.

— Я сразу могла понять, что это Ранно хочет ее. А она ничем ему не потакала. Наоборот, не хотела иметь с ним ничего общего. Я это поняла, но слишком поздно. У меня нет к ней ненависти, хотя я всегда завидовала ей. А вот его я ненавижу. Он отбросил меня в сторону, словно ненужную тряпку. Да, я ненавижу его всем сердцем, и, раз уж сегодня кто-то из вас должен умереть, я не хочу, чтобы это был ты. Я привела тебе Хартагера.

— Лаудио, как ты великодушна, — только и сказал Николан.

— Великодушна! — она отвернулась. — Великодушие тут ни при чем. Я пытаюсь искупить ужасную вину, что лежит на мне. Если ты останешься живым, то, возможно, сможешь что-то сделать для моей несчастной Ильдико.

Николан подошел к вороному, чтобы успокоить его. Передние ноги вновь коснулись земли.

— О король, — обратился к нему Николан, — ты помнишь, как мы мчались по холмам, — он положил руку на шелковистую гриву. — И сейчас мы отлично поладим!

Хартагер вскинул голову и громко заржал.

— О король, ты, наверное, уже знаешь, что твоей золотоволосой хозяйке, которую мы оба любим, грозит смертельная опасность. Возможно, мы чем-то сможем помочь ей уже сегодня. Это всего лишь первый шаг к ее спасению, но без него никак не обойтись. Мы должны выехать на эту поляну и перехитрить того злого человека, лошадь которого не идет ни в какое сравнение с тобой. Что ты скажешь? Ты готов выйти со мной на бой с этим предателем и его паршивой лошадейкой?

Вновь Хартагер высоко вскинул голову и заржал еще громче. Николан вскочил на него, и они выехали на поляну.

Согласно обычаю, соперники съезжались с разных концов поляны. При этом они лишь поднимали кнуты, приветствуя друг друга, а затем разъезжались вновь, с тем чтобы уже сойтись в смертельном поединке. Но Ранно, в роскошной красной куртке, отделанной черной кожей и расшитой золотом, этим не ограничился. Он резко натянул поводья и всмотрелся в Николана. Его маленькая, изящная кобыла нервно всхрапывала.

— Фортуна повернулась ко мне спиной, — глаза Ранно загорелись мрачным огнем. — Но меня это не остановит. Я намерен вонзить кинжал в твое сердце. И сохраню память о твоём предсмертном вскрике, что бы ни случилось со мной после этого.

— Это желание у нас обоюдное, — ответил ему Николан. — Мой добрый нож также жаждет отведать твоей крови, Ранно Финнинальдер.

Тут они услышали голос герольда.

— Вы не должны разговаривать между собой. Правила это запрещают.

— Он не понимает, как это просто, переступить через правила, — Ранно криво улыбнулся. — Применимы ли ограничения, вводимые теми, кто будет жить дальше, к нам, стоящим на пороге смерти? Я вижу, что одно правило уже нарушено. К твоей выгоде. Ты должен был выехать на дуэль на своем коне, но эта сумасшедшая привела тебе великого Хартагера, — Ранно сердито глянул на черного жеребца, и в его глазах Николан прочитал нескрываемую зависть. — Идиотка! Она притворяется, будто ненавидит меня, а когда ее никто не видит, плачет, что меня нет рядом. Это чудовище ничем тебе не поможет. Моя Барта ему не чета.

— Король не подпустил бы тебя к себе. Видишь, как его передергивает от исходящего от тебя запаха предательства?

— Упрямый болван!

— Лжец и вор!

Труба герольда еще не развела их по разные стороны Поля быстрых копыт. Николан коротко глянул на него, и тут же сработал инстинкт самосохранения. Возможно, ему вспомнились слова Ранно о том, что правила для того и созданы, чтобы нарушать их в критической ситуации. Он упал на круп Хартагера. И впрочем, потому что в следующее мгновение над ним просвистел кнут Ранно, вырвав по пути кусок рукава. Собравшаяся толпа отреагировала неодобрительным ревом, но Ранно и ухом не повел. Он же сказал, что плевать хотел на глупые правила, если на карту ставилась его жизнь. И более всего ему хотелось, чтобы его смертельный враг отправился в лучший мир раньше, чем проследует туда он сам.

Он избрал новый способ атаки, на мгновение повергший зрителей в изумление. Вместо того, чтобы кружить вокруг соперника,

выбирая удачный момент для решающего захвата, он направил кобылу на черного жеребца и его всадника. Дважды его хлыст просвистел над Николаном, на расстоянии ширины ладони. Николан не знал, чем ответить на такую атаку, а потому лишь припадал к телу лошади. Именно Хартагер спас его от неприятностей. Громкий жеребец пятился, поворачивался, отступал с грациозностью танцора, не давая Ранно шанс нанести прицельный удар.

В третий раз кнут Ранно пролетел с куда большим зазором, и Николан понял, что он получил шанс на спасение.

— Вперед! — воскликнул он, и Хартагер рванул с места, вынося Николана из-под кнута Ранно.

Но временный успех не означал, что победа уже за ними. Ранно виртуозно владел кнутом, да и лошадь подчинялась каждой его команде. Так что и ему удавалось держаться вне досягаемости кнута Николана. Они носились по поляне, меняли скорость, кружили друг вокруг друга, имитировали броски. Ни один не мог занять выигрышную позицию.

А потом, совершенно неожиданно, удача улыбнулась Николану. Кобыла чуть замешкалась с поворотом, и на секунду Ранно оказался спиной к Николану. Тот тут же сблизился с Ранно и выбросил вперед кнут. Конец его, как хвост змеи, обвился вокруг шеи Ранно. Николан с силой потащил кнут на себя.

Он так и не понял, как удалось Ранно нанести ответный удар. Но каким-то образом и его кнут обвился вокруг шеи Николана. Буквально через долю секунды после того, как успеха добился Николан. Еще мгновение, и оба соперника распластались на земле.

Зрители застыли. А затем толпа повалила на поле, чтобы поблизи увидеть кровавый финал. Они раньше Николана увидели, какая ему грозит опасность. А потом он и сам заметил, что кинжала за поясом нет. Должно быть, отлетел в сторону при его падении с лошади.

Искать кинжал времени у Николана не было. Ранно тоже заметил, что его противник безоружен. Он выхватил кинжал и победным шагом направился к Николану, предвкушая то мгновение, когда его кинжал вонзится в сердце врага.

Николан с трудом поднялся на ноги. В голове шумело от падения, и он подвернул ногу. В отчаянии он сорвал с себя тунику и обмотал ее вокруг руки. Если б ему удалось отразить первый удар, пальцами свободной руки он бы впился в горло Ранно. Другого шанса у него не было. Его переполняла ненависть к врагу, он радовался возможности сойтись с ним в рукопашном бою. Кинжал Ранно нисколько его не беспокоил. Хотелось одного: добраться до его шеи!

Но рука Провидения, поддерживавшая его во время слушаний, вновь не оставила его, ибо помощь пришла с неожиданной стороны. Он услышал за спиной топот копыт. Хартагер, в отличие от маленькой Барты, не застыл на месте после того, как лишился наездника. Король не считал, что из участника он уже стал зри-

телем. С громким ржанием, перекрывающим шум толпы, с развевающейся гривой, он пролетел мимо Николана. А Ранно, увидев приближающуюся к нему смерть в облике огромного жеребца, отпрянул назад, выставив перед собой кинжал. Но куда там! Разве могла крохотная железка остановить летящую на него махину. Удар копыта пришелся прямо в лицо Ранно. И он распластался на зеленой траве.

Так оборвалась жизнь Ранно Финнинальдера.

ГЛАВА 13

1

Когда неделю спустя Николан, с туго перевязанной ногой, подъезжал к воротам столицы Аттилы, он прежде всего обратил внимание на реющие над ними флаги. И хотя солнце уже скатывалось к горизонту, все площади заполняли радостные, празднично одетые люди с гирляндами цветов в волосах или на шапках.

— С чего такое веселье? — спросил он начальника караула, уже предчувствуя, что услышит в ответ.

— Приказ императора. В честь новобрачной. Он женился час тому назад.

— Император сотню раз справлял свадьбу.

Начальник караула заговорщицки подмигнул Николану.

— Но такой невесты у него никогда не было. Я видел ее столь же близко, как вижу сейчас тебя. Ах, какая красotka! А волосы у нее, что солнце.

Уже на улице Николан повернулся к Ивару.

— Не знаю, что бы я мог сделать, но я надеялся приехать до этой свадьбы. А теперь я даже жалею, что Сартак промахнулся.

— Ты хочешь сказать, что попытался бы убить его? — Ивара аж передернуло. — Если бы тебе это удалось, дурья твоя башка, Ильдико сожгли бы живьем в погребальном костре императора.

Они сразу заметили, что не все женщины гуннов одобряют решение императора, хотя они и вышли на улицы в своих лучших нарядах. Одна из них, пухленькая, с большими черными глазами, заступила дорогу Николану.

— Мой симпатичный всадник, ты такой же, что и эти слепые ослы? Тебе тоже нужна жена с белым, как живот дохлой рыбыны, лицом? — она шлепнула себя по круглой ягодице. — Вот что нужно мужчине. Одними костями сыт не будешь.

Гизо стоял на лестнице, ведущей во дворец, и, увидев Николана, сбежал по ступеням.

— Он прыгает, как молодой козел. И это после удара¹, от которого у него перекошило лицо. После возвращения из Ломбардии

¹ Ныне сказали бы: «после инсульта с парализацией лицевых нервов».

он ни разу не посещал двор королевских жен. Слышал бы ты, что они несут. Будь их воля, они бы прижгли свечами пятки этой желтоволосой женщины... Он справлялся о тебе.

— Император?

— Кто же еще? Возможно, он сумеет повидаться с тобой до начала банкета. Я выясню.

Николан сознавал, что ему следует незамедлительно уехать. Если хоть одно слово о его взаимоотношениях с Ильдикой достигло ушей императора, этот вызов окончился бы казнью. Но он не мог заставить себя развернуть коня и ускакать прочь. Ильдика была здесь, она уже вышла замуж за императора. Он ничем не мог ей помочь, но чувствовал, что должен остаться, даже если за это придется заплатить жизнью. Впрочем, без Ильдики и жить-то не хотелось.

Появился Гизо, кивнул, показывая, что намерения императора не изменились. Втроем они направились к боковой двери. Не успели открыть ее, как навстречу вышел Черный Сайлес, с улыбкой во все тридцать два зуба.

— Император будет гордиться теми блюдами, что я приготовил для него сегодня! — заявил старший повар. — Римские пиры! Фу! Плюю я на них. Такого еще никогда не было. Пятнадцать поваров трудятся, не покладая рук, и я не даю им ни минуты отдыха.

Аттила сидел в темной комнатке, уже одетый к банкету. На нем была золотая туника. Его надушили, напудрили и напмадили, но лицо так и осталось перекошенным, о чем упомянул Гизо. Выглядел Аттила старым, мудрым и совсем больным.

— Ты убил этого предателя! — обратился он к Николану. — Я рад. Теперь мне не придется казнить его. Я и так убил слишком много людей. И ныне мне нужно отдохнуть, посвятить побольше времени моим детям и новой жене. Я решил отложить новую военную кампанию. Храбрые римляне могут не дрожать по крайней мере с год.

Глядя на глубокого старика, в которого превратился Аттила, Николан подумал: «Все кончено. Армию ему более не собрать».

Аттила гордо вскинул голову.

— Но мои шпионы по-прежнему при деле. Несколько дней тому назад мне сообщили, что этот слабак, что зовется императором, готовит заговор, цель которого — устранить Аэция. Он вызовет генерала ко двору, как бы на аудиенцию, где его и убьют прямо перед тронем. Вроде бы храбрый Валентиниан намерен сам вонзить кинжал в сердце Аэция.

Аттила помрачнел.

— Аэция надо предупредить. Я хочу, чтобы он жил. Я никогда не говорил этого раньше, но он сразу же понравился мне, как только появился при дворе моего дяди. Он... — он замялся, в поисках подходящего слова. — Жизнь с ним стала веселее. И я бы не возненавидел его, не начини он смеяться над моими короткими ногами. Его не должны убить до того, как я наголову разобью его

армию на поле брани. Тоголатий, я хочу оказать тебе особую честь, — продолжил Атила. — Ты отправишься в Рим и дашь ему знать о готовящемся заговоре.

— Великий Танджо, позволь сказать пару слов.

— Слушаю тебя.

— Когда твои победоносные армии уничтожали города Италии и Рим дрожал от страха перед тобой, народ требовал отмщения. И начать хотели с меня. Мой господин Аэций опередил их, предоставив мне возможность бежать. Но перед этим заставил меня пообещать, что я более не вернусь к тебе на службу.

Слова эти произвели совсем не ту реакцию, какой ожидал Николаи. Атила не стал повторять, что никто не может уйти с его службы. Вместо этого он раздулся от гордости.

— Видишь? Он по-прежнему боится меня. И всеми способами пытается ослабить мою позицию. Что ж, придется послать кого-то еще, — он по-старчески подмигнул Николану. — Тебя это позабавит, поскольку ты виделся и говорил с принцессой Гонорией. Она вернулась. Восточный принц устал от нее, поэтому ее не выпустили на берег. Корабль прямым ходом отправили в Равенну. Поскольку старуха мертва, принцесса станет открытой дверью, в которую любой сможет войти, не постучав, — он помолчал, а затем добавил. — Ты успел на церемонию моего бракосочетания с госпожой Ильдико, дочерью твоего народа?

— Нет, великий Танджо.

— Тогда не пропусти вечерний банкет. Моя невеста, моя маленькая золотоволосая птичка, будет сидеть рядом со мной на золотом троне. Том самом, на котором ее внесут в Рим, когда я заставлю эту гордую нацию встать на колени у моих ног.

Он повернулся, и Николан с облегчением осознал, что шпионы Аттилы в первый раз дали маху. Они не сумели выяснить, что он и Ильдико знакомы с детства. Многие из тех, кто с волнением наблюдали за исходом суда, знали, что он любит ее, а она отдает ему предпочтение среди других мужчин. Но эта важная информация не достигла ушей посланцев Аттилы, так что император ни о чем не подозревал.

Объяснение Николаи нашел только одно. Гунны знали, что последний акт величайшей трагедии в истории человечества подходит к финалу. Они чувствовали, что Атила тяжело болен, возможно, умирает. И железная дисциплина дала слабину. Люди Аттилы перестали его бояться. Поэтому отряд, посланный за Ильдико, лишь захватил ее и доставил в столицу, не попытавшись разузнать что-либо еще. А потому слух о любви золотоволосой дочери плоскогорья и ее соотечественника, что недавно служил Аттиле, не достиг ушей императора.

Николан мог считать себя счастливым! Узнай Атила хоть малую толику правды, его безжизненное тело уже болталось бы у городских ворот.

С Гизо Николан и Ивар свиделись у входа в обеденный зал, где накрыли столы для свадебного пира. Они забросали слугу вопросами, на которые тот с удовольствием отвечал.

Нет, новую жену императора ни к чему не принуждали. Аттила послал к ней Онегезия. Он сказал ей, что, при ее согласии, она станет последней женой императора (Аттила твердо пообещал более не жениться), у нее будет собственный двор, она будет жить в роскоши, какой не знал мир. Старые законы и обычаи не будут связывать ее, от нее потребуют лишь одного — супружеской верности. Придворных и слуг она будет выбирать сама. У нее даже будут свои деньги, которых с лихвой хватит для содержания двора.

Последовала долгая пауза.

— Она не приняла этих условий, — не выдержав, воскликнул Николан.

— Нет. Она не клюнула на эту золоченую приманку. Но, уверяю вас, в ней не было крючка. Император делал ей честное предложение. А вот когда она ясно дала понять, что взяткой ее не проймешь, Онегезию пришлось искать другие методы убеждения. И он пригрозил, что народу плоскогорья отойдется ее упрямство. Территория будет приравнена к покоренной стране. Во всех семьях станут на постой императорские солдаты. Молодежь заберут в армию, лучших лошадей конфискуют. Людей низведут до положения рабов. Не разрешат ни жениться, ни заводить детей, — Гизо покачал головой. — Владыка земли и небес в случае необходимости не останавливается ни перед чем. Ей прямо сказали, что она и только она сможет спасти свой народ от уничтожения, — он вскинул руки. — Естественно, она сдалась.

— Да, она сдалась, — Николану с трудом удалось скрыть бующий в нем гнев. — Ради своего народа она готова на все. Даже на такое.

— Она прибыла сюда как восточная принцесса, — продолжил Гизо, — в большом крытом фургоне. Никто не видел ее, кроме слуг-греков, посланных Аттилой. По пути, когда ее караван останавливался на ночь, кольцо часовых окружало фургоны, и никто не мог подойти к фургонам ближе чем на триста ярдов, чтобы она могла насладиться вечерним ветерком без боязни быть уиденной. Она спала на мягчайшей постели, ела лучшую еду, пила великолепные вина, охлажденные льдом и снегом с гор. Любое ее желание было бы исполнено в мгновение ока. Но она ничего не хотела.

— Церемония бракосочетания состоялась, как обычно, во Дворе королевских жен? — Николану очень не хотелось задавать все эти вопросы, но как иначе мог он получить интересующие его сведения.

— Нет, нет! На самой большой площади города, забитой до отказа. Он хотел насладиться своим триумфом. Хотел, чтобы все

его подданные увидели ее красоту. На церемонии она появилась, увешанная драгоценными камнями, он настоял на этом, но она затмила их всех. Вы, христиане, рассказываете истории о божьих слугах, которые летают меж небом и землей. Забыл только, как вы их зовете.

— Ангелы?

— Именно так. Выглядела она, что те ангелы. Вернее, как самый прекрасный из них, когда-либо посещавший землю. Только без крыльев.

Николан указал на обеденный зал, куда продолжали прибывать гости.

— И сегодня ее тоже все увидят?

Гизо кивнул.

— В последний раз. После этого она исчезнет с людских глаз. Такова воля императора, да и ее собственная. А теперь, друзья мои, вам лучше поспешить. Иначе вам достанутся места в самом дальнем углу.

Николан колебался. Возможно, ему предоставлялся последний шанс взглянуть на Ильдику, прежде чем она исчезнет за непроницаемым занавесом, укрывающим жен восточных владык. С другой стороны, вдруг боль от одного ее вида, сидящей рядом с императором, окажется непереносимой? Он стоял, раздираемый этими противоречивыми мыслями.

— Пойдем, — прервал затянувшееся молчание Ивар. — Ты никогда не простишь себе, если не войдешь в зал.

— И буду до конца своих дней сожалеть о том, что вошел.

— А чего бы захотела она? — спросил Ивар. — Готов спорить, она будет высматривать тебя по всем углам. И ей будет больно, если она не сможет в последний раз увидеть мужчину, которого любит.

Мимо них в зал прошли два воина-гунна, коротконогие, приземистые, ширококостные. По телу Николана пробежала дрожь.

— Я во всем виноват. Я не принял необходимых мер предосторожности!

— Тебе грозила смертная казнь, — напомнил Ивар. — Ты думаешь, она могла не поехать за Рориком?

— Я навлек на нее все это! — воскликнул Николан. — Она сейчас сидит в зале, и все пожирают ее глазами. Это невыносимо.

Тем не менее, он вошел в зал. Как и предупреждал Гизо, свободные места остались в дальнем углу у самой стены. Император и его новая, последняя жена сидели на возвышении, так, чтобы их могли видеть все гости. Золотой трон Ильдику украшали огромные драгоценные камни.

Ее белое платье перетягивал пурпурный пояс, волосы были схвачены золотой лентой. Драгоценности не бросались в глаза: вероятно, она отказалась надеть большую часть камней, что украшали ее наряд во время свадебной церемонии. Николан, вглядывающийся в ее лицо, отметил отчаяние, стоящее в ее глазах.

И все же она улыбалась и старалась не показывать обуревающих ее чувств.

Аттила пил больше, чем обычно. Его чаша за первые минуты поднималась несколько раз и возвращалась на стол пустой. Николан заметил, как дрожит рука императора.

Зал же являл собой зрелище неопишемое. В гостях не осталось ничего человеческого. Они напоминали хищников, сквозь черную шерсть которых сверкали глаза. Они словно сбежались из чащоб и болот. Сметали еду с блюд, приносимых слугами, пили вино кувшинами. И смотрели, смотрели на золотоволосую богиню, что сидела рядом с их императором, представляя себя на его месте.

Бритонец долго вглядывался в Аттилу.

— Его дни сочтены, — прошептал он на ухо Николану. — Он думает, никто не видит, как он добавляет в вино какой-то порошок. Он уже сделал это дважды. Он пользуется стимуляторами? Он ничего не ест. Посмотри, как неестественно блестят его глаза, — Ивар покачал головой. — Что-то должно случиться, и очень скоро. Я оставляю тебя здесь. А сам пойду посмотрю, где ее намереваются поселить. Гизо говорит, что ее дворец совсем рядом, большой, даже с конюшней. Может, удастся разговорить слуг.

Более получаса Николан сидел в углу один. Ильдико уже потеряла всякую надежду заметить его в мельтешении сотен лиц. Теперь она сидела, опустив голову, не отрывая глаз от тарелки.

Шум внезапно стих, а затем, как по сигналу, в зале установилась полная тишина. Аттила встал. Оглядел своих пьяных гостей и заговорил.

— Я всегда знаю, о чем думают мои подданные. И мне известно, какие мысли сейчас бродят в ваших головах. Многие уверены, что более я не смогу повести вас на битву. Вы слушаете римлян, которые вернулись в свои мраморные дворцы и вновь погрязли в обжорстве, распутстве и горячих банях. Им кажется, что грозное облако опасности исчезло с северного горизонта. Они поют и танцуют и говорят, что их великий папа испугал невежественного императора гуннов. За стенами Византии они облегченно шепчутся об избавлении от варваров. Как они ошибаются! Как ошибаетесь вы, поверившие их глупой болтовне, не заметившие, что в их словах нет и малой толики правды!

Я покорю Рим и поставлю ногу на шею Константинополя до того, как жрецы зажгут священные факелы и поднесут их к моему погребальному костру! Не в следующем году. Мои воины слишком долго были в седле. Они нуждаются в отдыхе, им надо повидаться с женами, посидеть с сыновьями у семейных очагов. Я обещаю миру и всем населяющим его людям двенадцать месяцев тишины и покоя. Пусть они в полной мере воспользуются моим даром. А по прошествии года пусть римские трусы дрожат на своих семи холмах и зывают к своему Богу. Аттила вновь пойдет на них войной. Армии его спустятся с гор и усекут трупами их равнины. Он перей-

дет через Тибр вместе со своей последней женой, и тогда все узнают, кто владыка мира.

Говорят также, что я слишком стар, чтобы жениться вновь, — Аттила отбросил голову и захохотал. — Слушайте меня, жалкие шептуны. Я отвечаю вам всем. У меня будет еще много сыновей и дочерей. И все они будут с волосами цвета солнца!

Аттила помолчал, потом посмотрел на свою новую жену, и лицо его перекошилось в улыбке.

— Брачное ложе ожидает меня, и я оставляю вас, мои храбрые воины. Ешьте и пейте.

Он чуть поклонился гостям, а затем вместе с Ильдиком спустился с возвышения, чтобы пересечь зал и подняться по ступенькам к той его части, что служила Аттиле спальней. Отдернул занавес, пропускавшая вперед Ильдиком, последовал за ней, и занавес отрезал их от остального мира.

Николан остался на том же месте. Куда еще он мог пойти? Не хотелось ни о чем думать, в голову лезли какие-то жуткие мысли. Он сидел среди пьяного веселья, уставившись в никуда. Мотал головой, если ему предлагали выпивку или еду, не отвечал, если к нему обращались. Его не отпускала фраза Аттилы: «И все они будут с волосами цвета солнца».

Наконец, он услышал знакомый голос. Повернулся и увидел Гизо. Смуглое лицо слуги императора побледнело, глаза переполняла паника.

— Пойдем! — прошептал он. — Случилось ужасное.

За стенами дворца стоял такой же шум, как и внутри. На площадь выкатили бочки вина для тех, кого не пригласили на пир. Солдаты уже крепко набрались.

— На Рим! На Рим! — горлопанили они. — Дай нам еще шанс потоптать копытами тела длинноносых!

Ивар ждал их у стены, огораживающей дворец. Вероятно, Гизо уже поделился с ним новостями, поскольку стоял он очень мрачный.

— Несколько минут тому назад я сидел в маленькой комнатке, примыкающей к спальне императора, — начал Гизо. — Когда император ложится спать, я нахожусь там всегда, на случай, что понадобится ему. Я услышал какой-то звук, словно мяукал котенок. Я прислушался и понял, что плачет женщина. Негромко, но с такой печалью. Я догадался, что плакала новая жена.

А теперь я доверю вам тайну, о которой никто не знает. В полу спальни есть люк. И лесенка, ведущая в мою комнатку. Через него я могу тихонько заглянуть, чтобы убедиться, горят ли свечи. Вам же известно, что он боится темноты. Но мне строго велено под страхом смерти не появляться в спальне, если у Аттилы новая жена. Так что я обычно усаживаюсь под люком и жду, пока он меня не позовет. Так я поступил и на этот раз, но услышал лишь

женский плач. Других звуков не было. Ни шагов, ни его шепота. Я решил, что должен рискнуть и посмотреть, не нужен ли я им. Приподнял люк на дюйм, клянусь вам, не больше. Свечи горели, и я увидел новобрачную, забившуюся в угол. Потом Аттилу, лежащего на кровати. Я долго смотрел на него, но он не шевельнулся. Я спросил себя, пьянство ли тому причина? Но понял, что нет. Выпимши, он мечется по кровати, что-то бормочет, стонет, — в глазах верного слуги застыл страх. — Мне думается, Аттила умер!

Николан встрепенулся, вырываясь из омута отчаяния, в который погрузило его бракосочетание императора. Аттила умер! Теперь ситуация менялась решительным образом. Теперь они могли действовать, им развязали руки. У них появился шанс спасти перепуганную новобрачную. Он коротко глянул на Ивара, повернулся к Гизо.

— Кто-то должен тотчас же войти в спальню. Мы обязаны узнать, что с императором.

Гизо мялся. Долгие годы слепого послушания давали себя знать. Он не решался нарушить заведенный порядок.

— Я не уверен, стоит ли так рисковать. Если он спит и мое появление разбудит его, он разъярится как никогда. Не пройдет и минуты, как мою голову отделят от тела. А может, он отдаст меня этим дикарям, — он посмотрел на заполненную пьяными площадью, — чтобы они поступили со мной по своему усмотрению.

— Ты позволишь мне зайти в спальню?

Гизо все еще одолевали сомнения.

— Это такой риск, что я не могу даже подумать об этом, — но тут перед его мысленным взором возникло неподвижное тело императора. — Возможно, ты прав, о Тоголатий. Если он мертв, надо многое сделать, а времени в обрез.

3

Николан последовал за Гизо в маленькую угловую комнату, находящуюся под императорской спальней. Душную, безо всякой обстановки, неприбранную, но отлично освещенную прекрасной серебряной масляной лампой, подвешенной на цепях к потолку, несомненно, попавшей во дворец после одного из походов гуннов в Южную Европу. Крутая деревянная лестнка вела к потолку. Николан снял башмаки, чтобы не шуметь в императорской спальне, но меч и кинжал оставил.

— Сначала подними люк на дюйм, — нервно инструктировал его Гизо. — Если мой хозяин проснется, нам придется расплачиваться жизнью.

Одной рукой Николан приподнял люк, держа другую на рукояти меча, чтобы при необходимости защититься от нападения.

И в королевской спальне света хватало. Его взгляд прошелся по роскошной кровати, задержался не недвижимом теле императора,

наконец, нашел в углу Ильдику. Она сидела на полу, обхватив голову руками, прислонившись спиной к византийской кушетке. Уже не плакала.

Звук поднимающегося люка заставил Ильдику вскинуть голову. Тревога, отразившаяся на ее лице, сменилась изумлением, а потом радостью, когда она узнала Николана. Поднявшись и подобрав юбки, Ильдика поспешила к нему. Николан откинул люк и шагнул ей навстречу.

— Ты! Здесь! — прошептала она. — Как тебе это удалось? — тут она задрожала всем телом. — Они же тебя убьют. Если тебя найдут в этой спальне, ты разделишь мою судьбу. Я-то обречена. Но ты... о тебе они не должны знать.

— Моя смелая птичка! — он взял ее за руки. — Ты должна уйти со мной. У нас мало времени, — Николан бросил взгляд на неподвижное тело. — Он мертв?

— Не знаю, — прошептала Ильдика. — Едва мы зашли сюда, он зашатался. Я попыталась поддержать его, но он рухнул на кровать. Я смогла лишь раз посмотреть на него. Из рта ручьем текла кровь, — теперь она говорила совсем тихо. — Они подумают, что это моя работа! Скажут, что я убила его!

Николан еще сильнее сжал ее руки.

— Мы сумеем вырваться отсюда. Но сначала я должен убедиться, умер ли Аттила.

Он отпустил ее руки и подошел к кровати. С первого взгляда все стало ясно. Аттила лежал на спине, одна рука свешивалась до пола. Лицо и шея были в крови, кровь запачкала и покрывало. Николан коснулся руки императора, холодной, как лед. Сердце великого завоевателя более не билось.

Несмотря на то, что время поджимало, Николан задержался на несколько секунд, не в силах оторвать глаз от человека, который поставил целью покорение мира и едва не добился своего. Но теперь он уже не сможет готовиться к войнам, собирать громадные армии, уничтожать сотни тысяч ни в чем не повинных мирных жителей. Сыгран заключительный акт мрачной драмы, в которую оказался затянутым весь цивилизованный Запад. Огонь, горевший в мозгу этой выдающейся личности, потух.

Означала ли его смерть возвращение Риму тех провинций, что подмял под себя Аттила? Опустится ли железная нога легионов на шею тех народов, которые жаждали свободы? Николан полагал, что этого не произойдет. Аэций, конечно, талантливый полководец, но все же не Цезарь и не Спацион Африканский. Нет, дни великих империй сочтены, сказал себе Николан. Народ плоскогорья сможет добиться независимости и жить согласно своим законам и обычаям. И он, Николан, нужен сейчас там.

Но эти мысли не смогли притупить жалости, поднимающейся в его душе. Такому великому воину более пристало погибнуть на поле брани, в битве при Шалоне или на равнинах Ломбардии, лицом к врагу, со своими воинами за спиной.

Он вернулся к Ильдику.

— Не переодевайся, но найди теплый плащ. Если все обойдется, ночью нам предстоит долгая дорога. Сними украшения и оставь их на столе. Тебя не должны обвинить в том, что ты взяла с собой какие-то ценности. И поторопись, дорога каждая минута.

Она выполнила все и подошла к люку, где ждал ее Николан.

— Неужели это не сон? Меня мучили ужасные мысли, я думала, что все кончено. Николан, ты действительно пришел, чтобы увести меня отсюда? Это не сон? Я больше никогда не увижу этого дворца и этих диких людей?

— Мы попытаемся удрать отсюда, — прошептал он в ответ. — Надеюсь, что нам это удастся. Но даже если нас убьют, смерть эта будет легкой по сравнению с тем, что ожидало бы тебя, останься ты в спальне императора.

Ивар и Гизо, поджидавшие их у лесенки, не находили себе места от волнения.

Сообщив им, что император мертв, Николан повернулся к Гизо.

— Где сейчас его старший сын?

— Император не хотел, чтобы в этот вечер кто-либо напоминал ему о прочих женах и детях. Эллаку приказали оставаться дома. Там он и сидит. Дуется, конечно. Он протестовал против очередной женитьбы отца.

— Далеко его дом?

— В двух минутах ходьбы.

— Мы должны немедленно переговорить с ним, — Николан посмотрел на Ивара. — Ты пообщался со слугами?

Бритонец кивнул.

— К счастью, ей разрешили взять двух служанок из дома Роймарков. Они узнали меня и ничего не скрывали.

— Можно на них положиться?

— Думаю, что да. Все служанки верны своей госпоже. Даже обе гречанки.

— Надеюсь, что Бог даровал им не только верность, но и мужество. Все будет зависеть от них. Отведи Ильдику в ее дом, и через четверть часа, если все пойдет, как задумано, я присоединюсь к вам. Скажи служанкам, чтобы они тепло одели ее и покормили. И пусть приготовят лошадей.

— Ты знаешь ночной пароль? — спросил Николан Гизо, когда они направились к дому Эллака.

— Я слышал его, когда начальник караула докладывал Аттиле обстановку в городе. «Солнечная богиня».

— По этому паролю нас пропустят через ворота?

Гизо задумался.

— Я думаю, у Восточных ворот дежурит Одноглазый. Один из немногих оставшихся ветеранов. Он уже давно утратил бдительность. А поскольку он уже оприходовал отпущенную ему порцию спиртного, то перед его глазом все будет двоиться. Пожалуй, там вы можете попытаться счастья.

— Эллак любил своего отца? — спросил Николан через несколько шагов.

— Эллак никого не любит. А императора он боялся.

— А какие чувства испытывает он к братьям? Правда ли, что все они от разных матерей?

— Да. Дай Эллаку волю, он бы рассадил их по мешкам и бросил в воды великой реки.

— Он честолюбив?

Гизо пренебрежительно фыркнул.

— Он уверен, что станет еще более великим, чем его отец, когда власть перейдет ему в руки. Если бы так оно было на самом деле! Эллак тщеславен и глуп.

— Может, для всего мира это и к лучшему. Но сейчас, ради спасения прекрасной Ильдико, ради того, чтобы спасти собственную шкуру, мы должны убедить Эллака, что императорский трон ждет не дождется его.

4

Эллак отпустил слуг, увидев, что за гости пожаловали к нему.

— Ну? — недружелюбно спросил он. — Что привело вас сюда? Что-нибудь случилось?

— Благородный принц, — выступил вперед Николан, — мы пришли сюда, руководствуясь твоими интересами, чтобы дать тебе дельный совет.

Прямой спиной, длинными ногами, чертами лица Эллак больше напоминал мать, но при пристальном рассмотрении становилось ясным, что глаза у него маленькие и близко посаженные, как у отца, а рот алчный и жестокий. Он подозрительно оглядел Николана и Гизо.

— Вы пришли дать мне совет? Ты, — взгляд на Гизо, — слуга моего отца. И ты, — взгляд на Николана, — беглый раб.

— Вскоре тебе могут понадобиться друзья, принц Эллак. Если ты ценишь свои наследные права.

— Нет нужды напоминать мне о моих правах, — Эллак посмотрел на слугу императора. — Гизо, похоже, Всегда-одетый опасается, что я накажу его, сменив на троне моего отца. Он пытается заранее завоевать мое расположение.

— Мои мотивы в данном случае не столь уж важны, да и нет у нас времени их обсуждать, — вмешался Николан. — Я пришел, чтобы сказать тебе, что в случае смерти твоего отца ты должен действовать без промедления, если хочешь стать полноправным наследником. У тебя есть братья, принц Эллак, каждый из которых захочет потянуть одеяло власти на себя. Более того, у них всех есть родственники и влиятельные сторонники среди приближенных твоего отца.

Эллак шагнул к Николану, всмотрелся в его глаза.

— Я думаю, твой приход не случаен. Что привело тебя ко мне? Говори!

— Великий принц, твой отец умер.

Лицо Эллага полыхнуло румянцем. Глаза сверкнули.

— Умер! — он схватил Николана за плечи. — Был разговор? Его убили? Ты в этом замешан?

— Никакого разговора не было. Императора не убили. Тебе известно, что в последнее время он тяжело болел. Этой ночью болезнь и свела его в могилу.

— Когда он умер?

— Мы нашли его мертвым лишь несколько минут тому назад. Но умер он сразу после того, как покинул гостей.

— Как ты это узнал?

— Гизо слышал женский плач в императорской спальне. Но он получил жесткий приказ не входить к императору, когда тот с женщиной. Я проник в спальню вместо него и нашел императора мертвым на его постели.

— Она была там? Женщина с золотыми волосами?

— Она сидела в углу, дрожа как лист на ветру. Она боялась, что ее обвинят в убийстве императора.

Эллак оскалился.

— Она его убила! — воскликнул он. — Я в этом уверен. И теперь она должна умереть.

— Благородный принц, у тебя есть шанс стать императором, если ты последуешь нашим советам. Но, прежде всего, ты должен сохранять самообладание. Не давай воли чувствам. Новая жена не убивала императора и тебе не придется ее казнить. Это ты должен усвоить раз и навсегда.

— Она еще здесь?

Николан покачал головой.

— Нет. Она уже далеко отсюда, и тебе ее не найти.

— Теперь мне все ясно! — воскликнул Эллак. — Это заговор! И ты в нем участвовал. Может, ты сам положил глаз на эту золотоволосую женщину. Ладно, я с этим еще разберусь, беглый раб и предатель. Ты умрешь вместе с ней.

Николан сумел сохранить хладнокровие. Даже позволил себе улыбнуться, видя нарастающую панику первенца Аттилы.

— Ты можешь меня убить, но тебе это будет стоить трона. Успокойся и позволь мне обрисовать ситуацию, — он прошел к двери и открыл ее, дав ворваться в комнату шуму уличного веселья. — Принц, мне достаточно выйти отсюда и крикнуть во весь голос: «Аттила мертв!» Что произойдет следом? Через несколько минут об этом будет знать весь город, и начнется отчаянная борьба за власть. Против тебя выступят не только твои братья. Некоторые военачальники и советники императора также надеются занять его место. И каковы твои шансы в этой гонке к трону? А теперь давай обсудим другой вариант, — продолжил он. — Покидая пир, твой отец отдал приказ не беспокоить его до полудня. Гизо пообещал,

что до этого часа никто в спальню не войдет. Если ты поставишь у всех дверей часовых, то у тебя будет почти пятнадцать часов, чтобы взять власть в свои руки. За пятнадцать часов ты успеешь собрать всех своих надежных сторонников, стянуть к городу верные тебе войска, захватить сокровищницу и конюшни. Все это ты сможешь сделать до того, как другие узнают о смерти императора.

Рука Эллага упала на рукоять меча.

— Теперь я император. И могу делать все, что пожелаю. И прежде всего я прикажу тебя казнить.

Он вытащил меч из ножен, но Николан был начеку и выхватил свой меч на мгновение раньше. И легко выбил оружие из руки Эллага.

— Я могу убить тебя и пойти к одному из твоих братьев, который примет меня с куда большей теплотой. Только пискни, и я так и сделаю, — ногой он отбросил в сторону меч Эллага. — А теперь решай. Я показал тебе единственный путь к императорскому трону. Если ты готов пройти его до конца, так и скажи. С каждой потерянной минутой твои шансы на успех падают.

Эллак все еще кипел от ярости.

— Чего ты хочешь? Какую потребуешь награду? Откуда мне знать, не пытаешься ли ты подставить меня?

— Я ничего не хочу. И уйду, как только удостоверюсь, что ты будешь действовать как достойный наследник своего отца. Меня ты больше никогда не увидишь.

— Ты берешь с собой золотоволосую женщину?

— Она уже в безопасном месте. Ее ты тоже больше не увидишь.

В наступившей тишине принц сумел совладать с эмоциями, а потому смог адекватно оценить ситуацию. Наблюдая за его лицом, Николан понял, что логика возобладала.

— А что Гизо? — спросил Эллак.

— Всегда помни, что Гизо — лучший друг твоего отца. Он будет верен тебе, если ты станешь императором.

Уходя из дома Эллага (Гизо остался, чтобы помочь ему на первых порах), Николан подумал: «Этот упрямый и злобный дурак обречен на неудачу. Он все напортит, а в итоге лишится головы. Но иначе нам не выиграть времени. А пятнадцати часов нам хватит, чтобы уйти от погони.

5

Одноглазый нетвердой походкой вышел из сторожки. Посмотрел на Николана, возглавлявшего группу всадников.

— А, Всегда-одетый, — покивал начальник караула. — Куда это ты направился... в такой-то час?

— Я женился и везу жену домой.

— Женился? — Одноглазый потер единственный глаз. — Великий Танджо женился сегодня. И ты тоже? Это эпидемия?

— Верный подданный обязан следовать примеру своего правителя.

— Это твоя жена? — Одноглазый шагнул к Ильдико, одетой в теплый плащ, с капюшоном на голове. — Молодая, однако. И такая маленькая.

— Разумеется, она молодая и маленькая. Или ты думал, что я остановлю свой выбор на толстой вдове с бедрами, широкими как седло?

— Говорят, жена императора прекрасна, как... как птичка.

— Моя жена, Одноглазый, красотой не уступает жене императора.

Одноглазый хохотнул.

— А я вот провел день в компании еще более прекрасной госпожи. Имя ей — бочка доброго вина. Вот это настоящая подруга для мужчины, — он покачнулся. — Что-то тут не так. Только не знаю что.

— У нас все в полном порядке, мой храбрый Одноглазый.

— Да. Что-то не так. Я, правда, забыл... ан нет, вспомнил! Пароль. Ты не сказал мне пароль.

— Пароль — «Солнечная богиня».

— Солнечная богиня, — заплетающимся языком повторил Одноглазый. — Я... думаю... возможно. Проезжай, Всегда-одетый.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Хочу отметить, что в «Гуннах» я старался придерживаться фактов, что донесла до нас история, о жизни и смерти великого завоевателя, императора гуннов Атилы. Читателя, возможно, интересует, а что же произошло после смерти человека, известного как Бич Божий.

Атилу сожгли на огромном костре, после чего между его сыновьями и военачальниками началась жестокая борьба за власть. Эллак потерпел поражение, и его убили на берегах Нетада в Паннонии. Другой сын Атилы, Денгизих, сумел на несколько лет удержать под своим началом часть империи, протянувшуюся вдоль Дуная. Но постепенно многие провинции и государства, захваченные Атилой, вышли из-под власти гуннов.

Через год после отступления армии Атилы император Валентиниан убил Аэция, прибывшего к нему во дворец на аудиенцию. Украшенный драгоценными камнями кинжал, никогда не покидавший ножен ради того, чтобы защитить Рим, вонзился в грудь победителя в битве при Шалоне. А годом позже другие заговорщики убили трусливого Валентиниана. Последовавшая за этим борьба за власть способствовала взятию Рима вандалами под предводительством Гензириха.

Принцесса Гонория вернулась в Италию, где ее скоро выдали замуж и она исчезла со страниц истории.

Что же касается вымышленных персонажей романа, то сказать о них можно совсем мало. Микка Медеский умер если не в нищете, то уж и не богатым купцом. Веселая и радушная госпожа из Тергесте не могла нарадоваться на своего четвертого мужа. Хартагер наплодил много черных жеребят, но ни один из них не смог сравняться с ним в скорости и выносливости. Автор полагает, что здоровье Рорика так и не восстановилось, а потому Николану и Ильдику пришлось возглавить борьбу за независимость народа плоскогорья. И жили они долго и счастливо, в любви и согласии.

СОДЕРЖАНИЕ

Книга первая	3
Книга вторая	133
Книга третья	177
Вместо эпилога	302

Томас Б. Костейн

ГУННЫ

Редактор
И. Шурыгина

Художественный редактор
И. Сайко

Технический редактор
Н. Привезенцева

Корректор
В. Антонова

ЛР № 030129 от 23.10.96 г.
Подписано в печать 25.12.96.
Уч.-изд. л. 22,68. Цена 19 000 р.
Цена для членов клуба 17 400 р.

Издательский центр «ТЕРРА».
113184, Москва, Озерковская наб., 18/1, а/я 27.

Оригинал-макет подготовлен ТОО «Макет».
141700, Московская обл., г. Долгопрудный,
ул. Первомайская, 21.

*Книги издательства «ТЕРРА»
можно купить в магазинах по адресу:*

113399, Москва, ул. Мартеновская, 9/13,
«ТЕРРА»—книжный клуб» № 1.
Тел. 304-57-98, 304-61-13

113216, Москва, б-р Дмитрия Донского, 14 б,
«ТЕРРА»—книжный клуб» № 2.
Тел. 712-34-54

123022, Москва, ул. Красная Пресня, 29,
«ТЕРРА»—книжный клуб» № 3.
Тел. 252-03-50

129110, Москва, пр. Мира, 79, стр. 1,
«ТЕРРА»—книжный клуб» № 4.
Тел. 281-81-01

или заказать по адресу:

109033, Москва, а/я 66.

ТАЙНЫ

Книга Т. Б. Костейна «Гунны» рассказывает о жизни и смерти Атиллы — вождя гуннского союза племен в 434—453 годах, который в период правления Атиллы достиг наивысшего могущества. Основываясь на исторических фактах, автор создает широкомасштабное историческое полотно, посвященное великим завоеваниям гуннов, правдиво и ярко рисует образы мужественного и беспощадного Атиллы, прозванного Бич Божий, его возлюбленной принцессы Гонории, мудрого и храброго диктатора Рима Аэция, вероломного императора Валентиниана и многих других выдающихся людей, живших в кровавую эпоху нашествия гуннов.

ИСТОРИИ

в романах, повестях и документах